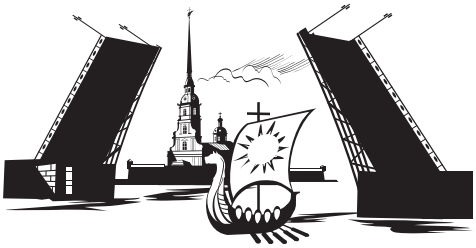
Родная Ладога

№ 3(21)' 2012

**КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ**

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Зам. главного редактора
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Шеф-редактор
электронной версии журнала
Николай СТАНКЕВИЧ

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России;

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России;

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга;

ЗАО «Утро»;

ООО «Издательский дом
«Родная Ладога»

Зарегистрировано УФС по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Северо-Западному Федеральному округу ПИ № ФС-2-8531

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов); ***Агафонов Николай, протоиерей*** (Самара); ***Громов А. В.*** (Самара); ***Денисов Н. В.*** (Тюмень); ***Казин А. Л.*** (Санкт-Петербург); ***Коняев Н. М.*** (Санкт-Петербург); ***Корольков А. А.*** (Санкт-Петербург); ***Корытин С. Н.*** (Санкт-Петербург); ***Орлов Б. А.*** (Санкт-Петербург); ***Попов Г. А.*** (Орел); ***Сдобняков В. В.*** (Нижний Новгород); ***Семёнов В. Е.*** (Санкт-Петербург); ***Смолькин И. А.*** (Псков); ***Швечиков А. Н.*** (Санкт-Петербург); ***Ясенев В. А.*** (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БАКЛАНОВ Андрей Глебович (Москва) — начальник Управления международных связей аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Заместитель председателя Совета ассоциации российских дипломатов.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРАМАРЕВ Аркадий Григорьевич (Санкт-Петербург) — помошник председателя постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына, зав. отд. поэзии журнала «Новый мир».

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

МИХЕЕВ Валерий Леонидович (Санкт-Петербург) — начальник Государственной морской академии им. адмирала С. О. Макарова.

МОЛЧАНОВ Андрей Юрьевич (Санкт-Петербург) — доктор экономических наук, председатель Комитета по делам СНГ Совета Федерации РФ.

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — княгиня, вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

СОДЕРЖАНИЕ

История и современность

Сергей Перевезенцев. Вера и народ. Уроки Смуты. *К 400-летию освобождения Москвы от поляков и окончания Смутного времени* 5
Елена Рудая. «Русский вопрос» как фактор международной безопасности 80
Евгений Титков. Крест Святителя гонимой Церкви. *К 145-летию со дня рождения Патриарха Сергия* 130

Доспехи

Протоиерей Александр Соколов. Сражение народного ополчения и казаков за Москву и Московский Кремль. *К 400-летию освобождения Москвы от поляков и окончания Смутного времени* 10

Памятослов

Александр Сегень. Последний год жизни Кутузова. *К 200-летию Бородинского сражения* 25
Михаил Ножкин. Патриарх Алексей Михайлович 144
Виктор Калугин. Духовник трех императоров 161
Иржи Опршал. «Ижо навсегда остался с нами...» 270

Проза

Анатолий Парпара. Бегство. *К 200-летию Бородинского сражения* 30
Александр Казин. Александровский парк. *Повесть-воспоминание* 274

Поэзия

Владимир Молчанов 36
Ярослав Кауров 86
Елена Шаляпина 126
Валентина Коростелёва 201

На рубеже цивилизаций

Евгений Примаков. Мир, в котором находится Россия 40
Владимир Греков. «Очерки арабской смуты» 54

Стратегия

Леонид Савин. Будущее многополярное мироустройство. *К вопросу деконструкции терминологии* 74
Николай Бурляев. Религия экранного терроризма или кинематограф созидающего духа? 123

Мировоззрение

Игорь Андрушкевич. Русские государственные начала 89
Никита Михалков. Дыхание нашего Отечества 118

Великая провинция

Алексей Кондратенко. Державный хозяин Земли Русской. Николай II и Орловская губерния 97

Искусство

Юрий Лощиц. Портрет. *200 лет со дня рождения И. А. Гончарова (1812–2012)* ... 105
Илья Глазунов. Образ великого поэта ... 206
Екатерина Скоробогачева. Портреты Александра I и Наполеона эпохи войны 1812 года ... 210

Наследие

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы ... 169

Лествица

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов). Дерзай дщерь! Вера твоя спасла тебя (Мф. 9:22). *Богословские, историко-социальные, психофизиологические аспекты служения женщин в Церкви* ... 176

Вехи

Духовно значимая книга. *О книге архиепископа Константина (Горянова) «И познаете истину».* **Александр Корольков** ... 189

Духовные беседы

Иеромонах Кирилл (Зинковский). Наследие преподобного Серафима Саровского как современный фактор обеспечения национальной безопасности ... 192

Наша идеология

Игумен Филипп (Перцев). Крестный ход русской культуры. *К 200-летию со дня рождения преподобного Амвросия, старца Оптинского* ... 203

Критика, литературоведение

Николай Переяслов. «Защитники Отечества — поэты!» ... 222
Владимир Крупин. «...Что надо поднимать на высоту внимания». *О книге архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые»* ... 246
Татьяна Криницкая. Созданная действительность. *К 55-летию писателя Валерия Сдобнякова* ... 257

Пути познания

Лариса Беленчук. Воспитательное значение исторического прошлого в историософии отечественных мыслителей середины XIX века ... 229

Вопросы творчества

Протоиерей Владимир Чугунов. Положительный герой в контексте классической и современной русской литературы ... 240

Петербургский писатель

Валентина Ефимовская. Что такое любовь. *О новой книге прозаика Михаила Зарубина «Долгая дорога к маме»* ... 249
Ирэна Сергеева. «Со мною только те, кто молятся». *О творчестве поэта о. Сергия Григорьянца* ... 265

Сергей ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ

ВЕРА И НАРОД. УРОКИ СМУТЫ

К 400-летию освобождения Москвы от поляков и окончания Смутного времени

Сергей Вячеславович Перевезенцев — доктор исторических наук, сопредседатель Союза писателей России, автор многочисленных книг и публикаций по истории России и Русской Православной Церкви, профессор философского факультета МГУ. **Живет в Москве**.

Вообще, история — это не только факты, и далеко не только факты. Наверное, самое главное, история — это уроки для потомков. Собственно, здесь и происходит соединение истории и современности. Для чего мы и изучаем историю — чтобы извлечь какие-то уроки и понять, как же нам двигаться в будущем.

Смутное время дало нам разнообразные уроки: и о причинах Смуты, и о людях — о поступках людей, как себя вести в Смуту. Главные, важнейшие, на мой взгляд, уроки — это уроки выхода из Смуты, т. е. как Россия смогла преодолеть Смуту, что помогло России выйти из этого страшного периода. Когда казалось, что все потеряно. Когда на престоле почти воцарился польский королевич. Когда поляки отказались подписывать с русским тогдашним правительством договор о сохранении Православия в России (о том, что польский королевич должен принять Православие и жениться только на русской православной царевне) и фактически начали войну, чтобы превратить Россию в католическое государство и изринуть Православие из России. Казалось, потеряно все. Пик этого состояния — 1610–1611 гг. И вдруг через год все поворачивается в другую сторону, и Россия спасается. До этого 10 лет страшной Смуты, начиная с голода 1601–1603 гг.

Итак, урок первый. Прежде всего Смута воспринималась народом русским как Божие наказание за грехи — это прослеживается абсолютно по всем документам Смуты. Следовательно, когда искали выхода из Смуты, то главными способами спасения России от разорения считали два: 1) возвращение в сердца людей страха Божия; 2) всеобщее покаяние. Два главных способа, которыми народ русский мыслил себе спасение России. Но не только мыслил, но и делал.

Плакат периода Великой Отечественной войны

В начале Смуты, при Лжедмитрии, был свергнут с престола первый русский Патриарх Иов и заточен в Спасском Угличском монастыре. Есть версия, что после того, как Василий Шуйский уже воцарился на Царском престоле, Иову было предложено вернуться на Патриарший престол, но он отказался, поскольку был болен (через год он умрет). И был избран Гермоген. Так вот, зимой 1607 г. Патриарх Гермоген призвал престарелого первого Патриарха Иова и они вместе в Москве провели службу «о прощении всех грехов России и русского народа». Это был очень серьезный акт — первый церковно-государственный акт начала того самого всеобщего покаяния, которое рассматривалось как главный способ выхода из Смуты.

Но дело в том, что народ русский сам, без «приказа» или «распоряжения сверху», начал стремиться к духовному очищению. Особенно ярко проявился этот процесс в практике видения знамений — небывалое по своей массовости явление, которое произошло в Смутное время. Никогда такого раньше не было в истории России. По подсчетам современного исследователя Бориса Кузнецова, с конца XVI по начало XVII в. в различных источниках зафиксированы сообщения о 80 знамениях и 45 эпизодах, содержащих 78 оригинальных рассказов о видениях.

Это, подчеркиваю, письменно зафиксированные знамения и видения. При этом видения, несомненно, играли стабилизирующую роль в обществе (это очень важный момент), ибо чаще всего Высшие Силы, являющиеся тем или иным людям, хотя и требовали от народа покаяния, но и обещали свою поддержку в спасении России. И интересно, что видения начинаются с 1606 г. и продолжаются по 1613 г. — в самые тяжелые, Смутные времена.

Исследователи делят видения (с рациональной точки зрения) на видения, так сказать, местного и общегосударственного значения. Но, в самом

деле, было несколько видений, которые сыграли огромную роль. Причем они охватывали собой все самые значимые события Смуты: и осаду Москвы Болотниковым, и осаду Москвы Тушинским вором — Лжедмитрием, и осадное сидение в Троице-Сергиевом монастыре, и польскую интервенцию, и ополчение, и освобождение Москвы. И все они были зафиксированы в литературных памятниках.

Из наиболее ярких произведений, зафиксировавших видения, стали «Повесть о видении некоему мужу духовному» (это в Москве было видение, после чего по распоряжению Церкви и царя Шуйского был установлен всеобщий пост всероссийский), «Повесть о чудесном видении в Нижнем Новгороде» с примыкающим к нему «Владимирским видением» и, наконец, цикл видений в Троице-Сергиевом монастыре. Этот цикл нашел отражение в «Сказании» Авраамия Палицына, где насчитывается 18 рассказов об оригинальных видениях.

Вот один, может быть, наиболее важный эпизод. Это «нижегородское видение». Оно было явлено благочестивому человеку, Григорию. Ночью, пребывая в храме в тонком сне, Григорий узрел, как купол храма вдруг раскрылся на четыре стороны и с небес, озаренный великим светом, в человеческом образе сошел Господь, сопровождаемый неким человеком в белых ризах. Расположившись на груди (в источнике написано, «на персех») Григория, Спаситель произнес свои заповедания. Прежде всего Господь заповедал установить во всем Российском Государстве строжайший трехдневный пост, причем умерших во время поста Он обещал принять в Царство Небесное, даже детей. Следующее заповедание — это построение храма в Москве. Кроме того, в этот храм нужно было перенести из Владимира икону Владимирской Божией Матери, поставить перед иконой незажженную свечу и положить «неписанный», т. е. чистый лист бумаги. Согласно видению Спаситель утверждал, что в нужный день свеча возгорится от огня Небесного, и на бумаге чудесным образом появится имя будущего русского Царя, угодного Богу (как в источнике сказано: «по сердцу Моему»). Если же воля Божия не будет исполнена, то все Российское государство будет жестоко наказано. Столь же жестоко будут наказаны нижегородцы, если они не сообщат о заповеданиях Господа, данных Григорию, по всей России («воздвигну бурю и волны из реки Волги, и потоплю суда с хлебом и солью, и поломаю деревья и храмы…», так было сказано в видении).

Если проанализировать текст, то видно, что видение носит яркий оптимистический характер: Господь дарует Свои знамения для того, чтобы укрепить в русских людях веру и показать им Свою милость.

Важно и то, что «нижегородскому видению» волей Господа придается общерусское значение, причем в данном случае Господь обращается напрямую к русскому народу, а не к правителям. И по сути дела, «нижегородское видение» свидетельствует о том, что русский народ волею Самого Господа призывался к подвигу самоустроения: очистившись от грехов, русский народ должен был освободить Москву и избрать себе Царя, имя которого будет названо Господом.

И Россия услышала этот призыв. Уже летом 1611 г. видение записывается, появляется «Повесть о чудесном видении в Нижнем Новгороде», и затем, осенью 1611 — зимой 1612 г., грамоты с текстом «Повести» рассылаются по всей стране.

Списки грамоты уже точно найдены, известны в Перми, Вологде, Устюге, Ярославле, Ростове, а также в городах Сибири, вплоть до Тобольска (до которого, кстати, Смута не дошла — поляков там не было). Появился текст «Повести» и в войсках, стоявших под Москвой, в частности в полках 1-го ополчения под руководством Прокопия Ляпунова. И «нижегородское видение» стало прямым катализатором активных народных действий. Везде, где о нем получали известия, устанавливался строжайший трехдневный пост. Причем, что очень важно, пост устанавливался по инициативе самих горожан, без вмешательства каких-либо властей.

Таким образом, всенародный очистительный пост стал непосредственной реакцией на «нижегородское видение». И этот всенародный пост показывает степень раскаяния в грехах, став выражением всероссийского покаяния, столь давно ожидаемого на Руси.

Именно всеобщее и искреннее покаяние рассматривалось в начале XVII в. как главный способ спасения России от разорения. Следовательно, весь русский народ воспринял сообщение о чудесном видении в Нижнем Новгороде как непосредственное руководство к действию и доказал свое стремление к нравственному очищению. И таких примеров было очень много.

Итак, народ стремился сам духовно очиститься. Это очень важно.

Урок второй. Кто мог возглавить народ в Смуту? Авторитет имевшихся царей и многообразных претендентов на престол к началу XVII в. очень упал. Никто из них, ни Борис Годунов, ни Василий Шуйский, не говоря уже о Лжедмитрии I, не отвечал русскому православному представлению о Царе — каким должен быть Царь. Между прочим, в то, что Лжедмитрий — это воскресший Царевич, верили, искренне верили. Больно последние годы правления Годунова были страшными, и, вообще, главной причиной Смуты считалось убиение Царевича, т. е. Господь наложил за это убиение наказание на народ русский в виде Смуты.

Лжедмитрия обвиняли в том, что он деньги на поляков тратил; огромные деньги отсылал в Польшу. Правительство Шуйского опубликовало его переписку с папой римским, с королем Польским, но наибольшее отрицательное воздействие на русский народ Лжедмитрий произвел всего лишь одним деянием: он женился на полячке Марине Мнишек. Марина отказалась принять Православие, и они отказались после свадьбы от Причастия. Вот это стало самым главным катализатором свержения Лжедмитрия (8 мая состоялась свадьба, а 17 мая Лжедмитрия уже свергли). Авторитет царский падал, а в 1610 г., казалось, уже полное падение — междуцарствие. Польскому королевичу была принесена присяга и послан договор. Поляки отказались подписывать этот договор, и вот в этих условиях единственным авторитетом осталась Церковь — единственным во всей стране. И прежде всего, конечно же, Патриарх Гермоген.

Именно Патриарх разрешил русский народ от присяги польскому королевичу. Из Москвы были разосланы специальные грамоты об этом. Это очень важный момент. То есть это как бы давало законные основания для восстания против поляков. Именно Святейший Патриарх Гермоген, когда поляки подходили к городу (входили в город), благословил ополчение, благословил на то, чтобы народ поднялся. Для русского человека благословение означает самое важное, т. е. это Божие благословение «на труды своя». Были и знаменитые записки, письма, грамотки Гермогена, которые

рассылались по России. Правда, грамоты 1-го ополчения не найдены, но интересно, что в отрядах, когда приговоры делались по сбору народа на ополчение, то везде в первую очередь говорили: «по благословению Патриарха». Это было очень важно.

Но более того. Дело в том, что в этот момент Церковь, именно Церковь и только Церковь стала идейным и организационным центром по собиранию народа на подвиг самоустроения. Церковь помогала средствами. А местные иерархи — это первые адресаты в посланиях из отрядов ополчений. То есть именно к ним обращались как к главным руководителям государства. И, конечно же, благословение на ратный подвиг преподобного Иринарха русскому воинству из 2-го ополчения.

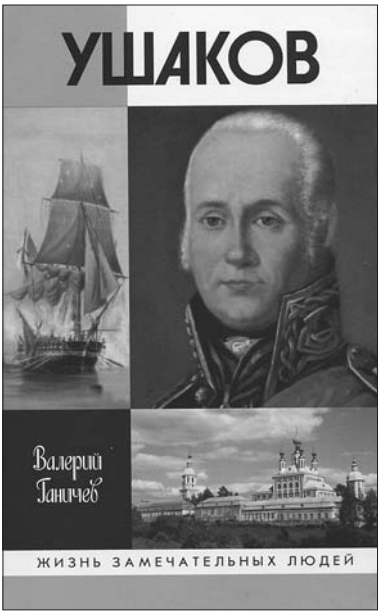
Урок третий. Укрепившись духовно и церковно, русский народ сам поднялся на спасение Всей Земли. И 1-е, и 2-е ополчения — результат народного творчества. Не случайно в 1611–1612 гг., по сути, главным государственным органом становятся Советы Всей Земли. Это было и в 1-м ополчении, и во 2-м. Народ управлял собой сам и сам себя спасал в отсутствие государственной власти. Именно народ выдвинул из своих рядов народных героев: Прокопия Ляпунова, Кузьму Минина. Народ нашел князя Димитрия Пожарского.

Итак, главный вывод из уроков Смуты. Укрепившийся духовно, предавшись покаянию, под водительством Церкви, русский народ сам поднялся на подвиг самоустроения и спас Россию. Наши предки сделать это смогли. Сможем ли мы?

Вышла книга

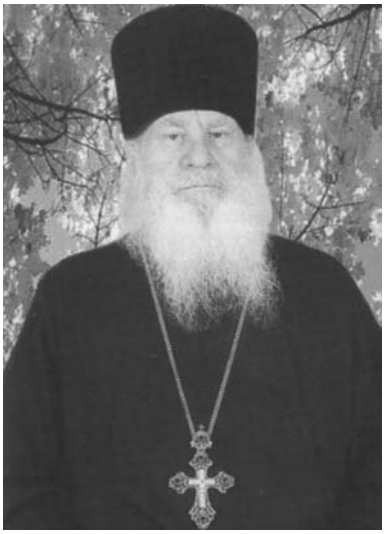
Ганичев В. Н.

Святой праведный Феодор Ушаков / Валерий Ганичев. — 5-е изд. — М.: Молодая гвардия, 2010. — 558 с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1269).

Федор Федорович Ушаков был самый выдающийся русский военно-морской начальник за всю историю отечественного флота. Нет сомнения, что все сорок кампаний, которые он завершил, были победоносны по Промыслу Божию.

Книга рассказывает о земном пути, замечательной деятельности и прославлении святого праведного Феодора Ушакова, адмирала, основоположника маневренной тактики парусного флота, сторонника суворовских принципов обучения и воспитания военных моряков. Основана на редких архивных материалах.

Протоиерей Александр СОКОЛОВ

СРАЖЕНИЕ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ И КАЗАКОВ ЗА МОСКВУ И МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ

К 400-летию освобождения Москвы от поляков и окончания Смутного времени

Гетман Ходкевич был талантливым полководцем и обладал великим упорством. Именно ему было поручено руководить осадой Смоленска. Он осаждал и Псково-Печерский монастырь. К сражению под Москвой гетман готовился заранее, собирая лучшие воинские силы. В Польше Ходкевич почитался как национальный герой и примерный католик. Его отряды подкреплялись черкасами во главе с казацким атаманом Александром Зборовским (†1621). Заодно с ним действовали в Кремле три тысячи поляков и литовцев под началом Николая Струся и сапегинского полковника Иосифа Будиллы. Всего в войсках захватчиков под Москвою и в самой столице насчитывалось до пятнадцати тысяч человек.

Мало кто мог заснуть в ту ночь, накануне решающего сражения. В лагере ополченцев от костра к костру переходили священники, благословляя воинство. Рать готовилась к сражению как к делу, освященному свыше[1].

22 августа (1 сентября), в субботу, на рассвете отряды Ходкевича переправились через Москву-реку, к Новодевичьему монастырю. Гетман

[1] *Шамшурин В. А.* Кузьма Минин. Дмитрий Пожарский. С. 161.

Александр Николаевич Соколов — митрофорный протоиерей Сретенского храма **г. Балахны Нижегородской области.** Родился 19 июня 1926 года в деревне Самарино Городецкого уезда Нижегородской губернии. Суровые испытания на долю подростка выпали в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Отец, Николай Васильевич, пройдя фронтовыми дорогами с первых дней войны, погиб в Германии в апреле 1945 года. Мама, Ефросиния Федоровна, младшие сестры и брат погибли во время блокады Ленинграда 1941—1943 годах.

рассчитывал нанести свой главный удар у Чертольских ворот, как и предполагал Пожарский.

Сражение началось на рассвете. Оно продолжалось до восьми часов вечера. Один из очевидцев вспоминал, что это был смертельный бой. «Там происходила великая резня, большой напор с обеих сторон, обычно один на другого наваливался свирепо, направляя копья свои и поражая смертельно, в воздухе свистели стрелы, ломались копья, густо падали мертвые». Имея численное превосходство в силах, Ходкевич решил ударом отборной конницы сломить сопротивление воинства Пожарского и соединиться с кремлевским гарнизоном. И как только поляки двинулись на ополченцев, со стен Кремля грянули пушки, подавая знак Ходкевичу — гарнизон готов к вылазке.

Навстречу польской коннице князь Пожарский выдвинул свой конный отряд. Таким образом, начало сражения происходило где-то в районе между Новодевичьим монастырем и Деревянным городом. Несколько часов шла битва, и конца ей не было. Около двух часов дня гетман Ходкевич ввел в бой пехоту. В сражение втянулись все вооруженные силы с обеих сторон. Противник потеснил отряды Пожарского к Земляному валу. Тогда князь приказал русской коннице спешиться, и ополченцы начали биться с врагом врукопашную. На втором этапе сражения Ходкевич нанес сильный удар по левому крылу русских войск, смяв их, прижав к берегу Москвы-реки. С обеих сторон бой вела пехота.

Наступал критический час сражения. Полковник Струсь у стен Белого города решил нанести удар с тыла, из Кремля, по Чертольским воротам, чтобы соединиться с войсками гетмана Ходкевича. Тем временем князь Трубецкой, имея около пятисот ратников, выделенных ему Пожарским для защиты Чертольских ворот, в бездействии продолжал стоять за рекою, в районе Крымского двора, не оказывая никакой помощи[1]. Историк Василий Татищев пишет, что казаки смотрели из-за реки, смеялись и поносили Пожарского.

По слову летописца «Повести о победах Московского государства», Косма Минин, видя это бездействие и даже ненависть русских людей из боярского войска князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого и вооружившись силой ума, решил действовать сам. Он стал ездить по берегу Москвы-реки, со слезами взывая к тем, кто не желал помочь ополченцам:

«О братья, христианский народ! Видите великую помощь Божию православному и Богом собранному воинству и победы над врагами и разорителями Православной веры и святых церквей, над поляками. А вы, бездействуя, какую честь себе получите и какую славу обретете, единоверным помочь не желая и Божиему делу послужить, а вражде-злобе служа? Ныне ведь от единоверных отлучаетесь! Впредь к кому за защитой обратитесь и от кого помощи дождетесь, презрев эту помощь Божию православным христианам против врагов Московского государства?»

Многие еще слова произнес Минин, взывая к ратникам и казакам, стоявшим в войске Дмитрия Трубецкого, и зажег в них яркую свечу желания помочь своим: не выдержав, самовольно, без приказа ратники устремились к переправе и присоединились к ополченцам — против Струся. За ними

[1] Ныне это территория Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького.

ринулись люди из казаков, крикнув Трубецкому: «Для чего не помогаешь погибающим? Из-за вашей (воеводской) нелюбви только пагуба творится и Государству, и ратным!»

Без команды и разрешения Трубецкого из его войска двинулись через реку, на подмогу Пожарскому, четыре казацкие сотни атаманов Филата Межакова, Афанасия Коломны, Дружины Романова, Макария Козлова. В ожесточенный бой бросился и отряд костромичей во главе с Федором Ремнем. С такой поддержкой удар конных сотен Пожарского во фланг противнику решил исход сражения.

Нападение поляков из Кремля было отбито с большими для них потерями, причем не только убитыми, но и утратой полковых знамен. Неудачно закончилась вражеская вылазка и в районе Водяных ворот[1]. В последующие дни осажденные уже не решались на боевые вылазки.

Существует предание, что в битве около стен Кремля, у Каменного моста, погиб смертью героя племянник Космы Минина — богатырь Фотин Сремкин, которому было двадцать три года. Минин в сражении *всегда* воодушевлял его. Когда Сремкин пал, Минин подошел к нему, перекрестил его и промолвил: «Благо тебе, потому что ты умер за веру Православную».

Сражение 22 августа закончилось для Ходкевича поражением, и он вынужден был отступить. Однако, несмотря на потери, гетман не оставлял намерения вновь прорваться в Кремль, чтобы оказать помощь гарнизону Струся. Ходкевич произвел перестановку сил. Сконцентрировав войско у Донского монастыря, он решил вести наступление на Кремль из Замоскворечья. Ночью, с 22 на 23 августа, шестьсот гайдуков с небольшим обозом с помощью изменника Григория Орлова двинулись вдоль Москвы-реки, в глубь Замоскворечья. Они миновали казачьи караулы Трубецкого, вышли к Георгиевской церкви, которая располагалась напротив Кремля. Гайдуки захватили острожек и небольшую территорию в Яндове, выбив оттуда врасплох застигнутых казаков Трубецкого. Князь Трубецкой не предпринял никаких противодействий к происшедшему, и это походило на предательство. Гетман Ходкевич едва не дошел до Кремля.

Пожарский разгадал замысел Ходкевича и произвел собственную перегруппировку сил. Отряды Дмитриева и Пожарского-Лопаты были передвинуты к берегу Москвы-реки, за Калужские ворота. Оставались стоять отряды у Петровских, Тверских и Никитских ворот. Главные силы ополчения Дмитрий Михайлович Пожарский расположил на левом берегу реки в районе Остоженки, около церкви Святого Илии Пророка Обыденного. Сам князь Пожарский — с пехотой, конницей и двумя пушками (одна треть ополчения) — встал на правом берегу Москвы-реки, в Замоскворечье, чтобы оказаться на пути вероятного наступления войск Ходкевича на Кремль. Отборные конные отряды ополченцев были выдвинуты вперед, за Земляной вал, в их задачу входило принять на себя первый удар воинства Ходкевича. На Земляном валу были установлены пушки ополчения. Часть войск также была выставлена впереди Земляного вала. Казаки Трубецкого заняли Климентовский острожек (теперь Пятницкая улица).

---

[1] В древности это были ворота в Тайницкой башне, именовавшиеся Тайницкими, или Водяными, так как вели к реке. См.: *Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В.* Топонимия Москвы. М.: Наука, 1982. С. 97.

День 23 августа (2 сентября) 1612 года прошел в подготовке обеих сторон к решительной схватке. Поляки двинулись в бой после полудня, но им не удалось закончить сражение до наступления темноты. Гетман расположил свои обозы с продовольствием у церкви Святой великомученицы Екатерины.

На рассвете 24 августа (3 сентября)[1] гетман Ходкевич перешел в наступление. Основные силы он сосредоточил на левом фланге, чтобы нанести удар по войскам Пожарского, прикрывавшим правый берег реки. Имея численное превосходство, польский гетман пустил в ход свою конницу, ударив по конному отряду Дмитрия Пожарского. Конные сотни Пожарского-Лопаты и Туренина, перемещенные за реку, бились с налетевшими ротами польской шляхты, но не могли сдерживать их натиск. Значение исхода сражения было слишком велико, и, не рассчитывая на казаков Трубецкого, Пожарский бросил в бой, на правый берег реки, свои основные силы. Гетман Ходкевич этого и добивался. Для него было легче биться с ополченцами, скученными в одном месте, и вести открытый бой. Трубецкой же почти не оказал сопротивления вражеской пехоте Граевского. Переправившись на левый берег реки и встав неподалеку от церкви Святого Никиты, казаки спокойно наблюдали за ходом битвы.

После многочасового боя ополчение не выдержало мощного натиска польских рот и попятилось к Крымскому броду. Ливонская пехота, конница атамана Зборовского, казаки атамана Ширая, полк Невяровского все более теснили ополченские отряды, и они в беспорядке бежали к реке. Князь Пожарский со своей конницей прилагал все усилия, чтобы задержать врага, но силы оказались неравными. Его оттеснили к переправе, и князь решил перебраться за реку на левый берег, спасая поредевшие полки. Сам Пожарский был ранен (в третий раз).

Поляки продолжали наступать с двух сторон — от Серпуховских ворот (направляясь далее по Большой Ордынке) и со стороны Кремля, где находились войска Струся. Преградой им по пути в глубь Замоскворечья стал казацкий острожек — Климентовский, у католического собора Святого Климента. Поначалу, после непродолжительной схватки, поляки захватили острожек, выбив из него казаков, которые укрылись в канавах, бурьянах и рвах. Гетман, видя путь свободным, ввел в этот район обозы с продовольствием. Когда более четырехсот груженых повозок двинулись к Кремлю, казаки, укрывшиеся подле острожка, пробрались к голове обоза и открыли стрельбу. Им удалось ворваться в острожек и снова занять его. Однако продержаться долго они не смогли, не получив никакого подкрепления. Поляки повторно захватили острожек и окружили его пехотой. Дорога для продвижения вражеского обоза была открыта. До Кремля оставалось 1800 метров.

На данный момент боя многие из ратников ополчения пришли в смятение. Всякое дальнейшее промедление могло стать судьбоносным для Отечества. Повторный захват поляками Климентовского острожка произвел гнетущее впечатление на ополченцев и казаков, а также на местное население. Пожарский, не имея возможности сесть на коня по случаю ранения, принял решение: немедленно послать своих дворян для переговоров к казакам Трубецкого, чтобы объединиться для совместных действий.

---

[1] В XVII веке разница между новым и старым стилем была 10 дней.

На переговоры отправился и келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын. Делегация от Пожарского встретила казаков недалеко от Климентовского острожка, и старец-монах с увещеваниями и слезами на глазах начал переговоры, первым делом поблагодарив казаков за то, что те первыми начали борьбу с захватчиками. Растроганные его речью, казаки воодушевились и обещали, что станут биться до победы, прося монаха Авраамия отправиться еще и в казачьи таборы, за поддержкой им.

После этого ратники Пожарского и казаки Трубецкого начали действия единым фронтом. Их совместной контратакой противник был отброшен и зажат со всех сторон. Сражение, длительное и упорное, стоило противникам сотен жертв. (Архимандрит Дионисий, с его собственных слов, погребал в Климентовском острожке с братом Симоном около 660 человек русских.) По словам летописца, в боях участвовали не только воины, но и местное население, включая женщин и детей. Так велико было стремление ополченцев и жителей Москвы не допустить в Кремль обозы — подкрепление польскому гарнизону.

Климентовский острожек был вновь отбит у поляков. Бросив половину возов с провиантом, поляки в беспорядке отступили. Гетман Ходкевич опять не смог пробиться в Кремль. Но, потерпев неудачу в этом, он вскоре нанес удар по русской пехоте, которая с двумя пушками защищала полуразрушенный земляной вал Деревянного города. Имея численное превосходство, поляки захватили значительную часть Земляного города[1], заставив Пожарского отойти к Москве-реке. Дальше им продвинуться не удалось. Русская пехота залегла в окопы, ямы и другие естественные укрытия с твердым намерением не пропустить врага. Наступила пауза. В Москве не стало слышно выстрелов. Однако исход битвы еще не был решен. Воспользовавшись замешательством противника, Минин и Пожарский создали ударный «кулак», большей частью из ополченцев, не участвовавших в бою в тот день, и выдвинули его в район северного Замоскворечья.

Авраамий Палицын убедил казаков поддержать готовившийся контрудар. Умная речь Авраамия повлияла на казаков, и большинство из них потребовали от Трубецкого переправить войска в Замоскворечье. По словам летописца, казаки заявили: «Пойдем и не воротимся назад, пока не истребим врагов вконец»[2]. Сам Трубецкой, получивший титул боярина от Тушинского вора, не очень желал действовать заодно со стольником Пожарским. Томаш Бохун, польский исследователь, в статье «Сто повозок Ходкевича» (Родина. 2005. № 11. С. 71) пишет, что Пожарский имел 14 000 ополченцев и казаков против 3300 гетманского войска и 7000 казаков, входивших в войска Ходкевича. Он подчеркивал этим, что Пожарский имел численное превосходство, и русские воевали в основном только с русскими, а не с поляками и литовцами. Однако более точные подсчеты говорят, что численность поляков была значительно больше. Среди тех, кто командовал хоругвями (ротами) у Ходкевича, назы-

---

[1] В древности полоса укрепления Земляного города проходила по линии современного Садового кольца Москвы. Земляным (одновременно Деревянным) город назывался потому, что одна его важная составная часть была земляной — вал вдоль рва, а другая — деревянной: вдоль всего земляного вала была сооружена деревянная стена. Вначале название Земляной город относилось только к самой крепостной стене, к линии укреплений, состоявшей из стены, вала и рва. См.: *Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В.* Указ. соч. С. 20.

[2] ПСРЛ. Т. XIV. С. 125.

Минин и Пожарский — освободители Москвы.
Из книги С. Рождественского «Отечественная история». 1899 год

ваются имена: Самуэль Волжович, Альбрыхт Радзивилл, Бжегож Хлебович, Януш Кишка, Станислав Конецпольский, Николай Корф. Кроме прочих в войсках Ходкевича были две татарские роты. В войсках поляков находились и русские изменники, но не в том количестве, как утверждают некие толкователи тогдашних событий. Один из польских очевидцев этого, мозырский хорунжий Иосиф Будилла, вел свой дневник. Он прибыл к Тушинскому вору Лжедмитрию II в 1607 году. Закончил свое пребывание в России сидением в Кремле и затем в Нижегородском кремле. Дневник его односторонен по своему изложению. В нем враждебные чувства пострадавшего захватчика сливаются с гонором гордого шляхтича. По польской версии битва за Кремль с утра до вечера 24 августа (3 сентября) в дневнике Иосифа Будиллы происходила в таком порядке:

«Того же года 3-го сентября гетман, одушевленный великой заботливостью об осажденных, напрягал все свои силы, чтобы выручить их. Он сдвинул весь свой обоз и, хотя его войско было небольшое, но он должен был разделить его на две части, потому что и у русских было две армии: одна — Пожарского, наступавшая на гетмана из своего лагеря, а другая Трубецкого, нападавшая на него из своего табора. Одна часть войска гетмана, обратившись к Пожарскому, долго билась с ним, наконец, сломала русских, вогнала в реку и овладела полем битвы. Удалившись за реку, русские опустили руки и смотрели, скоро ли гетман введет в крепость продовольствие. Другая часть войска гетмана делала тоже свое дело. Идя подле обоза, она гнала русских с поля битвы. Когда гетманский табор

пришел в Деревянный город, где при рвах засела часть русской пехоты с двумя орудиями, то наши сильно стали стрелять в нее. Гетман, видя, что нельзя так взять ее, приказал половине конницы спешиться и вместе с пехотой кинуться на нее с ручным оружием. Когда казаки и пехота, хорошо приготовившись, храбро кинулась на русских с саблями, то русские стрельцы, видя храбрость наших и не имея возможности сдержать их, стали разбегаться. Наши рубили их, кого из них застали (на месте). Далее, так как нашим мешал еще один городок, гетман послал Граевского с пехотой взять его; Зборовский по своей охоте тоже привел туда казаков, и наши взяли этот городок и вырубили в нем русских; но так как они отошли от него, не оставив в нем людей для защиты, то русские, как только это увидали, сейчас же пришли и заняли его своими людьми. После этого трудного дела гетман рад бы птицей перелететь в крепость с продовольствием, но так как ему мешали поделанные русскими частые рвы, ямы и печи, то наши войска стали отдыхать, приказав купцам ровнять рвы. Между тем русские, выбив силой из таборов всех своих, кто только был в таборах, и, спешив конницу в садах на пожарище, всею силою стали налегать на табор гетмана. Гетман, как человек чрезвычайно храбрый, не убоялся их и долго с ними перестреливался; затем, видя беду, принимая также во внимание, что у него мало людей, что многие ранены и изнурены, так как сражались с неприятелем целый день, приказал обозу потихоньку отступать назад, сам с войском сдерживал русских больше часу, пока обозы не вышли на открытое место, куда гетман вывел и своих людей. Русские дальше своих ям не вышли; они там торжествовали свою победу, а гетман расположился лагерем опять на том же месте, т. е. у Пречистой Донской»[1].

День 24 августа клонился к вечеру, начинало темнеть, но перелома в какую-либо сторону не было. В шатер Дмитрия Михайловича Пожарского, расположенный на Остоженке, около церкви Святого Илии Пророка, вошел Минин. Он понимал исключительность наступившего момента.

По слову историка, Косма Минин, как гений-хранитель Отечества, не теряя самообладания и воли, воодушевлял полки бескорыстной любовью к Родине[2]. Его отвага зажигала других. В боях Минин появлялся в наиболее опасных местах и руководил сражением. «Неискусен воинским стремлением, но смел дерзновением в бою», — охарактеризовал его летописец.

Косма видел, что гетман растратил свои резервы, а в районе Крымского двора у противника имеется лишь небольшой заслон. Обратившись к Пожарскому, Минин потребовал у него ратных людей, чтобы нанести удар по врагу. «Бери, кого хочешь», — отвечал Пожарский. Едва казаки заняли позиции в Замоскворечье, русские ополченцы перешли в решительное наступление. Сигналом к наступлению послужила стремительная атака во главе с Мининым. Произошло это следующим образом. После тяжелого боя и поляки нуждались в отдыхе, они сидели у разведенных костров. Свежего резерва, как уже говорилось выше, у гетмана не было. Минин, получив от

---

[1] Действия НГУАК. Т. XI. С. 496.

[2] *Устрялов Н. Г.* Русская история до 1855 года. В 2-х ч. Петрозаводск, 1997. С. 305.

Пожарского три сотни воинов-дворян и отряд ротмистра Павла Хмелевского, скрытно, под покровом наступавшей темноты, переправился через Москва-реку, напротив Крымского двора. Призвав на помощь преподобного Сергия, сходу, с криками «Сергиев, Сергиев!», стремительно ударил по двум гетманским ротам. Внезапность нападения и смелость русских ратников во главе с Мининым решили исход дня и всего сражения. Противник, не успевая оказать сопротивления, бросился бежать. Косма Минин был ранен, и его вынесли на руках с поля боя.

Воспользовавшись замешательством врага, русская пехота и спешившиеся конники во главе с Пожарским вышли из укрытий и нанесли удар по левому флангу, главной группировке Ходкевича. На правый фланг поляков начали наступление казаки Трубецкого. Продовольственный обоз, стоявший на Ордынке, был окружен, его охрана перебита. Гетман, потеряв убитыми около пятисот человек, а также весь обоз с провиантом, вывел свои войска из района Земляного вала. Пожарский стал преследовать отступавшие войска Ходкевича. Растеряв артиллерию, литовский гетман бежал с остатками войска к Донскому монастырю, где они напрасно простояли всю ночь, не покидая седел.

Таким образом, третья попытка Ходкевича прорваться в Кремль была успешно отбита ратниками во главе с Мининым. Видя, что осажденные поляки уже не могут оказать ему помощи, гетман на рассвете 25 августа отошел к Воробьевым горам, а затем через Можайск удалился к литовской границе. Поляки, находившиеся в Кремле, с ужасом наблюдали уход войск Ходкевича, которому не удалось более вернуться в Москву. Впоследствии гетман успешно сражался против турок, затем в одном из боев был ранен и умер в замке польского города Хотин, расположенного на Днестре. (Точнее было бы сказать древнерусского города, так как в XII—XIII веках город Хотин находился в составе Галицко-Волынского княжества, которое являлось окраиной Руси. В XIV веке Хотин попал под власть Литвы, затем Польши).

После отхода Ходкевича, покинувшего Москву, нужно было принимать меры к скорейшему освобождению Кремля от поляков, но опять пошли несогласия между казаками Трубецкого и ополчением Пожарского. Обнаружились те, кто противился этому. Это Иоанн Шереметев, князь Григорий Шаховской, Иоанн Плещеев и князь Иоанн Засекин. Они возбуждали казаков, чтобы те ссору «в земле учиняли» и шли по городам, в Ярославль, Вологду и другие места разорять города и селения, требуя денег. Казаки кричали, что голодные не могут долго находиться под Москвой. Пусть здесь стоят дворяне. Тогда архимандрит Троицкий Дионисий созвал братию монастыря и спросил: «Что делать?» Решили, поскольку денег в монастыре сейчас нет, то послать казакам как компенсацию плату за службу — церковные облачения. Ризы, стихари, епитрахили. Казаки были тронуты совестию. Они вернули церковную принадлежность в монастырь через посредство двух атаманов и обещали не уходить от Москвы. Дмитрий Трубецкой и Дмитрий Пожарский договорились, что Пожарский и Минин не будут ездить в табор к Трубецкому для совета, как настаивал Трубецкой, а будут съезжаться на среднем месте, на Неглинной, и решать земские дела. Закрепившись у кремлевских стен, казаки и ополченцы, объединились в одно войско и с конца сентября в своих грамотах писались: *«Ныне по милости Божьей, меж себя, мы Дмитрий Трубецкой и Дмитрий Пожарский, по челобитью*

Битва князя Пожарского с Ходкевичем под Москвой.
Художник П. Коверзнев. Журнал «Нива». № 12. 1874 год

и приговору всех чинов людей, стали во единочестве и укрепились, чтобы нам да выборному человеку Кузьме Минину Московского государства поступать и Российскому государству во всем добра хотеть»[1].

Так закончилось главное сражение периода Смутного времени под Москвой, которое увенчалось разгромом польских захватчиков. Ополченцы победили тех, кто превосходил их вооружением и численностью. Минину и Пожарскому нелегко далась победа. Это не было просто везением или удачей — победила та сторона, которая обладала большей духовной силой и правдой. Обе стороны бились жестоко, до изнеможения. Но победа над великим гетманом литовским Яном Каролем Ходкевичем и его многочисленным войском могла быть достигнута только Промыслом Божиим, с помощью Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии[2].

По слову Священного Писания: «В руце Господа власть над землею, и человека потребного Он в свое время воздвигнет на ней» (Сир. X, 4). Именно Божиим Промыслом и избран был такой человек, как Косма Минин. В последних боях ополчение понесло большие потери. Решили не спешить брать Кремль штурмом, а взять польский гарнизон измором.

Окружив плотным кольцом Китай-город и Кремль, ополченцы начали их общую осаду. Осада затянулась на два месяца. Ратники забрасывали

---

[1] *Шамшурин В. А.* Нижегородский подвиг // Мининские чтения. Н. Новгород, 1992. С. 26.

[2] *Булгаков С. В.* Настольная книга священнослужителя. Т. II. М.: Изд. отдел Московской патриархии, 1978. С. 211.

ядрами из осадных пушек гарнизон, засевший в Кремле. Поляки не хотели сдаваться. Уже томимые невыносимым голодом, но еще не понимая, что обречены, они надеялись на помощь короля Сигизмунда.

15 сентября Пожарский послал осажденным грамоту с предложением сдаться во избежание кровопролития. Письмо было такого содержания (в сокращении):

«Полковникам Стравицкому и Будилле, ротмистрам, всему рыцарству, немцам, черкасам и гайдукам, которые сидят в крепости, князь Дмитрий Пожарский челом бьет. Ведомо нам, что вы, сидя в осаде, терпите страшный голод и великую нужду, что вы со дня на день ожидаете своей погибели. Вас укрепляет в этом и упрашивает Николай Струсь и Московского государства изменники Федька Андронов и Ивашко, Олешко с товарищами, которые с вами сидят в осаде. Они это говорят вам ради своего живота. Хотя Струсь ободряет вас прибытием гетмана, но вы видите, что он не может выручить вас. Вам самим известно, что в прошлом году Карл Ходкевич приходил со всем полевым войском; Сапега был тоже с большим войском, и сидели в Москве, и с Зборовским и со многими другими полковниками; много было тогда польского и литовского войска; никогда прежде не бывало столько ваших людей, и однако, мы, надеясь на милость Божию, не убоялись множества польских и литовских людей, а теперь вы сами видели, как гетман пришел и с каким бесчестьем и страхом он ушел от вас, а тогда еще не все наши войска прибыли. Сдайтесь нам пленными. Объявляю вам, не ожидайте гетмана. Бывшие с ним черкесы, на пути к Можайску, бросили его, и пошли разными дорогами в Литву. Дворяне и боярские дети в Белеве. Воевичане, старичане перебили и других ваших военных людей, а пятьсот человек взяли живыми. Гетман со своим [конным] полком, с пехотой и с челядью 3 сентября пошел к Смоленску, но в Смоленске нет ни одного новоприбывшего солдата, потому что [польские люди] ушли назад с Потоцким на помощь к гетману Жолкевскому, которого турки побили в Валахии. И эти новоприбывшие побиты с гетманом под Краковым без остатка, — теперь идет шестая неделя, как это было. Королю теперь нужно думать о себе, — он рад будет, если его избавят от турок. Войско Сапеги и Зборовского — все в Польше и Литве. Не надейтесь, что вас освободят [из осады]. Сами узнаете [что ваше нашествие на Москву] случилось не правдой короля Сигизмунда и польских и литовских людей и вопреки присяге. Вам бы в этой неправде не погубить своих душ и не терпеть за нее такой нужды и такого голода… Берегите себя и присылайте к нам без промедления. Ваши головы и жизнь будут сохранены вам. Я возьму это на свою душу и упрошу [согласиться на это] всех ратных людей. Которые из вас пожелают возвратиться в свою землю, тех отпустят без всякой зацепки, а которые пожелают служить Московскому государю, тех мы пожалуем по достоинству. Если некоторые из вас от голоду не в состоянии будут идти, а ехать им не на чем, то когда вы выйдете из крепости мы [вышлем таковым подводы]… А что вам говорят Струсь и московские изменники, что у нас в полках рознь с казаками и многие от нас уходят, то им естественно петь такую песню и научить языки говорить, что к нам идет много людей и еще больше их число обещает вскоре прибыть… А если бы даже у нас и была рознь с

казаками, то против них у нас есть силы и они достаточны, чтобы нам стать против них»[1].

Несмотря на наступивший страшный голод, осажденные в Кремле поляки и слышать не хотели о мирных предложениях Пожарского. В ответ на его грамоту польские военачальники Иосиф Будилла и Эразм Стравинский прислали довольно дерзкое, унизительное письмо, обвиняя Пожарского в измене королю и в разорении Московского государства. Мы приводим это письмо с сокращениями. В нем говорилось:

«От полковника Мозырского, хорунжего Осипа Будиллы, трокского конюшего Эразма Стравинского, от ротмистров, поручиков и всего рыцарства, находящегося в Московской столице, князю Дмитрию Пожарскому. Мать наша отчизна, дав нам в руки рыцарское ремесло, научила нас также тому, чтобы мы, прежде всего, боялись Бога, а затем имели к нашему государю и отчизне верность, быть честными, показывали им повиновение и, в каких бы землях ни был кто-либо из нас военных, чтобы всегда действовал так, чтобы мать наша никогда не была огорчена его делами, а напротив, чтобы приобретала бессмертную славу от расширения ее границ и устранения всякого из ее врагов. Мы родные сыновья этой матери, родившиеся в родном гнезде, гордимся совершенной верностью наших предков к их государям, желаем подражать им и подражаем. Каждый из нас, не только будучи в отечественных пределах, но в чужих государствах, как доказательство своих рыцарских дел, показывает верность своему государю и расширяет славу своего отечества… Трудно после этого склонить нас на зло. Письму твоему, Пожарский, которое мало достойно того, чтобы его слушали наши шляхетские уши, мы не удивились по следующей причине: ни летописи не свидетельствуют, ни воспоминание людское не показывает, чтобы какой-либо народ был таким тираном для своих государей, как ваш (имеется в виду по отношению к польскому королю. — Прим. автора), *о чем если бы писать, то много нужно бы употребить времени и бумаги. Чего бы не осмелитесь сделать природному нашему государю, когда мы помним, что вы сделали нескольким из них в последнее короткое время; теперь уже свежий пример; мы сделавшись изменниками своему государю, светлейшему царю Владиславу Сигизмундовичу, которому целовал крест, восстал против него… ваши думные бояре и вся Московская земля, кинулась на рыцарство царя Владислава… При Божьей помощи удержим царю Владиславу эту московскую крепость и столицу. Он имеет право на вас, как государь, которому вы присягали на верность… Бог вскоре смирит гордые и твердые ваши выи и укротит ваши бесчисленные бунты… Вам не новость сочинять в письме ложь, потому что ваши глаза не знают стыда… Мы хорошо знаем вашу доблесть и мужество: ни у какого народа таких мы не видели, как у вас, — в делах рыцарских вы хуже всех классов народа других государств и монархии. Мужеством вы подобны ослу или байбаку, который, не имея никакой защиты, вынужден держаться норы. Ваше мужество, как мы хорошо знаем и видим, сказывается в вас только в оврагах и в лесу… Мы не умрем с голоду, дожидаясь счастливого прибытия нашего государя — короля с сыном светлейшим Владиславом…*

[1] Действия НГУАК. Т. XI. С. 4971.

За пролитие невинной крови и за опустошение Московского государства он излиет на вашу голову месть… Во избежание ее мы бы советовали вам подумать о примирении с нами… и покориться своему государю и царю… Впредь не обсылайте нас бесчестными письмами и не говорите впредь нам о таких вещах… мы не закрываем от вас стен; добывайте их, если они вам нужны… лучше ты, Пожарский, отпусти своих людей. Пусть холоп по-прежнему возделывает землю, поп пусть знает церковь, Куземки пусть занимаются торговлею — царству тогда лучше будет, нежели теперь при твоем управлении, которое направляешь к последней гибели царства… Если ты, Пожарский, кроме находящихся при тебе своевольников и шпыней присоединишь к себе вдвое больше бунтовщиков, как ты, то и тогда, при Божьей к нам милости, не получишь пользы…

Писано в Московской столице 21 сентября 1612 г.[1]

Когда выпал снег и осажденным уже не хватало сил подниматься на стены, им оставалось либо умирать от голода, либо начинать вести переговоры о сдаче. Ополченцы требовали безоговорочной капитуляции. Поляки выговаривали себе всяческие уступки. Осада слишком затянулась. 22 октября народ ударил в колокола, и возмущенные ополченцы и казаки, призвав на помощь Царицу Небесную, с иконой Казанской Божией Матери единым приступом захватили Китай-город. Часть гарнизона поляков, оставшихся в живых, перешла в Кремль.

Три дня, начиная с 22 октября, ратники провели в посте и молитве перед образом Казанской Божией Матери. В ночь на 25 октября 1612 года святителю греку Арсению (архиепископу Элассонскому, Архангельскому и Тверскому, после 1625 года), томившемуся в польском плену в Кремле, явился преподобный Сергий и сказал: «Молитвами Богоматери, и вашими, и нашими, суд об Отечестве преложен на милость. Завтра Москва будет в руках осаждающих, и Россия спасена». После окончания Смуты, по предложению Дмитрия Пожарского архиепископ Арсений десять лет был Суздальским архиереем, жил в Суздале и был похоронен в Суздальском соборе Рождества Богородицы. Им были написаны поэма «Труды и беседы», «Исторические мемуары», посвященные периоду Смутного времени. В них архиепископ Арсений повествует, в частности, о князе Пожарском и его родственниках, жизням которых угрожала опасность, как со стороны захватчиков, так и со стороны изменников-бояр.

Таков был Божий Промысел о России. Что касается происходивших событий, то поляки, убедившись в бесполезности дальнейшей борьбы, вступили в переговоры о своей сдаче. Штурм Кремля на этот раз оказался практически не нужным, настолько слабы от голода были осажденные в нем[2]. 25 октября, спустя три дня после взятия Китай-города, был подписан договор. В нем оговаривалось условие — сохранить пленным захватчикам жизнь, если бояре и окольничьи, которые были с ними, вернут в российскую казну государевы и земские ценности.

Сдача гарнизона началась 27 октября. Ополченцы и казаки съехались у Каменного моста, против Троицких ворот Кремля, откуда должны были

---

[1] Действия НГУАК. Т. XI. С. 500.

[2] До осады в Китай-городе и Кремле находилось 29 тысяч человек. В плен было взято 9 тысяч, из остальных 20 тысяч часть были убиты, часть умерли с голоду.

выходить осажденные. Пожарский принимал шедших из Кремля бояр, среди которых были Федор Мстиславский, Иван Романов, его племянник Михаил (будущий русский царь) с матушкой — инокиней Марфой, Борис Лыков, Федор Шереметев, Иван Воротынский. Остатки полков Будиллы и Стравинского выходили в Белый город, сдаваясь ратникам Пожарского, полк Струся — в Китай-город, к казакам Трубецкого. Сам полковник Струсь желал сдаться в руки воеводам, опасаясь казачьей расправы. Все «кремлевские сидельцы» проходили через Ивановскую площадь, оставляя здесь оружие и награбленное добро, которые принимались Мининым. Позже, вопреки договору, казаки все-таки перебили попавших к ним плененных поляков. Уцелевших пленных (их было немало) по приказу Пожарского 14 декабря выслали в различные места. Роту Калиновского и роту Влынского — в Балахну. Ротмистра Калиновского и Хотимского — в Ярославль, роту Стравинского — на реку Унжу, в Галич. Роту Подбильского — в Ядрин. В том же году, 25 декабря Иосифа Будиллу привезли в Нижний Новгород вместе со слугами и посадили в каменную тюрьму на 19 недель. Затем поселили в панский, воеводский, двор, который находился в Кремле, у Никольских ворот.

Высокородный князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, оказавшись в Кремле, немедленно занял дворец Годунова и там барствовал, распустив своих казаков по городу. Минин и Пожарский, не коснувшись царских палат, скромно поселились на Арбате, в Воздвиженском монастыре. Вместе с земскими людьми они занялись подготовкой Собора для избрания царя, обустройства разоренного государства. Таким образом, Косма Минин и князь Пожарский совместно с Дмитрием Трубецким с сентября 1612 по февраль 1613 года управляли Русским государством.

27 октября город начали очищать от трупов и развалин, а 1 ноября состоялся многотысячный крестный ход по Москве. Казаки Трубецкого сошлись у храма Святого Иоанна Милостивого на Арбате, ополченцы Минина и Пожарского собрались за Покровскими воротами, возле церкви Казанской Богородицы. Подняв хоругви с ликом Спасителя, чудотворные иконы Казанской и Смоленской Божией Матери, с образом преподобного Сергия Радонежского, иконами московских святителей Петра, Алексия и Ионы, они дошли до Лобного места, где духовенством во главе с архимандритом Троице-Сергиева монастыря Дионисием был отслужен благодарственный молебен.

Во время торжественного шествия за духовенством шли войска. Из Фроловских ворот[1] выходили те, кто побывал в качестве пленников у поляков в осажденном Кремле. Все они, во главе с архиепископом Арсением, вошли в Кремль вместе с ратниками. В Успенском соборе была совершена Божественная литургия. Были пролиты слезы благодарения за избавление царствующего града от врагов. Праздничный колокольный звон разносился над Москвой с колоколен уцелевших храмов.

Чтобы не угасала память о чудесном явлении Покрова Пресвятой Богородицы над нашим Отечеством в 1612 году, столь переломном для всей русской истории, было положено ежегодно 22 октября (4 ноября по новому стилю), в день взятия Китай-города и в день капитуляции поляков, тво-

[1] Ворота во Фроловской башне Московского Кремля, названной так по церкви Св. Фрола и Лавра, находившейся неподалеку на территории Кремля. В 1658 г. эта башня получила новое название — Спасская, по иконе Спаса, помещенной над ее воротами.

рить торжественное воспоминание о спасении Москвы от врагов заступлением Божией Матери — «ради Казанской иконы Ея». Поначалу, при Царе Михаиле Феодоровиче, празднование совершалось только в Москве. Но в 1649 году, по случаю рождения наследника престола Царевича Дмитрия Алексеевича[1], повелено было Царем Алексеем Михайловичем праздновать день Казанской Божией Матери 22 октября «во всех городах, по вся годы». Праздник отмечали не как сугубо церковное, но как церковно-гражданское, национальное торжество[2].

Сама чудотворная икона была первоначально помещена во Введенский храм на Лубянке, напротив дома князя Пожарского[3]. До 1636 года из Кремля в храм Введения Пресвятой Богородицы ежегодно совершался крестный ход[4].

В дальнейшем Казанская икона Божьей Матери получила еще большее распространение. В XVII веке было написано много списков с этой иконы. Наряду с иконой Божьей Матери под названием Одигитрии она считалась и считается «Державной заступницей» России и является одной из самых почитаемых икон. В свою приходскую церковь Введения на Сретенке князь Дмитрий Пожарский вместо Московского чудотворного образа вложил другую — Казанскую икону Богоматери. Казанский образ стал родовой святыней Пожарских. Он был необыкновенно дорог для Пожарского. Летописец отмечает: «Той же образ по повелению государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руссии и по благословению великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руссии украси многою утварию боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский по обету своему в лето 7133 года» (в 1625 году)[5].

После кончины князя в Суздальский Спасо-Евфимьевский монастырь, где он был погребен, на помин его души вложили икону Казанской Божьей Матери в серебряном позолоченном чеканном окладе с драгоценными камнями и жемчугом[6].

Был сохранен Казанский образ Божией Матери из Балахны — родины Космы (Кузьмы) Минина, который тогда же поместили в Нижегородском Спасском кафедральном соборе на гробнице спасителя Отечества.

В Москве в 1636 году освящен был новый храм в честь Казанской иконы Божией Матери. Его строительство на пожертвования Дмитрия Пожар-

---

[1] Царевич Дмитрий, первенец Царя Алексея Михайловича, не прожил и года (1649–1650).

[2] Для многих непонятна как дата почитания Казанской иконы Божьей Матери, так и дата окончательного поражения захватчиков. Для XVII века разница между новым и старым стилем летоисчисления определяется в десять дней, поэтому 22 октября 1612 г. приходится на 1 ноября, когда был взят приступом Китай-город. Следовательно, 25 октября старого стиля падает на 4 ноября, когда оккупанты приняли решение сложить оружие, обговаривая условия сдачи. Этот день — день победы Нижегородского ополчения и празднования Казанской иконы. Именно с 22 по 25 октября (по старому стилю) тысячи ополченцев день и ночь служили молебен перед иконой, веря, что она была их первой помощницей и всенародной заступницей.

[3] По версии В. А. Шамшурина, дом Пожарского находился на Сретенской улице, около монастыря (см.: *Шамшурин В. А.* Указ. соч. С. 18). По другим данным, Пожарский имел дома как на Сретенке, так и на Лубянке.

[4] *Булгаков С. В.* Настольная книга священноцерковнослужителя. Т. I. М.: Изд. отдел Московской патриархии, 1993. С. 421.

[5] Религиозное искусство в прошлом и настоящем // Светильник. 2003. № 2. С. 31.

[6] Там же С. 33.

ского велось с 1630 года (по другим данным с 1626 года). «Князь Дмитрий Михайлович Пожарский на собственные средства воздвиг в Китай-городе, на углу Никольской улицы и Красной площади теремный Казанский собор», — сообщал путеводитель. Собор был храмом-памятником Нижегородскому ополчению.

Казанский образ Божией Матери, который сопровождал Нижегородское ополчение, до 1710 года находился в теремном соборе. В 1710 году, по велению Петра I, икона была перенесена в Санкт-Петербург, где находилась в особой часовне. В 1721 году в Александро-Невской Лавре. В 1737 году — в церкви Рождества Богородицы на Невском проспекте. В 1811 году она была перенесена в новопостроенный Казанский собор. По мнению С. В. Булгакова, подлинник Казанской иконы находился в Казанском Богородицком монастыре. Икона, находившаяся в Санкт-Петербурге, была ее копией, написанной в петровские времена.

По новейшим источникам, чудотворная икона Казанской Божией Матери — с венчиком от князя Пожарского, в благодарность за спасение России в 1612 году — находится в настоящее время в Москве, в Богоявленском Елоховском соборе[1].

Московский Казанский собор был закрыт в 1930 году, в 1936 году разрушен, в 1990 году — восстановлен и освящен 4 ноября 1993 года святейшим Патриархом Алексием II.

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II отметил, что Казанский собор на Красной площади столицы России всегда «был не только символом воинской славы, он, прежде всего, был домом молитвенного поминовения павших воинов, местом усердных молитв о нашем Отечестве и наших душах».

После изгнания польских интервентов из Москвы в октябре 1612 года правящие круги Речи Посполитой не желали, несмотря на поражение, отказываться от захватнической борьбы за Русское государство. Король Сигизмунд III, даже узнав о победе ополченцев Пожарского, настаивал на «законных правах» своего сына Владислава на русский престол. С отрядом в тысячу триста человек шляхты и три тысячи немецких наемников он в ноябре 1612 года выступил из Смоленска на Москву. В Вязьме к нему примкнул гетман Ходкевич с остатками своего войска. Король подошел к Волоколамску, а пан Жолкевский даже приблизился к Москве, но был отогнан. Сигизмунд и Владислав хотели вести переговоры, но также потерпели неудачу, не удержались в Волоколамске и вынуждены были вернуться в Польшу. Этому способствовали и два обстоятельства. В стычке пана Жолкевского и дьяка Грамотина с ополченцами на подходе к Москве был захвачен в плен смоленский ратник Иоанн Философов. Он на допросе показал, в присутствии короля, что Москва многолюдна и что в ней все поклялись лучше умереть, чем позволить королевичу царствовать в Москве. Это известие произвело на короля охлаждающее действие. Приближалась зима, и Сигизмунд решил ознаменовать свой поход хотя бы взятием Волоколамска. Оборону города взяли на себя Нелюба Марков и Иоанн Епанчин. Сигизмунд три раза штурмовал город, стычки были упорными, город не сдавался. Небольшое польское войско стало нести потери от морозов и голода, и король со стыдом снял осаду.

---

[1] *Орехов Д.* Святые иконы России. СПб., 1999. С. 40–41.

Александр СЕГЕНЬ

ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЖИЗНИ КУТУЗОВА

К 200-летию Бородинского сражения

Александр Юрьевич Сегень — родился в Москве 12 апреля 1959 г. Окончил Литературный институт, аспирантуру, доцент. Автор романов и повестей на современные и исторические темы. Романы «Державный» удостоен премии Московского правительства, «Похоронный марш» — премий им. Горького и Шукшина, «Русский ураган» — Большой премии Союза писателей России. За статьи о русской истории и Православии удостоен премии имени Булгакова, за статьи о чеченской войне — премии Союза журналистов «Золотой гонг», за роман «Поп» — премии Патриархии «Просвещение через книгу». Написал сценарий фильма на основе собственного романа «Поп», по которому режиссер Владимир Хотиненко снял художественный фильм. **Живет в Москве.**

Михаил Илларионович Кутузов дважды раненный в голову, причем второй раз смертельно, сумел выжить, когда врачи только беспомощно разводили руками. А в последний год жизни он стал одним из немногих полководцев, которые могли выиграть войну тогда, когда всему миру казалось, что война проиграна.

Ровно за год до своей кончины князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов находился в Румынии и принимал капитуляцию турецкого визиря Исмаил-бея, разгромленного им в течение этой военной кампании. Самочувствие немолодого, покалеченного войнами полководца было далеко не самое лучшее. Еще год назад, когда Император Александр назначил его главнокомандующим русской армией в Молдавии вместо тяжело заболевшего Каменского, Кутузов с огромным неудовольствием принял это назначение, ибо чувствовал себя не намного лучше предшественника. Сказывались старые раны.

Первую, тогда еще капитан, Кутузов получил в 1774 году под Алуштой. Пуля пробила висок и задела правый глаз, чудом не поразив мозг. Он долго лечился за границей, а по возвращении на Родину вновь отправился воевать, на сей раз под командованием Суворова, и снова — в Крым. Суворов стал главным учителем будущего победителя в войне с Наполеоном.

Вскоре после присоединения Крыма к России, в 1874 году, Кутузов за свои успехи и доблесть был произведен в звание генерал-майора. В 1787 году началась новая война с турками. Во время взятия крепости Очаков турецкая пуля вновь попала Кутузову в голову, и что удивительнее всего — в то же самое место! Врачи признали рану смертельной, но Кутузов и на сей раз выжил, обладая незаурядной физической си-

лой. Правда, здоровье после этого пошатнулось, а правый глаз совсем перестал видеть.

Потом было взятие Измаила, комендантом которого Кутузов был назначен. Довелось Кутузову послужить и на дипломатическом поприще — чрезвычайным и полномочным послом России в Турции, а затем командующим и инспектором войск в Финляндии, где он был произведен в генералы от инфантерии. На рубеже веков Михаил Илларионович был сначала литовским, а потом петербургским военным губернатором. Потом хлебнул горя в злосчастной войне 1805 года, когда наша армия потерпела поражение от Наполеона под Аустерлицем, и все шишки свалились на его дважды раненную турецкими пулями головушку. Он подвергся опале и назначался на второстепенные посты — киевского военного губернатора, командира корпуса Молдавской армии, вновь литовского военного губернатора. Наконец, в 1811 году Кутузов оказался главнокомандующим нашими войсками на очередной русско-турецкой войне. И победил грозного Исмаил-пашу с его шестидесятитысячной армией. Под Слободзеей вся эта армия была окружена и взята в плен. Блистательная победа!

В таком триумфе Михаил Илларионович встречал весну 1812 года. Он чувствовал себя плохо, но еще не знал, что жизни ему отмеряно всего лишь год.

Используя свой дипломатический опыт, он добился подписания наивыгоднейшего для России мира с Турцией, которое состоялось 16 мая в Бухаресте. По условиям этого договора за Россией окончательно были закреплены территории Бессарабии и Абхазии.

За победу над Турцией и подписание Бухарестского мира Михаил Илларионович был удостоен титула светлейшего князя. Ему на смену в Молдавию прибыл адмирал Чичагов, а сам Кутузов отправился в свое имение Горошки — лечиться и отдыхать от трудов ратных, набираться сил для грядущих последних подвигов.

Но не долго пришлось ему жить в милых Горошках. Наполеон вторгся в пределы России, началась самая страшная военная кампания России из тех, что выпали на долю Кутузова. Приберегая его силы и к тому же до сих пор сердясь за аустерлицкую катастрофу, Император назначил Михаила Илларионовича сначала начальником Петербургского, а затем Московского ополчения. На этом посту Кутузов разрабатывал правила военной подготовки ратников для всех ополчений. Но после оставления Смоленска Александр вынужден был обратиться к заслуженному суворовскому генералу с просьбой взвалить на себя тяжелое бремя главного командования всей армией вместо Барклая-де-Толли. Назначение состоялось 8 августа, через три дня Кутузов выехал из Москвы и 17 августа прибыл к войскам, располагавшимся у Царева-Займища. Поздоровавшись с почетным караулом, он громко воскликнул:

— Да можно ли всё отступать с такими молодцами!

Эта фраза вмиг облетела всю армию и наполнила сердца радостью в такой степени, как будто солдат и офицеров оповестили, что война непременно будет выиграна, что это уже окончательно решено на каком-то самом высшем, заоблачном совете. Кто-то обронил: «Приехал Кутузов бить французов», и случайный экспромт мгновенно стал поговоркой, которую всюду, посмеиваясь в усы, повторяли.

А человек, на которого небеса указали как на будущего великого триумфатора, чувствовал себя дряхлым, разбитым, не только правый, но и левый глаз уже плохо видел, и все время хотелось спать, спать, спать… Завистники тотчас сочинили о нем сплетню, будто он возит с собой любовницу, переодетую казачком. Михаил Илларионович и впрямь доселе слыл любителем женского пола, но в эту последнюю осень — до любовниц ли ему было?

Под Царевым-Займищем, по плану Барклая-де-Толли, должно было состояться генеральное сражение. Но по данным разведки, войско Наполеона насчитывало 165 тысяч, в то время как наша армия состояла лишь из 96 тысяч человек. Несмотря на свою бодрую фразу о том, что нельзя отступать с такими молодцами, Кутузов вынужден был отдать приказ о дальнейшем отступлении, поскольку признал позицию невыгодной при таком соотношении сил. Далее было Бородинское сражение, о котором главнокомандующий рапортовал Императору: «Кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл ни шагу земли с превосходными своими силами». И далее: «Ваше императорское величество, изволите согласиться, что после кровопролитнейшего и пятнадцать часов продолжавшегося сражения наша и неприятельская армия не могли не расстроиться, и за потерею, сей день сделанною, позиция, прежде занимаемая, естественно стала обширнее и войскам несовместною, а потому, когда речь идет не о славе выигранных только баталий, но вся цель будучи устремлена на истребление французской армии, я взял намерение отступить шесть верст, что будет за Можайском». Тем не менее в Петербурге рапорт Кутузова встретили с восторгом, расценив его как донесение о победе. Собственно говоря, учитывая противостояние сил, бородинская «ничья» и была равна победе. К тому же, генерал Ермолов в своем письме написал: «Французская армия разбилась о русскую», и эта фраза тотчас обрела крылья.

История не любит слов «если бы», и мы не станем размышлять о том, что было бы, если б Кутузова назначили главнокомандующим с первых дней вторжения европейских войск на русскую землю.

За Бородинское сражение 31 августа 1812 года светлейший князь Голенищев-Кутузов был произведен в звание фельдмаршала и пожалован денежной премией в размере ста тысяч рублей. В пересчете на сегодняшние деньги это примерно равнялось бы двум Нобелевским премиям. Умирающему Багратиону было выделено из казны пятьдесят тысяч рублей.

В звании фельдмаршала Кутузову суждено было прожить последние восемь месяцев жизни.

Далее теряющему силы главнокомандующему пришлось совершить мучительное отступление до Москвы и еще более тягостную сдачу древней столицы. «Вступление неприятеля в Москву не есть еще покорение России, — писал Михаил Илларионович Императору, который никак не ждал, что Москва будет оставлена. — Теперь, в недальнем расстоянии от Москвы, собрав свои войска, твердою ногою могу ожидать неприятеля, и пока армия Вашего императорского величества цела и движима известною храбростию и нашим усердием, дотоле еще потеря Москвы не есть потеря Отечества».

В подмосковной деревне Панки фельдмаршал отмечал свой последний день рождения. Ему исполнилось шестьдесят семь лет. Дни его уже были сочтены.

Тарутинский маневр Кутузова стал одним из невиданных доселе шедевров мирового полководческого искусства. Покуда Наполеон, сидя в Москве, ждал от русского Царя капитуляции, наша армия отдохнула, воспрянула духом и значительно пополнилась. Когда Москва заполыхала, прекратились споры о том, правильно ли поступил главнокомандующий, теперь все видели гениальность его замысла и выгоду избранной им позиции. Наконец, к Кутузову прибыл наполеоновский посол Лористон. Видя перед собой русского фельдмаршала, единственный глаз которого светился уверенностью в грядущей победе, Лористон жалобно воскликнул:

— Неужели эта небывалая, эта неслыханная война должна продолжаться вечно? Император искренне желает положить предел этой распре между двумя великими и великодушными народами и прекратить ее навсегда.

Словно не французы явились к нам незваными гостями, не французы ограбили все на своем пути, не французы вели себя варварски по отношению к русскому народу, не Наполеон велел снять даже все кресты с московских церквей и колоколен, а мы вторглись в пределы Франции, взяли и сожгли Париж, выгребли дочиста сокровища Версаля! И у Лористона еще поворачивался язык называть своих европейских разбойников «великодушным народом»!

Ответ Кутузова был полон достоинства:

— При назначении меня в армию слово «мир» ни разу не упоминалось. Я навлек бы на себя проклятие потомства, если бы меня сочли виновником соглашения с вами. Таков в настоящее время образ мыслей моего народа!

6 октября корпус Мюрата атаковал русскую армию под Тарутином и был разбит. С этого дня началось триумфальное изгнание Наполеона из пределов Отечества. Император Александр, доселе все еще не признававший правильности сдачи Москвы, послал Кутузову поздравление с победой. Но при этом он требовал дать еще одно генеральное сражение, а Кутузов лишь устало повторял: «Не нужно. Все это теперь развалится само собой». Мудрый дипломат и политик, он прекрасно понимал — полный разгром Наполеона в пределах России может привести к тому, что Францией овладеет Англия. Он говорил: «Наследство Наполеона достанется не России, а той державе, которая уже теперь господствует на морях, и тогда преобладание ее будет невыносимо».

Дальнейшая победа Кутузова над Бонапартом состояла не в генеральном сражении, а в том, что он не дал неприятелю уйти из России через богатые земли Орловщины и Малороссии, заставив незваных гостей отступать по разоренной войною старой Смоленской дороге. Одновременно с этим Михаил Илларионович вынужден был отстаивать свой план медленного истребления «великой армии», спорить с теми, кто требовал от него окружить остатки французских войск и взять их в плен.

Удивительно и то, что Наполеон, фактически не проиграв Кутузову ни одного сражения, полностью потерял свою могущественную армию и уполз из России, удовольствовавшись лишь награбленным добром. Забавно, но французы, благодаря этому, и по сей день считают войну 1812 года успешной! Они уверяют, что победили в Бородинской битве, взяли Москву, прекрасно поживились — чем тебе не победная кампания! Но как бы то ни было, в действительности полную победу одержал не Наполеон, а более мудрый полководец — Михаил Илларионович Кутузов.

Великолепная лебединая песня!

В декабре 1812 года через Неман из России в Европу вернулись 18 тысяч жалких, оборванных и обмороженных людей, которых уже трудно было назвать солдатами. В русском плену оказалось 130 тысяч, а 350 тысяч европейцев из двенадцати стран навеки остались лежать на бескрайних и прекрасных российских просторах.

Видя полное торжество своего главнокомандующего, Император Александр продолжал осыпать его милостями. День своего рождения, 12 декабря, Государь праздновал в доме Кутузова. Михаил Илларионович был удостоен звания князя Смоленского, награжден высшим боевым орденом — Святого Георгия I степени, а также шпагой с бриллиантовым эфесом и лаврами из изумрудов общей стоимостью в шестьдесят тысяч рублей. Царь в веселости признался даже, что теперь видит мудрость Кутузова, и если понадобится, готов пожертвовать и Петербургом ради столь славной и сокрушительной победы над врагом.

Новый год Кутузов встречал уже в полном упадке сил. Он понимал, что совершил наиглавнейшее дело своей жизни, одержав победу, которая навеки останется в сердцах благодарных россиян. Теперь он мог позволить себе полный покой. Предвидя, что европейский поход будет проходить без него, Михаил Илларионович ворчал: «Самое легкое дело идти теперь за Эльбу. Но как воротимся? С рылом в крови!» Но он не просил отставки и продолжал командовать армией, вошедшей в Польшу, затем Силезию и Пруссию. Теперь рядом с ним постоянно находился Император Александр. Когда в пограничном силезском городке Штейнау жители поднесли Царю лавровый венок, он приказал отдать его Кутузову со словами: «Лавры принадлежат не мне, а ему!» В это время Кутузов уже совсем ослаб, 6 апреля, когда армия двинулась дальше, Михаил Илларионович окончательно слег и остался в городке Бунцлау (ныне это город Болеславец в западной Польше, неподалеку от границы с Германией). Незадолго до смерти Александр навестил умирающего русского витязя.

— Прости меня, дорогой Михайло Илларионович, что порою был несправедлив к тебе, — просил Царь своего фельдмаршала.

— Я прощаю, Государь... — еле слышно отвечал Кутузов. — Да простят тебя Бог и Россия!

«Болезненная и великая не для одних Вас, но и для всего Отечества потеря, — извещал Александр княгиню Кутузову о смерти ее мужа. — Не Вы одна проливаете о нем слезы: с Вами плачу я и плачет вся Россия!» Государь приказал забальзамировать тело покойного и отправить его в Петербург, туда, где Михаил Илларионович родился в благословенный сентябрьский день 1745 года: «Мне кажется приличным положить его в Казанском соборе, украшенном его трофеями». Целых полтора месяца гроб с телом Кутузова двигался к Петербургу, ибо всюду хотели оказать ему достойные почести. В пяти верстах от северной столицы гроб сняли с повозки и далее до самого Казанского собора несли на плечах. Прав был Александр — вся Россия оплакивала своего героя, спасшего ее от одного из самых страшных вражеских нашествий.

ПРОЗА

Анатолий ПАРПАРА

БЕГСТВО

К 200-летию Бородинского сражения

Анатолий Анатольевич Парпара — родился в 1940 году. Советский и российский поэт, драматург, общественный деятель, профессор Московского государственного университета культуры и искусств (МГУКИ), председатель фонда имени М. Ю. Лермонтова, создатель (1996) и редактор «Исторической газеты». Заслуженный работник культуры РСФСР, награжден орденом Дружбы народов, лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького. **Живет в Москве.**

За что отнимать у себя славу пожертвования столицею, когда справедливый неприятель у нас ее не похищает! Ни один народ из всех, в продолжение двадцати лет пред счастьем Наполеона спрятавшихся, не явил подобного примера: судьба сберегла его для славы россиян.

Генерал А. П. Ермолов

В ядреный морозный день 25 ноября 1812 года от Рождества Христова скрипучий возок на широких полозьях с густой занавесью на узких окнах, в сопровождении хмурого конвоя в малом числе, воровато проскочил через провинциальный литовский город Ковно, стоявший неподалеку от бывшей государственной границы, отделявшей необъятную территорию Российской Империи от земель герцогства Варшавского. Случайный в это тревожное время, но наблюдательный прохожий, быстро отпрянувший к ледяной стене серого здания от стремительно мчавшихся по пустынной улице необычных всадников в медвежьих, высоких шапках, конечно же догадался о том, что в карете едет весьма важная персона. Но ему и в голову не могла придти мысль о том, какой господин мгновенно пролетел только что мимо него. А если бы неожиданно и догадался, то тут же поразился бы, как истинный христианин Божьему промыслу, оправдывая резкую перемену, произошедшую с этим господином всего за каких-то пять месяцев такого необычного своими потрясениями года.

В карете было сумрачно и тепло. Нестерпимо пахло неудачей. Человек в надвинутой на самые брови меховой шапке с наушниками, утонувший подбородком в соболий мех боярской шубы, мрачно и неподвижно смотрел впереди себя в некую точку, невидимую сидевшему рядом с ним товарищу. Казалось, ничто не

отвлекало его сосредоточенного внимания. Знавшие его люди на протяжении многих лет в самые опасные минуты полной военными приключениями жизни могли быть уверены в том, что в этой светлой голове рождается гениальная мысль, которая в очередной раз способна вывести армию, доверявшую ему, из невероятно невыгодного положения. Но решившие так — на этот раз ошиблись бы. Флегма, равнодушие, даже варварское безразличие овладели этим человеком. Все члены его дотоле подвижного тела онемели и, казалось, вряд ли что могло уже вернуть их к действию.

Его можно было понять: он покидал Россию. Поход, к которому он так тщательно готовился более двух лет, собравший все лучшие военные силы подвластной ему Европы, завершился трагедией.

Не в первый и не в последний раз он бросал свои войска. Не однажды ему предстояло пережить леденящие сердце минуты поражений, но так одиноко, так поспешно, без соблюдения внешних приличий, бежал он впервые. Бежал, бросая на гибель, неминучую и бесславную, тех воинов, которыми гордился заслуженно перед всем миром и которые верили ему безраздельно, любили его так искренне, что, не задумываясь, жертвовали самым необычным даром Божеским — своей жизнью. И вот, любимый ими, обожаемый ими император предал их.

Этого не простят ему уже никогда оставшиеся в живых его гренадеры и маршалы. Они и по возвращении из кошмарной России будут сражаться под его знаменами, но верить ему не будут уже никогда. Они пройдут еще немало по выжженным полям благодатной Европы, разделят с ним все победы и неудачи, и предадут его только маршалы, но осудят все. У них будет на это моральное право: вождь бросил их, не разделив с ними до конца трагедию Великой армии.

И какими бы высокими государственными соображениями не объяснял он потом, в своих воспоминаниях на острове святой Елены: происками его внешних врагов, заговором генерала Мале в Париже, желанием как можно быстрее собрать новые полки для достойного отмщения русскому Царю — ничто не могло оправдать в печальных глазах его воинов поспешного отъезда из неприветливо встретившей его непобедимую армию чужой страны. Победы забываются, но поражения — никогда.

— Мой император, мы проехали город Ковно. Подъезжаем к переправе через Неман, — пытался отвлечь от невеселых дум императора Арман Коленкур, его друг и дипломат. Наполеон, видимо, не услышал его голоса и деликатный придворный, вздохнув, промолчал. Императору вспомнились проезжающие места такими, какими они явились перед ним 24 июня уходящего в историю года…

Тогда эта ледяная природа была празднично-великодушна. Она открывала свои объятья приветливо и солнечно, принимая их за друзей. И воины радостно шумели, как на пикнике. Неведомая красота неведомой России манила их своей загадочной доступностью. Среди этого великолепного многотысячного потока возбужденных ожидаемыми легкими приключениями людей, молодых и беззаботных, только он, бывший посланник Франции в Петербурге, догадывался о том, что может ожидать их на этой внешне беспечной территории. Любя, ценя и понимая во всем ином своего друга, император не хотел воспринимать предостережений своего дипломата, отмахивался от передаваемых ему слов русского Царя, обещавшего всерьез не

Бегство Наполеона из России. Старинная открытка

начать первым войну с Францией, но и не заключать мира до тех пор, пока хоть один вражеский солдат будет на его священной земле. Александр I говорил, хмуря светлые брови: «Я отращу себе бороду и лучше соглашусь питаться картофелем с последним из моих крестьян, нежели подпишу позор моего отечества и дорогих моих подданных, жертвы коих умею ценить». И зря Наполеон пренебрегал советами своего друга, ибо Коленкур успел узнать этого красивого, обходительного и обманчиво-мягкого повелителя огромной северной страны. Когда было нужно Александру, то он становился резким и неуступчивым. Слишком многое стало разделять повелителей Франции и России, чтобы они легко могли забыть свои обиды и претензии.

Наполеон выбрал очень удачное место для перехода своих колонн — несколько выше города Ковно, там, где небольшая речка Еся впадает в спокойный и величественный Неман. Здесь западный берег резко возвышался над восточным. У самого устья Еси, в центре излучины гордо поднимался над всей окрестностью большой холм, который избрал император для своего наблюдения за переправой через Неман. Но когда ранним утром 24 июня по трем мостам, наведенным еще вечером прошлого дня, потекли живые потоки улан и драгун, гусар и кирасир из ставшего уже легендарным корпуса маршала Даву, полководец не выдержал и, тронув поводья белоснежного коня, спустился к переправе, под восторженные крики легионеров: «Да здравствует император!» — перешел на пустынный берег. Ступив на неприятельскую землю, он возбужденно приветствовал свою армию, ибо наэлектризованность солдат передалась и ему, их вождю. Он был доволен тем, что не встретил при переходе никакого сопротивления. Это было хорошим предзнаменованием, и чувство необъяснимой тревоги начало медленно проходить. Восходящее ласковое солнце прогнало с его сердца ночные

предчувствия чего-то непоправимого. Он лихо ударил в бока своего коня и кинулся по проселочной дороге без сопровождения.

Коленкур заметил быстро удалявшегося императора с противоположного берега, но вынужден был заняться перепалкой между польским эскадроном и французскими уланами за право первыми пройти на мост. Он прикрикнул на востроносого и наглого хорунжего, чтобы тот осадил назад и пропустил вперед французские пестрые значки. Хорунжий недовольно повиновался и сдержал конфедератов.

— Надо еще заслужить право быть первыми, — осадил Коленкур недовольного офицера. Уланы дружно рассмеялись:

— Посмотрим на них в бою.

— Куда вы, паны, торопитесь? До Москвы еще далеко.

— Все равно, девочки любят нас и ждут не дождутся!

Поляки, мечтавшие первыми вступить на бывшую их землю, проглотили вольную обиду.

Наведя должный порядок и указав полковнику, ответственному за переправу, чтобы он не забывал служебных обязанностей, генерал Коленкур по пружинящимся понтонам перешел на русскую сторону и озабоченно стал расспрашивать об императоре. Но никто его не видел. Тогда донельзя обеспокоенный, он дал знак следовать за ним императорской охране и резво поскакал по той дороге, уведшей Наполеона. Но, не проскакав и километра, он увидел своего императора: разрумянившегося, излучающего внутренний свет, порывистого и обаятельного, как в годы итальянской кампании. А над головой Бонапарте тяжелели тучи, ветер усиливался, и храпели лошади. Собиралась неизбежная, как возмездие, гроза…

— Нет! нет! Спасите меня! — услышал Коленкур неожиданный крик императора. Занятый своими воспоминаниями, он резко вздрогнул от крика и повернул голову вправо, и как бы новыми глазами взглянул на императора. Его поразило лицо: заплывшее, с тяжелыми веками, с нездоровой желтизной кожи. Оно являло резкий контраст с видением его памяти.

— Что случилось, государь?

Но Наполеон уже справился с собой, перечеркнув кошмары своего сна. Он потянулся всем телом.

— Где мы находимся, дорогой Арман?

— В двух-трех переходах от Варшавы.

Он не будет заезжать в этот город. Ему нечего сказать себялюбивым полякам. Да и время терять не хочется на пустое. Он снова погрузился в дремоту.

Наполеон знал за собой счастливую особенность: мгновенное отключение от действительности в самой неподходящей для других обстановке. Его забытье бывало кратким, но целебным. Мысль, которая только брезжила в мозгу, вдруг начинала приобретать свои жизненные формы и наполнялась энергическою плотью. Умение собраться и проанализировать ситуацию, умение найти простое и спасительное, но всегда неожиданное решение приводило его окружение в привычный восторг и лишний раз подтверждало мнение императора о собственных незаурядных способностях, о его божественном праве повелевать людьми и полностью игнорировать их мнение, если оно не совпадало с его собственным. Он давно уже уяснил для себя ту истину, что людьми движут два мощных рычага: страх и выгода. И Напо-

леон научился ими управлять в совершенстве. Остальными человеческими чувствами он явно пренебрегал. А с противниками своими, благо у него были надежные батальоны, он умел расправляться. Побежденные же были вынуждены принимать его условия. Он был полностью уверен, что только его мнение имеет ключевое значение. Желания же других ничего не значили для него. И таковое положение было неизменным и справедливым до его похода на Москву.

Он так был уверен в согласии своих мыслей с волей небес, что пренебрег предостережением свыше. А ведь именно таковым, Божиим предзнаменованием и был его сон в 1808 году. Тогда, после удачных переговоров с русским Царем в Эрфурте и совместного с Александром похода в театр на постановку «Эдипа», довольный собой и своей судьбой, он крепко заснул. И явился ему гигантский медведь, который разодрал ему грудь и начал пожирать его сердце. Задыхающийся от ужасного видения, с потом на лбу, с мерзкой дрожью в коленях, он долго не мог прийти в себя от увиденного во сне. Конечно, олицетворить этого лесного гиганта с огромной Россией он и тогда смог бы, но в тот момент, после унижения русских войск под Аустерлицем, после заключения для русской торговли невыгодного мира, он не мог истолковать сон не в свою пользу.

И вот сегодняшний кошмар в карете… Что он мог ответить на вопрос Коленкура? Рассказать правду этого сна. Но она ужасна и неправдоподобна. А что может быть нереальнее правды? Только сама явь. И эту нереальность он не хотел принимать. Тем более обсуждать ее с единственно надежным человеком, которому он полностью доверял не только по причине природного его ума, но истинно потому, что убедился в чистоте его помыслов, в глубине верной его души, в непревзойденной честности его. Наполеон покосился на задремавшего Коленкура и закрыл свои глаза. И тотчас же прежние видения обступили его вновь…

Карета, ехавшая по весенней дороге Южной Франции, остановилась у небольшой деревушки, видимо, для перемены экипажа. Пока закладывали почтовых лошадей, набежала неожиданно толпа, состоящая из местных жителей: мужиков и баб. Они принесли с собой соломенное чучело, забрызганное кровью и грязью, изображавшее императора Франции и качавшееся на виселице. Верх виселицы был весь покрыт надписями, состоявшими из мерзких бранных слов. Крестьяне окружили экипаж.

— Долой Наполеона!

— Долой убийцу наших сыновей и вора! — кричала разгневанная толпа.

Мой Бог, что она себе позволяла, эта дикая толпа. Никогда в своей жизни он не видел более гадких и отвратительных рож.

Они лезли друг другу на плечи, продирались в карету. Десятки грязных и ободранных рук тянулись к нему, чтобы схватить и разорвать своего государя на части.

Наполеон наблюдал своего двойника со стороны, и вид его раздражал императора. Он увидел себя в старом зеленом мундире и синих панталонах, в сапогах с красными отворотами. Он был недоволен и своей неряшливостью: растрепанными волосами, небритым лицом, нюхательный табак был рассыпан по груди, и верхняя губа была запачкана им. Двойник его забился в угол кареты, пытаясь спрятаться за маршала, в котором узнал Бертрана. Он был растерян и напуган до предела. Варвары требовали мес-

ти, и, казалось, ничто не может запретить им завершить свое злодеяние. Это был ужасный миг…

И вдруг, как по мановению небесного ангела, все затихло. Озверевшая толпа отхлынула от кареты, и в открывшуюся дверь вошел его спаситель. Это был мужественный офицер в мундире русского кавалергарда. Решительный облик его миротворно подействовал на толпу. И она разошлась, недовольно ворча и огрызаясь. Офицер, поклонившись, повернулся, чтобы выйти.

— Нет, нет! Спасите меня! — закричал двойник императора…

Наполеон очнулся оттого, что Коленкур тряс его за плечо.

— Мой государь, что с Вами? Вы заболели?

— Со мной все в порядке!

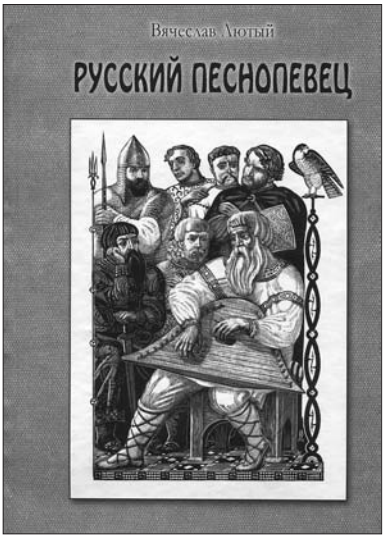
— Но вы уже второй раз произносите эту фразу о помощи. Что вы увидели необычного, мой император?

— Ко мне заглянуло мое будущее, — ответил задумчиво Наполеон. И Коленкур поразился той глубокой грусти, которая прозвучала в его тихом ответе.

Вышла книга

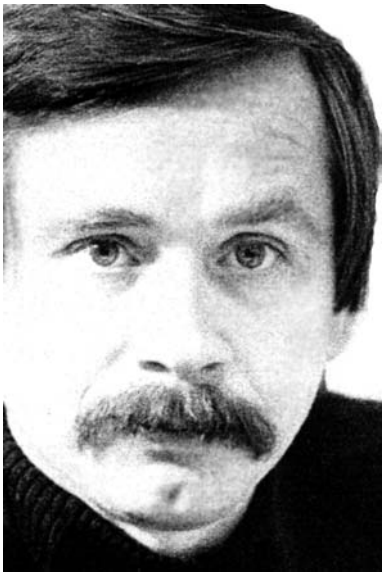
Лютый В. Д.

Русский песнопевец: Статьи о современной литературе. — Воронеж: ГУП ВО «Воронежская областная типография — издательство им. Е. А. Болховитинова», 2008. — 358 с.

Книга известного литературного критика Вячеслава Лютого «Русский песнопевец» включает в себя статьи о таких значительных литературных явлениях современности, как творчество Юрия Кузнецова, Светланы Сырневой, Евгения Семичева, Дианы Кан, Марины Струковой и других. Кроме того, в принципиально новом ракурсе рассматриваются поэзия Дмитрия Кедрина и проза Андрея Платонова, раскрываются идейные основы постмодернизма и разбирается его литературная практика.

ПОЭЗИЯ

Владимир МОЛЧАНОВ

«Я ВЕРЮ — ДУХ РОССИИ ВЕЧЕН...»

Владимир Ефимович Молчанов — родился в 1947 году на Кубани. Окончил Воронежский государственный университет. Автор девяти книг стихотворений, поэм и переводов. Член СП СССР с 1990 года, член Союза журналистов с 1983 года, лауреат премии Белгородского комсомола (1983), лауреат всероссийских литературных премий «Прохоровское поле» (2003), имени А. И. Фатьянова «Соловьи, соловьи...» (2004) и др., журналов «Наш современник» (2007), «Молодая гвардия» (2008), заслуженный работник культуры Российской Федерации (1999). Председатель Белгородской писательской организации, секретарь СП России. **Живет в Белгороде.**

* * *

Есть слова, как по горлу лезвием,
Есть слова, как могильный крест.
Есть пока на земле поэзия —
Значит, что-то святое есть.

Есть желанья до слез обидные,
Клевета есть, и ложь, и лесть.
Есть пока на земле любимые —
Значит, все-таки искренность есть.

Пусть не все, как хотелось, пройдено
В доброте или, может, зле.
Есть пока у людей своя Родина —
Значит, есть Человек на земле...

ТАНКОВОЕ ПОЛЕ

1

Вдоль дороги травы
И хлебов стена,
Поле русской славы —
Наша сторона.
Защитили Правду
В битвах мы не зря.
Над водой Непрядвы
Мирная заря.

Танковое поле,
Дней кромешный ад.
Здесь народам волю
Отстоял солдат.
И в сраженье новом
Русь была сильна
Полем Куликовым,
Днем Бородина.

Дружно зреют вишни,
Близится июль,
И давно не слышно
Свиста мин и пуль.
Но шумят дубравы,
И цветут луга,
Поле русской славы —
Курская дуга.

2

Здравствуй, Танковое поле, —
вот и мы к тебе пришли,

Не изведавшие боли
кровью политой земли.
В небе тихо…
По-за лугом
речка сонная тиха,
Но, встревоженные плугом,
бьют осколки в лемеха.
Здравствуй, поле!
Как угодно
о людской суди вине,
Кто пришел к тебе сегодня —
знает цену тишине.
Верь нам, поле…
Люди, верьте, —
наша память не слаба.
Между смертью и бессмертьем —
человечества судьба.
Верь людскому поклоненью,
верь велению любви,
Это наше поколенье
поднималось на крови.
В наших силах, в нашей воле
отобрать всю власть у тьмы.
Здравствуй, Танковое поле!
Вот пришли к тебе и мы.

3

Потерпевший под Москвой
И на Волге пораженье,
В этом танковом сраженье
Враг особенно был злой.

Тыща двести танков!.. Пыль
С кровью смешана, с угаром.
С каждым грохотом-ударом
В небеса взлетал ковыль.

Воздух бешено порол
Вой «катюш» мотивом смертным.
В боевом порядке первым
Старшина машину вел.

Ни на пядь нельзя назад.
Вдруг — удар! На силу — сила…
И танкиста ослепила
Тьма внезапная в глазах.

А за тьмой — враги, враги…
Осознать не все успевший,
Вел свой танк танкист ослепший,
С болью стиснув рычаги.

Месть священна и крута,
Хоть глазницы кровью плачут.
И казалась самой зрячей
Для врага машина та.

Мчался танк сквозь рев и свист
С грозным, яростным размахом,
Словно видел над рейхстагом
Красный флаг слепой танкист.

4

И вновь я думаю о доле,
О боли Родины моей.
С платформы «Танковое поле»
Смотрю на солнечность полей.
Смотрю на братские могилы,
Что в центре каждого села.
Какая жизненная сила
На этом поле полегла?!
Смотрю на контур танка черный,
Смотрю на красный цвет куста —
И понимаю очень четко,
Что победила правота.
Покуда войны есть и боли —
Надеждой светит мне во мгле
Платформа «Танковое поле» —
Платформа мира на земле.

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Дороги, дороги, дороги…
Слиянье речушек и рек.
Бездушие чувствуя многих,
Слабеет душой человек.
Как трудно быть преданным музе,
Достойно ответить врагам,
Когда накопившийся мусор
К твоим выметают ногам.
Когда тебя душит усталость,
И хоть бы кто словом помог,
Когда в тебе крови осталось
На восемь трагических строк…

* * *

Дорога как дорога:
Обочины, столбы,
Щемящая тревога
Изменчивой судьбы.

Высокие березы,
Степные васильки.
И мамин взгляд сквозь слезы
Вослед из-под руки…

* * *

Как богата судьба моя бедная
И крутой мой характер полог,
Когда звонкое солнце полдневное
Золотит свежесметанный стог.

Будто праздная птаха и шустрая,
Отдыхаю в душистом стогу.

Оттого перед всеми и чувствую
Я себя в неоплатном долгу.

Жду — привалит богатство мне,
бедному,
Я с людьми расплачусь — видит Бог!
Только желтому полюшку хлебному
Не отдать мне вовеки свой долг.

* * *

Я верю — дух России вечен,
Он неподвластен временам.
Не страшно мне, что быстротечно
Земное время у меня.

Меня страшит совсем иное,
Россия, милая моя,
А вдруг я той любви не стою,
Какой любим тобою я?

Лишь об одном к тебе взываю:
Когда настанет этот час —
Ты приходи ко мне такая,
Какая есть во мне сейчас:

Четой берез, прохладой речек.
Неповторимы и просты,
Пускай плывут душе навстречу
Твои бессмертные черты…

* * *

А тяга к Родине священна.
Она — не черная тоска,
Она, как тонкое свеченье
Новорожденного листка, —

Что с упоением глубоким,
Прорезавшись, прошелестит,
И даже край, забытый Богом,
Тобой нисколько не забыт.

И в том твое предназначенье —
Той тяге верным быть сполна.
И тем еще она священна —
Своя у каждого она.

Не осуждайте ностальгии,
Когда за тридевять земель
Кто-либо тянется к России
Устами сквозь проклятый хмель.

Надежда жизни — возрожденье,
Когда и прошлое не в счет.
Надежда жизни — возвращенье,
Туда, где будущее ждет.

В каком бы отдаленье не был,
Ревнуя, сетуя, скорбя,
В надежде, что взорлишь ты в небо,
Рождает Родина тебя…

* * *

Е. И. Носову

Россия…
Родина…
В высоком
Сиянье звездном небосклон,
И в чистом поле за проселком
Вечерний наковальни звон.

Огни родимого селенья,
Гармошки голос в стороне
И речки вечное теченье —
Пока я жив — живут во мне.

И будут жить,
Пока в высоком
Сиянье звездном небосклон,
А в чистом поле за проселком
Вечерний наковальни звон…

* * *

…И покуда не умру —
Помнить буду: лодку,
Озерко в родном бору,
Между сосен тропку.

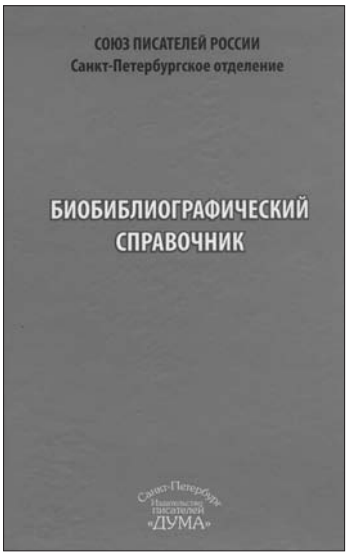
И покуда не погас
Свет звезды, качаясь, —
Каждый день и каждый час
В детство возвращаюсь.

И покуда у полей
Так светлы дороги —
Цельность Родины своей
Сохраню до крохи…

ВЫШЛА КНИГА

От составителя

В предлагаемое читателям издание включены биобиблиографические справки о всех писателях, входящих в состав Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России по состоянию на 1 мая 20011 г. В книгу включены также справки об умерших писателях, которые были членами нашего отделения Союза писателей России. В справочнике даются о каждом писателе (прозаике, поэте, драматурге, переводчике, критике-литературоведе) собственно биографическая справка, основные авторские публикации (как правило — изданные книги) и в некоторых случаях литература о писателе. К сожалению, дать исчерпывающий, полный перечень всех публикаций, как авторских, так и об авторе, мы не можем в силу ряда причин.

В биографическую справку включены: время и место рождения, трудовая деятельность, образование, участие в войнах, правительственные награды и звания, ученые степени, время начала литературной работы и время вступления в Союз писателей.

В библиографический раздел вошли сведения о всех наиболее значительных книгах каждого автора. Как правило, отмечаются только первое и второе издание книги. Авторефераты кандидатских и докторских диссертаций в библиографию не включены.

В разделе библиографических работ о писателе, как уже отмечалось выше, приводятся только монографии. Журнальные и газетные статьи не включаются. Ссылок на энциклопедии не дается.

Евгений ПРИМАКОВ

МИР, В КОТОРОМ НАХОДИТСЯ РОССИЯ*

Евгений Максимович Примаков — родился в 1929 г. в Киеве. В 1953 г. окончил Московский институт востоковедения, а в 1956 г. — аспирантуру МГУ. Доктор экономических наук, профессор, академик РАН. В 1985–1989 гг. — директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Был Председателем Верховного Совета СССР. 1991–1996 гг. — директор Службы внешней разведки России. 1996–1998 гг. — министр иностранных дел РФ, затем Председатель Правительства РФ. С 2001 г. президент Торгово-промышленной палаты РФ. С 2011 г. председатель директоров федерального сетевого оператора «НИС ГЛОНАСС». Писатель, лауреат многих российских и иностранных премий и наград. **Живет в Москве.**

* Статья подготовлена на основании материала из книги «Мысли вслух» (М.: Российская газета, 2011) и публикации в «Российской газете» (29.02.2012).

Определение характера внешней среды для России — непростая проблема, но от этого в значительной степени зависит направление и внешней, и внутренней политики страны. Холодная война закончилась до появления Российской Федерации на карте мира в качестве самостоятельного государства. С окончанием холодной войны ушел в прошлое исторический этап идеологического противостояния двух самых сильных в военном отношении держав — Советского Союза и Соединенных Штатов. Наступил конец двухполярного мироустройства. Многие, в том числе и в нашей стране, считали, что происходит переход к однополярному миру. В пользу этого приводились, казалось бы, убедительные доводы: перестали существовать Советский Союз, Варшавский договор, Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) — на мировой арене остались Соединенные Штаты, теперь уже самая сильная в мире страна не только в экономическом и научно-техническом, но и в военном плане. Сохранил и даже усилил свои возможности блок НАТО, объединяющий США и их союзников. Как не подумать в таких условиях об однополярном мироустройстве?

Вывод об однополярности мира после окончания холодной войны основывался еще на двух предположениях: во-первых, что США выиграли холодную войну, а СССР проиграл ее; во-вторых, что и после холодной войны, уже в новой обстановке, США сохранили не только количественные, но и качественные атрибуты сверхдержавы — сплочение под своей эгидой целого ряда государств, которые за обеспечение своей безопасности платили подчинением американским командам. Такие выводы крайне несостоятельны. По словам бывшего посла в Москве

Джека Мэтлока: «В США распад Советского Союза восприняли как военную победу, что привело к появлению настроений триумфализма и ощущения всемогущества “единственной в мире сверхдержавы”… Рейган, например, никогда не говорил, что мы победили в холодной войне. Он писал в своих мемуарах, что это результат договоренности между партнерами… США не одержали победу в холодной войне, но американские руководители начали вести себя так, будто они победили»[1].

Мэтлок был не единственным в подобных оценках. Один из старейших и наиболее уважаемых политиков Дж. Кеннан назвал «глупостью и ребячеством» предвыборное выступление в 1992 году Буша-старшего, заявившего о победе США в холодной войне.

Нужно признать, однако, что подобно Мэтлоку и Кеннану думали не все, в том числе в Москве. И нисколько не случайно, что под шум разговоров о деидеологизации международных отношений российский МИД начал свою деятельность с проявления готовности ориентировать Россию на следование в качестве ведомой в фарватере, проложенном Соединенными Штатами. Выстраиваемая конфигурация выбивала Россию из мировой политики в качестве независимой силы, что было пагубно для нашей страны. Это происходило в то время, когда мировое сообщество уже признало Россию преемницей СССР, в том числе обладающей статусом постоянного члена Совета Безопасности ООН. Избегать конфронтации с США — конечно, этого требовали наши национальные интересы. Но безропотно присоединяться к «цивилизованному Западу», руководимому США, когда остальной мир российский министр иностранных дел называл «шантрапой», — такая перспектива лишала страну самостоятельности и была чревата ее втягиванием во все более проявлявшийся авантюрный курс Соединенных Штатов.

Президент Б. Н. Ельцин, который в деталях не разбирался в мировых делах, но, несомненно, обладал острой интуицией, предложил мне, тогдашнему руководителю Службы внешней разведки, возглавить МИД. Он, естественно, был знаком с моим резко отрицательным отношением к тенденции однополярного мироустройства — я регулярно, раз в неделю, встречался с Президентом и докладывал ему обстановку в мире, опираясь на анализ источников разведки. Ответил он прямо и на мой вопрос: будет ли способствовать мое назначение министром иностранных дел его переизбранию на второй срок (шел 1996 год) — ведь на Западе смена министров иностранных дел России, да еще и мое назначение, вызовет отнюдь не положительную реакцию? «А может быть, это и к лучшему», — отреагировал Ельцин.

В Соединенных Штатах все больший вес приобретала политика, направленная на утверждение американской гегемонии в мире через однополярное мироустройство. Ее проявлениями стали и расширение НАТО вопреки обещаниям, данным американскими и другими западными руководителями советскому руководству перед окончанием холодной войны, и односторонний выход Соединенных Штатов из Договора по ПРО, существование которого сдерживало гонку вооружений, и предпринятые без санкции Совета Безопасности ООН бомбардировки Югославии, осуществленные НАТО по приказу Вашингтона, несмотря на то, что далеко не все лидеры стран, вхо-

[1] Интервью журналу US News and World Report 22 января 2010 г.

дящих в этот союз, были, мягко говоря, в восторге от предпринимаемых действий.

Главными проводниками такой политики стали американские неокономы (неоконсерваторы), получившие решающее влияние при президентстве Буша-младшего. Их усилиями была создана доктрина унилатерализма, согласно которой в мире, сложившемся после холодной войны, США берут на себя миссию единолично определять государства, угрожающие безопасности мирового сообщества, и без соответствующего решения Совета Безопасности ООН применять против них вооруженную силу. Принятая Вашингтоном доктрина не предусматривала даже согласие союзников США на их действия — в НАТО существует принцип консенсуса, и доктрина обходила это препятствие.

Плацдармом для отработки доктрины унилатерализма стал Ирак, поэтому необходимо подробнее остановиться как на реальности выдвинутых Вашингтоном причин военной операции против Ирака, так и на результатах американской оккупации этой страны.

Предлогом для вооруженной интервенции США послужила фальсификация американских спецслужб, утверждавших, что Ирак производит ядерное оружие. Если его не обнаружила Спецкомиссия ООН, которая проводила длительные инспекции на месте, то его найдут американские военные контролеры, — эти слова звучали в Вашингтоне, когда президент Буш-младший решил ввести войска в Ирак. Через семь лет после ввода войск, во время пребывания в иракском городе Рамади, министр обороны США Роберт Гейтс признал: «Проблема для американцев с этой войной заключается в том, что те предпосылки и предположения, на основании которых мы приняли решение начать боевые действия — то, что Саддам имеет оружие массового уничтожения, — были надуманными».

Если говорить точно, то не надуманными, а вымышленными. После оккупации не только не удалось найти следы ядерного оружия или его производства, но и обнаружить связи режима Саддама Хусейна с «Аль-Каидой» — об их существовании тоже заявляли представители администрации Буша-младшего, пытавшиеся создать общественное мнение, благоприятное вторжению в Ирак.

Уже в ходе военной интервенции был выдвинут еще один побудительный момент — необходимость привнести в Ирак демократию. Слов нет, режим Саддама Хусейна нуждался в демократических переменах. Но такие изменения не могут экспортироваться, тем более навязываться силой, а форма демократии должна учитывать национальные особенности Ирака — историю, традиции, религиозную обстановку, социально-экономическую ситуацию. Этим универсальным правилам пренебрегла под влиянием неоконов администрация Буша-младшего, сконцентрировавшаяся на доказательстве существования однополярного мира.

Результаты вторжения США в Ирак окончательно похоронили доктрину унилатерализма. Операция была начата в 2003 году и через семь с лишним лет, 1 сентября 2010 года, было объявлено о ее окончании — боевые части были выведены из Ирака. Чего добились США, потеряв за этот срок около 5 тысяч солдат и офицеров убитыми и 32 тысячи ранеными? Потери иракцев, в том числе в междоусобицах, начавшихся после аме-

риканской оккупации, составляют, по различным источникам, от сотни тысяч до миллиона человек.

Я далек от идеализации режима Саддама Хусейна и, в частности, от отрицания его антишиитской политики[1]. Кровавые столкновения с шиитами происходили и при Саддаме. Это были столкновения между шиитами и правительственными войсками, но не на религиозной почве. После ввода американских войск война между шиитами и суннитами в Ираке приобрела религиозный характер — взрывы, уносящие сотни верующих, происходили и в мечетях.

После американской оккупации усилилась угроза территориального развала Ирака. Будучи корреспондентом газеты «Правда», я с 1966 по 1970 года неоднократно посещал север Ирака, был по указанию Москвы привлечен к устройству мира между курдами и Багдадом. В тот период у меня возникли теплые, доверительные отношения с лидером курдов Муллой Мустафой Барзани. В 1969 году я познакомился с Саддамом Хусейном, тогда еще не президентом, которому были поручены «курдские дела». Во многом благодаря усилиям Советского Союза в 1970 году было подписано мирное соглашение, по которому курды получили автономию. Я спросил Барзани: удовлетворяет ли его автономия в Ираке, или он намерен добиваться создания независимого курдского государства? По словам Барзани, в случае реальной автономии его и «палкой не прогонишь из Ирака». «Если будет создан независимый Курдистан, — сказал Барзани, — против него незамедлительно объединятся Ирак, Иран, Турция и Сирия. На их территориях компактно проживают курды, которые будут стремиться присоединиться к курдскому государству». Аналогичный ответ я получил и от сына Барзани Масуда — нынешнего президента Курдской автономии, когда встретился с ним в 2008 году в Эрбиле. Но в настоящее время меньше уверенности в отсутствии сильных сепаратистских настроений у иракских курдов. После американской интервенции курды явно усилили свои позиции на севере и свое влияние в Багдаде. Как представляется, нарастает реальная перспектива арабо-курдских столкновений, особенно в ту пору, когда будет происходить определение границ Курдской автономии, — курды намерены включить в нее г. Киркук и богатейший нефтью район Киркука.

Но и курдской проблемой не ограничивается перспектива развала Ирака на части. Шииты, поддерживаемые Ираном, претендуют на отделение населенного ими юга Ирака. После оккупации страны американцы хотели найти «модус вивенди» в федерализации Ирака, однако эта идея не нашла достаточного числа сторонников.

Поставив во главу угла ликвидацию всего того, что в этой стране было при баасистском режиме, США, по сути, способствовали исламизации государственного устройства Ирака. Объявив вне закона баасистскую партию, которая строилась не по религиозному принципу, Соединенные Штаты начали опираться на исламские религиозные политические объединения шиитов — «Иракский национальный альянс» (ИНА) во главе с шиитским лидером аль-Хакимом, «Государство закона» во главе с премьер-министром

[1] При Саддаме Хусейне у власти в Ираке находились в основном сунниты, в то время как 60 % населения Ирака составляют шииты — представители другого направления ислама. В общемировом плане соотношение иное — суннитов около 90 % среди мусульман.

аль-Малики. С этими двумя объединениями[1], так же как с «армией Махди», которую возглавляет радикальный шиитский лидер ас-Садр, тесно сотрудничает Тегеран, не скрывающий своей приверженности к религиозному методу государственного правления.

Еще одним результатом американской оккупации Ирака было превращение его в плацдарм деятельности «Аль-Каиды». Массированная переброска боевиков «Аль-Каиды» из Афганистана в Ирак придала этой террористической организации второе дыхание. В свое время много говорили и писали об успехах США, которым удалось с помощью денег и поставок вооружений склонить на свою сторону часть суннитских племен и сформировать суннитскую милицию «Сыновья Ирака» численностью до 100 тысяч человек. Созданные отряды были брошены против боевиков «Аль-Каиды» и нанесли по ним серьезные удары. Но положение далеко не стабилизировалось. В 2009 году на выборах в Ираке победили шиитские партии, и американские обещания создать серьезные позиции для суннитов в руководстве страной, а «Сыновей Ирака» включить в армию и полицию, в общем и целом оказались невыполненными. «Сыновья Ирака» прекратили существование, что открыло дорогу для «Аль-Каиды» в восстановлении своих позиций.

Один из главных результатов американской военной операции в Ираке заключается в том, что она нарушила баланс сил в регионе. После того как был ликвидирован режим Саддама Хусейна, региональной державой стал шиитский Иран. Заговорили даже о возможности создания «шиитского пояса», простирающегося от Ирака до Ливана. Еще до начала вторжения США в Ирак в США была издана книга, авторами которой были бывший президент Буш-старший и его помощник по вопросам национальной безопасности Брент Скоукрофт. Интригующим моментом этой книги было перечисление причин, по которым США во время операции «Буря в пустыне» не пошли на Багдад, а ограничились ударом по иракской армии, оккупировавшей Кувейт, что заставило Саддама Хусейна принять американский ультиматум и вывести свои войска из этой арабской страны. Тогда Буш-старший, Скоукрофт и министр обороны США генерал Пауэлл не ставили своей целью свержение иракского режима, хотя путь к Багдаду был практически открыт. Объясняя мотивы такой «сдержанности», авторы книги пишут, что они опасались того, что Ирак погрузится в хаос, и главное — опасались выхода Ирана на передовые позиции в регионе. Буш-младший и окружившие его неоконы оказались менее предусмотрительными. Так или иначе, но результаты американской военной операции в Ираке продемонстрировали полный провал попыток создать однополярный мир в современных условиях.

Нужно сказать, что подобные попытки предпринимались и в прошлом. Фашистская Германия пыталась создать мироустройство под своим началом. Я далек от того, чтобы ставить Советский Союз на одну доску с гитлеровской Германией, но особенно в 20–30-е годы в СССР была широко распространена идея мировой революции, то есть создания единого миропорядка. История XX века показала, что мир не может быть объединенным на идеологической основе. XXI век, в свою очередь, демонстрирует, что однополярное мироустройство не может быть навязано миру даже в том случае,

[1] Их основой стали две иракские шиитские партии — Высший исламский совет Ирака и Партия исламского призыва («Даава»).

когда одно из мировых государств, вырываясь из общего ряда, становится самой сильной державой в мире.

Бесперспективность однополярного мироустройства подтвердил развившийся в первой декаде XXI века мировой финансовый кризис, переросший в мировой экономический кризис. Важный урок, который следует извлечь из этого кризиса, — несостоятельность мировой финансовой системы, управляемой из одного центра. Доминирующее положение в ней доллара США очевидно. Но в условиях отсутствия или слабой развитости других резервных валют проявилась неустойчивость такой системы. Очевидно, будущее за созданием региональных финансовых центров. Судя по всему, по такому пути пойдут и КНР, и Россия. Это отнюдь не означает, что следует умалять роль доллара, но можно предвидеть, что привязанность к нему валют многих государств будет ослабевать.

Крах доктрины унилатерализма тесно связан с полной неудачей американской политики экспорта демократии. Стремление силой навязать другим странам американскую или «западную» модель демократии без учета исторических, традиционных, социально-экономических, религиозных особенностей стран-объектов такой политики напоминало троцкистский курс экспорта революции. Троцкисты при этом абстрагировались от вопроса, существует ли революционная ситуация в тех странах, куда они намеревались экспортировать революцию.

Навряд ли полностью исчезли из отношений США с другими странами мотивы назидательной «защиты прав человека», но при администрации Б. Обамы они перестали доминировать. В немалой степени этому способствовал тот тупик, в котором оказалась американская политика в Афганистане. Как известно, после 11 сентября 2001 года Вашингтон объявил войну терроризму и возглавил военную коалицию, составив ее ядро, которая совершила интервенцию в Афганистане. Но многолетняя оккупация этой страны не принесла очевидных успехов в борьбе с международным терроризмом. В таких условиях акцент на расширение применения вооруженной силы в Афганистане с охватом территорий и Пакистана в конечном счете может иметь контрпродуктивный результат — усиление цивилизационных противоречий в глобальном плане. Пожалуй, развитие таких противоречий на цивилизационно-религиозной основе — один из наиболее опасных разворотов событий в XXI веке. Нужно предпринять все усилия, чтобы борьба между цивилизациями не вышла на передний план, когда исторически удалось отодвинуть угрозу глобальной войны.

Терроризм — не единственный реальный вызов человечеству в наш век. Не меньшую опасность представляет угроза распространения ядерного оружия и других средств массового поражения. Позиция всех участников ядерного клуба, в который входят и Россия, и Китай, так же как преобладающего большинства государств, заключается в том, чтобы не расширять состав стран, уже владеющих ядерным оружием. В настоящее время на пороге обладания им находится КНДР, а Иран создает техническую базу, возможность использования которой для создания ядерных боеголовок вполне очевидна. Понимая степень возникающей опасности, Россия и Китай руководствуются в своей деятельности поисками мирных средств с целью прервать процессы, происходящие в ядерной области в КНДР и Иране. Можно считать, что позиции наших двух стран играют основную роль в

сдерживании тех кругов, которые, не заботясь о последствиях, горят желанием применить военную силу против Ирана и Северной Кореи.

Сегодня печатные и электронные СМИ пестрят сообщениями и выводами о готовящемся ударе по Ирану. Есть основания считать, что это один из вариантов развития событий. Судя по обстановке, больше всех заинтересован именно в таком решении «иранской проблемы» Израиль. Он может начать операцию, либо получив на это согласие Вашингтона, либо в расчете на неминуемое присоединение США к военным действиям.

Однако Соединенные Штаты пока что воздерживаются от того, чтобы зажечь «зеленый свет». Очевидно, сказывается ряд причин. Администрация президента Обамы не заинтересована в резком накале обстановки в непосредственно предвыборный период. Не благоприятствует США и нынешняя ситуация в мусульманском мире в связи с тем, что американские солдаты в Афганистане сожгли Коран. Антиамериканские демонстрации захлестнули Афганистан и Пакистан — не помогли публичные извинения, в том числе президента Обамы. Несмотря на широкую поддержку сирийской оппозиции извне, потерпел неудачу план молниеносного свержения режима Асада. Израильский удар по Ирану может в целом потопить этот план — в случае солидарности США с Израилем, наносящим удар по Ирану, а Вашингтону навряд ли удастся уйти от этого, будет трудно положиться на поддержку американской политики в отношении Сирии со стороны арабских государств.

Удар по Ирану был бы авантюрой похлеще даже интервенции в Ираке, порожденной американскими неоконсерваторами, прочно окружавшими президента Буша-младшего (вспомним, что и тогда оправданием военной операции США были оказавшиеся фальсификацией утверждения, будто Ирак производит ядерное оружие). К чему привела вооруженная интервенция против Ирака, широко известно: дестабилизация, полураспад страны, разгул терроризма, разбалансирование ситуации во всем регионе.

Думаю, что мнения многих в руководстве США отражает заявление председателя комитета начальников штабов генерала Мартина Демпси, который после бесед, проведенных в Израиле, публично и категорично высказался против удара по Ирану. Но на этом рано ставить точку. Беспрецедентный случай, когда заявление самого высокопоставленного американского генерала получило оскорбительную оценку как «служение иранским интересам» со стороны администрации израильского премьер-министра Нетаньяху. Еще более беспрецедентно, когда в пользу такой оценки высказались двое американских сенаторов, находившихся с визитом в Тель-Авиве, Маккейн и Грэхем. Если кто-то ожидал от этих ультрапатриотов защиты чести своего, американского военачальника, то он просчитался. Это, как мне представляется, подтверждает тот факт, что в Соединенных Штатах, особенно в конгрессе, далеко не все негативно настроены в отношении возможности удара по Ирану. В пользу такого вывода говорит не только перебазировка в Персидский залив значительных военно-морских сил США, но и подозрительно участившиеся визиты в Иран (два в течение одного месяца) делегации МАГАТЭ, которая, очевидно, в значительной части утратила независимость, свойственную ей при прежнем руководителе аль-Барадеи. На этот раз делегация МАГАТЭ потребовала открыть ей доступ в Парчин — комплекс по производству вооружений южнее Тегерана. Иран

отказал. Кстати, этот комплекс ранее не значился в качестве «подозрительных мест» по производству ядерного оружия.

Против обретения Ираном ядерного оружия настроены практически все, в том числе и Россия. Но как добиться этого? Конечно, не военным путем — находясь в стеклянном доме, в данном случае на Ближнем Востоке, опасно бросаться камнями. Контрпродуктивны и экономические санкции. В преддверии запрета на импорт иранских энергоносителей странами Европейского Союза (с 1 июля прошлого года) Иран сам прекратил их поставки в Великобританию и Францию, переориентируя экспорт на Азию. Трудно, если вообще возможно, рассчитывать на то, что Китай и Индия откажутся от импорта иранских нефти и газа, а от прекращения их потока в Европу пострадают прежде всего сами европейские страны. Прогнозы свидетельствуют, что это приведет и к общему росту цен на энергоносители.

Где же выход из ситуации, при которой Иран наращивает процессы обогащения урана, но заверяет всех — и это, как представляется, соответствует действительности — что не создает ядерное оружие. Пока, во всяком случае. Естественно, Иран следует подталкивать к тому, чтобы он не углублялся в процессы, которые вызывают тревогу в мире. Но силовые приемы однозначно вызовут обратную реакцию. Разрядить обстановку в интересах всех могли бы переговоры с Ираном по целому комплексу проблем, включая безусловно контролируемое исключение производства ядерного оружия, но наряду с этим — создание условий для мирного использования атомной энергии, отказ от экономических санкций, вовлечение Ирана в позитивные процессы мирного урегулирования в регионе. Этот комплекс должен предусматривать и нормализацию американо-иранских отношений. «Мы предлагаем признать право Ирана на развитие гражданской ядерной программы, включая право обогащать уран, — пишет в статье “Россия и меняющийся мир” Владимир Путин. — Но сделать это в обмен на постановку всей иранской ядерной деятельности под надежный и всесторонний контроль МАГАТЭ. Если это получится — тогда отменить все действующие против Ирана санкции, включая односторонние».

Мне представляется, что такой подход, а не выдергивание из всего комплекса справедливых, однако подчас целенаправленно обостряемых требований МАГАТЭ, возможен. Альтернативы такому «пакетному» решению нет. А для его воплощения в жизнь, очевидно, следует незамедлительно возобновить прерванные переговоры с Ираном шести государств — США, Россией, Китаем, Францией, Британией и Германией.

Совместных усилий требует противодействие и другим угрозам и вызовам. Среди них резко обострившаяся климатическая ситуация в мире. События 2010 и 2011 годов дали немало примеров, насколько опасна для жизни и благополучия сотен тысяч, миллионов людей разбушевавшаяся природа. Необходимы коллективные работы в области прогноза климатических изменений на земном шаре.

Итак, поражение идей однополярного мироустройства в XXI веке стало реальностью. Ушла в прошлое и двухполярная система, существовавшая в годы холодной войны. К какому мироустройству движется мир сегодня? При всей разнице подходов к попыткам ответа на этот вопрос политики-реалисты исходят или, во всяком случае, должны исходить из понимания, что складывающееся мироустройство, с одной стороны, объективный процесс, а с

другой — должно просматриваться через призму способности удовлетворить потребности мирового сообщества в укреплении стабильности и безопасности на международной арене. Я принадлежу к тем, кто без колебаний утверждал и утверждает, что уже в конце прошлого столетия после окончания холодной войны начала складываться многополярная мировая система. Ее становление было предопределено неравномерностью развития различных государств. В докризисный период, то есть до 2008 года, доля Китая в *приросте* мирового ВВП превосходила долю США в 6 раз. Быстрее американской экономики развивались экономики Индии, Европейского Союза. В период мирового финансово-экономического кризиса такая тенденция не изменилась.

Важно подчеркнуть, что неравномерность развития затронула и такую важнейшую область, как технико-технологическая. США пока сохраняют мировое лидерство в этой области, но к ним начал приближаться Китай. В 2008 году доля Китая в мировом экспорте высокотехнологичной продукции составляла 21 %, в то время как доля США — 13 %, Германии — 9,3 %, Японии — 7,1 %. Если экстраполировать нынешние тенденции в мировом научно-техническом прогрессе, то, по мнению целого ряда экспертов, у Китайской Народной Республики есть реальные шансы уже к середине XXI века приблизиться к США. Центрами научно-технического прогресса остаются и объединенная Европа и Россия, особенно в области фундаментальных наук.

Однако ряд политиков и политологов, несмотря на объективные показатели крайней неравномерности экономического и технико-технологического развития государств, отказались признавать многополярность современного мироустройства. Все больше понимая ущербность позиции прямой защиты однополярной системы, акцент, также и некоторыми российскими политологами, делался на том, что многополярность якобы сама по себе отрицает возможность объединения усилий государств в укреплении мировой стабильности и безопасности. Один из наших политологов писал: «Очень точно выразилась по этому поводу Кондолиза Райс». И далее следовала цитата из статьи бывшего государственного секретаря США: «Некоторые с восхищением — и даже чувством ностальгии — говорят о многополярности так, как будто она хороша сама по себе и к ней следует стремиться ради нее самой. Реальность же состоит в том, что многополярность никогда не была объединяющей идеей. Она представляла собой необходимое зло и поддерживала состояние без войны, но никогда не способствовала победе мира. Многополярность — это теория соперничества, теория конкурирующих интересов и — хуже того — конкурирующих ценностей»[1].

Здесь все поставлено с ног на голову. Я не знаю ни одного политика или ученого-политолога, который испытывал бы ностальгию по поводу многополярности в прошлом — до Первой или Второй мировой войны. Но разве можно игнорировать неоспоримый факт, что нынешнее изменение контуров мироустройства, переход к многополярному миру осуществляется в условиях нового этапа глобализации. Это приводит к тому, что наряду с многоцентризмом развивается и взаимозависимость различных мировых полюсов. Темпы роста мировой торговли обгоняют темпы роста мирового

[1] Независимая газета. 2008. 16 сентября.

ВВП. Транснациональный характер предпринимательских связей становится доминирующим.

Глобализация не приводит к развороту по спирали к прошлому. Многополярность XXI века резко отличается от многополярности, существовавшей в XX столетии. Она *сама по себе* не подталкивает к конфронтации между государствами, созданию враждебных друг другу военных союзов, значение которых имеет явную тенденцию к снижению. Им на смену уже приходят — это было абсолютно нехарактерно в прошлом — интеграционные объединения государств главным образом в области экономики или политических соглашений, направленных на стабилизацию обстановки в том или ином регионе[1].

Переход к многополярной системе — это процесс, а не одноразовое изменение, имеющее законченный характер. Поэтому большое значение приобретают различные тенденции, подчас противоречивые, проявляющиеся по мере этого перехода. Некоторые из них имеют своим источником неравномерность развития государств, успехи или неудачи интеграционных объединений. Непосредственно сказывается и подвижное соотношение между, условно говоря, курсом на перезагрузку отношений и унаследованной у холодной войны инерционной линией поведения государств, укоренившейся во время периода откровенной конфронтации. Это соотношение двух тенденций проявляется и в политической, и в военной, и в экономической областях. Поэтому правильный вывод, что многополярное мировое устройство само по себе в условиях глобализации не ведет к конфликтным ситуациям, военным столкновениям, не исключает весьма сложной обстановки, в которой осуществляется процесс перехода к такой системе.

В виде антипода многополярному миру появилось понятие «бесполярный мир». Родоначальником такого представления о мироустройстве после двухполярной системы можно считать Ричарда Хааса — президента американского Совета по международным отношениям. Написал на эту тему книгу «Второй новый миропорядок» и Николай Злобин — директор российских и азиатских программ американского Института мировой безопасности (бывший Центр оборонной информации США). На определенном эта-

---

[1] Вспоминаю, что, будучи министром иностранных дел, после поездки в Индию выдвинул идею «треугольника» — Россия, Китай и Индия. Идея заключалась не в создании формального союза, тем более военного, а в сближении углов этой «геометрической фигуры», существование которой было призвано сохранять стабильную обстановку в обширном регионе. Идея получила развитие, во всяком случае, она, очевидно, способствовала сближению Индии и Китая, отношения которых желали лучшего. Наряду с двусторонними отношениями стали практиковаться «треугольные» обсуждения, консультации, которые приносили несомненную пользу.

Сравнительно недавно появился расширенный вариант — БРИКС: к трем странам, образующим треугольник, добавилась латиноамериканская Бразилия, затем Южно-Африканская Республика. Критерием для такого образования могла послужить объединяющая все эти страны черта — достаточно быстрое увеличение ВВП. Это, конечно, имеет немалое значение для выработки совместных подходов к различным тенденциям, развивающимся на глобальном уровне, особенно в финансовой области. Определенное понимание такой «четырехугольной общности» внес сам автор термина БРИК Джим О'Нил, один из руководителей международного инвестиционного банка Goldman Sachs. В начале 2011 года он предложил расширить БРИК, объединив эту четверку стран не только с ЮАР, но и с Турцией, Южной Кореей, Индонезией и Мексикой в группу «рынков роста». Это предложение О'Нил сделал в связи с тем, что, по его мнению, следует отказаться от термина «развивающиеся страны», так как в такую категорию входят страны, демонстрирующие разный экономический рост.

пе теория «бесполярного мира» стала достаточно модной и была подхвачена некоторыми российскими политологами.

Что представляет собой идея «бесполярного мира»? Ричард Хаас, изложивший ее в статье, опубликованной в журнале «Форин афферс» (2008. № 3), противопоставил бесполярность, «где власть распределена по многочисленным, более или менее равным друг другу центрам», многополярности, «когда власть сконцентрирована в некоторых определенных точках». Злобин назвал бесполярным «мир, где большие страны утрачивают контроль за международной повесткой дня, где региональные проблемы и конфликты выходят на первый план, — Иран, Ирак, Северная Корея, Ближний Восток, Абхазия, Южная Осетия, Косово. И часто большие страны не совсем понимают, как реагировать в той или иной ситуации, какую политику проводить»[1].

«Бесполярники» исходят из того, что сегодня не только невозможен однополярный мир — это абсолютно правильно, — но на смену соперничеству и конкуренции различных неравно развивающихся полюсов пришла их беспомощность, когда «уже нет определенных центров силы и политического влияния».

Расширение круга центров силы и влияния в мире — это, конечно, верно подмеченная черта современного мироустройства. Но это отнюдь не идентично ликвидации механизмов контроля над «международной повесткой дня», доведению роли национальных государств чуть ли не до нулевой отметки, превращению в самостоятельных игроков на международной арене стран, создавших (кстати, при прямом участии тех же великих держав) конфликтные ситуации.

Такое рассмотрение обстановки в сегодняшнем мире выглядит весьма поверхностным. Конечно, «Большая восьмерка» уже не может претендовать на выработку международной повестки дня, но акцент в таких условиях справедливо делается на использовании с этой целью «двадцатки». Естественно, Совет Безопасности ООН не должен отражать по составу в первую очередь постоянных членов, положение, сложившееся после Второй мировой войны, но речь идет не о его ликвидации, а о расширении числа участников СБ. Действительно, многие малые страны нагнетают обстановку в регионах, но можно ли из этого сделать вывод о бесполюсном мире? А как тогда расценивать тот, как представляется, неопровержимый факт, что нейтрализация этих опасных очагов региональной напряженности невозможна без прямого участия государств, которые в бесполярном мире, по мнению авторов этого понятия, уже не обладают ни силой, ни влиянием.

Сторонники идеи «бесполярного мира» считают, что он неизбежно приведет к хаосу, дестабилизации. Как противостоять этому? Ричард Хаас пишет весьма определенно: «США должны поработать над средствами провалов государственных проектов и ликвидации последствий таких провалов.

Это потребует создания и обслуживания еще более мощных вооруженных сил, способных лучше противостоять тем угрозам, которые они встречают и в Афганистане, и в Ираке. Вдобавок к военным резервам необходимо создать их гражданский аналог для успешной аккумуляции талантливых кадров с целью работы над основами национального строительства. Оказывая слабым государствам экономическую и военную помощь, мы сможем

[1] www.inosmi.ru, 9 июня 2009 г.

обеспечить им успешное выполнение своих обязательств перед соседями и собственными гражданами»[1]. Разве все это не программа восстановления тенденции однополярного мироустройства, конец которого вместе с другими провозгласил сам Хаас?

В спорах о нынешнем мироустройстве в пользу многополярности, как это ни выглядит на первый взгляд парадоксально, высказалась администрация Б. Обамы. В мае 2010 года была опубликована новая «Стратегия национальной безопасности США». Перед тем как передать этот документ для ознакомления в конгресс — с представителями прессы встретились госсекретарь США Хилари Клинтон и советник президента по вопросам национальной безопасности Джеймс Джонс. Характеризуя новую стратегию США, Х. Клинтон заявила о готовности принять факт многополярности нынешнего мира: «Мы не можем допустить, чтобы США отсутствовали где-либо в этом большом мире. Но мы готовы работать со всеми странами и использовать принцип многополярного подхода (к решению международных проблем), и мы хотим изменить свой подход в сторону многополярного мира и мультипартнерских отношений». По ее признанию, в современном мире в одиночку США не могут решить ни одну глобальную проблему — в этом отразился разрыв с тенденцией построения однополярного мироустройства. По словам Клинтон, США намерены укреплять отношения не только с традиционными союзниками, но «с такими ключевыми странами, как Россия, Китай, Индия» — это прозвучало как ответ на теоретические изыскания «бесполярников», отрицающих роль великих держав в определении направлений развития ситуации на мировой арене. В подтверждение этого вывода можно привести слова Д. Джонса о том, что «стратегия США предполагает усиление роли “Большой двадцатки”».

Изменение подходов США к проблемам мирового устройства и миропорядка, сближение их опубликованной стратегии с образовавшимися реальностями после холодной войны создают условия для взаимодействия центров многополярного мира против общих вызовов и угроз, в первую очередь международного терроризма, распространения ядерного оружия, природных катаклизмов. Это отнюдь не означает, что нивелированы геополитические, геоэкономические и иные противоречия между полюсами, но они не должны определять суть политики тех, кто по-прежнему несет ответственность за международную безопасность. Конфронтационность многополярности в прошлом, приведшая к Первой и Второй мировым войнам, становится достоянием истории. Именно становится, а не уже стала. Многое зависит, в частности, от того, удастся ли в тех же Соединенных Штатах взять реванш силам, убежденным в необходимости американского гегемонизма через однополярное мироустройство современного мира.

Каково место России в этом многомерном мире? Прежде всего, нужно сказать, что Россия унаследовала те *природные* преимущества, которые были у Советского Союза. И после распада СССР Россия остается самым большим по территории государством на земле, расположенным на двух континентах — в Европе и Азии. В недрах России суммарно более трети мировых природных ископаемых. Кроме того, Россия унаследовала у СССР весь — подчеркиваю, весь — ракетно-ядерный потенциал и ныне яв-

[1] Foreign Affairs. 2008. № 3. May-June.

ляется единственным в мире государством, сопоставимым с США по своим военно-стратегическим возможностям.

Все это так. Но эти преимущества не вечны. Для их воспроизводства необходимы недюжинные постоянные усилия. Говоря, например, о природных дарах России, следует, как это ни прискорбно, привести следующие факты: около 95 % российской территории расположены севернее Западной Европы и северной границы Соединенных Штатов. Именно в этих районах, где по определению товарно-рыночное производство нерентабельно, расположено от 60 до 95 % всех российских природных богатств — нефти, газа, редких металлов, леса. Постоянных усилий по модернизации требует и ракетно-ядерный потенциал России — на это уходят огромные финансовые средства.

Нужно признать, что экономика — самое слабое звено для России, выступающей в качестве мировой Державы, но, несмотря на все еще нерешенные проблемы, есть основания считать, что экономический рывок России состоится. Характеризуя сегодняшнее экономическое положение России, можно с уверенностью сказать, что она преодолела самую острую фазу мирового экономического кризиса. В результате предпринятых антикризисных мер удалось предотвратить разрушение банковской системы, обозначилось обновление реального сектора экономики и, что очень важно, не допущено падение уровня жизни населения. Важно и другое: в России растет число лиц, стремящихся модернизировать экономику. Перспективу экономического развития России не перечеркивают еще не преодоленные препятствия.

Определяя место России в сегодняшнем мире, следует учитывать и искреннее стремление нашего государства играть одну из ведущих ролей в реальных делах по сохранению стабильности и безопасности на международной арене, и все более вписываться в мировую экономическую систему. Для внешней политики страны погоду не делает та сравнительно небольшая группка российских граждан, которая ошибочно считает, что, пока не решены жгучие внутренние проблемы, нам не следует претендовать на роль великой Державы. Люди, придерживающиеся таких взглядов, очевидно, не понимают — дело даже не в одних лишь традициях, а в том, что без России трудно, если вообще возможно, противодействовать вызовам и угрозам человечеству в XXI веке. Не следует забывать, что Россия сама является объектом этих вызовов и угроз. Вместе с тем активное участие нашей страны в международных делах, несомненно, облегчает решение внутренних проблем.

Нетрудно заметить, что мировой экономический кризис не заставил Россию, как некоторые другие государства, искать выход из трудностей в протекционизме, изоляционизме. В частности не изменилось стремление нашей страны к вхождению в ВТО, хотя это в целом положительно, но чревато рядом непростых последствий, которые российской делегации приходится устранять или смягчать во время переговоров.

Принципиально важно для России то, что президенту Обаме удалось настойчиво преодолеть сопротивление противников Договора по СНВ, подписанного им и Президентом Медведевым, и довести дело до ратификации Договора конгрессом США. Очень многие не верили в такую возможность, однако ратификация состоялась. По Договору для двух стран в течение семи лет установлен потолок ядерных боеголовок — не более 1550, развернутых и неразвернутых носителей — до 800. Ратифицировала Договор

СНВ-3 (такое он получил название) и Государственная Дума. После этого решающее значение будет иметь отношение сторон к проблеме взаимосвязи между стратегическими наступательными вооружениями (о пределах которых договорились) и противоракетной обороной. В американском конгрессе, можно считать, преобладают те, кто полагает, что подписанный Договор СНВ не связывает США в осуществлении их линии на одностороннее развертывание глобальной ПРО с эшелоном в Восточной Европе вблизи российской территории. Россия, которая не в состоянии вести гонку с США в области ПРО и не намерена делать это, будет вынуждена в таком случае выходить из Договора СНВ-3 и наращивать наступательные ядерные силы. Мы недвусмысленно предупредили об этом Вашингтон. Надежда на то, что, несомненно, ослабленная Россия по сравнению с Советским Союзом не справится с этой задачей, безосновательна. В условиях возникновения реальной угрозы потери состояния обоюдного ядерного сдерживания военная элита, патриотические силы в обществе сумеют настоять на мобилизации необходимых финансовых, материальных, интеллектуальных ресурсов для того, чтобы не допустить опасного для России изменения в соотношении ракетно-ядерных сил. Конечно, это крайне нежелательно для России, так как придется часть этих средств, по-видимому значительную, использовать уже не на социальные нужды и не на гражданское строительство.

В этой связи вспоминаю свой разговор еще в 70-х годах прошлого столетия с американским коллегой Г. Сондерсом, с которым близко сошелся во время участия в так называемом Дартмутском движении[1]. За плечами у Сондерса была служба в Госдепартаменте США, и он мне рассказал об «игре», которая состоялась во время Карибского кризиса. Условием «игры» был разбор ситуации без применения ядерного оружия. Сондерс возглавлял команду «красных», которые приняли решение «не выводить ракеты с Кубы». Ответная реакция противоположной стороны, по словам Сондерса, была следующей: «нанесение локального ядерного удара по городу с небольшим населением». Сондерс от имени своей команды прекратил игру, заявив, что в таком случае «красные» либо ответят всеми имеющимися ядерными средствами, либо в Кремль придут военные. Иной реакции не предполагалось. Очень поучительные воспоминания…

Было бы хорошо, чтобы наши американские партнеры решали проблему ПРО, предвидя результаты тех или иных вариантов и в краткосрочном, и в долгосрочном плане, не упуская из виду, что сотрудничеством с Россией можно на деле воспрепятствовать опасной для всех гонке вооружений с ее, прямо скажем, тупиковым результатом. Если она приведет к глобальной ядерной войне, то это будет война, способная уничтожить все живое на земле. Сознательный расчет на подготовку такой войны? — думаю, он отсутствует. Но присутствует страх, который может сыграть зловещую роль. Присутствует и случайность, которая может обернуться трагедий. Словом, нужно стремиться к росту взаимного доверия.

---

[1] «Дартмутские встречи» регулярно проводились между представительными советскими и американскими группами. В отсутствие регулярных контактов по официальной линии такие встречи играли положительную роль в обсуждении злободневных вопросов безопасности и региональных конфликтов.

Владимир ГРЕКОВ

«ОЧЕРКИ АРАБСКОЙ СМУТЫ»

1. «Арабская весна» и ее предварительные итоги

Так называемая «арабская весна», в результате которой в начале 2011 г. посыпались, один за одним, подобно подгнившим копнам сена, вполне стабильные и достаточно благополучные в недалеком прошлом режимы в Тунисе и Египте, обострилась до предела борьба за власть в Йемене, зашатались устои долголетних правлений на Бахрейне и в Сирии, прошли массовые антиправительственные манифестации в Алжире, Иордании, Марокко и Саудовской Аравии, наконец, буквально «из ничего» возникла жестокая вооруженная междоусобица в Ливии, стала одним из главных событий на международной политической арене, а также предметом активных дискуссий в международных СМИ и не только в них.

Было выдвинуто множество гипотез, положений, соображений и идей, вплоть до самых невероятных, однако, как представляется, до сих пор полной картины происшедшего на Ближнем Востоке и в Северной Африке так составлено и не было. Это — дело будущего, возможно, не столь близкого.

Как представляется, одномоментно, в одном регионе, всегда отличавшемся своей сложностью и взрывоопасностью, сложились объективные обстоятельства для кардинальных изменений, если хотите, для завершения определенного исторического цикла длиной в несколько десятилетий, за которым должна будет последовать некая качественно новая историческая фаза.

Во многом аналогичные резкие пертурбации поразили на рубеже 90-х годов прошлого столетия Восточную и Центральную Европу, в результате которых и обрушилась казавшаяся

незыблемой и динамично развивавшейся «мировая система социализма». Правда, «арабская весна» характеризуется, на наш взгляд, еще и тем, что к вроде бы спонтанно возникшим внутренним событиям оперативно и достаточно умело подключились внешние факторы, направившие движение арабских масс в нужное им, третьим сторонам, русло, прежде всего путем использования новейших электронных и информационных технологий. Достаточно часто, как в ливийском, йеменском и сирийском случаях, речь шла о прямой дезинформации и информподлоге с целью придать событиям нужную направленность и подходящее цветовое оформление, настроить соответствующим образом международную общественность. Неоднократно западные и региональные телеканалы, особенно часто — печально знаменитый катарский «Аль-Джазира», что называется, «хватали за руку», доказывая лживость их телесюжетов, однако тем все сходило с рук, поскольку, по-видимому, полностью отвечало интересам и замыслам планировщиков и кураторов этих процессов.

Не станем вдаваться в детали событий в Тунисе и Египте, послуживших катализатором общественно-политических изменений во всех углах арабского мира — они, в общем-то, известны, хотя тоже изрядно извращены в СМИ. Дело обычное: «никогда так не врут, как перед войной и после охоты», добавим в нашем случае — и в ходе так называемых «арабских революций». Заметим лишь, что после спонтанного взрыва народного возмущения в спокойном доселе Тунисе далее события, захватывая одну арабскую страну за другой, развивались почти как по нотам, написанным другими людьми и совсем в иных местах.

Волна «арабской весны», докатившаяся до Турции и Ирана, привела к серьезным изменениям в этом важнейшем регионе мира. Свергнуты, причем достаточно легко и просто, два ведущих в прошлом арабских лидера, заметим, вернейшие союзники США и Запада, — Х. Мубарак в Египте и З. Бен Али в Тунисе. Отстранен от своего поста президент Йемена А. Абдалла Салех, гнется под ударами оппозиции и санкциями со стороны США и ЕС режим Б. Асада в Сирии, однако покуда не ломается. Особняком стоит вопрос с Ливией, который будет рассмотрен ниже.

Устояли, во всяком случае пока, режимы в Алжире, Марокко, Саудовской Аравии, Иордании, Ираке и на Бахрейне, где также начинались массовые народные волнения, не получившие продолжения и подчеркнуто оставленные без внимания западными СМИ. Устояли по различным причинам: кое-где сработала «монархическая солидарность», кое-где, как на Бахрейне, имело место прямое вооруженное вмешательство, кое-где все отложено «на потом». Это также ничего не значит: во всех этих краях сохраняются разнообразные предпосылки, которые можно легко реанимировать и развить, направив события по «тунисскому, египетскому» либо, в крайнем случае, по «йеменскому или даже ливийскому пути». «Твиттерно-эсэмэсовская революция», успешно апробированная на слабой и практически беззащитной Ливии, отныне может быть продублирована в любом, подчеркиваем, в любом другом уголке земного шара. В этом, вероятно, и заключается один из основных уроков «арабской весны».

Интересен факт сохранения режима на Бахрейне, население которого, шиитское в своем большинстве, очевидно не приемлет правления суннитского меньшинства. В данном случае и вовсе имело место прямое вооруженное

вмешательство соседней страны — Саудовской Аравии, однако это было воспринято так называемым «мировым сообществом» абсолютно спокойно, скорее одобрительно. Столь же благожелательно взирают и на нынешние попытки саудовцев присоединить к себе Бахрейн (по сути, поглотить его). Еще бы, ведь на Бахрейне базируется V флот США, вот уже несколько десятилетий «защищающий» страны Персидского залива и Аравийского моря от всяческих бед и недругов.

В Тунисе, где на определенном этапе сложилась почти классическая революционная ситуация и народные массы требовали коренных реформ, включая полную смену режима, правящие круги отделались сдачей перетрусившего президента З. А. Бен Али с кланом его проворовавшихся родственников, сменой правительства и отстранением от управления страной правящей партии ДКО, руководившей ею под разными названиями со времени получения в 1956 г. независимости. В суматохе революционных перипетий погибло несколько десятков человек, в частности полицейские и сотрудники спецслужб президента, некоторые особенно одиозные его родственники. На этом первый этап тунисской революции пока завершился.

В свете разгона дискредитировавших себя в глазах народа спецслужб свергнутого президента Бен Али произошло усиление роли армии, которая не без труда сумела удержать ситуацию и, похоже, будет стараться сохранить свои позиции и в дальнейшем. К тому же, будучи людьми прагматичными еще со времен Карфагена, тунисцы подсчитали свои убытки от «арабской весны» и ужаснулись, осознав, сколь многого они лишились, не получив взамен практически ничего. Время от времени в Тунисе продолжают вспыхивать забастовки и манифестации, однако второго этапа тунисской революции может и не случиться. Тем не менее воспоминания о ней будут служить грозным напоминанием не только для тунисского, но и для других режимов в регионе.

В Египте, если бы не трагическая гибель нескольких сотен человек, все напоминало бы среднего уровня оперетку, единственным, по сути, результатом которой стало отстранение от власти «Раиса» Хосни Мубарака с его семейным кланом и прогнившей правящей партией бизнесменов от политики. После миллионных протестных демонстраций в центре Каира, Александрии и двух-трех других городах страны властью — с благословения западников (американцы даже подослали в Каир своего бывшего посла в АРЕ Ф. Визнера, который быстро убедил Х. Мубарака уйти со всех постов) — прочно завладела египетская армия. При этом главным в ней является отнюдь не министр обороны, формально остающийся первым человеком в государстве, а начальник Генштаба генерал-лейтенант С. Эннан. Он, как известно, в момент начала народных манифестаций в центре Каира прямиком слетал в Пентагон, где и получил конкретные подробные инструкции о своих дальнейших независимых шагах.

В результате египетская армия, всегда остававшаяся «государством в государстве», в условиях народного возмущения и пальцем не пошевелила, чтобы спасти своего главнокомандующего Х. Мубарака, являющегося, кстати, настоящим героем египетской нации, фактически поддержав требование об его отставке. Не следовало бы упускать из вида, что в США никогда не скрывали, что в течение продолжительного времени занимались подготовкой египетских оппозиционеров (так называемое «Движение 6 апреля»),

инвестируя в этот проект солидные средства и обучая будущих активистов методике и практике антирежимных действий, так, как это было в свое время проделано в отношении Сербии, Грузии, Киргизии и на Украине.

Ровно такая же программа, кстати, с благословения Госдепартамента США и при его прямом финансировании, многие годы действует против Сирии. Результаты этой работы сегодня очевидны: в авангарде сирийских оппозиционеров, добивающихся падения правительства Б. Асада, идут именно эти люди, а их действия через мобильную связь и Интернет направляют сирийцы, долгие годы живущие в США, Англии и Франции и имеющие соответствующие гражданство и помыслы. Точно так же известные американские НПО готовят кадры для будущих социальных потрясений и в целом ряде других стран, нередко, — под благожелательным взглядом недальновидных или просто компрадорски настроенных властей.

В свете происходящего в арабском мире можно с изрядной долей уверенности предполагать, что от столь резких общественно-политических изменений более всего выиграют группировки местных исламистов. В том же Тунисе они без особых усилий выиграли парламентские выборы, оставив далеко позади все светские партии. И это — в Тунисе, стране, где всегда существовала многопартийность, были достаточно развиты структуры гражданского общества, после почти пятидесятилетнего существования светской системы управления! И не надо заблуждаться: тунисские исламисты будут и дальше наращивать свои позиции в стране, одновременно, в силу объективных для современного мусульманского общества обстоятельств, в их среде будут неизбежно нарастать правые и, нельзя исключать, экстремистские тенденции. Такие времена настали: светские веяния, превалировавшие в арабском мире во второй половине прошлого века, резко сменяются возвратом к религиозному проекту (иногда его именуют «новым халифатом»). Не случайно же в настоящий момент «бал» в арабском сообществе правят известные своей специфической демократией, продвинутой политической культурой и толерантностью монархическо-теократические режимы Саудовской Аравии и Катара.

Эти моменты нашли очередное подтверждение во время парламентских выборов в Египте в ноябре 2011 г. Имеющие немалый и разноплановый опыт политической деятельности египетские «Братья-мусульмане» провели успешную предвыборную кампанию и получили более 40 % голосов избирателей. Более четверти голосов собрала салафитская (ваххабитская) партия «Нур». Таким образом, исламисты уже на первых постреволюционных выборах в Египте (не будем здесь говорить об их прозрачности и честности, этим занимаются вездесущие западники), доказали, что превращаются в главную политическую силу страны, которая непременно станет добиваться избрания и собственного президента, ведя дело к конституционному захвату полной власти в стране. Условия для этого, особенно на фоне явного разброда и шатаний в среде египетских светских сил, дезориентированных обвальным падением одного за другим светских режимов, сегодня для этого имеются.

Что ожидает в недалеком будущем Египет, главную страну арабского мира? Сможет ли египетская армия сказать свое слово и переломить ход событий, как ей это неоднократно удавалось в прошлом? Ведь она существует не сама по себе, но является сколком с египетского общества со всеми его трудностями и особенностями. Не стоит забывать, что в египетской военной среде исламисты издавна пользуются большим, пусть и скрытым влиянием:

вспомним хотя бы, что предшественника Х. Мубарака Анвара Садата убивали исламисты, носившие египетскую военную форму…

А пока из Египта поступают сообщения то о взрывах на газопроводах на Синае, питающих сырьем, среди прочих, и Израиль, то о вылазках исламских экстремистов, то о попытках разрушения посольства Израиля в Каире, то о погромах христианских храмов, то о гибели футбольных фанатов. Тем временем египетская дипломатия, бывшая сильнейшей в арабском и в исламском мире, все очевиднее утрачивает свою ведущую в прошлом, в том числе в Лиге арабских государств, роль, которую присвоили и активно используют в своих узкокорыстных целях уже упомянутые Саудовская Аравия и Катар.

На таком фоне, при отслеживании событий в Египте, прежде всего, по телевидению, возникает ощущение, что эта древняя нация с уникальной цивилизацией, позабыв о таких великих событиях в своей недавней истории, как июльская революция 1952 г., национализация Суэцкого канала, отпор тройственной агрессии 1956 г., драма «шестидневной» войны в июне 1967 г., о Высотной Асуанской плотине, об «убуре» (форсировании) Суэцкого канала в октябре 1973 г., откатилась лет на сто назад — прямиком в темное колониальное прошлое.

Достаточно было бы, например, понаблюдать за пребыванием в Каире в марте 2011 г. госсекретаря США Х. Клинтон (не самого, надо признать, сильного и профессионально подготовленного куратора внешней политики США), чтобы прийти к выводу относительно состояния этого крупнейшего арабского государства. Как вела себя там г-жа госсекретарь — отдельный вопрос, ее, как верно подметил один российский политолог, «часто заносит», порой даже складывается ощущение, что мадам Клинтон и определяет внешнюю политику США, не особенно оглядываясь при этом на Б. Обаму. Что касается египетских чиновников, то они держали себя так, что впору было вспомнить о временах, когда Египтом управляли надменные британцы. Во всяком случае, на фоне согнутости и подобострастия египтян перед заурядной американкой египетский хедив, затащивший в XIX в. самого себя и собственный народ в финансовую кабалу, а затем в колониальную зависимость от Лондона, «отдыхает».

Очень хотелось бы здесь ошибиться, но кроме «неоколониализм» иной термин и здесь подыскать сложно.

2. Ливийская трагедия

Перейдем к самому показательному и сложному во всех смыслах случаю — ливийскому. Вспомним, как развивались события в те драматические дни.

26 февраля 2011 г. Совет Безопасности ООН единогласно принял «первую ливийскую резолюцию» за № 1970, вводившую санкции против Триполи, лично М. Каддафи и его ближайшего окружения в военной и финансовой области. Тогда много говорилось о том, что это, мол, — «хорошая резолюция», и нужно ей «дать хорошенько поработать».

Оперативно были вскрыты, главным образом, в западных, а также японских банках чуть ли не сто с лишним миллиардов долларов США вкладов ливийского лидера и членов его семьи (по некоторым данным, их суммар-

ная величина к началу 2011 г. превышала 110 млрд долл.). Еще более оперативно было заморожено около сорока миллиардов долларов, из них более 30 млрд — в США, что стало крупнейшей по масштабу подобной акцией в американской истории. Кое-где, в частности в Великобритании, было еще более оперативно конфисковано имущество, принадлежавшее членам семьи Каддафи (в западных СМИ в этот период слышались горькие сожаления в связи с тем, что имя Каддафи имело чуть ли не сорок различных вариантов написания, так что западным оперативникам-финансистам пришлось изрядно попотеть). В этот же период поступала информация о том, что большое множество ливийских денег, объявленных принадлежащими семье Каддафи и официальным ливийским организациям, просто исчезло, уйдя в неизвестном направлении. В этой связи в ряде публикаций на данную тему имела хождение версия о том, что одной из главных причин расправы с М. Каддафи и его семьей явилась именно финансовая составляющая, в том числе в контексте мирового финансового кризиса. Еще бы, десятки миллиардов долларов, неподконтрольных никому и не требующих (и не потребующих) еще длительное время никакого отчета. Мечта любого банкира. Нечто подобное было проделано западниками с деньгами Саддама Хусейна, которые годами крутились непонятно где в то время, когда иракские дети тысячами умирали от голода и болезней.

Какой сегодня век на дворе? Для некоторых членов международного сообщества, похоже, XVIII или XIX — применительно к другим, разумеется.

Что это, если не неоколониализм?

Резолюция № 1970 СБ ООН призывала ливийские власти «уважать права человека, обеспечить доступ международным наблюдателям, обеспечить безопасность всех иностранных граждан и их имущества, обеспечить доставку в страну товаров гуманитарного и медицинского назначения и доступ для гуманитарных учреждений и работников, отменить ограничения в отношении средств массовой информации».

В соответствии с этим положением Совет ООН по правам человека направил из Женевы в Ливию своих представителей для проведения расследования обстоятельств сложившихся в стране, начиная с 17 февраля 2011 г. В эти же дни в Триполи с аналогичной миссией прибыл вновь назначенный спецпредставитель Генсекретаря ООН по Ливии, бывший министр иностранных дел Иордании А. Аль-Хатыб.

Этим международным чиновникам были предоставлены все возможности посетить те места, в которых, якобы, имели место массовые репрессии, расстрелы с вертолетов и самолетов народных демонстраций и т. д.

В первый день своего пребывания в Джамахирии международные представители проявили интерес к поездкам по ее столице и ближайшим окрестностям, тем более, что ситуация в тех краях была абсолютно спокойной. За день до этого многие районы Триполи, где, якобы, были подавлены народные выступления, проинспектировала группа послов, аккредитованных в ливийской столице. Они не обнаружили никаких следов столкновений или, тем более, массовых расстрелов манифестантов. К слову, массовые манифестации в Триполи были, но все они проходили под лозунгами поддержки линии М. Каддафи. Зачем ему было нужно их подавлять?

Через два дня международные чиновники затребовали поездки на более отдаленные расстояния, сделав акцент на желании посетить предместья

Триполи, в том числе г. Завия, где на самом деле в конце февраля произошли вооруженные столкновения правительственных войск с бунтовщиками, ряд из которых впоследствии оказались наемниками — египтянами и палестинцами, проплаченными противниками ливийского режима. Такая возможность была чиновникам ООН предоставлена, они проехали по этим местам, проинспектировали все, что им показали, и выразили желание продолжать свою миссию, тем более, что местные власти во главе со своим лидером проявили полную готовность сотрудничать с ними.

Однако вечером того же дня представители женевского Совета были спешно, без каких-либо видимых причин отозваны из Триполи, а спецпредставитель Генсекретаря ООН А.Аль-Хатыб срочно вылетел на Мальту, где он, якобы, должен был встретиться с лидерами ливийских повстанцев. На этом «объективное международное расследование» событий в Ливии представителями ООН было завершено, и к нему больше не возвращались. Сообщений о встречах А. Аль-Хатыба с местными оппозиционерами также не поступало.

Примечательно, что ливийская сторона, выполняя резолюцию № 1970 СБ ООН, провела собственное расследование случившихся в стране происшествий, начиная с 15 февраля, с привлечением к нему местных старейшин и шейхов племен. В результате была собрана и подтверждена следующая информация:

— в самом начале ливийского кризиса 15–18 февраля, когда демонстранты в г. Бенгази, втором городе страны, двинулись к зданиям полиции и властей с требованием освобождения нескольких задержанных накануне за нарушение общественного порядка лиц, местным силовикам был отдан из Триполи приказ не стрелять;

— выстрелы из охотничьих ружей и пистолетов раздались со стороны демонстрантов — некие затесавшиеся в их ряды элементы (по утверждениям ливийских источников, это были местные исламисты, отпущенные в 2009–2010 гг. из тюрем по протекции старшего сына лидера Сейф аль-Ислама в рамках процесса либерализации) стреляли прицельно в полицейских;

— после этого из Триполи поступило второе распоряжение — открывать огонь исключительно по ногам бунтующих, что в ряде случаев не остановило демонстрантов, большей частью — молодых людей 15–18 лет, находившихся под воздействием наркотиков, щедро выделенных теми же ливийскими исламистами.

В результате происшедших на первом этапе внутренних столкновений на востоке Ливии (к ним — чем дальше, тем больше — приложили руку некие внешние источники, активно агитировавшие ливийских граждан по каналам Интернета и мобильной связи из Египта, ряда арабских и западноевропейских стран действовать по примеру тунисцев и египтян, провести 17 февраля 2011 г. «день гнева», требуя свободы и демократии), число погибших полицейских и военнослужащих в ряде городов на востоке Ливии, в частности в оплотах ливийских исламистов — городах Дерна и Аль-Бейда, равнялось, а в ряде случае — превышало потери среди «мирных демонстрантов».

В аналогичном духе в те дни высказывались и некоторые послы, аккредитованные в Триполи и волей случая оказавшиеся в Бенгази, а также представители ряда международных НПО, в частности «Amnesty International».

Ее сотрудник, проведя три месяца на территории ливийской Киренаики, смог подтвердить информацию лишь о 110 погибших в Бенгази, включая полицейских и военных.

Все эти факты были оставлены без внимания даже в арабском и африканском сообществе, не говоря уже о западных демократиях. В тот момент мировому сообществу в лице США, его союзников по НАТО, а также поддерживавших их руководству Катара и Саудовской Аравии, были нужны не объективные расследования, а обвинения в адрес М. Каддафи, — и чем хлестче и страшнее они были бы, тем больше это устраивало заказчиков ливийской смуты.

В результате тщательного расследования не получили подтверждения и сообщения о фактах «массовых изнасилований», о которых кричали все западные СМИ, равно как и случаи использования режимом М. Каддафи «африканских наемников» (ливийцы — уроженцы южных районов страны, принадлежащие к сахарским и негроидным племенам, всегда охотно и массово шли на службу в части «вооруженного народа»). А вот со стороны повстанцев использование наемников практиковалось достаточно широко. Кроме вышеупомянутого случая в г. Завия, известно множество моментов, когда египтяне и палестинцы за плату воевали на стороне мятежников, а также о случаях в городах Аль-Бейда, Дерна и Тобрук на востоке Ливии, когда людям отрезали головы — в полном соответствии с «почерком» бандитов из «Аль-Каиды». Но подобная информация также была оставлена «объективными международными СМИ» без внимания.

Справедливости ради, следует заметить, что в те дни некоторые западные СМИ нехотя, вполголоса признавали, что «в Киренаике действуют Ливийская исламская боевая группа, Организация «Аль-Каида в странах исламского Магриба» и собственно «Аль-Каида», чьи боевики составляли более 15 % численности вооруженных формирований повстанцев». Сообщалось также, что М. Абдель Джалиль — председатель Переходного национального совета, самозваного органа, присвоившего по указке Запада себе роль «нового руководства страной» и признанного им в качестве такового, «придерживается исламистских взглядов». Кстати, послан в Бенгази он был самим М. Каддафи, который попросил его в качестве руководителя высшего органа юстиции страны разобраться с тем, что произошло на ее востоке, в Киренаике, и предложить вариант выхода из кризиса.

Словом, крики о «преступления ливийского режима против собственного народа» не выдерживают серьезной критики. Как отмечал сайт «Counter Punch», «ложь, использовавшаяся для оправдания войны НАТО против Ливии, превзошла ту, которая была сконструирована для оправдания вторжения в Ирак». Такие организации как «Amnesty International» и «Human Rights Watch» также опровергли все доводы, использовавшиеся для оправдания военного вторжения НАТО в Ливии. Однако на Западе не хотели никого и ничего слушать, и призывы этих организаций так и остались «гласом вопиющего в пустыне». Решение уничтожить режим М. Каддафи было окончательным и пересмотру не подлежало ни при каких обстоятельствах.

Задержимся на мгновение на той роли, которую в ливийской драме сыграли международные электронные СМИ, медийные сети и телеканалы, прежде всего, катарский телеканал «Аль-Джазира». По результатам интен-

сивной, плотной обработки общественного мнения в странах Запада, арабском мире и других регионах можно говорить об их прямом, ангажированном участии в «электронной, твиттерной революции», итогом которой стал привнесенный в Ливийскую Джамахирию извне кровавый внутренний конфликт с трагическими последствиям для ее государственности и всего региона.

Особенно усердствовал в январе-марте 2011 г. канал «Аль-Джазира», который систематически способствовал разжиганию в Ливии братоубийственной розни и формированию извращенной картины случившегося там. Грустно было видеть, как СМИ большинства стран мира, не давая себе труда разобраться, что же на самом деле происходит в Ливии, пытаться объективную отражать картину событий, шли по пути наименьшего сопротивления и просто брали целиком сюжеты у «Аль-Джазиры», западных телеканалов, выдавая их за истину. К сожалению, таким примитивным способом работало и большинство российских журналистов, за редчайшими исключениями. А корреспонденты «Аль-Джазиры», находясь в Египте и где-то в Западной Европе, в надрывно-трагическом ключе ежедневно гнали в эфир откровенную ложь и смесь слухов с полуправдой, наполняя его стенаниями о не имевших места «зверских расправах ливийского режима над собственным народом при помощи авиации, артиллерии и пулеметов», без тени стеснения показывали какие-то ролики, снятые Аллах знает где (позже выяснилось, что некоторые из этих шедевров киноискусства создавались на съемочных площадках в Катаре).

Не сильно ошибался полковник М. Каддафи, когда заявил, что «резолюция № 1970 Совета Безопасности ООН впервые в истории человечества была принята на основании телевизионных репортажей». Так сказать, политическое нововведение, своеобразное международное неоколониальное «ноу-хау». Весьма грозный прецедент для всех, особенно слабых, стран в эпоху глобализации и динамичного развития электронных технологий, все активнее и наглее используемых для достижения внешнеполитических целей.

Самое неприятное — это то, что в новейшей истории, по всей видимости, сохранится однобокая, предвзятая, да и просто лживая версия событий, происшедших в Ливии, в ее восточной части, а правды после не доищешься и днем с огнем.

Приведем один пример подобного, плоского и ангажированного видения событий в Ливии, появившийся в серьезной газете «Шарк аль-Аусат» в Лондоне 3 августа за подписью некоего Хусейна Шобокши:

«Мы были свидетелями стремительного развития событий в Ливии, когда после падения египетского и тунисского режимов в Джамахирии заполыхало восстание. Во власти повстанцев оказался весь восток страны со вторым по значимости и населению городом Бенгази. В надежде быстро расправиться с бунтовщиками или, по крайней мере, вселить в них ужас полковник (М. Каддафи) двинул против повстанцев всю мощь своей армии — бомбардировочную авиацию, оружие залпового огня, танки, тяжелую артиллерию. Цветущая страна за считанные дни превратилась в кромешный ад. Пытаясь остановить бойню и прорвать завесу молчания вокруг Ливии, Франция и Катар заявили о том, что режим Каддафи утратил легитимность. Международные организации, политические движения и партии выражали солидарность с ливийским восстанием и наводили с ним

коммуникационные мосты. Ряды повстанцев быстро пополнялись офицерами, солдатами, государственными деятелями, политиками, бежавшими от ненавистного режима, который уже испускает дух, и нет никого вокруг, кто выразил бы ему сожаление, сочувствие или симпатии».

Вот такая история с географией. Правдивым здесь является, пожалуй, только термин «мятежники» и еще пассаж о превращении страны из «цветущего рая в кромешный ад», правда, это произошло позднее — в результате бомбардировок авиацией НАТО. Так и хочется повторить вслед за героем одного известного романа из русской литературы: «Вот пример не просто вранья, а вранья от первого до последнего слова».

Хотелось бы привести здесь одну интересную деталь, связанную с взаимодействием Запада с ливийскими мятежниками, а именно: министр иностранных дел Франции А. Жюппе (бывший французский премьер) узнал о признании Парижем Переходного национального совета (ПНС) в качестве «единственного законного представителя ливийского народа» из телевизионных сообщений, поскольку президент Франции (теперь уже бывший) Н. Саркози сделал это, не уведомив собственного министра, чуть ли не на ступеньках Елисейского дворца, обнимая того же самого М. Абдель Джалиля, как незадолго до этого обнимал полковника М. Каддафи, клянча у того контракты в военной и атомной сферах.

В ночь с 21 на 22 февраля 2011 г. в Триполи внезапно дестабилизировалась ситуация, до этого в столице и ее окрестностях все было спокойно. Все началось поздним вечером 21 февраля, когда министр иностранных дел Великобритании У. Хейг, не моргнув глазом, выдал в эфир информацию, согласно которой М. Каддафи «покинул свою страну и летит в Венесуэлу» (по словам британских дипломатов, министр получил эти сведения «из надежных источников и не ссылался на распространяемые в Интернете слухи»). Буквально спустя минуты на ночные улицы ливийских городов повылезали непонятно кто, начались драки, столкновения, поджог полицейских участков, грабеж лавок и магазинов, словом, все шло «как по маслу» — в соответствии с замыслами британцев, американцев, французов и иже с ними. Постреливали в полицейских, вначале из ружей и пистолетов, затем — из автоматического оружия. Полицию, по существу, принудили отвечать огнем из автоматов, а по мере роста давления на нее — и из пулеметов. Ночь была крайне тревожной, жители ливийской столицы вооружались, чем попало, блокировали свои кварталы и сами охраняли свои жилища от вторжения бандитствующих элементов.

Утром 22 февраля улицы и площади Триполи напоминали своих тунисских и египетских собратьев в дни «арабской весны». Расчет, судя по всему, делался на то, что М. Каддафи поймет дружескую подсказку западников (американские представители много раз вслух рассуждали о том, что отъезд лидера из страны мог бы привести к разрешению кризиса) и последует примеру президента Туниса З. А. Бен Али, сбежавшего в Саудовскую Аравию, или, на крайний случай, Х. Мубарака, безропотно сдавшего властные полномочия.

Однако М. Каддафи и не думал покидать свою страну. На следующий день государственное ливийское телевидение показало 22-секундный ролик с лидером, который, выходя из автомобиля и прикрываясь огромным серым зонтом от идущего в Триполи проливного дождя, заявил: «Я нахожусь в

Триполи, а не в Венесуэле, не верьте телеканалам, принадлежащим бродячим собакам». Тотчас же все беспорядки в Триполи и его окрестностях, где проживает более трети населения страны, прекратились, как по мановению волшебной палочки. И только на востоке страны, в Киренаике, бандиты, бузотеры и экстремисты из исламистских группировок продолжали при всё возраставшей помощи западников громить всех и вся, накапливая силы для развязывания полномасштабной гражданской войны.

А на Западе все меньше и меньше стеснялись, почувствовав полную безнаказанность в отношении Ливии. Британский премьер Д. Кэмерон заявил о возможности применения военной силы против режима М. Каддафи, а официальный представитель Пентагона полковник Д. Лапан сообщил, что США в связи с событиями в Ливии производят перегруппировку военно-морских и военно-воздушных подразделений, расположенных на базах на Ближнем Востоке. Именно тогда, еще до принятия «второй ливийской» резолюции СБ ООН, на территорию Джамахирии стало поступать оружие, в частности из Великобритании и Катара.

На таком общем фоне и шла работа над «второй ливийской» резолюцией Совета Безопасности, вводящей более жесткие ограничения в отношении Джамахирии. Не изобретая велосипеда, американцы и иже с ними использовали собственный прошлый опыт и стали настойчиво протаскивать через СБ ООН очередное санкционное решение, стержнем которого являлось положение о так называемой «бесполетной зоне», успешно отработанное против Ирака в 90-е гг. прошлого столетия и предполагавшее объявление всего воздушного пространства над Ливией зоной, закрытой для полетов ливийской военной авиации, и уничтожение всех боевых самолетов и вертолетов, поднимающихся в воздух со стороны М. Каддафи.

Примечательно, что еще за два-три дня до этого речи об ужесточении санкций против Ливии не шло, американцы в кулуарах ООН бубнили свое: «пусть поработает хорошая резолюция № 1970». И вдруг постпред США в ООН К. Райс, словно сорвавшись с цепи, кинулась в ускоренном порядке обрабатывать членов Совета Безопасности с тем, чтобы срочно согласовать текст «второй резолюции». Откуда и почему такая торопливость, что могло случиться или случилось в Ливии и вокруг нее за эти дни?

Дело в том, что 20 марта 2011 г., в соответствии с решением Африканского Союза, в Ливию для расследования обстоятельств возникновения беспорядков и гибели людей должна была прибыть «Высокая комиссия Афросоюза», сформированная из глав пяти африканских государств во главе с президентом ЮАР. Ее эффективная работа не входила в планы западников, так как легко могла выявить нежелательные или невыгодные для них факты и обстоятельства, связанные с действиями «повстанцев», склонить общественное мнение Африки, которое тогда еще нужно было Западу, а также некоторых региональных организаций, в сторону М. Каддафи.

К тому же старший сын ливийского лидера Сейф аль-Ислам, то ли чересчур уверовав в способность правительственных сил справиться с бунтом, то ли просто от отсутствия политического чутья, в интервью итальянскому телеканалу заявил, что режим Каддафи способен в течение двух суток восстановить порядок в Бенгази и во всей Киренаике. Надо признать, что в тот момент это было реально: повстанцы, являясь разношерстной и предельно неорганизованной публикой, могли только позировать западным телекана-

лам, грабить, насиловать и резать головы своим противникам, будучи не в состоянии без прямой помощи НАТО противостоять наступлению верных М. Каддафи войск. Сам ливийский лидер в те дни в одной из приватных бесед заметил, что «не хочет кровопролития, ливийцев и так — всего шесть миллионов на этой земле, посему его люди штурмовать Бенгази не станут, а просто выдавят оппозиционную шушеру к египетской границе, через которую и выдворят ее за рубеж». Такой план в те дни успешно выполнялся под командованием младшего сына лидера, Хамиса Каддафи, его войска без труда взяли г. Аджабию и вошли в предместья Бенгази.

Ввиду возможных кардинальных изменений обстановки дипломатия США добилась-таки принятия Советом Безопасности ООН столь необходимой Вашингтону и НАТО резолюции за № 1973, за которую 17 марта проголосовало 10 стран при пяти воздержавшихся, среди которых были Россия, Китай и Индия.

Ливийцы накануне голосования просили, буквально умоляли членов СБ ООН отсрочить хотя бы на сутки-двое дебаты по новой резолюции, утверждая, что выполнили все требования резолюции № 1970 и намерены в дальнейшем конструктивно сотрудничать с ООН. Напрасные хлопоты — решение об усилении давления на Ливию и, фактически, о начале военных действий НАТО против нее скрупулезно проводилось в жизнь. Парадоксально, но ливийская сторона в тот момент даже не имела своего голоса в стенах ООН и Совета Безопасности — страну распинали при прямом участии ее постпреда при ООН А. Шалькама (бывший мининдел Ливии), который быстро сориентировался в изменившейся ситуации и перебежал на сторону Запада и «повстанцев». Многочисленные просьбы Триполи дать въездную американскую визу новым представителям Ливии при ООН Госдепартамент США подчеркнуто оставлял без внимания, предпочитая не осложнять себе дипломатическую жизнь. Не приведи Господь, эти ливийские представители начнут что-нибудь говорить в камеры международных телеканалов или в микрофоны информагентств. А рассказать было что…

Хотя бы о тех щедрых обещаниях, которые Госдепартамент США дал М. Каддафи в 2003 г. в обмен на его отказ от «программ производства ядерного, химического и бактериологического оружия», Что-что, а обещать американцы умеют, об этом знают не только в Африке и Азии, но и некоторые незадачливые политиканы в Восточной Европе, на постсоветском пространстве. Может быть, еще и по этой причине столь жестокой и безжалостной была расправа с ливийским лидером?

Уже на начальном этапе имплементации резолюции № 1973 многие члены мирового сообщества высказывали сомнения в связи с расплывчатостью и двойственностью ее формулировок, а также опасения по поводу применявшихся при этом методов. Однако последующий ход событий превзошел самые мрачные прогнозы.

Западники, поручив волевым решением НАТО выполнять положение о «бесполетной зоне», мгновенно превратили резолюцию № 1973 СБ ООН в «одностороннюю дубину». В то время как ни один самолет за пять месяцев со стороны Триполи не поднялся в воздух, авиация НАТО осуществляла патрулирование, затем — бомбежки, ежедневно наращивая их масштабы, выступив, по сути дела, в качестве одной из сторон внутриполитического конфликта и вмешавшись во внутренние дела суверенной страны, члена

ООН, ЛАГ, ОИС, Афросоюза и ДН. Особенно усердствовали французы и англичане, уничтожавшие вначале военные цели (известны случаи, когда они несколько раз поражали один и тот же резиновый макет ливийского танка), затем перешедшие на инфраструктуру, позднее — на гражданские объекты, включая радио и телевидение. Складывалось впечатление, что Н. Саркози очень хотелось похоронить под обломками ливийских зданий малейшие следы получения им 70 млн долл. США от семьи Каддафи (президент А. Г. Лукашенко назвал сумму 100 млн долл.) для финансирования своей избирательной кампании в 2007 г., о чем много говорилось совсем недавно — во время президентской кампании во Франции. Нельзя исключать, что Н. Саркози жестоко мстил М. Каддафи и за отказ приобрести крупную партию истребителей «Рафаль», за попытки закупить такую технику у других поставщиков, в частности России.

Примечателен и тот факт, что бомбардировки территории Ливии начались 19 марта, всего через два дня после принятия резолюции № 1973, причем натовские участники авиаударов успели за это время распределить между собой цели, договориться о взаимодействии, обговорить огромное множество конкретных технических деталей. Столь масштабную, сложную работу провести за два дня физически и технически невозможно, следовательно, эта операция планировалась и разрабатывалась задолго до событий. Не во время ли учений НАТО в 2010 г. отрабатывалось такое взаимодействие, не согласовывались ли авиаудары по Ливии в ноябрьские дни в 2010 г., когда более сорока глав государств и правительств стран ЕС и Африки были гостями М. Каддафи в Триполи на афро-европейском саммите?

Всего, по данным Ливийского общества Красного креста, в результате 22 тыс. авиаударов НАТО «в защиту мирного населения», уже к августу 2011 г. погибло почти полторы тысячи ливийцев, в том числе 400 женщин и детей, более 6 тысяч получили различной степени тяжести ранения, количество беженцев составило более 400 тысяч человек. Были полностью разрушены несколько деревень, практически стерт с лица земли родной город М. Каддафи — Сирт. В целом, жертвы от бомбардировок НАТО намного превысили число потерь собственно гражданской войны в Ливии. Досталось, к слову, от бомбежек и самим ливийским повстанцам, сколько их погибло от «дружественного огня» НАТО, неизвестно, но таких случаев было много. Немало сгинуло в Ливии и британских, французских, американских и катарских наемников, официально признаваемое количество потерь в разы отличается от истинного. Не слишком ли дорогая цена за демократию?

Кто же ответит за потери ливийского народа, разрушение ливийской экономики и инфраструктуры, за бомбежки городов, поселков и деревень, за гибель сотен феллахов, женщин и детей, за применение вакуумных бомб при бомбардировках Триполи? В ООН не слишком торопятся расследовать эти события, несмотря на настойчивые требования ряда стран. Напротив, Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, давая оценку происшедшему в 2011 г. в Ливии, фактически выступил в защиту действий НАТО там, заверив, что смена режима «была произведена народом, а не интервенцией со стороны других государств». Он уточнил, что военные действия НАТО в Ливии «проводились в строгом соответствии с мандатом, полученным от Совета Безопасности ООН 17 марта 2011 года». «Мы, — добавил он, — часто обсуждали этот вопрос с генеральным секретарем НАТО, чтобы быть уве-

ренными, что права человека не нарушаются, что жертв среди гражданского населения нет. И думаю, что так и было», — подытожил Пан Ги Мун.

Оценки эти выглядят, как минимум, странными, если не сказать неприличными. Есть и другие точки зрения, находящиеся значительно ближе к объективной реальности и требующие проведения тщательного расследования всех обстоятельств событий в Ливии. Сможет ли здоровая, не утратившая человеческой совести часть международного сообщества в конечном счете добиться истины в этом вопросе?

В конце марта 2011 г. обозреватели начали высказывать предположения о прямых поставках вооружений ливийским мятежникам. 16 апреля начальник штаба оппозиционных войск генерал-майор Абдель Фаттах Юнис (позднее зверски растерзанный своими же союзниками-исламистами, усомнившимися в его преданности их делу) признал, что оружие на восток Ливии приходит с Запада. В июне 2011 г. стало известно о поставках автоматов, пулеметов и ПТРК из Франции. Не отставал от своих западных патронов и работавший против режима М. Каддафи на всех фронтах Катар, перебросивший инсургентам противотанковые ракеты «Милан» и минометы, причем поставив их под маркой «молоко и другие продукты питания». Вот только почему-то канал «Аль-Джазира» предпочел об этой новости не сообщать. Такая вот избирательная телепропаганда, такая оригинальная гуманитарная помощь.

Столь вопиющие нарушения резолюции № 1973 СБ ООН были «мировым сообществом» практически не замечены и «спущены на тормозах». Нарушители международной законности, не получая отпора, с удовольствием двигались дальше. Стали чаще поступать сведения о выброске неких десантных групп военнослужащих Франции и Великобритании, в том числе в ливийской Сахаре, о прямом участии советников из западных стран в военных действиях на стороне местных «повстанцев». В один из дней американский полковник в отставке Дэвид Хант подтвердил телеканалу «Скай Фокс», что «американские военные и агенты ЦРУ находятся в Ливии с начала марта». Добавим, что британцы выгружали оружие для мятежников в порту Бенгази еще в конце февраля, т. е. до принятия СБ ООН «первой» резолюции № 1970, и этот факт был известен многим, но также сокрыт от международной общественности.

Все эти незаконные действия натовцев, а особенно так называемая операция «Сирена» («Русалка») — прямая интервенция со стороны французских, британских и катарских наемников во время высадки морского и воздушного десанта в Триполи 21 августа (местные повстанцы на это не способны по определению), еще ждут своих исследователей. Интересно, что, по информации алжирской газеты «Аль-Хабар», действия мятежных сил в Триполи в тот момент координировал бывший «эмир» «Боевой ливийской исламской группы» Абдельхаким Бельхадж, в недалеком прошлом находившийся в одной из тюрем Джамахирии, а ранее отсиживавший срок за терроризм в известной американской тюрьме Гуантанамо. Позднее этот закоренелый боевик из «Аль-Каиды» стал военным комендантом столицы Ливии. Странных партнеров подобрали себе господа из НАТО, не правда ли?

Впрочем, как уже отмечалось выше, присутствие в Киренаике исламских экстремистов, в том числе воевавших в составе отрядов «Аль-Каиды» в Афганистане, Ираке, Боснии, Алжире и других конфликтных точках,

западникам было известно еще в самом начале ливийской смуты. В своем стремлении любой ценой убрать М. Каддафи натовцы по существу прямо сотрудничали в Ливии с теми самыми аль-каидовцами, с которыми их же военнослужащие годами воюют насмерть в Афганистане. К слову, тогда же ливийские мятежники предпринимали конкретные шаги по подключению к своим операциям боевиков, действующих в Чечне и Дагестане, в частности под командованием Доку Умарова.

Как говорится, скажи мне, кто твой друг…

3. За что наказали Ливию?

Почему же именно Ливийская Джамахирия с ее лидером М. Каддафи подверглась столь наглому, открытому, прямому нападению со стороны НАТО? Что было сделано такого, чтобы заслужить показательную, жестокую порку от США, стран НАТО, в то время как совсем недавно М. Каддафи ходил у западных демократий в любимчиках, пребывал в ипостаси уникального примера превращения «плохого парня, баловавшегося с ядерным, химическим и прочими видами оружия, в хорошего»?

Ведь ни Тунис, ни Египет, ни Бахрейн, ни даже Йемен, где обстановка была ненамного лучше, а в чем-то, возможно, и похуже, чем в Ливии, не испытали на себе столь наглой, лобовой и беззастенчивой атаки!

В настоящий момент в схожем положении находится только Сирия, против народа которой ополчились, словно по команде, те же самые силы, что свергали и убивали ливийского лидера, вплоть до отдельных личностей типа А. Бельхаджа (он успел стакнуться с сирийскими исламистами из «Братьев-мусульман», организовать в «освобожденной Ливии» (интересно, на какие деньги?) лагерь для подготовки боевиков для Сирии, неоднократно пытался перебросить туда по морю оружие, и все это — без малейших последствий). Что касается убийства М. Каддафи, то, по имеющейся информации, в операции по его отслеживанию и уничтожению приняли активное участие американцы, немцы и французы, чьи бомбардировщики и накрыли ту часть автоколонны, в которой передвигался лидер и его сын Муатасим. Что произошло дальше, можно было увидеть практически на всех телеканалах, включая восторженное «вау!» со стороны некоторых американских представителей и западноевропейских гуманистов. Позднее, услышав реакцию на это преступление в отношении военнопленного со многих сторон, они сменили восторженные вопли на осторожное молчание и отрицание своей причастности к данному преступлению, каковым оно и является. Впрочем, военная операция НАТО в Ливии была свернута буквально в считанные часы после того, как был зверски растерзан М. Каддафи. Что и требовалось доказать: именно уничтожение ливийского лидера было истинной целью вторжения НАТО в Ливию. И заниматься расследованием этого и других происшествий во время военных действий в Ливии в НАТО, по всей видимости, не собираются. Еще бы, эту организацию ждут неотложные дела по дальнейшему распространению демократии в Афганистане, Ираке, Албании, а также в Сирии, Иране, Закавказье, Средней Азии и т. д.

Отныне, с гибелью ливийского лидера, ситуация в североафриканском и прилегающем к нему сахаро-сахельском регионах будет быстро меняться, точнее, уже меняется — в худшую сторону. Подобный песси-

мизм обоснован многими соображениями, в том числе тем фактом, что М. Каддафи, будучи одним из важнейших стабилизирующих элементов в регионе, использовал в целях, отвечавших истинным интересам его народов, различные методы и средства — от оказания прямой финансовой помощи и экономического содействия до личных контактов, практической работы «на земле» с вождями племен, шейхами, султанами и эмирами. Он неоднократно урегулировал внутренние споры и межплеменные конфликты, успешно выступал в качестве посредника и гаранта достигнутых договоренностей. Никто иной на эту роль, как бы ни критиковали ливийского лидера, нынче не способен.

Можно не сомневаться, что в случае с наказанием Ливии свою роль сыграло множество факторов, прежде всего наличие на ее территории значительных запасов нефти и газа, их высокое качество, легкость добычи, налаженная сеть для доставки нефтепродуктов в Европу, географическая близость к ней.

О важнейшем стратегическом положении Ливии в Средиземноморье и Африке можно особо не распространяться — оно общеизвестно на протяжении последних тридцати с лишним веков. Добавим только, что Ливия всегда была реальными «воротами в Африку» и остается таковой и поныне.

Не подлежит сомнению и то, что маленькую, но политически активную Ливию наказали и за ее бессменного на протяжении последних сорока лет, самостоятельно мыслившего лидера. Разве случайно, что на различных этапах развития кризиса то американцы, то британцы, то французы открыто, не скрываясь, обуславливали завершение бомбежек страны уничтожением лично М. Каддафи?

Таким образом, ливийский лидер и его страна были наказаны за попытки проявлять самостоятельность в политике, экономике и финансах, подавать опасный пример другим, за стремление самому выбирать партнеров, в том числе не из числа рекомендованных Западом, за его призывы внедрить «золотой динар» в расчетах за нефть, создавать неподконтрольные Западу банки, добиваться единства Африки и за многое другое.

Отдельной, возможно, еще одной из главных причин послужило отношение М. Каддафи к НАТО. Лидер всегда резко негативно выступал против этой, «скорее политической», как считают сегодня некоторые недальновидные политики в Европе, организации, критиковал ее силовые действия в Сербии, Косове, Афганистане, ее расширение на восток, включение в ее орбиту постсоветских гособразований. Не добавило сюда позитива его категорическое неприятие линии на присоединение к НАТО Украины и Грузии, его интересные статьи на эту тему, наконец, его однозначная и четко аргументированная поддержка России в ее военных действиях по спасению населения Южной Осетии от грузинского геноцида в августе 2008 г. Помнится, что другие «партнеры и друзья России», которые потом бомбили Ливию, — США, Франция, Великобритания и прочие сбиры НАТО, к этому вопросу подходили совсем иначе.

Натовцы потому, наверное, столь остервенело и безжалостно утюжили бомбами ливийскую территорию, беззастенчиво уничтожая ее мирных граждан, что их лидер громогласно призывал всех арабов и африканцев поднять голос против «превращения Средиземного моря во внутреннее озеро НАТО». Не меньшее недовольство у натовцев и, естественно, Вашингтона

вызывали и идеи М. Каддафи о предоставлении мест базирования в портах Ливии для ненатовских флотов.

Теперь, с его уходом, Ливия почти гарантированно превратится в одного из основных партнеров НАТО в Средиземноморье, тем более, что на ее территории находится крупнейшая в прошлом американская военно-воздушная база «Майтига» («Уилус-Филд» в англосаксонском варианте), откуда М. Каддафи вышвырнул американцев в марте 1970 г. (нет ли здесь связи с номером «первой ливийской резолюции» СБ ООН?). Водружение сапога американского солдата на бетонное покрытие этой базы, без сомнения, принималось во внимание при планировании и проведении операции против Джамахирии в 2011 г. А «обновленная и демократическая» Ливия, ведомая уже в настоящий момент ливийцами с американскими и британскими паспортами, равно как и боевиками из «Аль-Каиды», также гарантированно может превратиться во «второе Косово», только еще более удобно расположенное, чем первое, в котором, вдобавок, имеется много нефти и газа.

Есть и еще одна схожесть новой Ливии с Косово — тема наркотиков. О ней поговорим подробнее чуть ниже, здесь лишь заметим, что ворота для широкого потока в Европу и на Ближний Восток через Ливию для такого рода товаров с исчезновением М. Каддафи стали полностью открытыми.

Многое проясняется в событиях в Ливии и вокруг нее при изучении документов, публикуемых «Викиликс». Судя по целому ряду раскрытых американских депеш, дипломатам из Вашингтона давно не нравилась линия М. Каддафи, направленная, в частности, на увеличение национального контроля и доли Триполи в доходах от разработки месторождений углеводородов. Он вынудил нефтяные и газовые корпорации перезаключить контракты на значительно менее выгодных условиях, чем те, на которых они работали прежде. В результате ряд американских и европейских нефтяных компаний были вынуждены заплатить 5,4 млрд долларов в виде авансовых «бонусных» выплат. На очереди стояла «Oasis Group», включающая американские компании «Conoco Phillips», «Marathon» и «Hess», несмотря на то, что они уже выплатили в 2005 г. 1,8 млрд долларов. В американской депеше на эту тему прямо говорилось: «…угроза принудительного пересмотра и перезаключения контрактов создала опасный международный прецедент — новую парадигму для Ливии, которая может получить повтор по всему миру в растущем количестве производящих нефть стран». Еще больше встревожили Вашингтон слова, произнесенные М. Каддафи в январе 2009 г., о возможности «национализации нефтяной и газовой отраслей».

Отдельной строкой идет тема развития Ливией отношений с конкурентами США, в первую очередь Китаем и Россией, подписание с их компаниями масштабных, миллиардных контрактов, в том числе в нефтегазовом секторе, сфере строительства и телекоммуникаций. Сам М. Каддафи, начиная с февраля 2010 г., неоднократно подчеркивал, что в Ливии довольны работой этих организаций и настроены на ее продолжение, возможно, в многостороннем варианте. Подобные идеи ливийский лидер активно продвигал в отношении целого ряда африканских стран, прежде всего тех, где были сильны позиции ливийского капитала.

Есть еще одна версия, о которой вообще никто и нигде не упоминает применительно к ливийскому сюжету. М. Каддафи, будучи разносторонним человеком и настоящим революционером, в последние годы все актив-

нее обращал свои взоры в сторону Латинской Америки, считая, что именно в этом регионе будет решаться, по какому пути пойдет дальше современное общество. Опираясь на особо тесные отношения, М. Каддафи и президент Венесуэлы У. Чавес начали подтягивать на свои позиции других близких им по взглядам латиноамериканских руководителей. Под будущий союз подводилась серьезная материальная база: был оперативно создан совместный ливийско-венесуэльский банк с капиталом в 1 млрд долл. США, велись разговоры о координации работы на нефтегазовом рынке и даже об отходе в будущем от использования американского доллара в расчетах за нефть.

Подобные идеи М. Каддафи усиленно проводил и в рамках Африканского Союза, особенно в плане создания общеафриканской валюты — «золотого динара». Как же столь крамольные замыслы могли понравиться стратегам в Вашингтоне, Брюсселе и Лондоне, политиканам в Париже, Вене и Риме?

Посмотрим, что сулит ливийский кризис народам этого региона, их соседям, да и всему «мировому сообществу».

Ливийский кризис, его генезис и причины, качественно новый — «твиттерный» характер с мощнейшим элементом внешнего воздействия, несомненно, скажется, точнее, уже сказывается на ситуации во всех прилегающих районах, прежде всего в африканских странах сахаро-сахельской зоны. При всей своей экстравагантности, спорности и горячности ливийский лидер, как уже отмечалось, во многих случаях позитивно влиял на конфликтные ситуации в различных частях Африки, порой ему удавалось погасить и разрешить коллизии, возникавшие то там, то тут в этом неспокойном субрегионе. С его уходом в Сахеле и Сахаре, несомненно, предстоят серьезные, драматические события.

Прежде всего после захвата ливийскими «повстанцами» в феврале-марте 2011 г. складов оружия в Киренаике и в условиях фактического отсутствия власти там в соседние страны широким потоком пошло оружие, попадающее к разномастным оппозиционерам и мятежникам, в значительной мере — в руки «Аль-Каиды в Арабском Магрибе». Двинувшиеся через Сахару караваны с оружием потенциально означают появление новых конфликтных точек и реанимирование старых. А уж чего-чего, а этого горючего добра в Африке хватает. Последние события в Мали, Нигере, на юге Ливии служат тому подтверждением.

Особенно опасно то, что с ливийских складов исчезло более 20 тыс. единиц (цифра неоднократно проверена) переносных зенитных комплексов (ПЗРК) различных систем.

Из Ливии пошло оружие, а в обратном направлении движутся наркотики. Режим М. Каддафи вел с наркотрафиком, который приравнивал к атомному оружию, непримиримую борьбу, тщательно координируя ее с западноевропейскими странами и профильными международными структурами. Теперь же наркотики без проблем потекли через Ливийскую Сахару — в Египет и Тунис с их туристами (пока еще), далее в Европу и на Ближний Восток. Вполне может статься, повторим, что Ливия уже в ближайшем будущем превратится в основной перевалочный пункт для транзита наркотиков из других частей Африки, условия для этого складываются чрезвычайно благоприятные.

О другой опасности — взрывном росте африканской эмиграции в Западную Европу хорошо известно. Европейцам будет крайне сложно спра-

виться с потоком нелегалов из африканских стран, в том числе тех, где с января 2011 г. буйным цветом процветает «арабская весна». Это стало очевидно на примере резкого увеличения численности иммигрантов из Туниса, массово атаковавших «передовой» итальянский остров Лампедуза.

К слову, в 2010 г. усилиями М. Каддафи этот феномен был сокращен почти на 90 %, однако теперь ливийский «шлюз» для иммиграции взорван, и счет иммигрантам-африканцам пойдет на тысячи, если не больше. Напомним, что корабли стран-членов НАТО, патрулировавшие ливийское побережье с целью проверки судов, направлявшихся в порты Ливии с различными грузами, неоднократно игнорировали призывы о помощи со стороны нелегальных иммигрантов, шедших на дно со своими утлыми посудинами. Число пропавших — не известно, но кого волнуют какие-то африканцы, убегающие от голода, болезней и нищеты, когда речь идет о расширении «демократического пространства»…

Есть еще один важнейший аспект ливийского кризиса, о котором говорят глухо и немного, — это волшебное слово «вода», точнее, вода пресная, которая для Ближнего Востока, да и других регионов, не менее важна, нежели нефть и газ, особенно на перспективу.

В Ливийской Джамахирии в конце прошлого столетия был реализован гигантский строительный проект, превосходящий по своим объемам египетские и латиноамериканские пирамиды, другие масштабные современные стройки. По сети гигантских труб диаметром более 4 метров к средиземноморскому побережью пошла пресная вода из природных подземных хранилищ в районе Тазербо (центр Ливийской Сахары).

Пресная вода стоимостью всего 37 центов за кубический метр (в любом другом варианте ее себестоимость возрастает в разы, в десятки раз) течет по трубам в районы Бенгази, Мисураты, Сирта и Триполи, к ливийско-тунисской границе. В тех местах, где раньше был только песок да черно-серые камни, зацвели сады, появились трава и цветы, растут всяческие сельскохозяйственные культуры, цветут плодовые деревья, радуют взор раскидистые пальмы. Правда, теперь все это, по-видимому, следует поставить в прошедшем времени.

По приблизительным расчетам, воды в сахарских подземных водохранилищах должно хватить на несколько сотен лет: там ее считают на сотни кубических километров, тем более что вскрыто пока только одно из них.

Добавим, что этот гигантский проект был выполнен без какого-либо участия Международного Валютного Фонда и Всемирного банка — не самый лучший пример для других развивающихся стран. Подобный фактор не мог не приниматься во внимание теми, кто планировал и осуществлял операцию по свержению ливийского режима.

И последний важный, принципиальный момент. История с уничтожением режима М. Каддафи во второй раз, после свержения С. Хусейна, подтвердила неоднократно звучавший вывод о том, что обладание ядерным оружием в современных обстоятельствах является одним из непременных условий внешней стабильности любого режима. Теперь всякий имеющий для этого малейшую возможность будет стремиться создать нечто подобное, например, северокорейской «грязной» атомной бомбе, дабы уберечь себя от натовской или какой-то иной «демократизации». Так или иначе, НАТО и США своими наглыми действиями в Ливии, по сути дела, спровоцировали

новый виток процесса распространения ядерного и иного оружия массового уничтожения во всемирном масштабе.

С другой стороны, как теперь будут чувствовать себя правители ближневосточных, да и многих других стран, зная судьбу Х. Мубарака и З. А. Бен Али, бывших верными друзьями США и Запада на протяжении десятилетий? Кто станет доверять подобному союзнику, который не скрывает, что намерен полностью перекроить карту «Большого Ближнего Востока» по своему разумению, далекому, надо сказать, от понимания особенностей и специфики этого региона?

В этой связи вызывает удивление та старательность, с которой правители Саудовской Аравии и Катара выполняют указания Запада, громят своих арабских соседей и братьев, насаждая при помощи дурной силы темные и отсталые формы ислама. Неужели они не знают или просто забыли, что на американской карте «Большого Ближнего Востока» вместо Саудовской Аравии нарисовано три образования?

Удивляет и позиция Европы. То ли не понимая, что их же, европейскими руками у них под боком, на южном побережье Средиземноморья создается новая, опаснейшая кризисная зона, выгодная прежде всего американцам (и то на определенное время), в очередной раз рассчитывающим «отсидеться за океаном», то ли в надежде получить в свое эксклюзивное распоряжение нефтегазовые месторождения в Ливии, с помощью которых решить свои топливно-энергетические проблемы, особенно на случай обострения ситуации вокруг Ирана, европейцы действуют в полном соответствии с планами Вашингтона, чуть ли ни радуясь этому. В случае с Ливией американцы, отдав ведущую роль в проведении военных операций против режима М. Каддафи англо-французам, выглядят подобно опытному, матерому рецидивисту, который вкладывает в руку молодого, неопытного преступника финку, чтобы «повязать его кровью» и в дальнейшем использовать, как захочется.

И еще одна небольшая история. Во второй половине февраля 2011 г., когда на Западе лихорадочно и алчно разыскивали авуары М. Каддафи, когда натовские планировщики уточняли места нанесения будущих авиаударов по ливийской территории, когда в Париже и Лондоне направляли в Бенгази оружие и советников, когда в других странах вяло выражали надежду на «внутриливийское политическое разрешение кризиса», в небольшом ливийском городке Рас-Лануф (800 км. юго-восточнее Триполи) возник сильный пожар. Убегавшие из него мятежники подожгли большой склад нефтепродуктов, постепенно огонь распространился на соседние помещения с нефтехимической и химической продукцией. Пожар непрерывно рос, приобретал такие масштабы, что стал серьезно угрожать местной экологии.

Ливийцы обратились к дружественным странам за «гуманитарной поддержкой» с целью погасить пожар, угрожавший всем прилегающим районам. Этот призыв остался «гласом вопиющего в пустыне», Ливия, по-видимому, уже тогда была вычеркнута из списков нормальных членов мирового сообщества.

А ведь именно в этих местах находилось единственное в Средиземноморье нерестилище гигантских морских черепах. А впрочем, кому они нужны, эти гигантские черепахи, в конце-то концов, когда речь идет о распространении демократии…

Леонид САВИН

БУДУЩЕЕ МНОГОПОЛЯРНОЕ МИРОУСТРОЙСТВО

К вопросу деконструкции терминологии

Леонид Владимирович Савин — родился в 1974 году. Главный редактор журнала «Геополитика» и интернет-портала Геополитика.ру, руководитель администрации Международного «Евразийского движения», автор многочисленных публикаций по международным отношениям, конфликтам, идеологии и политической философии. Политический обозреватель и комментатор радиостанций «Русская служба новостей», «Голос России» (лондонская и вашингтонская студии), «Голос Ирана», «Говорит Москва», а также телеканалов Russia Today и «Мир». Ведет авторскую колонку на сайте Фонда стратегической культуры. **Живет в Москве.**

Идея трансформации международного порядка в многополярную или полицентричную структуру находит одобрение у политического руководства различных стран. Европа заинтересована в создании противовеса американской власти, Китай утверждает о необходимости создания гармоничного мира, в Российской Федерации говорят о необходимости установления справедливых и равных правил для всех участников международной политики. Официально Россия всячески поддерживает концепцию многополярности и ее продвижение на международной арене, в частности с Китаем подписано две декларации по многополярности. Действующий министр иностранных дел Сергей Лавров в одной из последних публикаций назвал Азиатско-Тихоокеанский регион новым центром тяжести мировой политической и экономической активности, где формируется новое полицентричное мироустройство[1]. Господин министр также упомянул в статье необходимость развития многоуровневой сетевой дипломатии и системы взаимодополняющих многосторонних партнерств, в том числе заинтересованность России в многостороннем сотрудничестве. Но если использовать принятый в современных международных отношениях терминологический аппарат, мы столкнемся с определенными противоречиями. Многосторонняя политика не является синонимом многополярности. После прихода в Белый дом Барака Обамы многосторонность (мультилатерализм) представляет собой инструмент американской дипломатии в

[1] *Лавров С. В.* Политика России в Азиатско-Тихоокеанском регионе: к миру, безопасности и устойчивому развитию // Международная жизнь, 06.04.2012. http://interaffairs.ru/read.php?item=8402

духе «умной силы» для достижения своих целей, в то время как многополярность, согласно установкам американских политологов, является созданием такого баланса, где в мире будет существовать несколько примерно равнозначных центров силы. Иными словами, многополярность — это способ распределения власти на мировом уровне, а многосторонность — это то, как на эту реальность нужно воздействовать[1]. Создается впечатление, что недостаточная проработка терминов приводит не только к недопониманию, но и искажению теоретических основ, что неминуемо приведет к провалу политических усилий на практике — пока ряд стран будет пытаться создавать многополярность, США с помощью мультилатерализма загонит их в орбиту своего влияния. Следовательно, если Россия видит себя в ближайшем будущем одним из центров формирующегося полицентричного мирового порядка, что отражено в основных внешнеполитических документах, и собирается активно участвовать в конкурентной борьбе на международной арене, одновременно соревнуясь и взаимодействуя со своими партнерами[2], ей необходимо научиться побеждать, в первую очередь, в когнитивном пространстве. Значит, нужно начинать с дефиниций понятий.

Во-первых, многополярность или полицентричность? Слово многополярность (мультиполярность) впервые в контексте международных отношений было употреблено в исследованиях американских политологов, посвященных вопросу распространения ядерного оружия. Наиболее аргументированной была публикация Карла Дойча и Дэвида Сингера «Многополярная система власти и международная стабильность», вышедшая в 1964 г. в журнале World Politics, издаваемом Институтом Джона Гопкинса[3]. Этот период был отмечен кризисом как советского, так и американского подходов в международных отношениях, особенно в регионе Азии, и ряд исследователей предпринимали попытки возможного прогноза международной ситуации. Дойч и Сингер на основе концепции возможной международной политической стабильности, концепции политической стабильности Л. Ричардсона, которые анализируют вероятность войны, а также теории социального конфликта Р. Даррендорфа вывели формулу, согласно которой при увеличении факторов международных отношений соответственно растет количество возможных комбинаций их взаимодействия. Авторы сделали вывод, что переход от двуполярной к многополярной системе должен привести к снижению частоты и интенсивности конфликтов, а сама по себе многополярная система характеризуется гораздо большей устойчивостью, чем двуполярная. Это подтвердилось и анализом Кеннета Уолтца в отношении распространения ядерного оружия, который обосновал, что чем больше государств будет его иметь, тем крепче будет региональная и международная безопасность[4].

---

[1] *Васконселос А.* Многополярность, становящаяся «многосторонней» // Геополитика. № XII, 2011. С. 62.

[2] *Дынкин А. А., Иванова Н. И.* (под ред.) Россия в полицентричном мире. М.: Весь мир, 2011. С. 162.

[3] *Deutsch, Karl W.; Singer, J. David.* Multipolar Power System and International Stability.//World Politics, Vol. 16, No. 3. (Apr., 1964), p. 390–406.

[4] *Лукин А.* Ядерное распространение: зло или благо? // Геополитика. № 4, 2010. С. 15–31.

В целом, согласно мнению теоретиков классического реализма (Г. Моргентау, Э. Карр и др.) многополярная система более стабильна, чем биполярная, так как основные акторы могут накопить свою мощь с помощью альянсов. Однако неореалисты, наоборот, считают, что при мультиполярной системе государства будут обеспокоены наличием других центров силы, неоднозначно воспринимая их намерения. Между тем ряд зарубежных авторов даже предпринял попытку развить идею взаимного наложения биполярной и многополярной систем[1]. В то время СССР следовал логике марксистско-ленинской теории о классовой борьбе, и весь мир был разделен на социалистический и капиталистический лагеря, а также тех, кто старался примкнуть к одному из них или еще не определился, следовательно, ни о какой концепции существования различных и равнозначных полюсов влияния в нашей стране не было.

Однако следует учесть, что основные школы теории международных отношений, — реализм, конструктивизм, либерализм и марксизм укоренены в западноцентричной научной парадигме, следовательно, если начать их деконструкцию, будет обнаружено много неадекватных мотивов по отношению к международным отношениям. Например, как учитывать формулу «демократического большинства» в международном голосовании. Идентична ли Индия карликовому государству Люксембург?

Можно обнаружить и немало других перекосов, но все же можно сделать один важный вывод — сам термин «многополярность» имеет американское (англосаксонское) происхождение.

Нужно заметить, что в России в политическом истэблишменте предпочитают слово полицентричность, так как «полярность предполагает противостояние полюсов и их бинарную оппозицию»[2]. Необходимо отметить, что оно само по себе уже несет интересные коннотации. Первая часть (поли-), несмотря на то, что переводится как «много-», этимологически отсылает и к полюсу, и к полису (причем, все три слова имеют древнегреческое происхождение), а вторая, отсылающая к центрам в контексте международной политики, означает государство или группу государств, которые могут оказывать влияние на динамику международных отношений.

Далее необходимо рассмотреть методы взаимодействия между полюсами или центрами мировой власти. Все чаще в отношении перспектив мирного сосуществования говорится о необходимости установления диалога культур и цивилизаций, поиска консенсуса и выработки понимания по важным вопросам. Все же для полицентричной структуры со многими перекрестными процессами будет правильней использовать термин «полилог» или «малтилог». Ричард Дюк применял слово *multilogue* в контексте обучающих коммуникационных и симуляционных игр[3] (включая социальное и политическое пространства), а советский ученый М. Каган говорил о полилоге для

---

[1] См. *Burns, A. L.* From Balance to Deterrence: A theoretical Anaysis. // World Politics, vol. IX, 1957, pp. 494–529; Zoppo, C. E. Nuclear Technology, Multipolarity, and International Stability. // World Politics, vol. XVIII, 1957, pp. 579–606; Rosecrance R. Bipolarity, Multipolarity, and Future. // Journal of Conflict Resolution, vol. X, 1966.

[2] *Дынкин А. А., Иванова Н. И.* (под ред.) Россия в полицентричном мире. М.: Весь мир, 2011. С. 157.

[3] *Duke R.* Gaming: The Future's Language. N.Y.: Sage Publications, 1974.

описания способа взаимодействия[1]. По мнению современных отечественных исследователей, технология малтилога весьма эффективна и адекватна для структур, которые имеют многообразие, так как диалоговое общение чревато разрывами, а малтилог позволяет вырабатывать различные позиции и действовать с них даже при их динамичности, а также включить в общение каждого и этим обеспечить выход на консенсусные технологии[2]. Этот термин пока широко не распространен в политическом дискурсе, однако начинает использоваться, в основном критиками либерализма и глобализации. Например, И. Валлерстайн в своей работе «После либерализма» призывает вступить в глобальный всемирный малтилог для того, чтобы разобраться со всеми текущими проблемами и перестать впадать в иллюзии и новые ошибки[3].

Но более проблемным на наш взгляд является термин «цивилизация». Уже достаточно сомнительным является то, что понятие «цивилизация» в широкий научный оборот ввел шотландский философ Адам Фергюсон в конце XVIII в., предложив под этим термином понимать стадию в развитии человеческого общества, характеризующуюся существованием общественных классов, а также городов, письменности и других подобных явлений. Предшествующими стадиями были дикость и варварство. В своем труде An Essay on the History of Civil Society А. Фергюсон отмечал, что «путь от младенчества к зрелости проделывает не только каждый отдельный индивид, но и сам род человеческий, движущийся от дикости к цивилизации»[4]. В связи с тем, что подобный подход был подхвачен многими учеными (в частности в советское время ему следовали из-за того, что его придерживался Ф. Энгельс), этот императив оказывает влияние до настоящего времени (отсюда выражения «цивилизованный подход», «цивилизованное общество» и пр.).

Позже, в конце XIX — начале XX в. появилась и циклическая теория, когда стали говорить о различных локальных цивилизациях, существовавших на определенном историческом отрезке (египетская цивилизация, индская цивилизация и т. п.). Здесь уже появляются концепции О. Шпенглера, Н. Данилевского, который критиковал европоцентричный подход, и А. Тойнби.

Тем не менее, если брать английское слово *civilization*, то согласно его структуре (суффикс — *tion*), оно должно означать процесс или состояние. Именно понимание цивилизации как процесса предложил немецкий социолог, основатель фигуративной социологии Норберт Элиас, посвятив этому феномену свой труд «О процессе цивилизации»[5]. Если мы примем такую модель за правило, то структура мировой политики и международных отношений совершенно изменится. При этом глобализация (а этот термин, обратите внимание, используется исключительно в качестве определения процесса) выступит как особый этап цивилизации со своими характеристиками и закономерностями. Так же можно поступить и с нацией (если брать

---

[1] *Каган М. С.* Мир общения. М., 1988.

[2] *Зайцев А.* Малтилог. М.: Академия, 2001. С. 7.

[3] *Валлерстайн И.* После либерализма. М.: УРСС, 2003. С. 140.

[4] *Бенвенист Э.* Цивилизация. К истории слова Civilization. Contribution a l'histoire du mot // **Общая лингвистика. М.: URSS, 2010.**

[5] *Norbert Elias.* Uber den Prozess der Zivilisation. Basel, **1939.**

английский термин *Nation*), перейдя от привязки ее к этносу и государственным границам к динамике народов и культур. Неслучайно многие мыслители вели споры по определению нации (а некоторые ведут и поныне). В заключение данного абзаца можно отметить, что изначально используемое латинское слово *civilis* — гражданский, государственный, по своим этимологическим особенностям близко к понятию движения (вторая форма глагола *cieo* — *civi* означает приводить в движение, возбуждать, волновать, потрясать, колебать)[1].

Если же задаться вопросом проведения сравнительного анализа термина «цивилизация», то согласно классификации Международного общества сравнительного исследования цивилизаций (ISCSC) существует около тридцати определений этого феномена, некоторые из которых противоречат друг другу.

В нашем случае определение цивилизации у С. Хантингтона, хотя и носит явно этносоциологический оттенок, но наиболее близко передает идею тех общественно-политических формаций, которые могут быть приняты за определенные центры силы, отстаивающие совместные интересы и ценности в процессе международных отношений. В своей работе «Столкновение цивилизаций» он пишет, что цивилизация — это широчайшая культурная общность. Она представляет собой самую широкую культурную группировку людей и самый широкий круг их культурной идентификации — за исключением того, что вообще отличает людей от других живых существ. Цивилизацию определяют и такие общие объективные элементы, как язык, история, религия, традиции, институты и субъективная самоидентификация людей… Цивилизации — это самое большое «мы», где человек чувствует себя в культурном отношении дома, и одновременно то, что отделяет нас от всех «них» — тех, что вовне.

Неслучайно профессор А. Г. Дугин в своем исследовании «Теория многополярного мира»[2] указывает на Хантингтона как на автора, который ближе всех (хотя и недостаточно) приблизился к концепции того, что можно будет считать полюсом в системе новых международных отношений. Цивилизация может быть названа коллективной общностью, объединенной причастностью к одинаковой духовной, исторической, культурной, ментальной и символической традиции, члены которой осознают близость друг к другу независимо от национальной, классовой, политической и идеологической принадлежности[3].

Однако для выполнения условий, необходимых для осуществления центром силы своих функций, нужно еще наличие общих геополитических условий, что отмечали отечественные ученые[4]. Отсюда мы переходим к месторазвитию народов. Этот термин был предложен основателем евразийства, географом Петром Савицким для объяснения совокупности географических, этнических, хозяйственных, исторических и прочих особенностей, представляющих собой единое целое[5]. Этот неологизм очень органично передает

---

[1] *Дворецкий И. Х.* Латино-русский словарь. М.: Русский язык, 2000. С. 139.

[2] *Дугин А. Г.* Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение, 2012.

[3] Там же. С. 103.

[4] *Фролов Э. Д.* Проблема цивилизаций в историческом процессе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2006. № 2. С. 96–100.

[5] *Савицкий П.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.

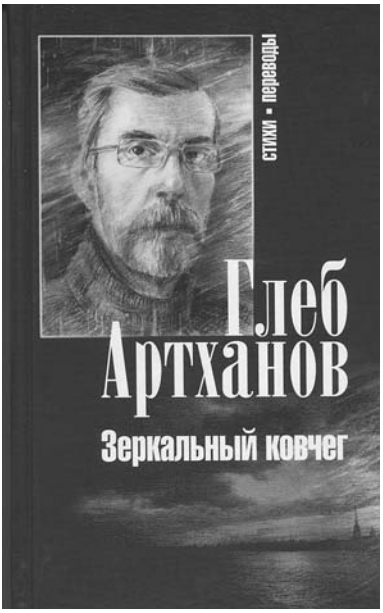
взаимосвязь ландшафта и культуры народов в самом широком смысле. Не случайно позднее он был развит и проинтерпретирован Львом Гумилевым в его труде «Этногенез и биосфера Земли». А обрисовывая юридические и политические рамки, мы неизбежно подойдем к концепции больших пространств (*Grossraum*) немецкого юриста и геополитика Карла Шмитта.

Тем не менее все эти идеи и концепты, несмотря на их адекватность как истории, так и современным политическим процессам, остаются разрозненными, и в широкий международный дискурс не вводятся, во многом из-за нежелания ряда государств терять статус обладателей терминологического и научного аппарата. Таким образом, весь мир остается во власти исключительно западной точки зрения на миропорядок, а существующая система международных отношений для большинства стран и народов продолжает оставаться неудовлетворительной, а во многом и неприемлемой.

Это положение дел необходимо менять. Пока мы не можем дать однозначного ответа — как будут называться новые будущие международные взаимоотношения. Многоуровневый полилог сообществ или процесс соуправления культур-цивилизаций или как-то еще. Для начала нужно начинать когнитивную революцию, ведь все победы и поражения рождаются в сознании. Важно то, что у большинства народов и государств есть целеполагание — необходимость адекватного мироустройства.

ВЫШЛА КНИГА

Артханов Глеб
(Алексеев Юрий Игоревич)
Зеркальный ковчег. СПб.: НППЛ «Родные просторы», 2011. — 192 с.

Новую книгу Глеба Артханова составили два раздела. В первый вошли стихи, написанные за последние годы. В них автор обращается к судьбам родины в непростое для нее время. Во втором представлен перевод с санскрита памятника мировой литературы Бхагавадгиты, впервые выполненный в объеме и размере оригинального текста.

Елена РУДАЯ

«РУССКИЙ ВОПРОС» КАК ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Елена Николаевна Рудая – кандидат исторических наук, эксперт в области внешней политики России, специалист по истории международных отношений первой четверти XX столетия. Руководитель научно-просветительских и культурных программ Фонда исторической перспективы, старший научный сотрудник Института российской истории РАН. **Живет в Москве**.

Термин «русский вопрос» появился в ходе подготовки и проведения Парижской мирной конференции, созванной для подведения итогов Первой мировой войны. Его зафиксировал секретарь британской делегации на конференции Г. Николсон в своих записях.

Что такое «русский вопрос» в международной практике? Совсем недавно на коллоквиуме европейских историков от известного французского русиста Ф. Кокэна по поводу этого термина можно было услышать словосочетание «загадочное выражение». С нашей точки зрения ничего загадочного в нем нет, хотя «русский вопрос» имеет много трактовок. Если мы говорим о процессе складывания системы международных отношений, то наиболее полно, по всей видимости, можно сформулировать его как задачу привлечения России к решению европейских и мировых проблем. А процесс этот всегда был противоречивым, и поэтому мы со всей основательностью можем сказать, что этот вопрос существовал всегда, во всяком случае, с момента превращения России в великую Державу. Еще на рубеже XVII–XVIII веков борьба России за выход к Балтийскому и Черному морям вызывала серьезные опасения Запада. Например, в дипломатической переписке чрезвычайного и полномочного посла Ч. Уитворта с Лондоном прямо отмечалось, что допуск русского Царя «к европейским делам и торговле» не соответствует английским интересам и что надо озаботиться, каким путем «удобнее и благовиднее» достигнуть удаления русских от моря. В этом и суть «русского вопроса», когда периодически западный мир ломает голову, что делать с Россией, чтобы под удобным и благовидным предлогом удалить ее от решения международных проблем.

Когда на Парижской конференции впервые был зафиксирован этот термин, Г. Николсон обозначил его как проблему. Это действительно была одна из проблем в процессе решения основной задачи после Первой мировой войны — формирования новой системы международных отношений.

Задача эта была поставлена начавшимся XX веком. Мир после завершения «викторианской эпохи» требовал новых способов передвижения, новых взглядов, новых подходов к решению всех внутриполитических и международных проблем. В ожидании этих новых подходов и готовились к той войне, которая в начале XX века ожидалась как «большая», «великая» война.

Именно эта война, которую мы называем Первая мировая война, кардинально изменила мир. Внутренне изменилась и каждая из стран, которые прошли горнило той Великой войны. И на международной арене в результате войны 1914–1918 годов появилось убеждение, что все на свете требует переосмысления. И работа по созданию новой послевоенной системы международных отношений наталкивалась на три проблемы:

1) проблему США;

2) германскую проблему;

3) пресловутый «русский вопрос».

Как же без него? Для основных игроков на международной арене Россия на протяжении веков была серьезным геополитическим противником и одновременно важным геополитическим инструментом их внешней политики. В ходе сползания мира к «большой» войне это проявилось в полной мере. Любое событие с участием России — франко-русский союз, русско-японская война, заключение англо-русской конвенции 1907 года, балканский кризис — свидетельствовали, что, несмотря на то, что российское присутствие объективно имело далеко идущие последствия для расстановки сил на международной арене (а может быть, и именно поэтому), западные страны всячески пытались не допустить Россию к решению международных задач.

Стремление вовлечь Россию в грядущую войну на той или иной стороне было обусловлено далеко идущими планами: максимально усложнить положение своих геополитических противников, в первую очередь на сухопутном театре военных действий и, конечно, ослабить Россию или хотя бы поставить ее действия на международной арене под свой контроль. Россия, в свою очередь, до последнего момента всеми силами старалась дистанцироваться от всех участников предвоенного международного кризиса начала XX века, поскольку понимала, что наступающая война при наличии серьезных геополитических противников и отсутствии истинных весомых союзников является для нее «смертельно опасной», как предвидел в своем письме на имя Императора Николая II министр П. Н. Дурново. Но насущные интересы международной политики оказались сильнее — мир, а вместе с ним и Россия, прошли через Первую мировую.

В осуществлении послевоенных планов Россия вновь становилась необходимой, но вопрос: какая Россия? Отсюда вытекала основная коллизия «русского вопроса» в преддверии и в ходе Парижской мирной конференции.

Справедливости ради надо отметить, что эта конференция не носила ярко выраженной антироссийской направленности. В основном она имела антигерманскую направленность. Основной виновницей начала войны была признана потерпевшая поражение Германия. В России, кстати, эту войну долгое время называли Германской. Франция вообще считала, что франко-

германское противостояние составляло основное содержание мировой войны, и поэтому хотела полного уничтожения Германии как самостоятельной дееспособной силы и 100-процентных гарантий своей безопасности. В общем антироссийской направленности конференция не носила, но о решении вопросов за счет интересов России не забывала.

В международной системе доминант и противовесов необходимость участия России в решении вопросов всегда понимали специфически. К началу XX века в Британии сложилась формула взаимоотношений с Россией, которую очень точно сформулировал английский министр иностранных дел Э. Грей: «Мы готовы сотрудничать с Россией, чтобы что-то от нее получать, но так, чтобы ничего не дать ей взамен».

Для реализации этой формулы еще задолго до Октябрьской революции в ходе войны зрели планы отторжения от Российской Империи ее составных частей, что, безусловно, ослабляло ее. Срывались программы поставок, обещанных на союзных конференциях, значительно сокращались абсолютные размеры финансовых поступлений. При этом руководствовались не только ограниченностью средств и эгоистически понятыми соображениями военной целесообразности. Дозировка помощи служила сильным орудием для манипуляций Россией. Все это способствовало тому, что Россия в ходе Первой мировой войны опустилась на качественно новую ступень экономической зависимости, что вело к падению международного престижа страны. Россия к концу войны на деле утрачивала положение великой Державы и превращалась во второстепенного партнера. Это проявлялось в фактическом и формальном пересмотре тайных договоров в ущерб России, при организации военного взаимодействия, в делах восточной политики, при решении греческого, албанского и других вопросов.

Более того, в кровавых условиях Первой мировой вызрела Октябрьская революция, переросшая в жесточайшую гражданскую войну. Большевики взяли власть в стране для осуществления их грандиозных планов переустройства мира и воспитания нового человека. Масштаб задач не вызывал никаких сомнений. «Волков бояться — в лес не ходить», — писал Ленин еще до прихода к власти.

Конечно, тот факт, что даже в условиях формирования послевоенного миропорядка большевистское руководство было больше обеспокоено внутренними проблемами углубления и продолжения революции, приближал осуществление вековой мечты западного истеблишмента, сформулированного Греем — взять так, чтобы ничего не дать взамен.

К осени 1918 года, когда после заключения Компьенского перемирия начался последний этап мировой войны, связанный с подготовкой мирных договоров и формированием послевоенного мироустройства, в России вовсю полыхала гражданская война, исход которой был в тот момент неизвестен. Более того, находящемуся в Сибири адмиралу А. В. Колчаку удалось на какое-то время объединить вокруг себя все антибольшевистские силы России. На российской территории в различных районах находились английские, французские и японские войска. Поэтому период подготовки и проведения Парижской международной конференции по послевоенному урегулированию прошел для большевиков как в бреду. Особенности классового мышления большевиков и обеспокоенность дальнейшей судьбой революции в России заставляли их ставить вопрос не об участии России в новом раскладе на

международной арене, а об укреплении своей власти и расширении сферы ее деятельности.

Ситуация была как нельзя более выгодная для западных стран. Они с готовностью воспользовались предоставленной возможностью забыть жертвенный вклад России в ход Первой мировой войны и исключить Россию из числа не только победительниц, но и участников этой войны.

Это в чем-то облегчало планы формирования послевоенного мира по лекалам победителей. Но не снимало с повестки дня «русский вопрос».

Более того, завершение гражданской войны в России привносило в этот процесс формирования послевоенной системы международных отношений новый элемент. После поражения армии Врангеля в Крыму опасности для Советской власти на территории России практически не существовало. Западные страны были поставлены перед фактом, что на международной арене Россия будет существовать, причем будет существовать в том виде, как это мыслило большевистское руководство. И с международными планами этого руководства приходилось считаться. Тем более, что в сложной международной мозаике послевоенного мира внешнеполитические шаги большевистского правительства сопровождались не только неудачами, но и успехами.

Чрезвычайно важной и даже важнейшей, по выражению Г. В. Чичерина, областью международной деятельности Советской России была ее восточная политика. Советское руководство считало ее гораздо более перспективной в плане развития мировой революции, чем западное направление, из-за наличия сильного национально-освободительного движения, которое носило антиимпериалистический характер.

Советская Россия развивала бурную деятельность на Востоке. В Москве исходили из того, что расшатывание колониальных устоев будет способствовать усилению революционных процессов в мире, тем более, что восточные страны видели в Советской России союзника в их борьбе за упрочение своего суверенитета в новой геополитической обстановке, возникшей после мировой войны.

Развитие взаимоотношений России с Ираном, Афганистаном и Турцией рассматривалось Западом как прорыв внешней политики новой России в стратегически важных для себя районах.

Да и в Европе договор между Советской Россией и Германией, подписанный в Рапалло в 1922 году в ходе проведения Генуэзской конференции, призванной заложить экономическую основу нового послевоенного международного порядка, вносил сумятицу в решение германского вопроса, который потребовал таких больших усилий для урегулирования в ходе послевоенной конференции в Париже.

Планы конца войны, что ослабленная Россия станет объектом международной политики, а это позволит взять под контроль процесс развертывания Советской России на международной арене, превращались в иллюзии. Недаром во время Генуэзской конференции исполнявший в Москве обязанности наркома по иностранным делам Л. М. Карахан писал Г. В. Чичерину в Геную: «Наше положение великой Державы стало признанным фактом, и этого факта из сознания ни у кого не вырубишь».

Хотя надо заметить, что робкие попытки включить Россию в послевоенную политическую систему равновесия и противовесов, в том числе и с целью проникновения на обширный российский рынок, наталкивались

на активное сопротивление руководства новой России. Советская сторона рассматривала возвращение в область традиционных внешнеполитических понятий и стандартов как посягательство на свои основополагающие принципы и попытку не мытьем, так катаньем добиться уничтожения советской власти, что подтверждало априорную установку о враждебности окружающего мира по отношению к советскому государству.

Конечно, идеологизированные представления Москвы о национально-государственных интересах привносили напряжение в и без того сложный международный процесс после Первой мировой войны. Но и геополитическое соперничество заставляло, даже при попытках использовать СССР как инструмент международной политики, не допустить полноправного участия советского государства в решении основных вопросов международных отношений, превращая этот сложный процесс в примитивное разыгрывание «русской карты».

Как пытались разыграть «русскую карту»?

Прежде всего в системе доминант и противоречий пытались найти замену России в этой части международной арены. В качестве замены была в какой-то момент избрана Польша. Польский инструмент давно использовался в игре, направленной на ослабление России. Особое значение имел польский вопрос в ходе Первой мировой. И в послевоенных условиях взор геополитических противников России обратился к этому новому государственному образованию. С этой точки зрения очень выгодно было использовать внешнеполитические амбиции Польши стать равноправным игроком на международной арене, хотя это создавало сложности мировому сообществу. Недаром в документах того времени можно встретить высказывания делегатов Лиги наций и международных экспертов, что Польша является для Лиги наций самой большой трудностью. В конечном счете ни Польша, ни кто другой не смогли выполнить эту миссию, позволявшую игнорировать Россию.

Второй способ разыграть «русскую карту» — вынужденно соглашаясь на признание необходимости присутствия России на европейской арене, не допускать ее полноценного участия во всех международных вопросах. Но понимание необходимости присутствия России еще не есть решение «русского вопроса». Не только советские полпреды, но и представители русской эмиграции неоднократно повторяли, что нельзя разделаться с Россией за ее спиной. Эту точку зрения российская дипломатия вплоть до сегодняшнего дня пытается довести до сведения своих оппонентов. Но это понимание очень сложно давалось и дается нашим международным партнерам.

Россия всегда была весьма сложным государственным образованием, требовавшим к себе профессионального отношения. Так вот, к решению «русского вопроса» подошли непрофессионально. Соблазн использовать в послевоенных условиях объективную слабость геополитического противника сыграл злую шутку.

Такая политика в конечном счете не принесла никакой прибыли. Положение в послевоенном мире было непростым. Казалось, победители могли пребывать в эйфории. Их противники были повержены, даже Российская Империя уступила место новому, как тогда виделось, государству, которое, по выражению У. Черчилля, в силу внутренне присущих ему пороков и неспособности не было в состоянии скоро стать серьезной геополитической угрозой.

Но развитие процессов в послевоенном мире выходило из-под контроля сильных мира сего. В сценарий, написанный на Парижской мирной конференции, внесли свои поправки многие участники этих процессов. Среди этих факторов, в конечном счете, был и «русский вопрос».

Эта тенденция сохранялась и во второй половине 1930-х годов, когда после вступления СССР в Лигу наций, после возникновения планов создания системы коллективной безопасности в Европе, в развитии европейских и мировых международных отношений наступил новый этап, который закончился политическим кризисом и, в конечном счете, Второй мировой войной. Анализ путей решения «русского вопроса» в межвоенный период заставляет делать вывод, что одним из основных результатов подобного развития событий является ослабление Европы как субъекта мировой политики, что отрицательно сказывается на ее безопасности.

К сожалению, этот алгоритм просматривается и на современном этапе.

Как отмечали зарубежные эксперты, «русский вопрос» возник вновь после распада Союза и появления на границах России новых государств, не всегда дружественных ей. Очевидно, именно такой расклад на международной арене провоцирует тот самый вопрос — где искать благовидные предлоги, которые позволяют ущемить интересы России и ограничить ее действия.

Это волнует, поскольку даже западные эксперты не отрицают, что «русский вопрос» тесно связан с вопросами европейской и мировой безопасности. Основную причину этого видят в том, что к России относятся с недоверием, которое объясняют и царским прошлым, и недавним советским наследием, и теперешним российским настоящим. Наверное, объяснение кроется в вечном геополитическом противостоянии и нежелании решить это противостояние в обоюдовыгодных условиях.

Неблагоприятный для решения задач, обусловленных вызовами XXI века, расклад сил в европейских и мировых структурах является прямым следствием, в том числе и определенной политики, не учитывающей интересы России на международной арене.

Да, как заметил один из авторов американского журнала «Форбс» (номер за май 2012 года) М. Адоманис, русские действительно не любят, когда их поучают и когда им приказывают, и предпочитают сделки, в результате которых ни одна из сторон полностью не проигрывает, хотя и не выигрывает полностью.

Мы не призываем наших международных партнеров любить Россию. Нам бы хотелось, чтобы услышали мнения международных экспертов, которые говорят, что у мира нет будущего без России, равно как и наоборот.

ПОЭЗИЯ

Ярослав КАУРОВ

«МНЕ ДОРОГА ДО ЛИСТОЧКА МИЛАЯ СЕРДЦУ СТРАНА»

Ярослав Валерьевич Кауров — доктор медицинских наук, член Союза писателей России. Один из создателей «Театра поэтов». Автор 13 стихотворных сборников, печатался в газетах, журналах и альманахах. Родился в 1964 году. Окончил Горьковский медицинский институт. Автор 32 изобретений, 1 монографии и 1 открытия. Все материалы о «Театре поэтов» — тексты стихов, фотографии, песни, радиоспектакли, размещены на созданном им сайте teatrpoetov.com, там же — макеты выпущенных сборников стихов. **Живет в Нижнем Новгороде.**

* * *

Посвящается маме

Судьбой неведомой ведомый —
На счастье или на беду —
Я пленник родового дома
И старой яблони в саду,
И удивительного света,
Что тихо падал сквозь листву.
Да будет длиться, длиться это,
Пока смотрю, пока живу.
Пока пишу, пока мечтаю,
Мой старый дом, мой старый сад,
Как колыбель, меня качают
И что-то тихо говорят,
И охраняют это сердце
Минуты, месяцы, года…
И я хотел бы после смерти
Остаться с ними навсегда.
Немного надо одиноким:
Чтобы, как сотни лет назад,
Вздыхал, нашептывая строки,
Мой старый дом, мой старый сад.

* * *

Узорами серебряного света
Покрыты наши северные горы.
Просвечивают где-то силуэты
Иных миров из зимнего простора.
И чьи-то полувидимые руки
Ткут ледяной покров
над вечной Волгой
И протыкают, будто бы от скуки,
Мерцаньем звезд Вселенной
войлок волглый.
Таков у мысли суетной характер —
В закате видеть плащ
судьбы пурпурный
И в вихрях вьюги —
млечный круг галактик
И ледяной покой колец Сатурна.
На самом деле
мысль гораздо проще —
У печки теплой льются разговоры,
И им внимают северные рощи
И Нижнего серебряные горы.

* * *

Я русский поэт, и знамение
Мне этого — солнечный свет.
Я русский поэт от рождения,
До смерти я русский поэт.

И это не символ, не знание,
Не сила времен или мест —
Я русский поэт, это — звание,
И образ, и слава, и крест.
Враги мои всюду рассеяны,
Отважны и верны друзья.
Я русский поэт, не измерена
Ни сила, ни слава моя.
И в этой пустой неизмерности
Я верен врагам и друзьям,
И путь благородства и верности
Мне легок, и светел, и прям.
Родник, среди поля смеющийся,
И зубы заломит — ты пей!
Я свет исчезающий, льющийся
Подлунных ковыльных степей.
Я вкус, что так сладок мучительно,
И вишен, и яблок, и слив…
Я русский поэт — удивительно,
Что я еще все-таки жив.

* * *

Теплая земля — какое чудо,
Где угодно можно лечь в траву.
Я такого счастья не забуду
И не разлюблю, пока живу.
Здесь букашки милы и наивны,
Это не озлобленный восток.
Каждая былинка смехом дивным
Выражает солнышку восторг.
По витым кореньям под ногами,
Как смола блистая на жаре,
Черная, подвижная, как пламя,
Ящерица льется по коре.

* * *

В осоке в дождь, под старой липою
Сижу над речкой в каплях-родинках.
Там птичка на ветвях чирикает,
А я ем красную смородину.
Смородина сначала кислая,
А после сладостью останется.
Душа, не скованная мыслями,
Блуждает в небе словно странница.

* * *

Квадратные капли бегут по стеклу
И гранями гулко звенят.
Квадратные капли слепили в углу
Все то, что сильнее меня.
И кубики капель слетают с небес
И вдребезги бьют тишину.
Рождая бетонный невиданный лес,
Они начинают войну.
В том мире никто не заплачет навзрыд,
Сверкают стальные сады.
И в нем треугольное сердце горит
Сияньем потухшей звезды.

* * *

Солнышко плавает в речке
Тихое, как волшебство.
И плавунцы, как овечки,
Кружатся возле него.
То в камышах затаится,
То на коряге блеснет.
Миг — и река превратится
В липовый тающий мед.
Солнцем полна до песочка,
Медленно льется она.
Мне дорога до листочка
Милая сердцу страна.

* * *

В лесах здесь путаница просек,
Что плавно переходят в сад,
Аллея среди стройных сосен,
А чуть подальше — водопад.
Река и мостики над нею,
Лес на соседнем берегу,
А там еще одна аллея —
Ее осины берегут.

Венецианские каналы
Забытых стариц, мягкий луг…
На нем, отчаянно усталый,
Забыться сном ты можешь вдруг.
А много дальше, на пригорке,
Старинной церкви силуэт.
На сердце и тепло, и горько
Горчинкой невозвратных лет.

* * *

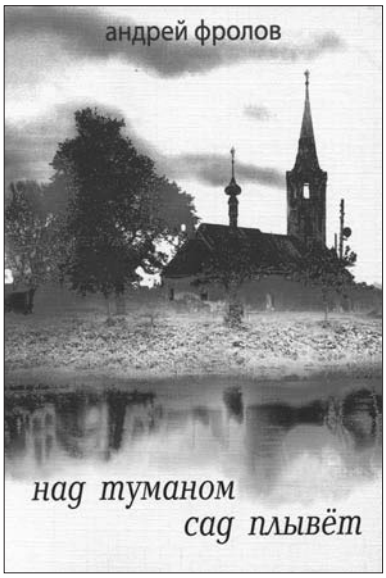
Как чудес пророческих явление
Отмечаю в сложной череде
Появленье и исчезновение
Ярких звездных бликов на воде.
Будто бы от рая простирается,
Будто я, как прежде, молодой.

Хорошо поется и мечтается.
Рядом с этой темною водой.
Так близка, доступна и таинственна,
Величава, кротка, глубока,
Словно путь на небеса единственный,
Шепчет песню, окая, Ока.

Вышла книга

Фролов А.

Над туманом сад плывет. Лирические стихотворения. — Орёл. Вешние воды. — 2011. — 112 с., ил.

«Над туманом сад плывет» — третья книга лирических стихов Андрея Фролова. Ее составили новые стихи и стихотворения, не включавшиеся автором в предыдущие сборники. Исключением является раздел «Мои портреты», где собраны портретные стихи, как уже знакомые читателю, так и новые, любовно выписанные автором, словесные изображения людей обычных и не очень.

Андрей Фролов, как и прежде, внимателен к человеку, наблюдателен, самоироничен, а главное, уверенно выдерживает свою самобытную, только ему присущую интонацию.

Игорь
АНДРУШКЕВИЧ

РУССКИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ НАЧАЛА

Игорь Николаевич Андрушкевич — родился в 1927 г. в Белграде (Югославия) в семье русских белых эмигрантов. Был крещен в РПЦЗ. Отец — полковник Русской Армии. Окончил Первый Русский В. К. Константина Константиновича Кадетский Корпус. Затем переехал в Аргентину, где учился на журналистском и философском факультетах. Работал директором на металлургических заводах в Буэнос-Айресе. 30 лет преподавал историю России. Был членом Епископского Совета Аргентино-Парагвайской Епархии РПЦЗ, председатель «Объединения кадетов Российских кадетских корпусов в Аргентине». Редактор журнала «Кадетская перекличка». Автор многих книг и статей. **Живет в Буэнос-Айресе, Аргентина.**

Россия является живым историческим организмом, развивающимся в рамках собственных государственных форм и с собственным общественным и экономическим бытом в течение более одиннадцати с половиной веков, несмотря на разные попытки навязывания ей чужих форм, с чужим содержанием.

С момента оформления своей государственности, условно фиксируемого в 862 году после Р. Х., Россия прошла на своем историческом пути несколько разных периодов, которые можно условно обозначить как: княжеский, со столицей в Новгороде; великокняжеский, со столицами в Киеве, Владимире и Москве; царский, со столицей в Москве; имперский, со столицей в Санкт-Петербурге; советский, со столицей в Москве; федеративный, со столицей в Москве. Россия не начиналась и не кончалась одновременно с началами и с концами этих периодов. Россия даже существовала **до** формального учреждения русского государства в 862 году, с культурной, этнической, социальной и бытовой точек зрения, ибо на ее территории уже тогда было много городов с вечевыми, военными и гражданскими структурами; действовали славянское обычное право и местная власть племенных князей, и через ее территорию проходил великий международный путь «из Варяг в Греки».

Во все периоды своего существования Россия всегда продолжала быть Россией, несмотря на меняющиеся внешние и внутренние обстоятельства и даже несмотря на временную гегемонию, в той или иной мере навязанных ей чужеродных надстроек над ее государственными и общественными структурами, вплоть до временного устранения ее имени. Само имя «**Россия**» (по-гречески Ροσια, с одним «с») впервые

упоминается в международных документах в 945 году (в договоре с Византией, после русского морского похода на Царьград), **во время киевского князя Игоря**, при котором столица России была перенесена из Новгорода в Киев. Его супруга, святая княгиня Ольга, на византийских иконах изображалась с надписью «Агия Ольга, мегалэ архонтиса тон Росиас» (Святая Ольга, великая княгиня России).

Россия зародилась как геополитический, политический, культурный и цивилизационный проект, продолжавший неизменно развиваться, в той или иной мере, в согласии с ее **собственными программатическими началами**, заложенными в самих ее истоках. Результаты исторического хождения России по своим путям и распутьям зависели в первую очередь от ее **верности своим истокам** и этим своим собственным программатическим началам (принципам).

Россия как государство и как цивилизация зародилась в глобальных цивилизационных рамках IX века, когда в мире практически уже существовали все современные т. н. «большие» культуры: на Дальнем Востоке китайская и индийская, на Ближнем Востоке византийская (греко-римская) и исламская, на Западе зарождающаяся евроатлантическая (франко-норманская). В принципе, Россия уже тогда соглашалась быть органической, **симметрически равноправной, частью** такого **многокультурного и многорегионального** (многополюсного, многофокусного) мира, хотя ее тогдашнее географическое положение, при тогдашних средствах связи, значительно предопределяло ее культурные, геополитические и экономические позиции.

В самом начале своего исторического бытия Россия считала себя «**великим путем из Варяг в Греки**», то есть связующим звеном между берегами и бассейнами Варяжского (Балтийского) и Русского (Черного) морей. Значит, Россия сама себя политически не относила ни к Варягам, ни к Грекам, а определяла себя «великим путем» между ними, в **направлении к Грекам,** то есть **к Византии**. В духовном и культурном отношении Россия сделала **свободный выбор** в этом же направлении, хотя в экономическом отношении ее первая столица Новгород была тесно связана с северогерманскими ганзейскими структурами. Киевский митрополит Илларион (первый русский митрополит не грек) пишет около 1040 года, в своем «Слове о законе и благодати», о русских князьях, еще до Святого Владимира: *«Не в худе бо и не в неведоме земли владычествоваша, но в руской, яже ведома и слышима есть всеми конци земли».*

Любые коньюктурные политические программы всегда должны исходить из **самобытных начал собственного народа и собственной культуры**, в согласии с собственным историческим опытом. В случае России необходимо исходить из **русских начал**. В противном случае любые импортированные абстрактные и нереалистические программы будут в корне антидемократическими и в конечном итоге катастрофическими. Именно на основании **своих собственных русских начал**, Россия к концу своего имперского периода стала самой большой страной в мире, занимавшей одну шестую часть всей земной суши, а русская культура — одной из самых высоких культур в истории человечества. Имевшиеся же в ней те или иные недостатки были, в основном, привнесены, так или иначе, извне.

Сообразуясь с сегодняшними приоритетами, эти **русские начала** (или принципы) **России** можно резюмировать следующим образом:

1. Современная Россия является преемницей всех своих предыдущих государственных структур, всех своих исторических периодов, ибо она была учреждена в 862, а не в 1991 году.

2. Россия зародилась как **государственный союз восточных славян**, говоривших на одном **общем старорусском языке**, имевших общие верования и нравы и общий быт, и на пороге своей истории сознававших себя принадлежащими к единой **Руси**. По своей натуре восточные славяне всегда были по-братски приветливы и гостеприимны по отношению ко всем иным народам и племенам, и в особенности к соседним, каковые в рамках Русского Государства всегда обладали равными правами с урожденными русскими, вплоть до права добровольно считать и называть себя тоже таковыми, сиречь «русскими».

3. Россия как государство была учреждена с главной целью обеспечения **подлинной свободы и самобытности русского народа**, для избежания любого идейного, культурного, бытового, политического или экономического пленения или зависимости. Для этого Россия с самого начала вступала в благоразумные партнерства и союзы одновременно с разными странами. Сегодняшнее сложное и часто запутанное положение в мире требует сложных отношений с разнообразными странами и объединениями стран, при естественных предпочтениях. Многосторонние и иногда концентрические союзы и содружества с участием России являются неизбежным условием для достижения справедливой симметричности в международных отношениях в мире. Например, «**Восточнославянский союз**» (т. е. «**Союз всея Руси**») может естественно и положительно вписываться одновременно в «**Евразийский союз**» и в «**Православный** (Византийский) **союз**».

4. Россия была учреждена с самого начала как **правовое государство**. В летописной формуле учреждения первой государственной надплеменной власти на Руси конкретно определяется: *«Дабы правил нами по праву».* Это право уже существовало **до** учреждения самого государства, а значит, оно было русским, а **не импортным**. Даже после приобщения к греко-римской (византийской) культуре в русском государстве в особенно важных случаях отдавалось известное предпочтение началам самобытного обычного русского права перед началами римско-византийского права. Киевский великий князь Ярослав Мудрый это ясно выразил, дав название «**Русская правда**» нашему первому своду законов. Посему Россия никогда не соглашалась подчиняться чужеродным законам и судам, ибо всегда сознавала, что это в конечном итоге равнозначно потере своего суверенитета. Даже под татарским игом русские князья решительно и неуклонно отстаивали сохранение **русского права для жителей России**, соглашаясь для этого даже на личные лишения и жертвы.

5. Для обеспечения реальной действительности этого русского права в России всегда придавалось большое значение высококачественности **русского суда**. На первом историческом этапе эту высококачественность должен был обеспечивать княжеский суд, в принципе **независимый** от общественных и экономических структур. Затем, реформами Ивана Грозного в 1550 году, одновременно с Земским Собором была учреждена судебная система с участием «целовальников», сиречь присяжных (целовавших крест), от всех слоев населения. Причем никто не мог быть судим, если в составе суда или целовальников не было хотя бы одного представителя от сословия, к кото-

рому принадлежал подсудимый. В рамках судебных реформ Царя-Освободителя Александра II для обеспечения суда «**скорого, правого, милостивого и равного для всех**» в 1864 году в России для уголовных дел был учрежден суд присяжных заседателей, привлекаемых по жребию из местного населения. Полноценное восстановление русской судебной системы должно включать также и восстановление смертной казни для особо тяжких преступлений, включая террористические акты и чрезвычайные акты коррупции высших государственных сановников, в согласии с русской юриспруденцией. (Например, при Царе Алексее Михайловиче Тишайшем смертной казни за коррупцию был предан лично Царем один воевода, член Боярской Думы, с указанием Царя, что коррупция наверху гораздо страшнее коррупции внизу.) Право на применение смертной казни на своей территории, на основании судебного приговора, является одним из главных признаков реального суверенитета страны, а отказ от этого права — отказ от полного суверенитета. Крупная коррупция в конечном итоге нарушает человеческие права самых бедных слоев народа, а посему срок давности для истечения ее наказуемости должен быть сильно увеличен, как в некоторых странах в случаях нарушений человеческих прав.

6. На территории всей первоначальной Новгородско-Киевской Руси в основании всех политическо-общественных структур лежал **вечевой строй**, органически сочетавший монархические, аристократические и демократические элементы задолго до первых проявлений демократических тенденций в Западной Европе. Этот вечевой строй Древней Руси был результатом органической эволюции общих политических начал индоевропейских народов, в древности нашедших свое выпуклое выражение в Афинах и в Риме, где вечевая площадь называлась агорой или форумом. Такой политический строй также предполагал прямое, непосредственное **земское** (территориальное) представительство, без партий или корпораций, со строгими требованиями к кандидатам (буквально «чистым», «незапятнанным»). Сама идея **выборов** предполагала **отбор**, ибо **выборы служили для отбора, в рамках собора**. В Западной Европе эта идея была сильно искажена нашествием варваров и завоевательным происхождением западноевропейских государств и их политических структур. В процессе установления завоевателями своих структур государственности в Западной Европе возник феодальный строй, покоящийся на распределении между завоевателями государственной территории и **государственного имущества**. («Феод» на древнегерманском языке значит имущество, от слова «скот», на современном немецком языке «Vieh»). Россия никогда никем не была завоевана, а посему в ней и не было таких завоевательских политических структур, а сохранялся **вечевой соборный строй** со смешанными **служебными** монархическими, аристократическими и демократическими элементами. Вечевой строй затем развился в Московской Руси в **соборный строй** и в **казачий строй** на окраинных русских землях, временно оказавшихся тогда под чужеродной властью.

7. Любые привилегии сословного или имущественного характера или вида на Руси всегда были последствием **безусловного служения** народу и государству, а не последствием происхождения от завоевателей, воров или самозванцев. Уже в русской народной поэме киевского периода *«Слово о полку Игореве»* неоднократно указывается, что **честь русских воинов**

неразрывно связана со **славой русского князя**, представляющего **Землю Русскую**. Русские воины:

Сами скачут,
аки серыи волци в поле,
ищущи себе чести, а князю славы.

Такая принципиальная установка была подтверждена Табелью о рангах Императора Петра Великого, в согласии с которой **почетный статус дворянства зависел от чинов**, достигаемых автоматически **путем учебы и службы**. Варварские западнические реформы Петра III формально отменили такое требование, но русское дворянство в подавляющем большинстве продолжало считать служение русскому народу и русскому государству своим нравственным долгом. Считалось, что за честь и за почетные привилегии подать государству нужно платить кровью своих детей, а не только деньгами.

8. Провозглашаемые сегодня на Западе так называемые «человеческие права» на Руси давно были естественной и само по себе подразумевающейся частью общего нравственного и правового строя. Русская Летопись содержит немало документов, это подтверждающих. Особенно ярким в этом отношении является Завещание киевского Великого князя Владимира Мономаха своим детям, значительная часть которого посвящена русским нравственным и социальным нормам. Россия должна вернуться к строгому исполнению этих своих самобытных норм и одновременно категорически не допускать вмешательства в наш русский быт иностранных инстанций. Любые такие вмешательства и интервенции, в том числе и финансовые, должны не только отклоняться и подлежать судебному наказанию, но также и парироваться симметричными контрпредложениями и акциями, раскрывающими ханжество таких вмешательств. Россия не должна подчиняться никаким надгосударственным судебным юрисдикциям, кроме своих собственных, а также и региональных, созданных и действующих с ее участием.

9. Россия в самих своих истоках придерживалась **рыночной экономики**. На Руси издревле, кроме собственной демократии и собственного права, **был также и собственный рынок**. Вечевая площадь была рынком, по-русски **торжищем**. Древне-скандинавский, шведский, датский и финский языки заимствовали это слово из старорусского языка, согласно Этимологическому словарю М. Фасмера. Функционально города были **оградой для торжищ**, местом для «собрания всех» (по-гречески «панегирикос»), для решения политических вопросов и для торговли, и для **всенародных торжеств**, под защитой государственной власти. Сама государственная власть на рынке не торгует за редкими исключениями, но она охраняет этот рынок с внешней стороны и следит за его внутренним порядком. Сегодня происходит смешение понятия «**рыночная** экономика» с понятием «**капиталистическая** экономика», каковую уже Аристотель отвергал, называя ее «хрематистической» (денежной). В современной глобальной международной экономической системе превалируют финансовые инструменты и технологии, созданные в рамках капиталистических режимов. Однако нельзя допускать их безусловного и бесконтрольного применения, дабы избежать циклических кризисов, вызываемых в основном частными и корпоративными капита-

листическими спекуляциями и массовыми операциями жульничества, под защитой государственных структур, ими же подрываемых. Капиталистические операции и даже спекуляции, в том числе и банковские, могут быть допущены в рамках закона, но при условии их реализации на собственный риск, а не за счет государства или всего общества. Банковские сбережения частных лиц должны иметь приоритет перед любыми иными обязательствами. Любые валютные переводы тоже в принципе могут быть допущены при неизменном условии полной уплаты налогов не только за сам перевод, но и за предварительно заработанный переводимый капитал. Не может быть капитала без прежде уплаченных соответственных пропорциональных налогов. С капитала, не уплатившего соответственного налога, нужно изымать его значительную часть, скажем половину, как минимум, или увеличенный налог, по крайней мере, в два раза, с тюремным заключением виновных в особенно тяжелых случаях. В этом отношении можно воспользоваться законодательным и судебным опытом некоторых западных стран, как например Германии и США. Если же будет судебно доказано, что хотя бы одна часть укрываемого капитала была добыта путем коррупции за счет государства, то весь личный капитал такого преступника должен быть судебно конфискован. (В романе Н. В. Гоголя «Мертвые души» такой конфискации подвергся Чичиков.)

10. Денежная реформа Царя Николая II была одним из решающих факторов для небывалого демографического и экономического роста России за последние четверть века ее имперского периода, без инфляции. Эта денежная реформа покоилась на полном обеспечении золотом всех находящихся в обращении денег, так что бумажные деньги на самом деле были лишь расписками на определенное количество золота определенной пробы. Сегодня такое обеспечение золотом невозможно, ибо цена суммы всех товаров и услуг сильно превышает цену максимально возможных золотых запасов. (Хотя известный французский экономист Жак Рюфф в свое время советовал Де Голлю ввести во Франции такое золотое покрытие, а другой президент Франции, Жискар Д'Эстен, выпустил государственные облигации Франции, обеспеченные золотом.) Однако современная финансовая теория и практика позволяют «привязать» общее количество денежных знаков, находящихся в обращении и в банках, к общему количеству товаров и услуг в определенной стране, с практически не меняющимся соотношением, как это было законом установлено в момент учреждения послевоенной немецкой марки, что и явилось важнейшим залогом ее стабильности. Затем в самой конституции ФРГ было установлено запрещение государству делать государственные долги в размерах, превышающих государственные капиталовложения в активы. То есть новые долги должны быть покрыты с излишком новыми активами, главным образом в **инфраструктуре**, активами, увеличивающими производительность и производство страны. (Аналогичное запрещение давно имеется и в швейцарской конституции.) Затем, недавно в Германии была принята конституционная поправка, вообще запрещающая государственный дефицит, понимаемый как **сумма новых долгов**, то есть как повышение конечного годового сальдо государственных долгов по отношению к сальдо конца предыдущего года. То есть, другими словами, государство не имеет права ни транжирить народные деньги, ни залезать в долги за счет будущих поколений. Третий московский князь, Иван Данило-

вич Калита (1328–1341), внук святого Великого князя Александра Невского, уже в свое время придерживался именно такой политики, за что и был прозван Калитой (Кошелем).

11. Под конец своего имперского периода Россия очень внимательно следила за таможенным предохранением своего собственного производства, несмотря на иногда энергичные протесты других стран. В этих вопросах тоже необходимо соблюдение строжайшей **симметрии**, а посему Россия должна очень осторожно относиться к своему участию в современных таможенных и торговых пактах и союзах. Россия в своих истоках была также и **торговым путем** из Западной Европы на Ближний и Дальний Восток, что было одним из важных факторов ее тогдашнего благосостояния и даже богатства, ибо она не допускала бесплатного транзита через свою территорию. Под конец своего имперского периода Россия стала **великим железнодорожным путем**, связующим берега Атлантического и Тихого океанов. Россия и впредь должна быть великим мировым глобальным торговым путем, с пользой для себя и для своего народа, а не только с пользой для интернациональных капиталистов. Вообще, Россия должна защищать и беречь свои собственные национальные и народные интересы, а не интересы интернациональных пролетариев или интернациональных капиталистов.

12. Исключительно важное значение воспитания в любом цивилизованном обществе вытекает из двух положений. Во-первых, никакое общество не может обойтись без воспитания молодежи, если оно хочет обладать какой бы то ни было культурой и сохранять и развивать эту культуру. Конечно, от специфического характера каждой культуры будет зависеть и специфический характер ее педагогики, как это наглядно видно на примере тех трех культур, из которых развилась в основном наша современная цивилизация. Древние Израиль, Греция и Рим обладали весьма различными культурами, но все они придавали исключительное значение педагогике, каждая в своем духе и в своем направлении. В Израиле воспитание и образование имели ярко выраженный религиозный характер, в Риме — военный и юридический, в Афинах — гуманитарный и гимнастический. Древняя Греция даже обозначала культуру и воспитание словом с одним общим корнем. Во-вторых, никакое организованное общество не может обойтись без подготовки смены для кадров, имеющих руководящие функции в обществе и в его государстве. Эта подготовка является органически весьма важной частью всей педагогической системы в любом обществе. Эта установка особенно подчеркивалась в Древней Греции, в рамках общего интереса эллинской культуры к проблемам педагогики и политики. Уже Платон в своем Седьмом письме утверждает, что счастье и благополучие граждан любого государства зависят, в первую очередь, от двух условий: 1. Государство должно «**сиять свободой своих граждан**». 2. В нем должны быть в силе «**наилучшие законы**». Очевидно, что «наилучшие законы» требуют «**наилучших законодателей**», сиречь наилучше воспитанных и наилучше подготовленных граждан. Россия обладает богатым **педагогическим опытом** в области национально-патриотического воспитания молодежи. Больше того, кроме самого по себе педагогического опыта, Россия обладает также и исключительно выразительным подтверждением правильности этого опыта и всей его методологии. Преобладающая часть творцов великой русской культуры, в первую очередь великой русской литературы и великой русской музыки, были про-

дуктом этой **русской целостной системы воспитания**. Даже можно сказать, что эта высшая в истории всего человечества культура, достигнутая Россией главным образом в период царствования ее последних четырех Царей, была продуктом этой педагогической системы. Эта русская педагогическая система во многом опережала современные достижения науки. Например, согласно современной педагогической науке, овладение в совершенстве иностранными языками на всю жизнь возможно только лишь при двух условиях: чтобы обучение началось за пару лет до достижения половой зрелости (пубертета) и чтобы оно продолжалось тоже пару лет после него. Именно так и было в наших русских Кадетских корпусах и Институтах для благородных девиц: обучение и воспитание в них начинались приблизительно в 10–11 лет, а заканчивались в 17–18 лет, то есть они совпадали с тем возрастным диапазоном, который подтверждается современной педагогической наукой. Общее образование **и воспитание** можно получить только в этом возрасте. Технические и другие специальные знания можно приобретать практически в любом возрасте, но **общие идеи и общие начала** усваиваются хорошо только лишь в юношеском возрасте. **Русская традиционная педагогическая система** дает России много больших преимуществ, а посему ее необходимо сохранять и оберегать от ненужных манипуляций, идущих лишь на пользу недругам и завистникам России.

ВЫШЛА КНИГА

Амиргулова В. И.

Корабль «Орёл» / В. И. Амиргулова. — Орёл: Издатель Александр Воробьёв, 2012. — 232 с.

В романе «Корабль “Орёл”» рассказывается о Морском кадетском корпусе, о Владивостокском Морском училище, об эмиграции российских служителей флота. События происходили в тяжелое для России время — в начале XX века. Корабль «Орёл», названный в честь города Орла был сооружен на пожертвования орловцев в 1890 г., а второй, о котором рассказывается в романе, — в 1909 г.

Великая ПРОВИНЦИЯ

Алексей КОНДРАТЕНКО

ДЕРЖАВНЫЙ ХОЗЯИН ЗЕМЛИ РУССКОЙ. НИКОЛАЙ II И ОРЛОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Алексей Иванович Кондратенко — родился в 1964 г. в Воронеже, окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета, работал в средствах массовой информации Орловской области. Кандидат политических наук, член Союза писателей России с 1999 г. Автор нескольких книг исторической прозы, главный редактор альманаха «Орел литературный». Лауреат премии журнала «Наш современник». **Живет в Орле.**

Орел — символ Державы. Гордая царственная птица всегда была на гербе города Орла, а губерния Орловская славилась как опорный край Российской Империи. В историю края вписаны замечательные страницы ратных подвигов и литературной славы, великого земледельческого труда и общественного служения. Красной строкой в летописи края — посещения Орловщины российскими монархами: здесь побывали Екатерина II и Александр I, Николай I и Александр II… Пожалуй, рассказ о событиях такого рода потребовал бы формата научной монографии, объемистой книги. Что ж, видимо, это дело ближайшего будущего и задача для местных историков. А сегодня я хочу рассказать читателям о том, какими запомнились орловцам посещения последнего Российского Императора Николая II.

Впервые в Орле вчерашний Цесаревич побывал в горькие дни траура осенью 1894 года. Орловский губернатор Александр Николаевич Трубников писал в своих воспоминаниях много лет спустя: «Мне сделалось известным официально, что тело в Бозе почившего Императора проследует через Орел 29-го октября и что на ст. Орел будет остановка, во время которой будет совершена местным архиереем панихида. Вот над этим сообщением и пришлось подумать. Надо было сговориться с преосвященным, а затем надо было придумать, каким образом разместить на небольшой платформе станции всех желающих поклониться телу усопшего Монарха. Для этого я пригласил к себе полицмейстера и на плане станции показал ему, как и кто должен поместиться и, кроме того, издал воззвание к жителям города, которых просил не стараться пробиться сквозь охрану, состоявшую из городовых, и независимо от

этого на улицах соблюдать тишину, чтобы каким-нибудь шумом не нарушить ту тишину, которой требовал данный момент. <…> Поезд медленно подошел, и я вышел навстречу Государю Императору Николаю II, который вышел из вагона со своей матушкой и которых сопровождал принц Уэльский. Государь изволил меня милостиво принять, а Государыня Императрица подала мне ручку поцеловать. Затем мы пришли к траурному вагону покойного Государя, у которого и была отслужена архиереем панихида. Затем Их величества прошли мимо всех собравшихся на вокзале, с которыми очень милостиво кланялись, и затем я проводил Их величества до вагона, и когда царский поезд отошел от платформы, я вышел. А на улице и на дворе станции было замечательно спокойно».

Второй приезд в Орловскую губернию был связан с событиями военными. 6 мая 1904 года на смотр 2-й кавалерийской бригады в Орел прибыл Николай II, чтобы «проститься и благословить святою иконой на предстоящий ратный подвиг свое войско, на долю которого выпало великое счастье поддержать оружием честь и достоинство России на Дальнем Востоке», — так было записано в журнале заседания Орловской городской Думы в те дни.

Накануне в Орле, наряду с усилением мер полицейской службы, была создана специальная «народная охрана» из представителей всех сословий для помощи полиции. Город был украшен вензелями, флагами и гирляндами. Все значимые места по маршруту следования Императора распределили между учебными заведениями, представителями сословий и корпораций. Император прибыл поездом утром на Елецкую платформу (так называлась одна из железнодорожных станций в Орле). Примечательно, что это был день рождения Николая Александровича — ему исполнилось 35 лет.

Государя в поездке сопровождали Великий Князь, Наследник престола Михаил Александрович, министр двора В. Б. Фредерикс и военный министр В. В. Сахаров, а Великие Князья Сергей Александрович и Николай Николаевич приехали в Орел накануне.

Выйдя из вагона, высокий гость сел на коня и выехал на смотровое поле, где были выстроены 51-й Черниговский драгунский полк (был расквартирован в Орле) и 52-й Нежинский драгунский полк (расквартирован в городе Ельце Орловской губернии). Царь объехал линию войск, а затем драгуны прошли перед ним церемониальным шагом. Николай II поблагодарил солдат и офицеров.

Затем Император вернулся в вагон, и через считанные минуты поезд прибыл на центральный Орловский вокзал, где состоялась встреча с депутациями дворянства, земства и городского управления. При этом Николай II говорил с каждым уездным предводителем дворянства отдельно. Он также принял делегацию волостных старшин, депутацию земских начальников, рабочих Брянского рельсопрокатного завода и еврейскую депутацию. Царь пожаловал три тысячи рублей на выдачу единовременных пособий беднейшим горожанам.

Недалеко от вокзала была расположена Покровская церковь Черниговского драгунского полка, здесь состоялись литургия и молебен. В храме пели полковые певчие и ученики церковной школы, а «Верую» и «Отче наш» были исполнены общим пением солдат и присутствующего в храме народа.

Николай II лично благословил чудотворной иконой Покрова Пресвятой Богородицы воинов в дальневосточный поход.

Посещение Императором Николаем II Бежицы. 15 апреля 1915 года

По окончании богослужения священник отец Митрофан Серебрянский обратился к Государю: «Приветствую Ваше Императорское Величество с днем Вашего рождения. До гроба буду самым усердным молитвенником Вашим за великое счастье, которое Ваше Величество доставил нам Вашим посещением». Поблагодарив за приветствие, Николай Александрович милостиво расспрашивал о. Митрофана о состоянии местной церковной школы, о певчих, выразив особое одобрение общему пению.

Затем Царь посетил Петропавловский кафедральный собор, вокруг которого собрались тысячные толпы горожан. При входе в храм высокого гостя встречал ректор Орловской Духовной семинарии протоиерей В. А. Сахаров. Настоятельница Введенского монастыря игуменья Антония поднесла Николаю II икону Балыкинской Божией Матери со словами: «Да хранит Вас Царица Небесная в здравии и благополучии на многие лета и да дарует она Вам победу над врагом». Всем гостям в храме поднесли просфоры.

Вечером Николай II отбыл из Орла поездом в Тулу.

27 мая 1904 года Орловская городская Дума постановила: «В память посещения Орла Его Императорским Величеством наименовать бульвар, находящийся на Садовой улице против присутственных мест, Николаевским бульваром и… сложить на сумму 3 тысячи рублей с беднейших жителей Орла числящиеся за ними недоимки».

По итогам высочайшего визита Орловский губернатор Константин Александрович Балясный получил императорскую благодарность «за отменный порядок на улицах» и был пожалован жетоном 1-го разряда «за понесенные труды во время высочайшего путешествия в пункты мобилизации войск в Орловской губернии».

В грозную военную годину Царь посетил вновь Орловскую губернию. 22 ноября 1914 года рано утром Николай II прибыл из Тулы на Орлов-

ский железнодорожный вокзал. Здесь Императора встречали руководство губернии, города Орла и депутации. Когда Государь подходил к Петропавловскому кафедральному собору, грянули колокольный звон и многотысячные крики «Ура!» В то время Орловский епископ Григорий болел, поэтому приветствовал Царя викарий, епископ Елецкий Павел. Он произнес проникновенную речь, где, в частности, говорилось: «Вся Россия сопутствует Тебе своими молитвами и благословляет Твое оружие в этой войне, которая особенно дорога и священна для нас тем, что является войной не только за наше собственное будущее, но и за благополучие столь близкой нам судьбы святых Божиих Церквей на Православном Востоке, изнемогающих под бременем невыносимого ига неверных, которые нашли себе еще более злых, чем они, союзников, в лице христиан, переставших быть достойными этого имя <…> Твое Имя да напишется на скрижалях истории, как бессмертное Имя Русского Императора, которого избрал Господь освободить от тяжкого ига не только Русь подъяремную, не только братские славянские народы, но весь Православный Восток, священное наследие древней Византии, где поруганные и униженные наши святыни, где невинная кровь гонимых, мучимых и избиваемых исповедников святой веры нашей, где следы и стоны всех притесняемых и угнетаемых за имя Христово давно уже вопиют к небу, призывая Отмстителя и Избавителя. Благословен грядый во имя Господне!»

На богослужении в кафедральном соборе настоятельница Введенского монастыря игуменья Евфалия поднесла в дар Императору копию с чудотворной монастырской иконы Балыкинской Божией Матери. При этом она сказала: «Да дарует Вам Царица Небесная здравие, спасение и победу над врагами и да хранит Вас Господь на многие лета!»

Надолго в памяти жителей Орловской губернии сохранился визит Николая II, состоявшийся в апреле 1915 года. На этот раз он побывал в пригороде Брянска рабочем поселке Бежице — на рельсопрокатном, сталелитейном, железоделательном и механическом заводе, крупнейшем предприятии России, производившем не только сложную и мощную технику мирного назначения (вагоны, паровозы), но и самое разное вооружение (в первую очередь снаряды).

Этот визит был обещан Государем руководству предприятия еще во время посещения Александровского завода общества Брянских заводов в Екатеринославе 31 января 1915 года. Поездка в Брянск имела особое значение для поддержки военной промышленности, чьи проблемы сказывались на ходе боевых действий. На обоих предприятиях Брянского общества насчитывалось около 35 тыс. рабочих, которым выплачивалось до 30 млн рублей жалованья в год (а расходы на церкви, школы, библиотеки и больницы ежегодно превышали 300 тыс. рублей).

Император должен был прибыть в Орловскую губернию на пути из Одессы и Севастополя. 21 апреля 1915 года газета «Телеграммы Петроградского телеграфного агентства» писала о происходившем в Бежице: «Всюду надписи “Боже, Царя храни”. Завод и поселок заранее приняли праздничный вид и приготовились торжественно встретить обожаемого Монарха». Ждали Царя на железнодорожной станции Болва — на специально построенной платформе, украшенной флагами и гирляндами, здесь собралось едва ли не все население Бежицы.

Утром 20 апреля царский поезд прибыл на станцию, его встречали Орловский губернатор Сергей Сергеевич Андреевский, начальник Брянского арсенала Семен Николаевич Ванков, городской голова В. И. Сафонов, предводители губернского и уездного дворянства князья Куракин и Тенишев, представители общественности. Приняв рапорт губернатора и начальника гарнизона, Государь (он был одет в обычную военную форму с погонами полковника) обошел всех встречавших и депутации. Императору поднесли хлеб-соль и пожертвование в пользу раненых воинов (семь тысяч рублей). Князь Тенишев ко всему прочему преподнес Государю икону его небесного покровителя — Святителя Николая.

Рядом, на Преображенской площади, находившейся между платформой и храмом, расположились встречавшие. Вдоль красной дорожки ровными и плотными рядами стояли ученики учебных заведений Бежицы (более 3600 человек), здесь же были духовые оркестры заводского пожарного общества и мужской гимназии. Гремела духовая музыка, звучали нескончаемые возгласы «Ура!»

Император вошел в величественный Преображенский храм Бежицы, отстоял краткий молебен и, выслушав торжественное слово настоятеля протоиерея Федора Случевского, приложился к святому кресту.

У триумфальной арки при входе на заводскую территорию Николай II был горячо встречен рабочими. Первыми в их рядах стояли самые уважаемые, прослужившие на заводе не менее 20 лет. Мастеровой плужного цеха Стефан Яковлевич Латышев преподнес Императору хлеб-соль на деревянном резном блюде со словами: «Великий Государь, рабочие Брянского завода счастливы тем, что Ты, державный хозяин Земли Русской, не забываешь нас и пришел посмотреть на наш труд. В эту годину наши дети и братья грудью стоят за тебя и Родину дорогую, а мы, здесь, не покладая рук своих, с радостью отдаем свой труд и свое достояние на славу Тебе и счастье России. Милостиво прими, державный Государь, нашу хлеб-соль».

Тронутый этими сердечными словами, Николай Александрович горячо поблагодарил рабочих за теплый прием и усердный труд во время Великой войны и подарил говорившему речь рабочему серебряные часы (не так давно то самое дарственное блюдо (более полуметра в диаметре) было обнаружено в одном из антикварных салонов Санкт-Петербурга. До наших дней хорошо сохранились вырезанные на нем двуглавый орел и надпись по кругу: «ДЕРЖАВНОМУ ХОЗЯИНУ РУССКОЙ ЗЕМЛИ. РАБОЧИЕ БРЯНСКОГО ЗАВОДА. 20.04.1915»).

«Державный Хозяин Земли Русской» не только посетил завод, но и во всех подробностях познакомился с процессами производства и различных работ. Государь увидел полный цикл изготовления снарядов, паровозов, вагонов, сельхозмашин. Осмотрел работу «превосходной электрической станции», снабжавшей энергией не только завод, но и всю Бежицу. Николай II часто подходил к станкам, расспрашивал мастеровых, интересовался подробностями. Он несколько раз произносил: «Великое спасибо вам за работу. Я очень рад быть у вас на заводе». Император особо подчеркивал, что работают на заводе исключительно русские специалисты и практически вся техника — отечественного, местного изготовления.

Вокруг высокого гостя собрались тысячи рабочих, атмосфера общения была самой теплой и доброжелательной. Повсюду крики «Ура!», взлетаю-

щие в воздух шапки… Был такой случай: рядом с отцом-рабочим стояла маленькая дочка, в волосах которой алел красный бант. Возможно, кто-то попытался бы увидеть в этом некий революционный знак, адъютант даже предостерег Царя. Но Император улыбнулся милой заводчанке: «Это алая заря — будущее России!» А потом добавил: «Какой ангелочек», погладил ее по голове и подарил золотую монету в пять рублей.

А вот какой эпизод вспоминал бежицкий старожил И. Г. Борисов: «Мой отец оказался свидетелем того, как в чугунолитейном цехе в честь Государя Императора в его присутствии была отлита мемориальная доска. Лучший литейщик завода мастер Иван Михайлович Храмченков руководил всем этим процессом. Государь в сопровождении свиты и заводского руководства вошел в цех, остановился на небольшой площадке. В нескольких шагах расположились рабочие. Особой охраны не было. Здесь же, на глазах Государя, в опоку заформовали деревянную основу мемориальной доски. Двое литейщиков поднесли ручной ковш с чугуном, залили и, покуда Государь беседовал с рабочими, наблюдая за всем происходящим, чугун застыл. Были приложены технические меры, чтобы ускорить процесс. Опоку выбили и очистили мемориальную доску: «Брянский рельсопрокатный железоделательный и механический завод осчастливлен посещением Его Императорского Величества Государя Императора Николая II 20 апреля 1915 года от Р. Х.» (доска была укреплена на здании Главной конторы завода).

Когда императорский автомобиль выехал с заводской территории на улицу Мценскую, Государь неожиданно повелел остановить его. Взор монарха упал на новые уютные домики для служащих Брянского завода. Николай II пожелал их осмотреть. Выйдя из автомобиля, он поднялся на одно из крылечек и постучал. Дверь открыла супруга мастера электрического цеха Пелагея Соловьева. Каково же было удивление женщины, когда она увидела на пороге самого Царя. От избытка чувств она упала перед ним на колени. Такой же неожиданной оказалась и следующая встреча, когда Государь зашел в соседний домик, где жила семья мастера вагонного цеха Никиты Передельского. По свидетельству одного из очевидцев, Николай II «необычайно ласково, добро, внимательно расспрашивал хозяев квартир об их жизни, и нужно было видеть, с каким благоговейным трепетом отвечали эти русские женщины своему Царю. А когда Государь передал хозяйкам квартир в память своего посещения подарки для них в виде часов, то смущению и радости не было конца». После этого случая Мценскую улицу бежичане стали именовать Царской.

В три часа по полудню Государь продолжил осмотр Брянского завода с посещения общезаводской выставки, устроенной специально к высочайшему визиту в новом здании цеха металлических конструкций и крановом. Все четырнадцать заводских отделов (производств) собственными силами организовали небольшие, но красиво оформленные и богато декорированные павильоны. Даже вывески с названиями цехов были выполнены сообразно содержанию. Вывеска снарядного цеха была набрана из различных снарядов и гильз, вывеска гвоздильного — из гаек и болтов, чугунолитейного — из цельного прута, изящно согнутого в название цеха, и т. д. Здесь были паровоз, вагон-снегоочиститель, сельскохозяйственные машины и орудия, станки, артиллерийские снаряды в человеческий рост, чугунные и стальные отливки. А в павильоне механического цеха был помещен массивный ме-

таллический блок, на котором фрезой была вырезана церковнославянскими буквами строка гимна: «ЦАРСТВУЙ НА СТРАХ ВРАГАМ».

Был и особый павильон, посвященный благотворительной и просветительской деятельности завода. На выставке Государю преподнесли «точно исполненные» и предназначенные в дар наследнику Цесаревичу модель подъемной крепостной башни для двух пушек «со всеми сложными механизмами» и модели двух плугов и бороны. Государь беседовал с некоторыми рабочими и удостоил четырех из них серебряных часов, а по окончании осмотра оставил запись в Золотой Книге почетных посетителей завода.

Дальнейший маршрут Императора пролегал уже по самой Бежице. Государь на автомобиле проследовал в заводскую больницу на 150 коек, где «хвалил образцовый порядок». Лечебница имела современный рентгеновский кабинет, отделы светолечения, гидротерапии и ортопедии. Теперь больница использовалась и как госпиталь, где лечились раненые воины. Государь побеседовал с ними, вручил некоторым из них боевые награды — медали «За храбрость» на георгиевских лентах.

После больницы Государь отправился в пекарню, все машины которой приводились в движение электричеством: мощности хватало на полное обеспечение хлебом всего поселка.

Затем было посещение лазарета Всероссийского земского союза на 400 кроватей, размещенных в здании заводской женской гимназии. В лазарете Государь удостоил многих раненых воинов «милостивых расспросов и слов одобрения» и вручил медали «За храбрость» и один орден Святого Георгия IV степени (всего в тот день было вручено более ста медалей).

Стало уже смеркаться. Перед отъездом Императора к нему подошла депутация самых старых рабочих, прослуживших на заводе не менее 40 лет. От лица всех тружеников Брянского завода они преподнесли Государю Императору икону Божией Матери в ризе, шитой жемчугом, со следующими словами: «Ваше Императорское Величество. Мастеровые и рабочие, в числе 15 000 человек, повергают к Вашим стопам их верноподданнические чувства и просят Всемилостивого Государя осчастливить их и принять от них икону Божией Матери в память пребывания Вашего Императорского Величества на Брянском заводе в Бежице». Государь был тронут. Нескольким рабочим Николай Александрович подарил серебряные часы (а всего по итогам высочайшего визита такой царский подарок получили 26 человек).

В 6 часов 20 минут вечера императорский поезд отправился в путь под громогласное исполнение гимна и несмолкаемое «Ура!» — весь заводской поселок, тысячи рабочих провожали Царя.

Поезд сделал короткую остановку на станции Брянск-Орловский, где Государя приветствовали три роты солдат маршевого батальона, готовящихся к отправке на фронт, а также жители Привокзальной слободы. Ученица церковно-приходской школы Лидия Капустина преподнесла Государю альбом с рисунками. Николай II принял подарок и подарил девочке на память «малые серебряные часы с золотым орлом и серебряной шейной цепью». Поздно вечером Николай II был уже в Орле и сразу отправился дальше, в Петроград.

На следующий день директор Брянского завода Буховцев писал начальнику царской охраны генералу Спиридовичу: «До сей поры мы все

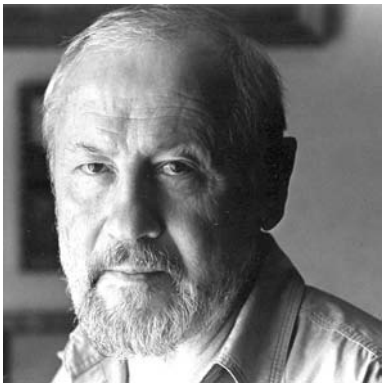
еще не можем прийти в себя после Высочайшего посещения. Вчера с утра рабочие оказались совершенно не в состоянии спокойно выйти на работу, а попросили разрешения отслужить на площади молебен о здоровье Государя Императора, а затем прошли с его портретами и флагами по улицам, по которым Его Величество изволил проследовать. Сегодня утром рабочие хотели было продолжать вчерашние манифестации, так что пришлось мне убеждать их, указывать им, что Его Величеству было бы неприятно, если бы он узнал, что Его приезд на Брянский завод повлек за собой прекращение работы по изготовлению снарядов. Рабочие вернулись в мастерские и принялись с удвоенной энергией за работу… Влияние на умы рабочих приезда Его Императорского Величества оказалось огромное».

Последующие годы смерчем прошлись по всем тем местам, о которых мы рассказываем в этом очерке. В революцию первым делом уничтожили памятную доску, висевшую у входа на завод, переименовали улицы в Орле и Брянске, разрушили храмы, где когда-то благоговейно встречали монарха. Память о Николае II, о его пребывании жесточайше вытравлялась, были репрессированы тысячи людей за «симпатии к самодержавию»…

И все-таки многие и многие орловцы сохраняли верность клятве. «Царским звонарем» называли современники уроженца Елецкого уезда Орловской губернии, боевого офицера и поэта Сергея Сергеевича Бехтеева (1879–1954). В пору революционной смуты его лира, словно вечевой колокол, пыталась пробудить оглохший в распрях и заблудший народ, заставить очнуться Россию и осознать свое гибельное сиротство. В октябре 1917 года поэт, видя хаос беззакония и разгром прежней жизни, пишет пять стихотворений — «Россия», «Боже, Царя сохрани», «Верноподданным», «Святая ночь» и легендарную «Молитву», ставшую затем широко известной в Советской России. Через графиню А. В. Гендрикову эти стихи удалось передать в Тобольск Царской Семье, для которой они стали большой моральной поддержкой. Сквозь всю Гражданскую войну и десятилетия эмиграции Бехтеев пронес веру в неизбежное признание Россией святости Царя.

Сын известного орловского врача, а в прошлом революционера и эмигранта П. И. Якоби Иван Павлович Якоби (1880–1964) после революции 1917 года тоже оказался в эмиграции. За границей он стал членом Русского монархического союза. В 1930-е годы вышла в свет его книга «Император Николай II и революция». Она была переведена на пять иностранных языков, только во Франции выдержала более десятка изданий. Для многих эмигрантов, свято чтивших память Царя-мученика и его Семьи, этот труд был дорогой сердцу книгой, повествующей о трагедии Отчизны и о вере в Великую Россию.

Юрий ЛОЩИЦ

ПОРТРЕТ[1]

200 лет со дня рождения И. А. Гончарова (1812–2012)

Юрий Михайлович Лощиц — родился в 1938 в селе Валегоцулово (ныне Долинское) Одесской обл. в семье кадрового военного. В 1962 году окончил филологический факультет МГУ. На протяжении многих лет работал корреспондентом, литсотрудником, редактором в различных литературных журналах и издательствах. Секретарь правления СП России, лауреат многих литературных премий. **Живет в Москве.**

[1] Публикуется в сокращении.

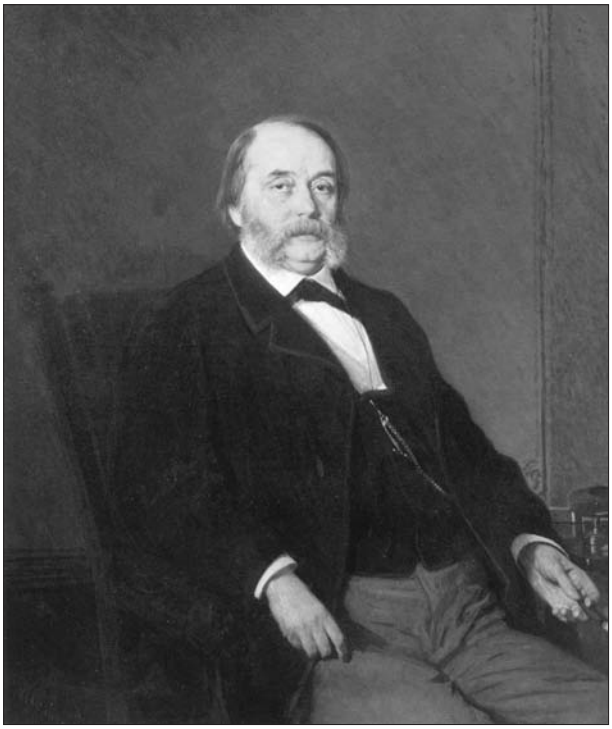
Когда-то в критической статье о только что появившемся «Обломове» Александр Дружинин уподобил изобразительную манеру Гончарова стилю фламандских художников — мастеров жанровых сцен. Критик имел в виду умение писателя дать живую, ироническую, беззлобную зарисовку быта, любовно и кропотливо выписать мелочи жизни.

С легкой руки критика и другие авторы стали причислять Гончарова к «фламандцам». Но в дружининском сравнении уловлена лишь одна сторона словесного искусства писателя: живописность, пластическая выразительность его письма. Что же до «жанра», до сценок бытового характера, то они в романах Гончарова никогда не играли преимущественной роли. Как «живописцу» ему равно удаются и жанровая зарисовка, и натюрморт (вспомним хотя бы описание пиршества в Обломовке и стола с остатками еды в петербургской квартире Ильи Ильича), и пейзаж — сельский и городской, сухопутный и маринистический, идиллический и романтически-бурный.

Но если продолжать сравнение с живописью, то в первую очередь о Гончарове, конечно, следовало бы говорить как о «портретисте».

Гончаров почти никогда не выписывает человеческое лицо или фигуру во всех подробностях. Чаще всего ему хватает одной, главенствующей детали. Лысеющий Адуев-младший, полные локти Пшеницыной, бакенбарды Захара, бархатные, как ночь, глаза Веры, скульптурная холодность и неподвижность красавицы Софьи Беловодовой — в каждом из этих портретных образов одна-единственная, но очень емкая деталь способна дать понятие о целом.

Гончаровские «портреты» не фотографии. Но и не карикатуры. Поэтому попадали впросак те ил-

И. А. Гончаров. Портрет работы И. Н. Крамского, 1874 год

люстраторы его романов, которые Обломова, к примеру, изображали гротескно дебелым, а Веру, соревнуясь с фотографией, прописывали до мельчайших узоров на шали. Вообще с Гончаровым иллюстраторам как-то не везло. Похоже, его проза и не нуждается в иллюстрировании. Она способна сама, за счет собственных средств, внушить читателю отчетливые пластические образы.

«Портрет» у Гончарова только начинается с описания внешности человека. За пластической характеристикой разворачивается многосложный словесный образ, глубины которого иногда непроглядны, неисчерпаемы. Это уже внутренне-сущностный портрет, попытка заглянуть в душу человека. Душа принципиально глубже темперамента, психологических проявлений человека. Она по преимуществу безмолвна, неуловима в очертаниях. Она музыкальна. И вот эту музыку умел внятно различать и выражать с помощью словесной палитры создатель Обломова и Веры, Пшеницыной и Бережковой.

На то, что Гончаров был «портретистом» по преимуществу, косвенно указывают его вкусы и пристрастия как зрителя и ценителя живописи. Видимо, не случайно среди великих художников Европы его внимание прежде всего привлекали знаменитые мастера духовного портрета, старые и новые. Чаще других — Рафаэль, Леонардо да Винчи, Тициан, Рембрандт.

Скорее всего интерес к живописи пробудился у Гончарова еще в молодые годы — со времен посещения мастерской Николая Аполлоновича Майкова.

Поездки за границу, когда писатель имел возможность осматривать крупнейшие собрания европейской живописи, раз от разу расширяли круг его художественных познаний. Приезжая в Париж, он обязательно посещал Лувр, а останавливаясь в Дрездене, считал непременным долгом побывать в знаменитой местной галерее.

Как и многие люди его поколения, совершенно особое место в ряду почитаемых полотен он отводил жемчужине дрезденского собрания — «Сикстинской мадонне». И не только из-за выдающихся собственных достоинств этого полотна. Почитать творения великого итальянца, «Рафаэля вдохновенного», как некогда сказал о нем Пушкин, — значило противостоять мнениям quasi-варваров, разрушителей прекрасного, которые и Рафаэля, и

Пушкина ставят не выше сапога, но сами, кроме карикатур и задиристых памфлетов, пасквильных стишков и крикливых статеек, ничего создать не умеют. Да, это было принципиально для него — поклоняться Рафаэлю, поклоняться всему возвышенному и возвышающему в искусстве. Ну что карикатура? Она может только раздражить, озлобить либо вызвать у зрителя приступ грубого, чревного смеха. Конечно, и от хохота тоже иногда выступают слезы. Но те ли это слезы, которые и у взрослого человека наворачиваются на глазах при созерцании запечатленной гением материнской любви?

Он не был еще настолько стар, чтобы брюзжать о худосочности нынешнего искусства сравнительно с искусством былых эпох. Но все же новых Рафаэлей как-то не объявлялось, да вроде бы и не предвиделось ни на Западе, ни дома.

Один лишь раз был повод ему поверить в возвращение классических времен — это когда смотрел привезенное в Петербург из Рима громадное полотно Александра Иванова.

Сколько толков вызвало «Явление Христа народу» среди жителей столицы! Как магически притягивала к себе картина все новые и новые толпы! Должно быть, так приходили некогда люди поклониться только что явленной чудотворной иконе?..

Но все-таки это была живопись, и, как и всякая живопись, она рождала споры. Одни утверждали, что в напряженной и изысканной моделировке фигур, в их скованно-красивых позах дает о себе знать запоздалый академический пошиб. Раздавались и другие голоса: не слишком ли много быта, натуралистических и этнографических подробностей? Не чересчур ли назойлива в своей экзотичности эта пестрая толпа купающихся, обсыхающих, вытирающихся и облачающихся людей — толстых и худощавых, розовокожих и с синевато-бледной, покрытой мурашками кожей?..

Гончаров по достоинству оценил грандиозность замысла: художник изображает решительную встречу двух миров, двух цивилизаций, ветхой и новой, отжившей и нарождающейся. Христос является на фоне голубых гор, как утро нового дня человечества…

Однако от картины Иванова и у него осталось впечатление чего-то недовыраженного. И когда писатель попытался это чувство определить в словах и даже записать, то выяснилось, что дело тут скорее всего в самих особенностях исторической живописи. На полотне исторического жанра в отличие от символического искусства (от той же иконы, например) может быть запечатлено лишь одно-единственное событие. А в «Явлении» таких событий — два. Люди на полотне Иванова, казалось бы, прежде всего должны быть поражены тем, что только что с ними произошло, — крещением, после которого они как бы родились для повой жизни. Но поскольку художник обращает их почти тут же к следующему великому и поразительному событию — явлению Мессии, то и получается, что о предыдущем событии они по воле живописца уже и не помнят. И вот вместо крестившихся — искупавшиеся в жаркий день люди… Одно состояние, не успев выразиться, готово уступить место другому.

Но при всем том Иван Александрович понимал, что перед ним выдающееся достижение искусства. В 1858 году, когда «Явление» было выставлено в Академии художеств, многим оно казалось картиной века, которая не

только затмила собой десятки великих полотен, но и на будущее, похоже, не оставляла никому из собратьев Иванова надежд достичь большего совершенства.

Почти пятнадцать лет спустя в том же здании Академии художеств Гончаров разглядывал экспозицию первой Передвижной выставки. В одном из залов он остановился у полотна средних размеров, не очень хорошо освещенного. Он уже слышал об этой картине и теперь разыскал ее, чтобы самому решить: правы ли ее хулители, справедливы ли те, кто ее хвалит?

Автором картины был Иван Крамской, которого писатель знал лично. (Как-то их познакомили на квартире у Никитенко.)

Уже тогда Гончаров отметил, что, несмотря на молодость и репутацию бунтовщика и нигилиста (это он, говорят, перебаламутил всю академическую молодежь и с ватагой единомышленников составил что-то наподобие фаланстера живописцев, где и ходит в главарях), Крамской производит впечатление человека умного, широко начитанного, работящего и скромного. Великих старцев художественного Олимпа он не отрицает, а выступает лишь против их нынешних раболепных подражателей из академической школы, пытающихся вливать новое вино в старые мехи.

Вскоре Крамской предложил Ивану Александровичу позировать, и тот согласился. Портрет заказали для себя Никитенки; Софья Александровна особенно настаивала.

Позировать пришлось недолго. О Крамском не зря говорили как об искусном портретисте: писал он быстро, добивался впечатляющего сходства.

На портрете, выполненном в технике соуса, Иван Александрович увидел себя то ли немного усталым, то ли слегка обиженным, словом, вполне меланхолическим мужчиной среднего возраста. Нос, кажется, чересчур заострен, остальное же все как будто на месте: слегка одутловатые щеки, притененная усами маленькая нижняя губа, чуть лоснящиеся на висках волосы, большой чистый лоб. Софья Александровна могла быть довольна своим приобретением.

А все-таки, когда приглядишься, в любом портрете обнаруживается что-то двусмысленное. В том числе и в этом: кому-нибудь покажется, что изображен человек добрый и некичливый; кто-то найдет, что перед ним хитрец, баловень судьбы, эпикуреец. Один скажет, что это тихий и мечтательный помещик, давно уже не покидающий своего захолустья. А другой станет убеждать, что запечатлена титулованная особа, слегка утомленная рассеянной светской жизнью.

Хорошо еще, если ваш портрет висит у кого-нибудь на квартире, где его смогут видеть лишь немногие и, скорее всего, расположенные к вам люди. А что, если он попадет на выставку, где ежедневно проходят сотни посетителей, причем большинство — скуки ради! Вот тут уж держись! Станут полушепотом, а то и намеренно громко обсуждать всякие детали вашего лица: этот-де глаз меньше другого, а ухо посажено слишком близко к скуле… А потом и до личности доберутся.

Вот почему, когда в мае 1869 года на квартиру Ивана Александровича приехал московский купец и собиратель картин русских живописцев Павел Михайлович Третьяков и рассказал о своих планах открытия галереи, для которой он хотел бы заказать портреты наиболее известных современных отечественных писателей, а значит, и его, Ивана Александ-

ровича, автора незабвенного «Обломова» и только что вышедшего капитального «Обрыва», — вот почему, выслушав все это, хозяин дома весьма заколебался.

Правда, наотрез отказывать симпатичному гостю он не захотел. Идея создания русской галереи ему очень понравилась. Понравилось и то, что пришла она на ум не какому-нибудь великосветскому меценату, не знающему, как побыстрее просадить свои миллионы, а купцу русскому, кровно болеющему о всем родном. Такие вот, как этот Третьяков, обзываемые теперь на каждом шагу в прессе лабазниками, самоварниками да кабацкими гуляками, копят, копят, тянут с мира по пятаку, а потом, когда надоест им тянуть да копить, возьмут да и тряхнут всенародно тугим мешочком: то целую дивизию ополченцев обмундируют, то храм в каком-нибудь торговом селе поставят, с колокольней на два метра выше самого Ивана Великого. А то, как его сегодняшний гость, затеют с царским Эрмитажем тягаться.

И ведь потягается, и соберет в конце концов свою галерею, и даже его, Гончарова, того и гляди насчет портрета убедит.

Нет, Иван Александрович не стал отказываться вслух. У него был отличный способ отсрочить это хлопотное дело. Ведь послезавтра он выезжает за границу на все лето. Вот вернется, и тогда они спишутся или еще раз встретятся и договорятся обо всем окончательно.

Лето кончилось, Гончаров благополучно возвратился в Петербург, а через три недели его навестил Иван Николаевич Крамской, сообщивший, что именно ему, как старому знакомому Ивана Александровича, московский заказчик доверил писать портрет для галереи. Гончаров, по видимости, был не против, но, когда из дальнейшего разговора выяснил, что художник и сам через десять дней собирается отбыть за границу, а потому хочет как можно скорее приняться за работу, он ухватился за это обстоятельство: зачем же сейчас такая спешка? Не лучше ли обождать, когда Иван Николаевич возвратится? А он, со своей стороны, постарается к этому времени «сделаться еще лучше».

В тот же день Крамской написал Третьякову в Москву о результатах переговоров и назвал свою цену — 500 рублей серебром.

На третий день пришел ему ответ от Третьякова: тот согласен на цену, лишь бы художник постарался изо всех сил, то есть принялся за работу немедленно и отнесся к своей «модели» с любовью и почитанием, коих она, безусловно, заслуживает.

Крамской тут же пишет ему, что обещает «употребить все свое старание», но со сроками несколько задержится: в Петербурге он будет лишь к декабрю.

Так началась история создания знаменитого «третьяковского» портрета Гончарова. Того самого портрета, который, прояви Иван Александрович еще чуть-чуть упорства и нежелания, так никогда и не был бы написан. Заказчик и художник наседали, упрашивали, отступали на время, чтобы зайти с неожиданной стороны. А «модель» увертывалась, придумывала всевозможные отводы, отговорки.

В этой отчасти комической, но отчасти и грустной истории мы увидим, как с годами, говоря по-житейски, «портился характер» писателя. А точнее, как все более укреплялся он в желании жить замкнуто, сокровенно, тишком, не только ничего не делая для возрастания собственной популярности, но и другим препятствуя заботиться о его «прославлении».

«Дело о портрете» попортило кровь всем троим — и заказчику, и художнику, и писателю. Видимо, все могло бы обойтись проще, если бы на давнишнюю уже нелюдимость Гончарова не наложились сугубые переживания этого горького для него года. (Уже через неделю после разговора с Третьяковым раздались первые критические залпы по «Обрыву».) На этом фоне вполне становятся понятны капризность и обидчивость недоверчивого Ивана Александровича: уж куда ему быть в галерее «лучших», если критики в один голос доказывают, что он как писатель ничтожен…

Когда на четвертый день после возвращения из заграничной поездки Крамской навестил Гончарова «с намерением немедленно приступить к портрету», Иван Александрович понял, что дело принимает серьезный оборот. Визит был для него явно неожиданным, и наспех не мог он придумать какую-нибудь основательную причину для новой отсрочки. Но уж сегодня? — сегодня-то никак нельзя было начать; во-первых, потому, что он не вполне здоров… к тому же погода скверная, и освещение в комнате плохое.

«Но, может быть, завтра погода будет получше?» — предположил художник.

Иван Александрович к такому прогнозу отнесся скептически, петербургские зимы куда как редко балуют солнцем и морозцем. Теперь уж, почитай, до самой весны не дождаться приличной погоды. Так не отложить ли и им все это до весны?

Крамской покорно соглашается. Он только просит, чтобы сам Иван Александрович сообщил письменно Третьякову, что дело затягивается не по вине художника.

А получив из Москвы очередное письмо с просьбой поторапливаться, опять едет на Моховую улицу: надо показать Гончарову послание заказчика. Гончаров же, оказывается, еще до сих пор ничего не написал в Москву.

Через несколько дней настойчивый портретист снова наведывается к писателю, Иван Александрович опять отнекивается. Он еще не вполне поправился, и свету по-прежнему недостаточно.

Крамской в очередной раз жалуется в Москву: он не знает, как еще подступиться к упрямцу. Тогда сам Третьяков письменно напоминает писателю о бывшей между ними договоренности. Художник вновь навещает Ивана Александровича, и тот, теперь уже, кажется, окончательно прижатый к стенке, соглашается. Уф!.. Они уславливаются о дне и часе первого сеанса.

А в середине марта Третьяков получает от Крамского письмо с новыми жалобами. Накануне сеанса Гончаров известил его, что сидеть никак не в состоянии, одним словом, «отступается окончательно от написания портрета».

Однако Павлу Михайловичу было не занимать настойчивости. Через несколько месяцев, дав передышку раздраженному Гончарову, он начал новый приступ: по приезде в Петербург посетил дом на Моховой, но хозяина не застал. На письмо, оставленное ему Третьяковым, Иван Александрович ответил извинениями и пространным обоснованием своего категорического отказа. Он никак не может понять, для чего все-таки нужен его портрет, — «в шутку ли, для серьезной ли цели?»

Похоже, что этот ответ если не обидел, то основательно расхолодил Третьякова. Переговоры прекратились. Тем более что и художник был надолго отвлечен другими заказами, работой над собственными замыслами.

Проходит два года. Энергичный московский собиратель, уже приобретший к этому времени несколько портретов русских писателей, снова решился потревожить петербургскую знаменитость. Но Крамской, посланный на Моховую, пишет ему в великом расстройстве, что более хлопотами о злополучном портрете заниматься не может. Не успел он, зайдя к Гончарову, произнесть и двух слов на старую тему, как тот переменился в лице и выпалил дрожащим голосом целую тираду:

— Ведь мы уже решили никогда не поднимать этого вопроса, Иван Николаевич… И я признаюсь, что, несмотря на наше знакомство и на то, что я рад вас видеть, я не могу быть уверен, чтобы всякое ваше посещение не было бы попыткой завести речь о ненавистном мне портрете!

Итак, почти четыре года ушло на безуспешные переговоры. Никаких надежд у Крамского и Третьякова больше не было. Не считать же надеждой то комическое обстоятельство, что писатель вместо собственного портрета позволил Крамскому нарисовать свою любимую собачку Мимишку!..

Что касается Ивана Александровича, то он, надо полагать, уже чувствовал себя окончательно свободным от обязательств позирования. Еще один искус славы был позади.

И вот через несколько месяцев после резкого объяснения с Крамским он стоял в слабо освещенном углу выставочного помещения и разглядывал картину Ивана Николаевича, которая называлась «Христос в пустыне». По первому же взгляду на нее нетрудно было ему понять, почему работа эта вызвала такие разноречивые толки в публике. Спаситель был изображен без традиционных атрибутов своей славы, то есть без нимба, с каким привычно видеть его на иконах, без того величия в позе, какое, к примеру, придал ему Иванов в своем «Явлении». Да и не только это. Одежды без академически правильных благородных складок. Волосы на голове и бороде как-то дико разлохмачены, а не расчесаны аккуратно на прямой пробор. Взгляд, скорбно-исступленный, устремлен куда-то в землю, а не сквозь зрителя, как на маслом писанных иконах петербургских пышных храмов, где Христос глядит перед собой с каким-то стеклянно-холодноватым безразличием. Всех этих деталей было с лихвой достаточно, чтобы признать картину еретической: на ней-де показан не богочеловек, а простой человек, которого художник выдает за Христа.

Но чем больше Гончаров вглядывался в картину, тем более убеждался, что выносить о ней подобное суждение — значит становиться на путь ветхозаветного фарисейства. Пусть даже действительно художник захотел показать в своем Христе перво-наперво человеческую сторону. Пусть даже сам он не верит в богочеловека (это дело его собственной, а не чьей-нибудь совести). Но что бы там ни было у него на душе и в уме, а в картине его гораздо больше правды, чем во всем современном академическом иконописании.

Художник взялся изобразить одну из самых трудных годин в земной жизни Спасителя: сорокадневный пост в пустыне, во время которого постящийся подвергается всевозможным искушениям, переживает муки голода и жажды, тоску одиночества, приготовляется к своему неслыханному жертвенному пути. Вся фигура его как бы сжалась от громадной работы духа. Ступни сильно оперты о землю, и ладони стиснуты. Во взгляде что-то неодолимое, словно он уже добыл себе силу на подвиг. Его облик невольно заставляет вспомнить стихотворные строки Тютчева о «рабском виде», в котором Христос идет по земле, «удрученный ношей крестной».

«Здесь нет праздничного, геройского, победительного величия, — заключил про себя Гончаров, — будущая судьба мира и всего живущего кроются в этом убогом маленьком существе, в нищем виде, под рубищем — в смиренной простоте, неразлучной с истинным величием и силой».

Картина его поразила. Как-то разом в сознании его всколыхнулись и соединились друг с другом художественные впечатления многих лет. Ему хотелось еще и еще думать о живописцах, берущихся за самые сложные, жизнеобъемлющие сюжеты. Хотелось записать эти свои раздумья, разбуженные работой Крамского. Да и с ним самим поговорить.

Неизвестно, как именно они объяснились при встрече, но 23 февраля 1874 года Крамской радостно сообщил в Москву: «Портрет И. А. Гончарова имеет большое вероятие быть написанным мною».

А через полторы недели Третьяков читал: «Работаем каждый день. Сидит он хорошо и совсем стал ручным».

14 марта Крамской еще пишет заказчику: портрет «двигается, и, кажется, удачно, хотя боюсь говорить вперед. Думаю, что на Страстной привезу».

И наконец, 20 марта: «Портрет Ивана Александровича Гончарова в воскресенье будет совсем закончен».

Вербное воскресенье было 24-го числа. Итого сеансы продолжались не менее трех недель. Не так уж мало, если учитывать профессиональную быстроту, с какою обычно писал Крамской. Может быть, «модель» быстро уставала? Или портретист намеренно себя притормаживал, понимая особую ответственность заказа? Или разговоры их обоих отвлекали?

Ивана Александровича, естественно, интересовал «Христос в пустыне». Что все-таки побудило художника взяться за такую ответственнейшую тему?

Понятия Крамского о Христе, как Гончаров мог без труда уразуметь, оказались довольно-таки путаны. Видимо художник исповедовал идеи, взятые из модной книжки Ренана, то есть признавал в Христе выдающегося моралиста, когда-то действительно жившего в Палестине. Более того, он выдвигал отчаянный парадокс: Христос, мол, величайший из… атеистов всех времен, ибо — тут Крамской изъяснился довольно туманно — «изъял божественное начало из вселенной и внедрил в душу человеческую». Гм!.. Прямо не Христос получался, а Люцифер… Но тот же Крамской утверждал: нельзя Христа изображать в такой натуралистической манере, как это делают некоторые современные художники, желающие тем самым заявить во всеуслышание: се человек!.. Мы показываем исключительно человека. Антокольский, к примеру, в своей скульптуре представил Спасителя совершенным иудеем: нос с мясистым кончиком, чувственный рот…

Иван Александрович заметил, что и в прежние времена художники в религиозных сюжетах иногда уклонялись в сторону натурализма: тот же Тициан… Крамской о Тициане отозвался резко: не Христа написал, а итальянского дипломата, тонкого, хитрого, сухого эгоиста.

Оба были согласны, что даже гениальный живописец, когда берется за религиозную тему, часто не в силах бывает одолеть условий современного искусства. Даже любимый Иваном Александровичем Рафаэль в своей «Сикстинской мадонне» потерпел частичную неудачу, когда, пытаясь изобразить младенца Христа, посадил на туловище ребенка крупную голову, наделенную чертами зрелости и мудрости. Мысль художника верна, но средствами живописи выразить ее не удалось. А Богоматерь? Конечно, этот образ у

Рафаэля необычайно выразителен, но и тут перед зрителем не божество, а лишь идеал прекрасной женщины-матери.

Видимо, слишком тяжек для любого художника груз земли, всего плотского, вещного. Даже гению редко удается стряхнуть этот груз с плеч.

Так говорили они на близкие тому и другому темы — художник, стремившийся «революционизировать» религиозную проблематику, и писатель, в мировоззрении которого с каждым десятилетием все отчетливей проступали черты религиозной ортодоксальности, догматы объективно-идеалистической эстетики. Вопросы, которые они обсуждали, не казались им ни узкими, ни далекими от действительности.

А интересно все-таки, что выйдет из нынешнего сидения? Удастся ли Ивану Николаевичу хоть чуть-чуть облагородить свою «модель», по-стариковски малоподвижную, погруженную в дремотное оцепенение? Какую правду скажет о нем портретист?

Что до «модели», то она давно уже привыкла думать о себе в самоироничесих тонах. Вот поистине находка для карикатуристов! Брюхат, брюзгловат, подбородок двоится, веки тяжелые, будто в ячменях, так и норовят слипнуться.

Иван Николаевич, чуть наклонившись к полотну, поглядывает на Гончарова исподлобья. Остро, неожиданно и как бы украдкой поглядывает. В этом взгляде что-то от недоверия и выжидания, от постоянного, неослабевающего интереса. Какой характерный, чисто художнический, сквозной, сквозящий, чуть холодком обдающий взгляд!

Позировать Крамскому легко. Даже в те минуты, когда они ничего не говорят друг другу, остается ощущение длящейся миролюбивой беседы… Пожалуй, жизнь художника еще более зависима от внешних обстоятельств, чем жизнь писателя. Заказы, заказы, заказы… Редко когда удается выкроить время для своего, желанного. На той же выставке, где Крамской показал «Христа», была еще одна его работа — портрет министра Валуева. Образ Спасителя и рядом — личина умного, хитрого, блестяще владеющего приемами придворной игры и интриги политика. И ведь обе картины пишет вождь «свободных» живописцев! Значит, и он с годами — поневоле или сознательно? — вовлекается в игру, начинает служить мамоне. Вот и сейчас неясно: интересен он, Гончаров, Крамскому как человек и писатель или дело лишь в почетном заказе?.. Но, по крайней мере, перед одним — перед законами своего искусства — художник, что видно, честен. Вон как он хмурится, как недовольно соскребывает металлической лопаткой уже присохшее к полотну масло, переписывает что-то наново.

Естественно, Ивану Александровичу хотелось бы посмотреть, получается там что-нибудь или не очень. Но он не спешит любопытничать. Ведь это так же нехорошо, как заглядывать в черновики писателя. То, что совершается там, на холсте, уже не принадлежит ему, Гончарову, он бессилен там что-либо подправить, улучшить. Он может, конечно, изменить осанку, выражение лица, сосредоточенно нахмурить брови, придать своему взгляду некоторую вдохновенность. Но зачем? Кого ему обманывать? Художника? Себя? Будущих зрителей? Он и сейчас, во время сеансов, останется таким, каким бывает всегда, подолгу сидя в своем кабинете, в своем любимом и привычном плетеном кресле, несколько вытянув ноги вперед и отклонившись туловищем назад, к удобной твердой спинке. Сколько часов он так

просидел здесь и сколько еще, может быть, просидит сам, наедине со своими мыслями и воспоминаниями, а то с каким-нибудь гостем, гостями?.. Он отдыхает. Руки мягко опущены на подлокотники, кисти расслаблены и пальцы не напряжены. В левой руке он держит надкуренную сигару. Толстый бархатистый цилиндрик пепла вырос уже сантиметра на два, но он медлит отвалить его в пепельницу, сделанную из скорлупы кокосового ореха и стоящую, как всегда, рядом на краю стола. Дым стремительно течет вверх острой ленточкой, чуть-чуть змеится и потом истаивает в воздухе, напитывая своим благородным ароматом книги, шторы. Он никогда не злоупотреблял водкой и вином, давно уже ограничивает себя в еде, но вот сигары — его слабость. Еще во времена плавания на «Палладе» он охотился за лучшими сортами сигар в магазинах Лондона и лавках азиатских портов. Всякий раз, выезжая за границу, непременно покупал сигары впрок, на зиму, у парижских или берлинских табачников. Сигара помогает думать, неколебимая струйка ее дыма успокаивает. Он выкурил, пожалуй, целую плантацию табака, пока написал три романа. Но о писательстве сейчас думать не хочется. Он отдыхает… Конечно, можно сказать, что это совсем немного — три романа за целую жизнь. Средний европейский писатель способен предложить публике три романа в год. А что уж говорить о таких феноменах работоспособности, как Дюма!.. Помнится, в 1858-м году, когда великолепный этот француз гостил в Петербурге, их представили друг другу. Узнав, что русский писатель — путешественник, Дюма оживился и объявил, что предполагает написать до двухсот волюмов путешествий, в том числе 15 томов уделит России, 17 — Греции, 20 — Малой Азии и так далее… Когда художник добывает деньги только книгами или только картинами, он вынужден спешить изо всех сил. Если поглядеть со стороны, он, Гончаров, имел возможность работать не спеша. Но и он принужден был многим поступаться, чтобы обеспечить себе достаточную литературную самостоятельность. Из-за службы и у него свободного времени выкраивалось совсем немного. И нужно было уметь в него укладываться. И он, пожалуй, никому не уступал тогда в работоспособности. То, что иные делают за неделю, он писал за день. Русская кровь долго, медленно закипает. Но когда закипит… Так что теперь он имеет право отдохнуть и еще раз, без спешки, посмотреть на свои романы и на жизнь, ими задетую: не исказил ли он где-нибудь ее облик?

Многие, слишком даже многие кричат публично: исказил! Но он не станет вслух оспаривать их. Он слишком хорошо помнит пушкинский завет о равнодушии, с которым истинный художник должен принимать хвалу и клевету. И вот сейчас он, кажется, именно так, по-пушкински, равнодушен. Не безразличен, не прегорд, не высокомерен, но мудро молчалив, будто заглянул куда-то далеко вперед — за тяжко сомкнутую, темную завесу грядущего. Заглянул и вздохнул: не их, а его правда…

Иван Николаевич исправно является каждый день, в один и тот же утренний час, пока больше всего свету в кабинете хозяина. Окна выходят на запад — на тесный дворик с каретным сараем, поленницами дров и обнаженным кустом сирени. На дровах белые подушки и перины снега, чуть розовеющего в ясную погоду. В комнате уже натоплено. К устоявшемуся тонкому запаху табака, старых книг и нагретых каминных кирпичей добавляется свежий дух пришедшего с мороза гостя, резкий запах красок, выдавленных на палитру.

Справляются о здоровье друг друга, обмениваются новостями. Все-таки в свое время в «Обломове» у него недурно вышла эта деталь: Илья Ильич каждого входящего к нему гостя предупреждает: не подходите близко, вы с холода! Это первого-то мая!.. А сейчас вот, несмотря на мороз, время у Ивана Александровича горячее: много хлопот доставил ему в последние месяцы сборник «Складчина», который по предложению группы писателей решено подготовить в пользу голодающих крестьян поволжских губерний. В конце прошлого года на собрании петербургских литераторов Гончарова включили в редакционно-издательский комитет «Складчины». Конечно, это большая честь для него, волгаря, он сам набросал уже было очерк для сборника под названием «Поездка по Волге», но чем дальше писал его, тем яснее видел, что тема требует более глубокой разработки и он к сроку с этим очерком не поспеет.

Ему хотелось вывести здесь образ, в котором продолжилась бы и осветилась с новых сторон тема Райского. Герой повествования — талантливый живописец и симпатичный, увлекающийся молодой человек по фамилии Хотьков. Вместе с автором он совершает путешествие на пароходе вниз по Волге. Хотьков в своем роде квинтэссенция Райского, всех тех достоинств и слабостей, привычек и склонностей, которые были приданы в свое время герою «Обрыва». Он беспрерывно влюбляется в кого-то и тут же забывает предыдущие увлечения, он постоянно в поиске натуры, типажа — будь то столичная красавица или деревенская нечесаная девка, русский купец или татарин, мальчик или ветхая старуха. Он незлобив, бескорыстен, всегда радостен, бодр, всегда готов приняться за новую работу или насвежо переписать давно заброшенное полотно. Он упоен жизнью, все дается ему легко, и так же легко он сам отдает — картины, привязанности, деньги. Обнаружив, что древняя бабушка, которую он высмотрел среди пассажиров парохода и принялся тут же рисовать, едет домой в деревню всего с несколькими медяками, он тут же бросает пять рублей в свою фуражку и обходит палубу, прося, кто сколько может, пожертвовать старухе… Он готов рисовать всех и всё — и мифологического Бахуса, и русского крестьянина, и эскиз плафона, и итальянский пейзаж; сейчас он едет к одному волжскому помещику, чтобы писать запрестольный образ для храма, а недели через две собирается в Испанию — надо по чьему-то заказу сделать копии с трех музейных шедевров. Он действует на окружающих примерно так же, как бокал шампанского в жаркую погоду. Его искрометность заразительна, может быть, в нем даже что-то моцартовское проявится, когда жизнь начнет его понемногу ранить и озадачивать… Словом, над этим образом хотелось бы еще серьезно и не спеша подумать: зачем все-таки художник приходит в мир? и что такое его судьба — восхитительный полет райского мотылька? или тревожный голос невидимой птицы, предчувствующей беду?..

Но основательно обдумать эту тему некогда, и вот он забросил очерк на середине, принялся за другой сюжет.

«Складчина» требует от него еще и организационной работы: надо пригласить к участию в сборнике всех желающих литераторов, прочитывать все присылаемое, отбирать лучшие вещи, дать о них письменные отзывы комитету с указанием возможных цензурных затруднений. Он пишет письма Аполлону Майкову, Лескову, Полонскому, Достоевскому, положительно отзывается о присланных произведениях Салтыкова-Щедрина, Тургенева,

Курочкина, Боборыкина, Страхова и других, встречается по делам сборника с Некрасовым, Никитенко и Краевским.

В самый разгар событий в «Московском вестнике» Каткова был напечатан неодобрительный выпад по поводу будущей «Складчины». Зачем-де понадобилось петербургским литераторам афишировать продовольственные затруднения в стране. Катков изо всех сил выслуживается перед правительством. Не нужно обращать внимания на выходку «Вестника», но некоторую осмотрительность все же следует проявить. Последнее обстоятельство вынуждает Гончарова строже смотреть на содержание поступающих вещей. Даже Достоевскому он вынужден сообщить, что в присланном им очерке «Маленькие картинки» есть места, которые лучше бы изъять. После обмена мнениями Федор Михайлович соглашается на сокращение. Он доверяет опыту старого цензурного хитреца и мудреца Ивана Александровича.

Почти все материалы уже собраны. Ожидается только отрывок из новой драмы Островского «Трудовой хлеб». Наконец и он получен. «Складчина» и по подбору имен, и по составу сочинений будет выглядеть внушительно.

…Похоже, что успешно продвигается и писание портрета. Иван Александрович уже несколько раз заглядывал на холст с «той» стороны, благо мольберт с картиной до следующего сеанса всегда остается здесь, в углу комнаты. Ну что же, художник ему нисколько не польстил: фигура выведена представительная, барственная, как бы упокоившаяся после сытной трапезы и наяву грезящая. Если же говорить без шуток, то Иван Николаевич действительно не только добился совершенного сходства, но и выразил свое личное, человеческое отношение к «модели». И каждый может убедиться, что это отношение — симпатия, душевная расположенность. Может быть, тут и заключен главный смысл их почти месячного сидения? Не в том, что портрет все-таки написан, а в том, что они много продвинулись в понимании друг друга, в сочувствии житейским и творческим затруднениям друг друга? Крамской, похоже, и изобразил его собеседующим, внимательным к чужому мнению, но знающим цену и своему слову.

Беседы о живописи, которые они вели, помогли Гончарову додумать те мысли, которые вызвал у него «Христос в пустыне». И вот в один из дней он записал эти мысли в виде эстетических наблюдений над духовной живописью разных эпох, доведя анализ до новейших времен и мастеров. И назвал статью «Христос в пустыне. Картина г. Крамского».

Все, кто заходил в эти дни на квартиру к Ивану Александровичу, в один голос говорили, что портрет — настоящий шедевр. Был доволен и он, хотя вслух слегка ворчал: скорей бы уж Крамской вез работу Третьякову, а то по ночам, когда не спится, неприятно видеть в углу еще одного живого Гончарова — страх находит.

Позже Иван Николаевич сообщил ему, что и в Москве портрет оценен высоко. Передал также, что дела Третьякова движутся хорошо, коллекция растет с каждым месяцем. Вдохновившись этим известием, Гончаров написал и отдал Краевскому в его «Голос» статью о новых приобретениях московского собирателя: «Почем знать, может быть, нынешние владельцы русских галерей и замечательных отдельных картин, — размышлял он в статье, — движимые симпатией к своей Москве и ревнуя украшению ее, завещают ей свои сокровища, и тогда в Москве могла бы возникнуть своя

историческая русская галерея, образоваться целая народная школа живописи и ваяния…» Эти слова писателя оказались пророческими.

Пройдут годы, Крамской напишет десятки других портретов, не менее известных, не менее изобретательных по исполнению, но полотно, написанное на Моховой, 3, будет постоянно называть среди четырех-пяти лучших своих вещей.

И сам Гончаров, обращаясь однажды к Софье Никитенко с просьбой прислать ему на время овальный портрет, написанный с него Иваном Николаевичем в 1865 году, скажет: «Лучше портретов И. Н. Крамского нет».

И еще о Крамском скажет: «Он добыл у меня что-то из души, на что он был великий мастер, и дал это что-то, какую-то искру правды и жизни портрету; я радовался, что он поймал внутреннего человека».

ВЫШЛА КНИГА

Ножкин М. И.
Точка опоры. Избранное / Михаил Ножкин. — М.: Вече, 2012. — 640 с.

Автора этой книги Михаила Ножкина знают в России как популярного артиста кино и эстрады, поэта, автора многих песен, которые долгие годы звучат на эстраде, в кино, на телевидении и радио, а главное — во многих наших домах. Но мало кто знает его как прозаика, драматурга, публициста,.. При желании это легко поправить, прочитав двухтомник его произведений.

Том, который вы держите в руках, называется «Точка опоры». В книге много стихов, старых и новых, лирических и шуточных, серьезных и несерьезных.

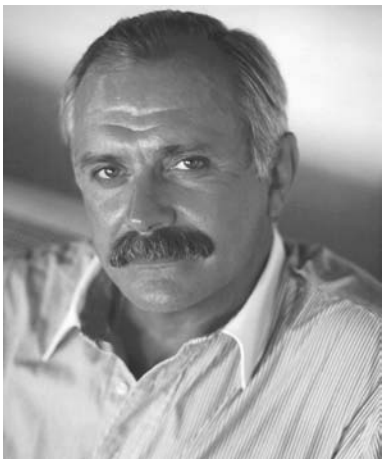
В разделе «Публицистика» — ряд статей, опубликованных в разные годы в разных изданиях. Раздел «Эстрада» представляет особый интерес. Это все формы разговорного жанра, забытые в наше время: фельетоны и монологи, куплеты и частушки, новеллы и пародии…

Киносказка, написанная автором в 1972 году для кинорежиссера А. Роу, в наше время стала еще более актуальной.

И завершает книгу музыкальная комедия «Насильно мил не будешь», музыку к которой написал композитор В. П. Соловьев-Седой.

Единственная просьба автора — обращать внимание на годы создания произведений. Это важно для понимания многих проблем, происходивших и происходящих в нашей стране.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Никита МИХАЛКОВ

ДЫХАНИЕ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА

Никита Сергеевич Михалков — родился в 1945 г. в Москве. Актер, режиссер, народный артист России. Президент Российского фонда культуры, президент Союза кинематографистов России, президент Московского международного кинофестиваля. Лауреат многочисленных премий. Член Президиума Всемирного Русского Народного Собора, член Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО; в 2007 году избран председателем Общественного Совета при Министерстве обороны РФ. Член Совета при Президенте РФ по культуре и искусству. Имеет многочисленные государственные и церковные награды. Руководитель студии «ТРИТЭ», где в течение 20 последних лет снимал все свои фильмы. **Живет в Москве.**

Технологически за годы существования новой России мы выиграли. Но разве духовная жизнь, высота духовных помыслов и возможность их реализации у нас выше, чем это было раньше? Я совершенно убежден, что нам всем необходимо ощутить единое дыхание этого огромного пространства — **дыхание нашего Отечества**. К сожалению, опыт показывает: чтобы это случилось, России необходимы были катаклизмы — войны, нашествия. Понимание огромности страны и ее дыхания приходит не ко всем. И у многих, от кого сейчас зависит происходящее в стране, этого дыхания нет. А без него поднять страну невозможно. Сколько бы мы не говорили о нравственном воспитании, этого воспитания не будет, если мы не поймем, что же с нами такое происходит.

Оглянитесь вокруг. Осознайте, что с нами творится. Отравление людей алкоголем, просто истребление народа, уничтожение генофонда. «Какой ужас», — говорим мы и ничего не предпринимаем. Тотальная коррупция, которая ничего не боится. Юридически грамотные люди заняты выискиванием параграфов, которые позволят не выполнять данного им поручения. Проще высидеть двое суток за этими бумагами и найти оправдание, почему делать не надо. А причина одна — делать очень не хочется, если, конечно, за этим не стоит личная выгода. Я сам постоянно на это наталкиваюсь, и меня бросает в холодный пот от мысли, что могут противопоставить пенсионер, студент, домохозяйка, учитель этой абсолютно непробиваемой стене, этой равнодушной фанаберии, которая наслаждается тем, что вооружена властью, законом и чувствует себя абсолютно безнаказанной?..

Посмотрите, какие чудовищные испытания обрушиваются на мир в

виде цунами, землетрясений, пожаров, сколько погибает людей. Но в это же время по всем каналам нашего телевидения не сходят с экрана разного рода шоу-представления, шутки, песни, которые исполняют одни и те же исполнители. И ни у кого не возникает даже мысли хотя бы одну передачу отменить. Да, утешает, что российских граждан погибло в этих страшных природных катаклизмах не много. Но ведь должен же быть внутренний такт принадлежности к тому, что называется человечеством. Увы, но у нас его, видимо, нет.

Еще пример. Одна дама, зарубежный «политик в отставке», не стесняясь, говорит: «Какая же здесь справедливость, если такая территория как Сибирь принадлежит всего одной стране?» И никто особенно не возмутился, в ответ на эти слова никто не сказал: «Кто вам дал право вообще ставить такой вопрос? Ваши, что ли, сограждане, соотечественники отвоевывали Сибирь, осваивали ее?»

Подобные примеры, постоянно повторяющиеся, можно продолжить, что говорит о нашей слабости, о том, что мы не понимаем нашей миссии. Но ведь если мы ее сами внутренне не осознаем, мы не сможем ее исполнить.

Где то, что называется «широким дыханием», всегда сопутствующим ощущению огромной страны? Где ответственность перед страной, которая лежит за границей Московской области, Садового Кольца? Где ощущение ее величия?

Я говорю сейчас о территории, над которой ты можешь лететь на самолете в течение 8 часов, в то время как под крылом твоего самолета говорят на одном и том же языке — на русском. Это твоя Родина! Где это ощущение?

Я могу понять, скажем, некоторых членов правительства, которые, получив оксфордское образование, принимают сегодня те или иные решения в Москве. Вот они приняли решение — все вроде бы логично и продумано, должно сработать — но не срабатывает. Спрашивается, какого знания не хватает правительственным работникам? Да дело в том, что они не знают страны. Им следовало бы хотя бы раз в квартал проводить свои совещания в Иркутске или, скажем, в Чите, чтобы видеть свою страну. Не исключено, что в таком случае и губернатор мог бы наладить дороги к приезду руководителей.

Мы снимали «Утомленных солнцем-2» под Петербургом. К нам на съемки приехал Владимир Владимирович Путин, его привезли на паровозе. Он спросил: «А как вы сюда добираетесь?» — «На машинах». — «А что, можно доехать?» — «Можно». — «Почему же мы не поехали?» — «Потому что, если бы вы поехали по этой дороге, вы решили бы, что гражданская война еще не закончилась». — «А на вертушке?» — «А если бы вы полетели на вертолете, то увидели бы, что эта разруха распространяется на десятки километров вокруг…» Он сокрушенно покачал головой, и я его понимаю.

Уже двадцать лет мы существуем только за счет того, что Бог дал нам в земле. Мы, способные создавать потрясающие военные машины, задираем цены на запчасти, что не позволяет этим машинам быть проданными — в мире или в своей стране. Едешь по русской провинции — тысячи пустых деревень, заросшие сорняками поля. Казалось бы, есть все — земля, возможности, бери, делай! Колхозы отменили, и теперь никто не заставляет трудиться на коллектив. Однако повсюду — пустые глазницы окон, нищета

и мерзость запустения. У русского крестьянина нет воли жить. Реформы в России могут осуществляться только с учетом русской территориальной специфики — тогда это будут реформы, понятные русскому народу и всем народам, населяющим нашу страну.

Невозможно жить лишь жизнью центра, который к жизни страны имеет очень мало отношения. Дело не в том, что в центре сосредоточен капитал, а в регионах почти сплошная нищета. Нет, там другая жизнь. Это не значит, что тут хорошо, а там плохо — там иная жизнь, и эту жизнь нужно ощущать. Только тогда может возникнуть радость единства нации. И до тех пор, пока мы не поймем это, не дойдем до дна и не оттолкнемся от него, мы будем все время «лечить» и «обматывать веревочками сгнившие трубы». Поэтому мне думается, что если мы реально не посмотрим на себя со стороны и не ужаснемся тому, насколько мы теплохладны и равнодушны к самим себе, нам нечего ждать, чтобы нас уважали другие.

Но надо помнить и о другом: нас не будут уважать до тех пор, пока мы сами себя не станем уважать. В Америке, к примеру, не стесняются снимать фильмы, где чуть ли не в каждом кадре звучат идеи патриотизма и величия американской нации. Когда в американские летные школы уменьшился поток поступающих, Пентагон дал 75 млн долларов на съемку фильма — и была снята «Школа асов» с Томом Крузом. После чего количество желающих пойти послужить в их ВВС снова восстановилось.

Я думаю, что в России скоро настанет черед исторических картин. У нас это может быть война 1812 года, Куликово поле, Александр Невский. Можно сделать потрясающую серию ремейков, повторив картины, которые уже были сняты. Взять те же сценарии — «Адмирал Ушаков», «Суворов», «Кутузов» и пр., вынуть из них идеологию, актуальную для прошлого времени, которой они были перегружены, и снять новые, увлекательные фильмы. А русские сказки — «Конек-Горбунок» или «По щучьему велению»! Если использовать новые технологии, компьютерную графику, это будут воспитательные красивые русские фильмы.

Да, сейчас привычнее слышать «российское», «россиянин», это такие нейтральные понятия. Мы почему-то очень стесняемся слова «русский». Я считаю, что шовинизм — когда я говорю: «Мы лучше вас», а патриотизм, когда я говорю: «Я люблю свое так, что я хочу, чтобы вы любили точно так же. И я готов любить твое. Покажи мне твое, как ты его любишь, и я тоже так это полюблю». Поэтому для меня русский — любой, кто думает и чувствует как великий русский философ Ильин.

Самая большая ошибка, на мой взгляд, когда дело касается внутренней политики такой страны, как Россия, — это желание увидеть результаты своих трудов при своей жизни. Нельзя не учитывать, что Россия — огромная страна. Это в Монако можно утром проснуться, издать указ, а вечером его уже все выполнят. У нас же правит теория больших чисел. В России проходят только те реформы, которые понятны населению. Если какие-то реформы успешно прошли где-нибудь в Голландии, нет никакой гарантии, что они так же успешно пройдут у нас. Такую ошибку в свое время совершил Петр I. Он отправил боярских детей учиться в Европу, а их родителям не объяснил, что по утрам надо пить не водку, а «кохфей», и брить бороды. И когда дети, одетые в шелковые чулки и говорящие на европейских язы-

ках, вернулись домой, там их встретили родители — в онучах, кафтанах и с кислой капустой в бородах. С этого момента общество разделилось на интеллигенцию и народ. Ни в одном государстве, ни в одной нации нет такой гигантской разницы между интеллигенцией и народом. Во всем мире интеллигенция — это выходцы из народа. А наша интеллигенция, условно говоря, приехала из Голландии. И Табель о рангах возникла именно тогда, и уважение к месту, а не к тому, кто это место занимает, возникло тогда. И постовой у нас с незапамятных времен отдает честь «членовозу» с мигалкой, хотя не уверен, кто там едет — большой начальник или домработница на рынок отправилась. Но он отдает честь машине как некоему символу власти. И эти особенности надо учитывать. Это только кажется, что мы объявили перестройку и наутро проснулись другими. Да никакие мы не другие!

Сегодня для каждого человека встает вопрос выбора, вопрос — на чем акцентироваться. Он, действительно, имеет принципиальное значение. Вот, например, если ты снимаешь кино ради премии, денег, славы, то тебе никогда этого не хватит, тебе все равно будет мало. А если ты снимаешь, потому что не можешь не снимать, потому что хочешь ставить перед собой те вопросы, которые могут быть интересны многим людям, это совсем другое дело. Я вообще считаю, что вопросы могут быть сильнее и важнее, чем ответы на них. За правильно поставленным вопросом лежит больше, чем за правильным ответом. За ответом нет ничего, а за вопросом есть движение.

Однажды со мною довольно интересная вещь произошла, она меня самого несколько изумила. Мои друзья, сотрудники из Фонда культуры, собрали мои интервью за 40 лет и сделали подборку, которую я пролистал и с огромным изумлением и даже, могу сказать, радостью обнаружил, что могу подписаться под каждым своим словом, сказанным 20–40 лет назад. Может быть, это ретроградство, косность и тупость, но мне хочется верить, что это определенная система координат, в которой я существую вот уже много лет. Иными словами, органичность по отношению к своему существу. Это моя корневая система. Вообще корневая система, которая удерживает ветви, шумящие над тобой, которыми ты можешь поворачиваться в любую сторону света, это, наверно, и есть иммунитет. Очень важно знать, что ты можешь гнуться в разные стороны, и шелестеть, и даже облетать желтыми листьями. Но у тебя все нормально с основополагающими системами координат. Ты можешь там, наверху, позволить себе все что угодно, а внизу, в корнях, оно должно быть незыблемо. Вот так я понимаю просвещенный патриотизм.

Величайшее счастье — возможность помочь другому человеку. И может быть, тем, кто его испытывает, Господь и дает возможность это счастье иметь, но не ради благодарности.

Не ради благодарности, например, мы способствовали перезахоронению в стенах Свято-Донского монастыря в Москве останков двух выдающихся русских людей — генерала Антона Ивановича Деникина и философа Ивана Александровича Ильина. Во многом это инициатива Фонда культуры, и тут огромную роль сыграли мои товарищи, и в основном Елена Чавчавадзе. А что касается сути события, я считаю и хотел бы верить, что это начало окончания Гражданской войны, это духовное собирание страны. Невозможно больше делиться на «белых» и «красных». Невозможно существовать в условиях братоубийственных отношений, когда у каждого есть своя правда,

а каждая правда — это еще не общая истина. Я считаю, что и генерал Деникин, который ни на шаг не отступил от своей присяги, и великий философ Иван Ильин, ни на шаг не отступивший от своего ощущения Родины, сделали в своей жизни все, что могли и должны были. И теперь они покоятся в русской земле. Теперь над ними всегда будут русские дожди, русские ветра, русские птицы. И я убежден, что возликуют и возрадуются души их, и это нам, живущим в России сейчас, очень поможет. Хоть и прошло немало времени с тех памятных дней перезахоронения, но многие наши люди еще не понимают, что произошло. Духовно не понимают. А я вас уверяю: очень серьезное дело совершилось.

Мне радостно, что желание человека, который был совестью и честью русской армии, быть похороненным на своей земле после того как рухнет строй, который его гнал, исполнено. И воля другого человека, величайшего философа и идеолога, величайшего философа и провидца, в 1953-м году написавшего все, что произошло сегодня с нами, тоже выполнена. Мне этого абсолютно достаточно. Я знаю, что две, четыре души возликовали, и это величайшее счастье.

И не надо понимания всего произошедшего требовать немедленно, сейчас. Вот свершилось, и слава тебе, Господи. Это очень важный, медленный процесс. И то, что сейчас происходит в стране, — это тоже очень важный, медленный процесс. Для пояснения я всегда привожу такой пример: в XII веке в одной летописи было сказано: не получилось что-то, потому что делалось тяжким, звероподобным рвением. И нам наука: чтобы все у нас делалось без тяжкого, звероподобного рвения, по милости Божьей.

Процесс формирования нового сознания — процесс постепенный. Детишки, которые сегодня ходят с бабушками в храм, еще не понимают, что там говорят, но в них втекает некий вечный для многих поколений русских людей смысл. Когда детей приводят в церковь, и они рассматривают иконы, заглядывают в лица молящихся, ощущают и созерцают курения ладана в кадиле, в них постепенно втекает великая мысль литургии. А через 20 лет станет естественной частью их жизни по воскресеньям ходить в церковь. И когда большинство, приходящее во власть, будет взращено в культуре, естественной для их прадедов, тогда возникнет иная генерация, иной внутренний ритм понимания страны. Тогда и откроется «широкое дыхание»…

Николай БУРЛЯЕВ

РЕЛИГИЯ ЭКРАННОГО ТЕРРОРИЗМА ИЛИ КИНЕМАТОГРАФ СОЗИДАЮЩЕГО ДУХА?

Николай Петрович Бурляев — родился в 1946 г. в Москве. Окончил актерский ф-т театрального училища им. Б. В. Щукина и режиссерский ф-т ВГИКа. Лауреат Государственной Премии Югославии («Вукова награда»). Лауреат международных кинофестивалей в Венеции, Каннах, Берлине и др. Создатель и бессменный Президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь». Председатель Международного Объединения Кинематографистов Славянских и Православных Народов. Президент Фонда культуры казаков России. Академик. Народный артист России. Работает в кинематографе с 1959 г. Снимался в 70 фильмах. Кавалер орденов Преподобного Сергия Радонежского III степени и Международной премии, ордена Святого Всехвального Апостола Андрея Первозванного. Член Союза кинематографистов СССР, член правления Союза кинематографистов России. Член Союза писателей России. Художественный руководитель киностудии «Отечество». **Живет в Москве.**

Экранные искусства, кинематограф и телевидение, являются мощнейшим духовно-стратегическим оружием, средством формирования национального сознания. Едва ли кто будет отрицать и то, что российские власти, заигравшись в поддавки с поборниками так называемых «свобод и прав человека», выпустили из-под контроля и из сферы государственной политики экранные искусства.

Российское государство самоустранилось от какого-либо влияния на кино и телевидение. Мол, «делайте что хотите, а у нас и без искусства проблем хватает». И уже пятнадцать лет кино и телевидение, опьяненные вседозволенностью «доходного промысла», делают что хотят. Правда, от их «экранных забав» проблемы государства резко увеличились. Ведь именно на продукции этих «кино-телебизнесменов», творящих по принципу: «Ассу» — в массы, деньги в кассу, возросло в России новое поколение духовных мутантов. Увеличились преступность, наркомания, алкоголизм, заболевания СПИДом и другими последствиями «свободной любви», патологические отклонения, взрослая проституция и даже появилась проституция детская. Переполнены лечебницы и тюрьмы, обитатели которых прямо говорят, что воспитывались они на продукции «свободного экрана».

Погибающие от СПИДа и наркотиков российские юноши и девушки адресуют свои беспомощные проклятия нам, взрослым людям, допустившим на Руси этот духовный геноцид.

Возникает естественный вопрос: «Кто наследует Россию? Кто будет ее возрождать, любить, защищать, создавать семьи, рожать и воспитывать детей?»

На протяжении многих десятилетий прошлого века наш великий

кинематограф восхищал мир примерами высокого искусства, основанного на нравственных, христианских традициях русской культуры.

Можно смело назвать христианскими фильмами фильмы партийных кинорежиссеров: украинца Довженко, грузина Чхеидзе, белоруса Турова, русских Шукшина, Бондарчука, Ростоцкого, Чухрая, беспартийного Андрея Тарковского и многих других. Их фильмы духовно воспитывали наше общество и покоряли зарубежных зрителей примерами подлинного искусства и высоких нравственных идеалов. Что пришло им на смену?

Пришла новая религия — религия экранного терроризма. Неоспоримая Мекка экранного терроризма — Америка. Главная кафедра — Голливуд. Приход сатаны теперь в каждом доме: место иконы в углу занял телевизор. Адреса всемирного сатанинского кино-телемаркетинга известны. Можно даже имена назвать тех, кто за границей формирует российский кино-видеопрокат.

Америка — плавильный котел наций, переплавляющий самобытность народов, страна, диктующая миру «новый мировой порядок», заливающая планету вторым всемирным потопом, потопом отравляющей «кока-кольной культуры».

Я обвиняю не Америку. Она ловко делает деньги. Я обвиняю нас, допустивших в России сатанизацию народа.

Вступая в XXI век, мир должен осознать, что нет и не может быть единой цивилизационной, универсальной для всех народов модели. Не может западный мир быть идеальной моделью для мира Православного, как, впрочем, и наоборот. У каждого народа своя песня пред Господом.

Чья-то дурная голова пыталась в прошлом веке ввести единый для всех язык «эсперанто», слава Богу, этот уродец в мире не прижился. Если бы Россия в XIX веке говорила на «эсперанто», не появился бы Пушкин, дитя из плоти и крови, корней и духа великой русской культуры.

После 11 сентября Америка и другие государства мира усилили борьбу с терроризмом, как главной угрозой XXI века. Теперь уже все понимают, что взрывать здания, убивать человека физически, захватывать его в заложники, пытать, калечить, издеваться над ним, заниматься растлением является преступлением и должно сурово караться законом. Настало время с такой же суровостью карать тех, кто убивает человека духовно, захватывая в заложники и растлевая его сознание, пытая и калеча его душу, своим «свободным», не только от уголовной, но даже и от моральной ответственности, экраном.

А тем, кто любит ориентироваться на западную свободу, замечу, что во всех цивилизованных странах существуют государственные экспертные советы, не допускающие на экраны кино и телевидения безнравственные фильмы. И в этом судьбоносном вопросе России не следует так отставать от Запада.

Пора принять соответствующие законы и наладить работу российских экспертных советов, состоящих из специалистов не только по творческим вопросам, но и медиков, психологов, представителей правоохранительных органов и так далее, которые будут компетентно доказывать, что такой-то фильм будет способствовать росту преступности, убийств, ограблений, насилий, а вот этот фильм усилит шизофренизацию общества, наркоманию, алкоголизм, это кино будет способствовать росту антипатриотических на-

строений, а это увеличит проституцию, педофилию и другие социальные пороки.

Государственная власть, которой сегодня доверено будущее России, должна осознать, что экранные искусства в XXI веке будут играть еще более определяющую роль в формировании самосознания нации, а потому кинематограф и телевидение должны стать явлением осознанной государственной политики, а не отпихиваться неразумными чиновниками от культуры в приватизацию и свободный рынок.

Напротив, государство должно озаботиться созданием новых российских киноцентров, киностудий и киношкол, готовящих кадры для национального кинематографа, способных создавать фильмы, соответствующие высоким нравственным традициям русской культуры, удовлетворяющие духовные запросы многомиллионного российского зрителя, фильмы, превращающие разрозненную массу в монолит, а население — в народ.

Почва для подобных государственных решений в сфере экранных искусств готова, взрыхлена и только ждет державного сеятеля. Более десяти лет развивается и крепнет в России Международный кинофорум «Золотой Витязь», начертавший на своем знамени девиз: «За нравственные, христианские идеалы. За возвышение души человека». В недрах кинофорума созрело и родилось новое кинематографическое движение — Международное Объединение Кинематографистов Славянских и Православных Народов, насчитывающее 2700 деятелей кино и телевидения из 15 стран мира, реализующих Программу «Кинематограф созидающего духа». Подписан договор с Администрацией Тамбовской области о создании на Тамбовской земле первого Российского национального Киноцентра, с автономной Киностудией и Киноакадемией имени Сергея Бондарчука.

Кинофорум «Золотой Витязь» поддерживается Государственной Думой, Министерством культуры и Союзами кинематографистов России, Белоруссии, Украины, Сербии, Болгарии… Но наступило время качественного перехода данного кинематографического движения на новый уровень. Назрела необходимость политического решения высшего руководства России о начале реализации полномасштабной государственной целевой Программы «Кинематограф созидающего духа». Надеюсь на мудрость нашей власти в этом вопросе, напрямую связанном с безопасностью России.

Одним из рычагов воздействия на политику современного кинематографа является Всемирный Русский Народный Собор, который может и должен обратиться к российским законодателям и государственной власти с требованием незамедлительно положить конец вседозволенности «экранных террористов» и не обращать никакого внимания на те вопли, которыми наполнят эфир «свободолюбивые» растлители народа. Легче перенести визг, который поднимут экранные бесенята, когда им государство, наконец, прищемит хвост, чем слышать проклятия и стоны умирающего, вырождающегося поколения России.

ПОЭЗИЯ

Елена ШАЛЯПИНА

«А СМЕРТИ НЕТ, ОСОБЕННО СЕЙЧАС. НЕ ЖИЗНЬ, А ВРЕМЯ ПОКИДАЕТ НАС»

Елена Леонидовна Шаляпина — родилась в Ленинграде в 1955 году. Окончила Ленинградский кораблестроительный институт. Работала библиографом в Центральной военно-морской библиотеке. В настоящее время работает свечницей в православном приходе Крестовоздвиженского собора на Лиговском проспекте. Автор поэтических публикаций в журналах «Нева» и «Аврора», книги стихов «Сад одиночества» (1993). **Живет в Санкт-Петербурге.**

* * *

Пахнет сыростью осенней.
Полегла в полях трава.
Скоро будет воскресенье.
Скоро праздник Покрова.

Шелестит листвою ветер.
Есть пока еще листва.
Хорошо на белом свете.
Скоро праздник Покрова.

И от нашего порога
Ляжет за ночь, за одну,
Белоснежная дорога
В долгожданную страну.

* * *

Бывало. Всякое бывало.
И сердце покрывалось льдом.
А после — окаменевало.
И жизнь — не жизнь,
и дом — не дом.

А я пыталась высечь пламень
Из камня сердца моего.
Напрасный труд. Разбитый камень.
И всё. И больше ничего.

* * *

Не плачь о том, что не случилось,
Не получилось ничего.
Поверь, что это Божья милость,
Благоволение Его.

И радуйся, а не завидуй.
Благословляй, а не злословь,
Утраты, беды и обиды,
Любовь и даже нелюбовь.

Да, было временно, непрочно
Все то, что мимо пронеслось.
Теперь ты это знаешь точно
И видишь прошлое насквозь.

…Меня, как Лота из Содома,
Мой ангел вывел из огня,
Из погибающего дома,
Где Бог испытывал меня.

* * *

Спаси вас Бог, обидчики мои,
За то, что между мной и вами было,
За путеводную звезду любви,
Она и вам, и мне равно светила,

За опыт одиночества и плач
К тогда еще неведомому Богу.
А кто был слеп из нас и кто был зряч,
И вы, и я узнаем понемногу.

* * *

Лукавы дни. Лукавы ночи.
Лукавы сны. Лукава явь.
Дорога с каждым днем короче,
Хотя бы в этом не лукавь.

О, многомилостивый Боже,
Долготерпенью Твоему

Что на земле предел положит?
Кто воспрепятствует ему?

Что делаешь с Твоей рабою?
Вся жизнь моя горит огнем…
Что человек перед Тобою?
И Ты заботишься о нем.

* * *

В электричке многолюдной,
Забываясь в полусне,
Помолчать о жизни чудной,
В сердце бьющейся, подспудной,
Жизни даром данной мне.

Не жалеть о том, что мимо,
Исчезая и пыля,
День за днем, непоправимо,

Легче воздуха и дыма,
Из-под ног летит земля.

Придорожные березы,
И столбы, и провода,
Суета перронной прозы,
И года мои, и слезы,
И — навстречу — поезда…

* * *

Поднялась непогода.
Расходилась метель.
На краю небосвода
Дверь слетела с петель.

И за окнами древо
Сокрушалось всю ночь,
Как от отчего гнева
Окаянная дочь.

Бередило мне душу,
Тычась веткой в стекло.

Это дерево — груша —
Так весною цвело!

Не цвело — полыхало!
А теперь за окном
До утра заметало
Даже память о том.

Ледяная сорочка…
Ветки в липком снегу…
И ничем тебе, дочка,
Я помочь не могу.

* * *

«Жена же Лотова оглянулась позади его и стала соляным столпом»

Опасно быть у памяти в плену.
Хоть у счастливой, хоть у несчастливой.
В скупых словах про Лотову жену
Есть соль коварства памяти ревнивой.

По имени ли кто ее позвал?
Иль запах очага ноздрей коснулся?
Об этом разве только Ангел знал.
А знал ли Лот? Но он не оглянулся.

Содом Господним истреблен огнем.
Там больше нет ни улицы, ни дома.
Зачем же ты, жена, скорбишь о нем,
Когда Господь не пощадил Содома?

* * *

На этом месте, на своем,
Где Бог привел, на этом месте,
Где бедствую со всеми вместе
И с одиночеством вдвоем.

И мне другого нет пути.
И совести горчайшей чашу
За правду и неправду нашу
Мне мимо губ не пронести.

* * *

Я слушала признанье в нелюбви.
Бывает и такое между нами,
Беспечными и гордыми людьми.
Я выслушала до конца признанье.

И что, скажите, было делать мне?
Давно уж ночь за окнами стояла.
И неизвестная звезда в окне
Во мраке ослепительно сияла.

Она стояла за его плечом,
Звезда моей непрошенной свободы.
Как бы архангел с огненным мечом
Эдема затворенного у входа.

* * *

Запомни: сентябрь и ливень,
И сад, где сейчас — никого.
Последнего ливня счастливей
Не будет. Запомни его.

Запомни усталые клены,
Прощальную песню листвы,
Высокие, в сумерках, кроны
И в трещинах грубых стволы.

Ах, скоро мой сад онемеет!
Здесь лягут снега тяжело.
И кто нас тогда пожалеет
И молча возьмет под крыло?

* * *

Внутренний дворик, засыпанный ржавой листвой,
Весь на ладони под окнами старой больницы.
Тучи повисли над кроной кленовой сквозной.
Низкому солнцу сквозь тучи никак не пробиться.

Место нашла кое-как, успокоилась боль.
Правда ли, что мы с тобою расстались врагами?
А в Ленинграде сегодня по Цельсию — ноль,
Иней на крышах, и лужи хрустят под ногами.

И холодок одиночества в сердце проник
Горьким предвестником горшей, быть может, разлуки…
Прошлого непоправимый листаю дневник.
Дворик больничный… и клена воздетые руки…

В ДАЧНОМ

Теперь уж Дачного пределы
Нас не встречают тишиной.
И братство птичье поредело.
И дачи нет здесь ни одной.

Ничьи сады близ новостроек.
Бездомных кошек — легион.
Собак бродячих у помоек
Возня. И резкий крик ворон.

…Ах, детства моего планета!
Дворовый девственный песок,
И весь как есть — в потоке света —
Дворец мой из сырых досок…

Просторней было здесь и проще:
Ходи хоть вдоль, хоть поперек.
Одна березовая роща —
Той Атлантиды островок.

И дети во дворе играют
Совсем не так, как в детстве я.
И все быстрее обрывает
Наш век листки календаря.

* * *

Ночного бденья наступило время.
Пока мы спим беспечным сном своим,
Кто на себя берет дневное бремя?
Какой непостижимый серафим?

Кто до рассвета, воздевая руки,
Так дерзновенно молится о нас?
И отступают будущие муки.
Еще на день. Уже в который раз.

* * *

Всё понемногу близится к концу.
И мы увидим смерть лицом к лицу.

Стучит в окошко дождик…
Дай мне руку.
Всё дым уже, что причиняло муку.

Всё дым, я говорю, всё только дым.
Чело оделось облаком седым.

А смерти нет, особенно сейчас.
Не жизнь, а время покидает нас.

Евгений ТИТКОВ

КРЕСТ СВЯТИТЕЛЯ ГОНИМОЙ ЦЕРКВИ

К 145-летию со дня рождения Патриарха Сергия

Евгений Павлович Титков — родился в с. Глыбочка Шаблыкинского района Орловской обл. Окончил историко-филологический факультет Горьковского госуниверситета. Служил офицером в Советской Армии. Окончил аспирантуру МГПИ им. В. И. Ленина. Доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор монографий об образовательной политике Екатерины Великой, о епископе Дамаскине, Патриархе Сергии (Страгородском). Опубликовал серию научно-популярных книг о Великой Отечественной войне. Лауреат премии «Александр Невский». Главный редактор альманаха «Арзамасская сторона». **Живет в г. Арзамасе Нижегородской области.**

Вот уже 85 лет не утихают споры и дискуссии о деятельности Предстоятеля Русской Православной Церкви Святейшего Патриарха Сергия (Страгородского). Противостояние между апологетами этого высшего церковного иерарха и его непримиримыми оппонентами зародилось вскоре после появления 29 июля 1927 года «Послания (декларации) Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия и Временного при нем Патриаршего Священного Синода об отношении Православной Церкви к существующей гражданской власти». В этом документе, вошедшем в отечественную историю XX века как «Декларация 1927 года», был сформулирован принцип лояльности православных христиан большевистскому правительству Советской России. Был ли прав митрополит Сергий, возглавлявший тогда Русскую Православную Церковь, поставив свою подпись под этим документом? Этот вопрос неоднократно ставился и анализировался с самых разных позиций как в церковной публицистике, так и в научных исследованиях отечественных и зарубежных историков. Ответ на него неизбежно приводит авторов к самым разным, часто взаимоисключающим оценкам деятельности митрополита, а затем и Святейшего Патриарха Сергия на всех этапах его жизни и пастырского служения. Поразному в связи с этим оценивается и личность Святейшего.

Русскую Церковь митрополит Сергий фактически возглавил в декабре 1925 года, когда его, митрополита Нижегородского, Патриарший Местоблюститель Петр (Полянский) назначил своим заместителем. Митрополит Петр был арестован ОГПУ 10 декабря 1925 года и отправлен в сибирскую ссылку. С этого момента заместитель Патриаршего Мес-

тоблюстителя Сергий обрел права Предстоятеля Русской Православной Церкви, каковым ему суждено было оставаться до своей кончины 15 мая 1944 года.

Уже в первые дни исполнения обязанностей главы Русской Церкви митрополит Сергий столкнулся с враждебной по отношению к нему позицией власти: ему не разрешили выехать из Нижнего Новгорода в Москву. Органы НКВД и ОГПУ изолировали Сергия от церковного мира, чтобы реализовать свою идею и дать возможность заявить о своих правах на власть в Церкви группе иерархов во главе с архиепископом Екатеринбургским Григорием (Яцковским). Так начинался известный в истории Церкви Григорианский раскол, который был преодолен митрополитом Сергием лишь после упорной, напряженной деятельности, потребовавшей от него принципиальности, преданности делу единства Церкви и целеустремленности.

Когда казалось, что митрополиту Сергию и его сторонникам удалось добиться некоторого успокоения в Церкви и преодолеть григорианскую авантюру, в опасную для судеб Церкви игру вновь включилось ведомство советского политического сыска — ОГПУ.

На этот раз главным орудием борьбы против митрополита был избран находившийся в пермской ссылке митрополит Казанский Агафангел, один из старейших иерархов Русской Православной Церкви. При поддержке чекистов Агафангел был освобожден из ссылки и, опираясь на ряд документов РПЦ, выступил с претензией на занятие должности Патриаршего Местоблюстителя. План ОГПУ о децентрализации Православной Церкви воплощался в жизнь: законный глава Церкви митрополит Петр находился в застенках, права митрополита Сергия оспаривали архиепископ Григорий и митрополит Агафангел. Вдобавок к этому церковный корабль готовы были взять на абордаж обновленцы, значительно активизировавшие свою раскольническую деятельность.

Принципиальная позиция митрополита Сергия повлияла на Агафангела. В результате глубоких собственных размышлений о судьбах Церкви, ради церковного мира митрополит Агафангел отказался от борьбы за местоблюстительство. Этим митрополит Сергий нанес сильнейший удар по планам ОГПУ.

Являясь заместителем Патриаршего Местоблюстителя, митрополит Сергий вел борьбу против двух раскольнических группировок: с одной стороны против обновленчества, с другой — против «григорианства». И те, и другие имели несомненные преимущества: статус официально признанных государством. Демонстрируя свою лояльность и проклиная врагов Советской власти (в том числе «церковных контрреволюционеров»), они могли действовать, укрепляя свои церковно-административные органы, получая поддержку со стороны верующих и пользуясь их финансовой поддержкой. У Сергия ничего подобного не было. Он и его сподвижники находились вне закона. Опираясь на тогдашнее законодательство, власть могла в любой момент разорить их церковные органы, приходы и храмы. Теснимый недругами, митрополит Сергий принимает единственно верное в тех условиях решение: выбить главный козырь оппонентов, обвинявших его в «незаконности». Он должен был добиться легализации той части Православной Церкви, которая шла за ним как за заместителем Патриаршего Местоблюстителя Петра.

Патриарх Сергий (Страгородский)

Митрополит Сергий начинает попытки сплотить вокруг себя епископат и открыть деятельность церковного органа управления, который он намеревался создать при себе. Оставалось главное препятствие: чтобы Синод мог приступить к легальной работе, он должен быть зарегистрирован советской властью. Наркомат внутренних дел, ведавший тогда этими вопросами, выставил Сергию те же условия легализации, которые в свое время выставлял и Патриарху Тихону: осуждение контрреволюционного прошлого Церкви; отказ от участия в политической деятельности; провозглашение курса лояльности и признания государственных актов, регулирующих деятельность религиозных организаций; осуждение эмигрантской ветви РПЦ («карловацкого раскола»).

В июне 1926 года митрополит Сергий обращается в НКВД с просьбой легализовать высший церковный орган управления и зарегистрировать его канцелярию и епархиальные советы, разрешить проведение Архиерейских Соборов и издание церковного журнала. Одновременно он представляет проект обращения к всероссийской пастве, в котором подчеркивалась лояльность Церкви к гражданской власти, хотя и не затушевывались мировоззренческие различия между христианством и материализмом.

Однако проект митрополита Сергия был отвергнут официальными властями, ибо его сдержанность не устраивала советское руководство. Проект не разрешили даже опубликовать.

После неудачной попытки тайного избрания Патриарха, когда было собрано 72 подписи об избрании всероссийским Патриархом митрополита Казанского Кирилла, чекисты произвели массовые аресты архиереев, поставивших свои подписи под избирательными бюллетенями. Был арестован и брошен в тюрьму заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергий. Кроме обвинений в проведении нелегального выбора Патриарха, его обвинили еще и в связях с эмиграцией.

Авторитет Сергия и масштаб его личности оказались таковыми, что власти не сумели найти достойного кандидата, с кем можно было бы вести переговоры об условиях легализации Церкви. Поэтому они вновь вступили в переговоры с Сергием, причем на условиях, выдвигавшихся ранее Патриарху Тихону, а затем митрополиту Петру.

Это было обусловлено тем, что советское руководство готовилось отметить свое десятилетие. Политическому руководству страны хотелось продемонстрировать как своим гражданам, так и всему зарубежью, что не только рядовые верующие, но и Церковь в целом лояльно относится к советской власти.

Перед митрополитом Сергием встал очень серьезный вопрос: как быть? Он мог отказаться от переговоров с ОГПУ. Но это наверняка могло повлечь за собой очередные репрессии, которые окончательно погубили бы Церковь. И тогда власть могла бы к своему юбилею рапортовать не о политической лояльности Православной Церкви, а о «преодолении религиозных пережитков» и естественном распаде всех церковных структур. Только урегулирование отношений с государством могло дать шанс спасти Церковь со всем ее богослужебным укладом, местными и центральными органами управления, от поглощения обновленцами, иными раскольниками, спасти как цельный и самостоятельный институт и тем самым дать ей шанс на благоприятное будущее.

Если бы Церковь не была расколота, если бы в ней не происходила борьба за власть, тогда на переговорах можно было бы Сергию выдвигать и отстаивать более благоприятные условия, чем ей предлагали в тот момент. Однако этого не было. И условия диктовала власть. Митрополит Сергий мог лишь надеяться на выполнение даваемых властью обещаний и — прежде всего — на разрешение собрать Поместный Собор и избрать Патриарха. Необходимо было считаться и с еще одним очень важным обстоятельствам: большинство рядовых верующих страны осознавали себя гражданами Советского Союза. Они не за страх, а за совесть работали на благо страны. Политические симпатии народа, верующих к тому времени были на стороне Советской власти. И игнорировать этот факт было бы неправильно. Церковь в таком случае противопоставляла бы себя не только властям, но и всей многомиллионной пастве, которой трудно было понять, почему церковное руководство не идет на признание реальной политической ситуации в стране, почему не выражает открыто своего отношения к ней.

В данной ситуации митрополит Сергий, как и ранее Патриарх Тихон, не стал уклоняться от тяжкого креста, посланного ему судьбой. Он сделал шаг навстречу Советской власти. И это было не малодушное стремление извлечь лично для себя какие-либо блага. Он сделал шаг, который лично ему не мог принести ни славы, ни почести. Но этот шаг давал шанс выжить всем тем, кто был рядом с ним, кто пришел бы в Церковь в эти и последующие годы, и вместе с тем не дал бы прерваться тысячелетней нити Русского Православия.

30 марта 1927 года митрополит Сергий был освобожден из четвертого в своей жизни заключения и с разрешения властей поселился в Москве, в Сокольниках. 7 мая он обратился в НКВД с ходатайством о легализации церковного управления. В тюрьме от него требовали сделать заявление в поддержку Советской власти, осуждения контрреволюционных выступлений внутри страны и за рубежом, церковных прещений эмигрантскому духовенству, устранения неугодных властям епископов от управления епархиями. Настаивали на том, чтобы выбор кандидатов на архиерейские кафедры согласовывался с НКВД и др. В ответ Сергий просил о легализации высшего и епархиального церковного управления, о разрешении на созыв Поместного Собора и выборов Патриарха, об освобождении заключенных и сосланных священнослужителей, о разрешении на восстановление духовных школ и издание церковного журнала.

29 июля 1927 г. митрополит Сергий и восемь членов Временного Священного Синода, образованного при заместителе Патриаршего Местоблюс-

тителя, подписали послание к пастве, получившее в литературе название «Декларация 1927 года». Вскоре текст «Декларации» опубликовали центральные советские газеты.

Накануне этого события Сергий встретился с корреспондентом «Известий» и, передавая ему текст для публикации, подчеркнул: «Советскую власть мы признаем нормальной и законной. И мы подчиняемся всем ее постановлениям вполне искренне. В случае войны наши симпатии всецело на стороне Советского Союза: ведь мы служим родине, а всякие интервенты борются только в своих интересах, чтобы эксплуатировать русский народ и русскую землю. Поэтому и деятельность заграничного духовенства, выступающего в проповедях и статьях от имени Церкви против Советской власти, ни в коем случае не соответствует нашим интересам. Мы требуем от них письменных обязательств о полной лояльности в церковно-общественной деятельности по отношению к Советской власти. Им дан недельный срок, и если они не подчинятся, то будут уволены, и тем самым ничего общего с нашей организацией не будут иметь». Это было самым уязвимым местом Декларации. Оно было чревато церковным расколом, ибо было ясно, что такое обязательство большинство эмигрантского духовенства откажется давать: они не были гражданами СССР. Это требование также противоречило решениям Поместного Собора 1917–1918 годов и посланию Патриарха Тихона от 8 октября 1919 года о невмешательстве Церкви в политические симпатии ее духовенства и мирян. Это требование митрополита Сергия можно рассматривать как чисто политическое, и угроза наказания была политического, а не канонического порядка.

В «Послании пастырям и пастве» подчеркивалась патриотическая позиция Церкви в новых исторических условиях: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи»[1].

Именно это высказывание вызвало бурю протестов в широких кругах духовенства и мирян как в СССР, так и в эмиграции. Однако почему-то никто не обратил внимания на то, что, употребляя форму женского рода «которой», митрополит Сергий говорил о радостях и успехах Родины, а не Советского Союза. Впоследствии глава Русской Церкви объяснял, что этим фразеологическим оборотом он имел в виду преданность Родине, а не режиму. Относительно радостей и неудач митрополит Сергий пояснял: «Ясно, что, если Церковь будут преследовать, мы радоваться этому не будем».

Следует иметь в виду, что позиция Сергия значительно отличалась от позиции обновленцев и «григориан». Сергий нигде не восхвалял советскую идеологию и общественный строй. Он просто заявлял, что это должно быть принято как факт, что «для христианина нет случайностей», следовательно, советский режим существует по воле Божией, и было бы безумием бороться с режимом или стараться продолжать жить, как если бы ничего не произошло. Тех, кто был согласен с этой позицией, он просил, «оставив свои политические симпатии дома, приносить в Церковь только веру и работать с нами

[1] Акты Святейшего Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917–1943: Сб. в двух частях. Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 510.

только во имя веры», тем же, кто не мог себя переломить, он предлагал, по крайней мере, «временно отойти от активного участия в церковных делах»[1].

Появление «Декларации 1927 года» вызвало самые различные отклики и оценки. Епископат в своем отношении к ней постепенно разделился на три группы. Одна из них, надо сказать, меньшая, резко осудила Сергия и разорвала с ним всяческие отношения. В их числе был ленинградский митрополит Иосиф (Петровых), положивший начало так называемому «иосифлянскому» движению.

Другая группа иерархов, хотя публично и не осудила Сергия, не протестовала открыто, однако под благовидными предлогами стала проситься «на покой» и в «отпуска». Часть этих епископов, не отвергая правомочности власти Сергия, в то же время не поминала его имени во время богослужения, продолжая возглашать имя Местоблюстителя Петра.

Третья группа, наиболее многочисленная, объединившая почти половину епископата, решительно поддержала митрополита Сергия.

Сам Сергий в переписке и в переговорах с несогласными с ним неоднократно разъяснял причины, побудившие его сделать такой шаг. Так, в декабрьском послании 1927 года он описывал сложившуюся обстановку: «Расстройство церковных дел дошло до последнего предела, и церковный корабль почти не имел управления. Центр был мало осведомлен о жизни епархий, а епархии часто лишь по слухам знали о центре. Были епархии и даже приходы, которые, блуждая как ощупью среди неосведомленности, жили отдельной жизнью и часто не знали, за кем идти, чтобы сохранить Православие. Какая благоприятная почва для распространения всяческих басен, намеренных обманов и пагубных заблуждений. Какое обширное поле для всяческого самочиния». Эти небезопасные обстоятельства и побудили Сергия учредить Церковь на прочном основании гражданской законности.

Патриарший Местоблюститель Петр (Полянский), находившийся в то время в тобольской ссылке, воспринял Декларацию как необходимое явление того времени, а, следовательно, и новая церковная политика митрополита Сергия была им признана как явление, не противное Христовой вере. Соловецкий епископат, отвергнув отдельные положения «Декларации», в принципе согласился с его общей политикой.

Этот разброс оценок, разномыслие среди церковной иерархии, конечно же, отразились и на взглядах приходского духовенства и верующих. Они разделили их на сторонников и противников Декларации Сергия. Однако абсолютное большинство тех и других встало на сторону митрополита Сергия. Исследователь Михаил Одинцов отмечает, что «встречающиеся в литературе утверждения о том, что почти 90 % православных приходов вернули в Синод текст послания, не желая оглашать его в церквах из-за несогласия с позицией Сергия, не имеют под собой какого-либо документального подтверждения»[2]. А между тем, и в современных публикациях миф о массовом возвращении текста послания в Синод продолжает жить[3].

---

[1] *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 117.

[2] *Одинцов М. И.* Крестный путь Патриарха Сергия // Наука и религия. 1997. № 11.

[3] *Фирсов С. Л.* Время в судьбе. Святейший Патриарх Сергий (Страгородский). О генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века. СПб., 2005. С. 173.

Острые споры и дискуссии по поводу «Декларации 1927 года» вспыхнули в среде русской эмиграции, расколотой на два непримиримых политических лагеря. Оба эти лагеря были едины в неприятии большевизма и жаждали падения Совдепии. Однако они по-разному представляли будущее политическое и общественное устройство России. Представители обоих политических лагерей стремились опереться на церковные структуры, образовавшиеся на Западе, в которых они видели своих естественных союзников.

Острая, часто ожесточенная и нелицеприятная полемика, звучавшая на заседаниях приходских собраний и епархиальных съездов, волной прокатившихся по европейским странам, где компактно проживали русские эмигранты, завершилась в конечном итоге победой митрополита Евлогия и его сторонников. В послании Сергию (Страгородскому) он сообщил общую позицию, сформировавшуюся в спорах: требования дать подписку о лояльности отвергаются, курс на «невмешательство Церкви в политическую жизнь» остается незыблемым, а также сохраняется прочная организационная и духовная связь с Московской Патриархией при обещании «не допускать, чтобы в подведомственных… храмах церковный амвон обращался в политическую трибуну».

Иную позицию заняли иерархи Русской Зарубежной Православной Церкви «карловацкого» направления. Архиерейский Собор вынес постановление о разрыве связей с митрополитом Сергием. Декларация его была осуждена и отвергнута по причине того, что она «составлена не свободно, а под сильным давлением безбожной советской власти». Собор осудил «раскольническую деятельность» митрополита Евлогия, запретил его в священнослужении и отстранил от управления православными приходами в Западной Европе.

Появление Декларации стало удобным поводом к открытому разрыву с Московской Патриархией православной зарубежной иерархии «карловацкого» направления. Провозглашенная ранее цель — борьба с Советской властью всеми возможными средствами — была еще раз подтверждена «карловчанами», которые активно включились в нараставшую на Западе мощную волну борьбы против Советской России.

Внутри страны с критикой действий Первосвятителя Церкви выступили многие представители православного епископата. Одни были недовольны частыми перемещениями архиереев с кафедры на кафедру и их увольнениями, считая, что митрополит Сергий слишком далеко пошел по пути компромисса. Другие выступали против Сергия и изданной им и Синодом Декларации, потому что не видели нужды торопиться, надеясь, что пройдет еще некоторое время и политическая ситуация изменится, и все вернется на круги своя. Третьи в исключительно трудных условиях потеряли чувство духовного равновесия, исполнились апокалиптической тревоги и уже не считали важным делом сохранение церковной структуры. Они готовы были уйти и даже уходили в катакомбы, т. е. переходили на нелегальное положение. Между тем митрополит Сергий главную цель своей церковной политики видел в том, чтобы сохранить для многомиллионной российской паствы православные приходы и храмы, сохранить церковную структуру, сохранить Церковь как организацию. Он не хотел ставить православный народ Советской России перед жестким выбором между катакомбами и обновленческой схизмой.

Провозглашение Декларации митрополита Сергия пришлось на тот момент, когда в партийно-политических кругах Советского Союза столкнулись две тенденции во взглядах на развитие церковной политики государства. Среди руководства страны выделялась группа лиц, выступавшая за относительное смягчение жесткого курса по отношению к Церкви (М. И. Калинин, А. И. Рыков, А. В. Луначарский). Однако во второй половине 1927 года верх стали брать сторонники жесткого курса по отношению к Церкви (Н. И. Бухарин, Е. М. Ярославский, В. М. Молотов и др.). Закончился период относительного затишья на антирелигиозном фронте, и в 1928 — первой половине 1929 года началась подготовка к новому наступлению на Церковь. Были созданы и приведены в действие средства массовой информации и центры по подготовке пропагандистских кадров, массовые антирелигиозные организации. Были разработаны всеохватывающее антицерковное законодательство и система мер, благодаря которым не только духовенство, но и члены их семей, а также приходской актив лишались политических прав и социальной защиты. В результате предусмотренных мер большинство храмов подлежало закрытию, а духовенство должно было быть арестовано и выслано.

К наступлению на Церковь готовились основательно: вырабатывались и опробовались новые направления и формы антирелигиозной пропаганды. Новыми центрами становятся активно создаваемые по всей стране антирелигиозные музеи. До 1941 года в стране их было открыто 30. В Москве — Центральный антирелигиозный музей, размещенный сначала в зданиях Сретенского монастыря, а после его сноса — в Церкви Николая Чудотворца в Новой Слободе. В Ленинграде — музей истории религии в помещении Казанского собора и музей в Исаакиевском соборе. Весной 1935 года во Всеукраинский музей-городок была превращена Киево-Печерская Лавра.

В 1928 году в Москве открывается специальный антирелигиозный университет, слушатели которого направлялись потом в регионы. В 1930 году в Москве начинает работу радиоуниверситет, преобразованный в заочный университет по антирелигиозной пропаганде. Открывались планетарии. Существенно увеличивались тиражи популярных брошюр, календарей, памяток антирелигиозного характера. В декабре 1928 года в Москве было проведено Всесоюзное совещание работников антирелигиозных научно-исследовательских учреждений. Казалось, что власти озаботились уровнем антирелигиозной пропаганды. Но на этом пути не было достигнуто заметных успехов.

Для НКВД и ОГПУ вся их линия поведения в 1925–1927 годов по отношению к руководству «тихоновской» Церкви была всего лишь тактическим шагом. Стало рушиться то непрочное «перемирие» между «тихоновской» Церковью и государством, которое было достигнуто на принципах, изложенных в Декларации митрополита Сергия. За точку отсчета этого процесса обычно принимают 1929 год. В январе этого года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло секретное постановление «О мерах по усилению антирелигиозной работы», которое развязало руки местным работникам, санкционируя силовое давление на религиозные организации. В апреле 1929 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О религиозных объединениях», которое законодательно закрепило ставшее к этому времени господствую-

щим мнение о том, что религиозные общества не вправе заниматься какой-либо деятельностью, кроме удовлетворения религиозных потребностей верующих, и преимущественно в рамках молитвенного здания, что следует вытеснить религиозные объединения из всех сфер общества, где они до сих пор имели право действовать, и запретить им какой-либо «выход» в общество. Таким образом, вся жизнь религиозных организаций ставилась под контроль государства.

На состоявшемся в мае 1929 года XIV Всероссийском съезде Советов была изменена ст. 4 Конституции РСФСР. Вместо ранее гарантировавшейся «свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды» отныне гарантировалась лишь «свобода антирелигиозной пропаганды». На практике это означало, что власть только «терпела» культовую деятельность, огражденную молитвенным зданием, а все другие возможные проявления религиозной деятельности жестко пресекала.

Русская Православная Церковь разделила судьбу своего народа, и ее на этот раз не миновала горькая чаша ужесточения репрессий. В начале 1929 году за подписью Л. М. Кагановича на места была направлена директива, в которой подчеркивалось, что религиозные организации являются единственной легально действующей контрреволюционной силой, имеющей влияние на массы. Духовенство объявлялось политическим противником ВКП(б), выполняющим задание по мобилизации всех «реакционных и малограмотных элементов для контрнаступления на мероприятия Советской власти и компартии». Этой директивой фактически была дана команда к широкому применению административных и репрессивных мер в борьбе с религией.

Гонения на Церковь — так можно оценить политику Советской власти с 1929 года. Началось массовое закрытие церквей. Если в 1928 году было закрыто 534 церкви, то в 1929 году — уже 1119, в 1930 году упразднение православных общин продолжалось с нарастающим темпом. Закрытые храмы использовались под производственные цеха, склады, квартиры и клубы, а монастыри — под тюрьмы и колонии. Многие храмы уничтожались, разрушались православные святыни русского народа. Иконы сжигались тысячами. Уничтожались иконы древнего письма. Сжигались богослужебные книги. При разгроме монастырей жгли рукописные книги, археологические памятники, представлявшие исключительную культурную ценность, драгоценная церковная утварь переплавлялась на лом.

Закрытие храмов и уничтожение святынь сопровождалось арестами священнослужителей, их высылками и ссылками, этапированием в места заключения, где уже томились тысячи священников и десятки архиереев.

Идя на предельный компромисс с властью, заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергий надеялся добиться освобождения всего арестованного духовенства, восстановить богословские курсы, периодику, прицерковные организации.

Митрополит Сергий надеялся, что в ответ на его Декларацию о лояльности советское правительство разрешит Церкви расширить ее общественную, культурную и просветительскую деятельность. Была составлена специальная программа, в которой рассматривались вопросы о религиозном воспитании детей, о пастырских и богословских семинарах для родителей, о церковных спортивных организациях, экскурсиях и

публичных лекциях[1]. Но новое советское законодательство положило конец этим надеждам.

Однако Сергий не складывал руки и продолжал стучаться в высокие властные кабинеты. В 1930 году он пишет памятную записку П. Г. Смидовичу, который занимал видное положение в советской иерархии — он был председателем Комиссии по делам религиозных культов при Президиуме ВЦИК. В этой записке подробно перечислены разные виды гонений на Церковь, и митрополит Сергий требует их отмены. Он требует отмены или сокращения страховых сборов с религиозных общин, отмены обложения церквей натурой и особыми сборами на индустриализацию, на тракторизацию и пр. Он требует отмены приравнивания по налогам Церкви, ее служителей и служащих к кулакам; защиты прав верующих судебными инстанциями наравне с защитой прав остальных граждан от посягательств административных органов.

И надо сказать, что его просьбы и требования принимались во внимание. Выполнению, хотя и очень неполному, некоторых из требований способствовало появление в марте 1930 года в газете «Правда» знаменитой сталинской статьи «Головокружение от успехов». В результате, начиная с июня 1930 года появляется целый ряд секретных циркулярных писем ВЦИК и Наркомфина об упорядочении обложений духовенства. В 1930 году было разрешено издание ежемесячного «Журнала Московской Патриархии», который выходил тиражом в 3 тыс. экземпляров.

В целом следует признать, что, несмотря на то, что омут компромиссов затягивал Русскую Православную Церковь все глубже, но активные выступления митрополита Сергия в защиту верующих СССР помогли добиться приостановки фронтальной атаки на Церковь.

Процесс закрытия храмов временно был приостановлен, в ряде случаев были отменены неправомерные решения. Во многом было упорядочено налогообложение священнослужителей и церковных общин.

Однако передышка была краткой. Новый виток коллективизации привел к автоматическому возобновлению репрессий против духовенства и закрытию храмов. За 1929–1933 годы было арестовано около 40 тыс. верующих и священнослужителей. Только в Москве и Московской области было арестовано 4 тыс. человек.

Многие отечественные историки датируют начало нового этапа массовых гонений на Православную Церковь 1932 годом. Этот этап соответствовал так называемой «безбожной пятилетке». Высшая власть ставила задачу, чтобы к 1 мая 1937 года имя Бога было забыто на всей территории СССР.

Гонения этого периода по силе сравнимы с таковыми в 1922 году. В 1932–1936 годах только среди епископата было арестовано 116 человек. В 1935–1936 годах была запрещена деятельность Синода, закрыт «Журнал Московской Патриархии». Под тотальным контролем находился почти каждый православный приход.

Митрополит Сергий оказался в изоляции, один на один с атеистической вакханалией, масштабы которой все более расширялись. Вслед за снятием колоколов разрушению стали подвергаться храмы. Началось массовое

[1] *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 157.

уничтожение культовых зданий. С 1930 по 1934 год их число сократилось на 30 %. На слом шли даже часовни, не говоря уже о лучших творениях великих зодчих России.

Одновременно с закрытием храмов проводились массовые репрессии верующих. По подсчетам сотрудников Свято-Тихоновского гуманитарного университета, в 1931–1932 годах по церковным делам было арестовано около 150 тыс. человек. Из них 5 тыс. человек были расстреляны[1].

Митрополиту Сергию очень трудно приходилось в эти годы. Ему грозили судебным преследованием за то, что он благословил сбор пожертвований на нужды пострадавших от стихийных бедствий. Предпринималась попытка отобрать Богоявленский кафедральный собор в Москве, в котором служил заместитель Местоблюстителя.

Однако вопреки всем нападкам, положение самого заместителя Местоблюстителя укреплялось. Синодальным решением от 24 апреля 1934 года ему был присвоен титул «Блаженнейший митрополит Московский и Коломенский» с правом ношения двух панагий. Это произошло с разрешения властей[2].

После роспуска Патриаршего Синода в мае 1935 года управление всеми епархиями Русской Церкви заместитель Местоблюстителя осуществлял с помощью своего викария епископа Сергия (Воскресенского) и канцелярии, в штат которой входили один секретарь и одна машинистка.

Сергий вынужден был отрешать от кафедр тех епископов, которых власть, инкриминирующая им политические и уголовные деяния, осуждала на тюремное заключение. Заменить их было некем: немногие в те трудные годы решались на пастырское служение.

И все же в церковной среде положение Сергия постепенно упрочивалось. Более половины иерархов и духовенства остались ему верными. Вокруг него объединялись — кто раньше, кто позже — те, кто еще недавно пребывал в «расколах», порвал с ним отношения, был среди «непоминающих».

В 1936 году заканчивался очередной срок заключения Патриаршего Местоблюстителя Петра (Полянского). Но выйти на свободу ему не позволили. В Московскую Патриархию поступило сообщение о кончине Местоблюстителя в заключении 11 сентября 1936 года. В связи с этим 27 декабря Патриархией был издан «Акт о переходе прав и обязанностей Местоблюстителя Патриаршего Престола Русской Православной Церкви к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя, Блаженнейшему митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию (Страгородскому)».

Чтобы «преодолеть религию» решено было использовать более эффективный метод, нежели пропаганда — это метод репрессий. В 1937 году аресты охватили большую часть духовенства.

В 1937 году было закрыто 8 тыс. православных церквей, ликвидировано 70 епархий и викариатств, расстреляно 60 архиереев.

---

[1] *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, 2010. С. 123.

[2] Страж Дома Господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергий (Страгородский). Жертвенный подвиг стояния в истине Православия. М.: Правило веры, 2003. С. 352.

Репрессии продолжались до конца 1938 года. На этот раз репрессии обрушились и на обновленцев. Власти больше не нуждались в лояльном духовенстве[1].

По данным Комиссии по реабилитации Московской Патриархии, к 1941 году было репрессировано не менее 140 тыс. священнослужителей. По подсчетам Д. В. Поспеловского, до 1956 года насильственной смертью скончались 300 православных архиереев. Как пишет Б. А. Филиппов, «можно с уверенностью сказать, что в масштабе всей мировой истории это были беспрецедентные по своему размаху и жестокости гонения»[2].

Все свидетельствовало о намерении властей «окончательно ликвидировать» Церковь. Официально не запрещенная Церковь по своему фактическому положению приближалась к нелегальной организации.

В это же время усиливаются личные угрозы в адрес митрополита Сергия. Известный в 1930-х годах безбожник Б. П. Кандидов в 1937 году открыто обвинял Владыку в шпионаже в пользу Японии. Из арестованных архиереев выбивали показания о «шпионской деятельности» Сергия (Страгородского)[3]. По воспоминаниям близких ему людей, митрополит Сергий во второй половине 1930-х годов постоянно ожидал ареста. Из документов известно, что в это время готовился процесс над «Всесоюзным контрреволюционным центром церковников» во главе с митрополитом Сергием (Страгородским)[4].

Однако Божиим промыслом суждено было иное и митрополиту Сергию, и Русской Православной Церкви в целом. Атеистический натиск на Церковь не удался. Об этом провале «безбожной пятилетки» свидетельствовали итоги переписи населения 1937 года Пятый пункт опросного листа был сформулирован следующим образом: «Являетесь ли Вы верующим? Если да, то какой религии?» Треть городского и две трети сельского населения назвали себя верующими. Таким образом, более половины населения Советского Союза (56,7 %), несмотря на всю идеологическую работу коммунистов и открытый террор против Церкви, объявили себя верующими. Декретом от 25 сентября 1937 года результаты переписи были объявлены неправильными, а сама перепись — недействительной. На 17 января 1938 года была назначена новая перепись. На этот раз ни один из 16 пунктов опросного листа не касался религии.

Таким образом, опыт 1930-х годов свидетельствовал, что даже в самых неблагоприятных для Церкви условиях, при полной монополии антирелигиозной печати, успехи воинствующего атеизма, несмотря на всестороннюю помощь со стороны власти, оказались относительно скромными. Русская Православная Церковь, возглавляемая митрополитом Сергием, выстояла.

Вместе с тем в результате жесточайших гонений и открытого террора Церковь как организационная структура к 1939 году была почти разрушена. В 1938 году из примерно 37 тыс. православных храмов всех течений, дейст-

---

[1] *Филиппов Б. А.* Очерки по истории России. XX век. М.: Изд-во ПСТУ, 2009. С. 243–244.

[2] Там же. С. 244.

[3] Страж Дома Господня. С. 354.

[4] *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах). 3-е изд. М., 2005. С. 100.

вовавших на начало 1930 года, оставалось формально незакрытыми 8302, из них 3903 — на Украине и 3617 — в РСФСР. Однако лишь небольшая часть из них реально действовала, так как в результате репрессий возникла острая нехватка духовенства.

В значительной степени был разгромлен епископат. К лету 1939 года в Московской Патриархии оставалось лишь четыре правящих архиерея — Патриарший Местоблюститель митрополит Сергий (Страгородский), митрополит Ленинградский Алексий (Симанский), архиепископ Петергофский Николай (Ярушевич), управляющий Новгородской и Псковской епархиями и архиепископ Дмитровский Сергий (Воскресенский), занимавший с 1937 года должность управляющего делами Московской Патриархии. Еще около 10 уцелевших архиереев находились на покое или совершали богослужения в качестве настоятелей храмов.

Церковь выстояла и не была полностью уничтожена: ни самого Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия, ни трех его ближайших помощников не арестовали. Советская власть не рискнула ликвидировать Московскую Патриархию, ибо в условиях приближающейся войны с фашизмом вынуждена была думать о будущих союзниках и не отталкивать их в лагерь своих недругов. Надвигавшаяся стремительно Вторая мировая война начинала играть существенную роль. Советское руководство было озабочено единством нации в условиях грядущей войны. Гонения на Церковь раскалывали нацию и угрожали потерей внутренних союзников в случае войны. Была и еще одна внутренняя причина, по которой Патриаршему Местоблюстителю удалось сохранить к концу 1930-х годов несколько сот приходов и сокращенное до минимума церковное управление. Это связано было с существованием в стране тайных «катакомбных» приходов. «Советское правительство, очевидно, боялось, чтобы вся Церковь не ушла в подполье, так как официальная и строго контролируемая Церковь представляла меньшую опасность, чем подпольная», — считает историк М. В. Шкаровский[1].

Переломным моментом в отношении власти к Церкви стали события сентября 1939 года, когда советские войска вступили на территорию Польши, и к Советскому Союзу были присоединены Западная Украина и Западная Белоруссия. Советское правительство оказалось перед фактом включения в государственную жизнь страны территорий с нетронутой гонениями религиозной жизнью.

В связи с продвижением границ Советского Союза на Запад и расширением юрисдикции Русской Православной Церкви Московская Патриархия получила возможность реально управлять епархиями Прибалтики, Западной Белоруссии, Западной Украины и Молдавии. Двух из четырех действующих архиереев Местоблюститель направил на воссоединенные территории: архиепископа Сергия (Воскресенского) — на Волынь, а затем — в Прибалтику, Экзархом Западной Украины и Белоруссии стал митрополит Николай (Ярушевич).

В связи с изменением международной обстановки существенно изменилось положение Московской Патриархии. Была полностью снята угроза ее ликвидации. Очень осторожно, но убирались некоторые запреты. Пат-

[1] *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 132.

риарший Местоблюститель вновь стал совершать архиерейские хиротонии, замещать пустующие кафедры.

Крест Святителя гонимой Церкви был в высшей степени тяжек. Можно было вытерпеть и клевету, и даже непонимание собратий. Но беда заключалась в том, что принесенные жертвы, казалось иногда, принесены были напрасно. Они не давали видимых плодов. Только позднее станет ясно, что уступало и безбожное государство. Да, тоталитарное, насквозь идеологизированное безбожное государство уступало гонимой Церкви. И уступало в главном, стержневом. Оно вынужденно шло на идеологическое соглашение… Советская власть шла на временный компромисс с Церковью только в ту меру, какой Церковь продолжала пользоваться народной поддержкой.

В заключение уместной представляется оценка роли митрополита Сергия, данная русским философом-эмигрантом Н. А. Бердяевым, который размышлял о судьбе Русской Церкви в эпоху гонений и внутренних разделений писал: «…Героическая непримиримость отдельного человека, готового идти под расстрел, прекрасна, полновесна и вызывает чувство восхищения. Но там, в России… есть еще другой героизм, другая жертвенность, которые люди не так легко оценивают. Патриарх Тихон, митрополит Сергий — не отдельные частные лица, которые думают только о себе. Перед ними всегда стоит не личная судьба, а судьба Церкви и церковного народа как целого. Они могут и должны забывать о себе, о своей чистоте и красоте, и говорить лишь то, что спасительно для Церкви. Это есть огромная личная жертва. Ее принес Патриарх Тихон, ее приносит митрополит Сергий. Некогда ее принес св. Александр Невский, когда ездил в Ханскую Орду.

Отдельный человек может предпочесть личное мученичество. Но не таково положение иерарха, возглавляющего Церковь. «Он должен идти на иное мученичество и принести иную жертву…»[1]

И на это мученичество пошел митрополит Сергий. Он лично принес эту жертву во имя Церкви. И результатом этого мученичества и личной жертвы стало то, что Русская Православная Церковь была спасена от разгрома безбожной властью. И спасенная усилиями Сергия и его соратников Русская Церковь внесла свой выдающийся вклад в разгром объединенной Европы, которая в июне 1941 года во главе с Гитлером начала поход на Восток, на покорение России.

Верность Русской Православной Церкви намеченному Декларацией митрополита Сергия патриотическому курсу была не на словах, а на деле подтверждена в суровые годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов советского народа с фашистской Германией. И этот курс был провозглашен митрополитом Сергием уже в первый день войны, когда он обратился к пастырям и пасомым Православной Русской Церкви с призывом встать на защиту священных рубежей своего Отечества.

---

[1] *Бердяев Н. А.* Вопль Русской Церкви // Страж Дома Господня. С. 316.

Михаил НОЖКИН

ПАТРИАРХ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Михаил Иванович Ножкин — Народный артист России, лауреат Государственной премии России, лауреат премий А. Твардовского, С. Есенина и др. Михаила Ножкина знают и любят, как популярного артиста кино и эстрады. Его песни и стихи вот уже более сорока лет звучат с экрана и со сцены. Заслуженный деятель культуры ПНР. Награжден орденами: «Знак почета», Преподобного Сергия Радонежского и Преподобного Серафима Саровского. Поэт, композитор, член Союза кинематографистов, член правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II я имел честь знать с середины 70-х годов прошлого — уже! — века.

Познакомились мы с ним в обществе «Родина», которое было важнейшим связующим звеном Советского Союза с нашими соотечественниками во всех странах мира.

В Центральный совет «Родины» входили известные всей стране авторитетные люди. В том числе и два лучших представителя Русской Православной Церкви — Владыка Питирим, организатор всего информационного дела РПЦ, и Владыка Алексий — Управляющий делами и всеми учебными заведениями РПЦ. Кстати, оба были многие годы ближайшими помощниками Патриарха всея Руси Пимена.

Разумеется, быть членом такого Совета было для меня очень почетно и очень интересно!

В начале нашего знакомства я все время путался в названии сана Владыки Алексия — называл его то батюшкой, то архиепископом, то митрополитом… Он никогда не поправлял меня, только улыбался. И однажды сказал: «Зовите меня просто по имени-отчеству: Алексей Михайлович. И вам будет проще, и мне приятнее. Не забуду своего мирского имени».

В те годы взаимоотношения Советского Союза с нашими зарубежными соотечественниками обретали второе дыхание. Взаимный интерес требовал практических действий, увеличения всякого рода встреч, новых программ сотрудничества.

Это имело, да и сейчас имеет огромное значение для нашего государства.

Ни для кого не секрет, что во многих странах отношение к России не очень положительное, мягко говоря, а в некоторых — традиционно враждебное. Почему? Ведь русский человек не агрессивный, не завистли-

вый, спокойный, работящий. Всех просто раздражают наши самодостаточность, несуетливость, доброта и открытость. А мы не хотим менять свою душу, свою культуру и обычаи. И когда наши люди попадали в чужую атмосферу, им было очень и очень трудно выживать…

И, как известно, именно Русская Православная Церковь сыграла для нашего зарубежья главную спасительную роль! Первое, что делали наши соотечественники, оказавшись за рубежом, — на свои скромные деньги строили небольшие православные церкви. И как в холодное время люди тянутся к костру, так они тянулись к Храму. Это был тот огонек, который грел душу, был центром общения, взаимопомощи, центром сохранения русского языка, русской культуры, традиций, воспитания детей…

Почему я сейчас вспоминаю об этом? Потому что с самых первых моих бесед с будущим Патриархом выявилось главное направление его устремлений — объединение наших церквей, наших людей, всех, кому Россия дорога. Ведь наших соотечественников по всему миру разбросано многие миллионы! И многие их них готовы работать во благо России, естественно, учитывая взаимный интерес. Это же огромная силища, которая не работает до сих пор, потому что ей всячески мешали, да и сегодня продолжают мешать. Наше разъединение он болезненно переживал и понимал, что это серьезнейший пробел в нашей жизни. Эта объединительная идея — «всех, кому Россия дорога» — всегда им подчеркивалась на каждой нашей встрече, в каждом его публичном выступлении…

О Патриархе Алексии можно рассказывать много и долго. Я вспомню лишь некоторые эпизоды нашего с ним общения.

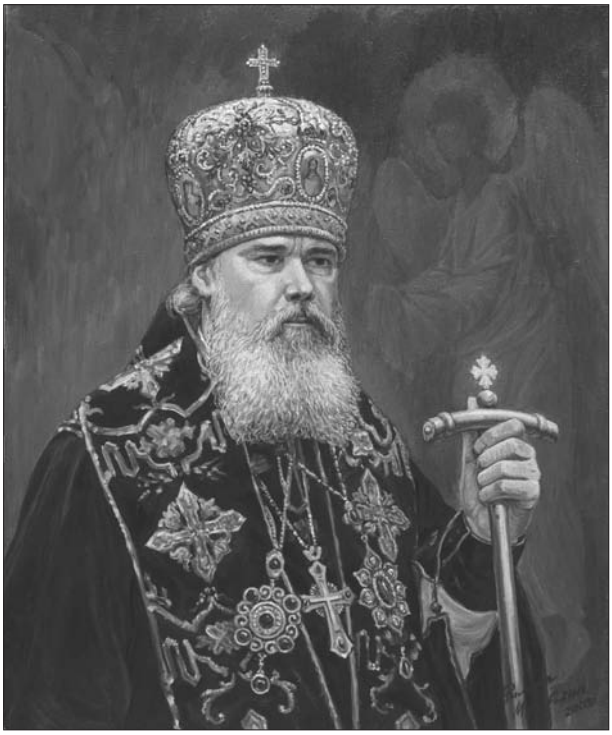
Общество «Родина» проводило ежегодные конференции, на которые приезжали видные представители русского зарубежья со всех концов света. Это были очень интересные люди, встречи, доклады, проекты.

Хорошо помню одну из таких конференций — в 1986 году. Проводилась она в Доме дружбы, рядом с Арбатской площадью. Среди шумной многоликой массы гостей я увидел Алексея Михайловича. Он стоял в уголке с колоритным рыжебородым священником, кажется, отцом Сергием. Меня удивило непривычное для него очень грустное выражение лица. Я подошел, поздоровался, он, как всегда, приветствовал меня своим неизменным: «Рад видеть вас, Михаил Иванович!» Я спросил, почему он такой грустный, что случилось? «Да ничего особенного, — вздохнул он, — обычная мирская суета, проблемы, интриги…» Я искренне удивился: «Господи, какие у вас в Церкви могут быть интриги?» Он грустно улыбнулся: «Мы тоже люди, и ничто человеческое нам не чуждо. И все мы далеко не ангелы, а людская зависть, недоброжелательность, а то и просто непорядочность порой бывают такие изощренные, что вам в миру и не додуматься». Я обнял его за плечи и сказал (разумеется, не всерьез, а с самыми добрыми пожеланиями, чтобы успокоить его): «Не грустите, Алексей Михайлович, все наладится с Божьей помощью! Вот когда вы станете Патриархом, вы с ними быстро разберетесь!..»

«Что вы, что вы, — замахал он руками, — какой Патриарх! Лишь бы с работы не погнали!..»

Довольно скоро его освободили от занимаемых должностей и перевели в Питер возглавлять Питерскую епархию.

Много лет спустя Алексей Михайлович, тогда уже Патриарх всея Руси Алексий II, в беседе за чашкой чая в своей резиденции в Чистом переулке,

Патриарх Алексий II. Филипп Москвитин. 2003 год. Холст, масло. 60×50

в присутствии известного журналиста, общественного деятеля, тогдашнего руководителя ТВ «Московия» Александра Крутова, сам вспомнил этот забытый мною эпизод, и сказал: «Тяжкий Крест предсказали вы мне тогда, Михаил Иванович!». Я от неожиданности даже поперхнулся, чай расплескал, покраснел до ушей: «Да что вы, Алексей Михайлович! Я же тогда просто пошутил, чтобы вас успокоить!»

— Да нет, Михаил Иванович, просто так по такому поводу не шутят. Кто-то вас подвигнул на эту шутку! Тяжелый Крест предсказали вы мне! И нести его трудно, и не все получается, и грешен во многом, признаю… Но в оправдание свое перед Господом и людьми могу сказать, что вначале моего Патриаршества в России было несколько десятков действующих монастырей, а теперь несколько сотен. Было менее 2000 действующих церквей, а теперь больше 25 000 (точные цифры я не помню. — *М. Н.).* Наших учебных заведений стало в разы больше. С Божьей помощью я провел сотни пастырских поездок по всей России и миру, провел тысячи молитвенных служб во храмах — в этом вижу отпущение грехов своих!..

Он произнес это на одном дыхании, улыбнулся нам и обернулся к двери:

— Пожалуйста, принесите нам горячего чайку! Этот совсем остыл.

Я перевел дух и спросил:

— Ваше Святейшество, а почему тогда, в Доме дружбы, вы были таким опечаленным? Что случилось?

Он нахмурил брови и сказал:

— Тогда, как вы помните, началась так называемая перестройка, а точнее, переделка всего общественного устройства, всех государственных основ. А о Церкви, как всегда, забыли. Я написал личное письмо генсеку Горбачеву с предложением определиться в отношении государства и Церкви в сложившейся ситуации. Убрать всю неопределенность, двойственность, внести ясность и конкретность наших взаимодействий в настоящее время, не откладывая все «на потом». Никакого ответа ни от Горбачева, ни от властей я не получил. Что происходило в высоких кабинетах, тоже не знаю. Но через некоторое время меня освободили от занимаемых постов и перевели на службу в Петербург. Дальше вам все известно…

— А дальше было Патриаршество! — напомнил я.

— На все воля Божья! — улыбнулся Патриарх.

Как известно, Алексей Михайлович был родом из Прибалтики, из Эстонии. И никогда не забывал об этом. Всегда интересовался происходящими там событиями, переживал за своих прихожан. Кажется, в конце 60-х годов, точно не помню, он готовил кандидатскую диссертацию на тему «Православие в Прибалтике» или что-то в этом роде. В те годы во всех наших прибалтийских республиках уже откровенно насаждалось негативное отношение ко всему русскому. Впоследствии, в 90-е годы, это было главной причиной антисоветского взрыва, а тогда местные власти только мешали, как и чем могли, всем нашим благим делам на пользу общества. Не забывая при этом привычно оттопыривать карман, получая большие дотации от «противной советской власти», открыто возмущаясь: откуда вы, мол, понаехали, оккупанты эдакие? А тут еще — Православие в Прибалтике. Кошмар!.. И вот когда было совсем невмоготу, рассказывал Патриарх, Господь помог ему самым конкретным образом.

Есть в Эстонии небольшой университетский городок Тарту, который раньше, с Петровских времен, назывался Дерптом. А еще раньше, намного раньше, это был русский город Юрьев! И построил его в середине XII века наш князь Ярослав Мудрый! А теперь нам говорят, что мы оккупанты!.. Так вот, в центре Тарту рабочие ремонтировали дорожные покрытия, сняли верхний слой, и буквально наткнулись на фундамент старинного православного храма! Разве не чудо? Местные власти тут же все заасфальтировали, никому ничего не сказали, но от Патриарха наконец отстали.

Диссертацию он успешно защитил. А зачли ее сразу как докторскую. Настолько она была интересна, актуальна и значима.

И еще об Эстонии. На одном из заседаний совета общества «Родина» подошел ко мне Алексей Михайлович и спросил: «Вы не больны? Очень у вас усталый вид. Может, помощь нужна?» Я поблагодарил и сказал, что просто замотался по гастролям, киносъемкам, командировкам по стране и за рубежом. Все некогда отдохнуть. Мечтаю уехать куда-нибудь в тихое место, отоспаться, отмолчаться, дух перевести. Только где ж это тихое место найдешь?

— Есть такое место! — воскликнул Алексей Михайлович. — Я скоро еду в Таллинн в очередной раз воевать за православные храмы. Вы поедете со мной. По дороге мы заедем в Пюхтицкий женский монастырь. Вы там останетесь на неделю. Люди там замечательные, добрые, светлые. Они вас быстро восстановят. А на обратном пути я вас заберу, и мы вместе возвратимся в Москву.

Я поблагодарил его, сказал, что разберусь с делами и рад буду присоединиться к нему. Это было после Рождества. Я, как всегда, закрутился по каким-то концертам, киносъемкам. Впереди был Старый Новый год, потом Крещение — мой день рождения, а главное, мне было просто неловко напрягать Алексея Михайловича лишними заботами о моей персоне. Но через три дня он сам позвонил мне и сказал, что билеты уже заказаны. Я удивился его обязательности, поблагодарил и уехал на три дня на гастроли, которые не мог отменить. Алексей Михайлович звонил моей жене Ларисе еще дважды! Но я так и не отважился нагружать его своими заботами. Перед самым отъездом я позвонил ему, извинился и сказал, что, к великому сожалению, поехать не смогу.

— Очень жаль, — вздохнул он, — ну что ж, значит, до следующего раза…

Я до сих пор жалею, что не поехал. И чем дальше, тем больше понимаю, как много я потерял! Но эта история имела совершенно неожиданное продолжение.

Я родился на Крещение — 19 января. В этот день обычно иду в свой родной храм Покрова Божьей Матери на Лыщиковой горе, то есть на Землянке. А затем — в Елоховский Богоявленский храм, у которого Крещение — престольный праздник. И по традиции в этот день службу там ведет сам Патриарх. Праздник этот действительно особенный. Как-то на Крещение Алексей Михайлович, поздравляя меня, сказал:

— Посчастливилось вам родиться в такой особый тройной праздник.

— Почему тройной? — спросил я. — Водосвятие, Крещение… А третье значение какое?

— А третье многими забыто, — сказал Патриарх. — Издревле на Руси этот праздник почитался как праздник Просвещения. Ибо через Крещение человек получал доступ к православной культуре, грамоте, к образованию в церковно-приходских школах, к летописям, к рукописям. К сожалению, об этом забыли, надо исправлять положение…

Так вот, много лет спустя, уже после ухода Алексея Михайловича, я, как всегда, пришел на Крещение в Елоховский собор. Службу вел Владыка Кирилл (накануне своего патриаршего избрания). С ним я тоже имел честь быть знакомым уже много лет. Он поздравил меня, подарил самую большую просфору. После праздничной трапезы мы выходили вместе с Владыкой Арсением, которого я тоже знаю давно и который много лет был первым помощником Алексея Михайловича. Конечно, разговор зашел об ушедшем Патриархе. Погоревали… И вдруг Владыка вспомнил наше с ним заочное знакомство. В начале своей службы, в середине 70-х годов, он был направлен в помощники тогдашнему управделами РПЦ Алексею Михайловичу. И на первом же производственном совещании Владыка Алексий дал команду готовить его поездку в Таллинн. В конце встречи он особо подчеркнул, что с ним поедет Михаил Иванович Ножкин, что надо взять билеты и наметить программу его недельного пребывания в Пюхтицком монастыре. Персональную обязанность позаботиться о Ножкине он возложил на отца Александра, пожилого священника, ветерана войны, отсидевшего срок на Соловках. Замечательного человека с одним недостатком — очень много курил! И не мог бросить. Так вот Алексей Михайлович строго наказал ему: «У Михаила Ивановича хронический бронхит и поэтому курить при нем запрещаю категорически!».

Вы представляете, столько лет спустя я узнаю от Владыки Арсения такую подробность! Даже сейчас пишу с душевным волнением.

Памятные встречи с Патриархом были у меня в дни его славного 70-летия. Юбилей этот отмечали широко, на самом высоком уровне. На торжественном приеме в недавно возрожденном Храме Христа Спасителя народу было — не протолкнуться! В бесконечном поздравительном потоке мелькали видные политики и ученые, генералы и адмиралы, священники и миряне, верующие и неверующие, друзья его и недруги…

Я стоял в этой длинной очереди и искренне радовался за Алексея Михайловича. Он заслужил это признание народа своими благородными делами. Море цветов, подарков, речей и объятий. Наконец подошла и моя очередь. Патриарх, как всегда, улыбнулся мне и сказал:

— Рад видеть вас, Михаил Иванович.

Я набрал в легкие побольше воздуха, начал было свою поздравительную фразу: «А я-то как рад видеть вас, ваше…» И тут запнулся! Забыл, как его теперь называть? Ваше превосходительство?.. Ваше преосвященство?.. Ваше… Ваше… А секунды мелькали, как молнии… Наконец я вспомнил самое высокое звание и выпалил: «Ваше величество!»

Алексей Михайлович так и ахнул от удивления, а потом рассмеялся от всей души.

— Эк вы меня, Михаил Иванович! Я еще не коронован, слава Богу!

— Извините, Ваше Святейшество! — вспомнил я наконец его высокое звание.

Юбилейные торжества продолжались еще долго. Это был особый юбилей.

Алексей Михайлович родился 23 февраля. В том году Пасха была ранней, и 23-е число приходилось на первую неделю поста. Поэтому празднества начались на несколько дней раньше.

А 23 февраля, в настоящий день рождения Патриарха, Российская академия наук, Московский интеллектуально-деловой клуб и другие организации организовали встречу Патриарха с общественностью Москвы. Но все, конечно, понимали, что это неофициальный повод поздравить его с юбилеем.

В большом зале Большой Академии народу собралось множество: видные ученые, политики, депутаты… Перед началом появился Президент Белоруссии Александр Лукашенко. Обстановка была торжественной, Патриарх выступил с большим проблемным докладом, обозначил направление духовного развития России.

Потом выступили 4 или 5 человек с приветственными речами: бывший премьер СССР Н. Рыжков, председатель Союза писателей России В. Ганичев, академик Д. Львов, еще кто-то из академической элиты, кажется, академик Ж. Алферов. Последним выступал я. Причем мне предложили выступить перед самым началом встречи. Конечно, я согласился на этот очень ответственный экспромт. Как потом выяснилось, мою фамилию предложил сам Патриарх, когда с ним согласовывали список выступающих. Волновался я ужасно, но выступил вроде неплохо.

Торжественная часть встречи закончилась и плавно перешла в неофициальную.

Нескольких человек, в том числе и меня, пригласили побеседовать с Патриархом за чашкой чая минут 20–30. Мы поднялись, кажется, на 12-й этаж, в кабинет президента Академии социальных наук Г. Осипова. Небольшой типовой кабинет с низким потолком, тесная приемная, где, оказывается, раздевался Патриарх. Собралось там, кроме Алексея Михайловича, 12 человек. Кто-то пошутил: «Прямо как 12 апостолов!». Всех не помню, но были там Н. Рыжков, Г. Осипов, С. Глазьев, В. Ганичев, М. Кодин, кто-то из крупных генералов…

Небольшой стол был уставлен тарелками с очень скромной закуской, стояли соки, вода и чайные чашки. Вслед за Патриархом все расселись за столом, и наступила пауза. Ко мне наклонился хозяин кабинета и попросил прояснить у Алексея Михайловича сложившуюся ситуацию: сегодня его день рождения, сегодня День защитника Отечества и сегодня же начало Великого поста. Можно ли выпить по рюмке по этому поводу?

Я спросил, Патриарх ответил:

— Я думаю, за нашу доблестную, героическую Армию, за наш народ-герой, народ-победитель по рюмке — можно. Господь простит!..

Раздался всеобщий вздох облегчения. И через минуту на столе появились рюмки, бокалы и уже открытые бутылки с разного рода напитками! Это «чудо» все встретили всеобщим хохотом! И праздничное чаепитие со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II в его день рождения началось!..

Завязалась непринужденная беседа обо всем. Алексей Михайлович явно отдыхал, шутил, острил… Когда мы спросили его через полчаса, не задерживается ли он с нами, он ответил:

— Никоим образом! Наоборот, я хоть отдохну немного от моих обильных праздничных торжеств, просто посижу за чашкой чая.

И беседа продолжилась. В. Ганичев вспомнил, что недавно был в Таллинне и зашел на кладбище поклониться родителям Патриарха. Алексей Михайлович обрадовался и поблагодарил его.

Периодически появлялись его помощники, он махал им рукой, мол, успеем, дайте отдохнуть!..

Вопросов к нему было немного. Все понимали его занятость и его усталость. Где-то к концу встречи я все-таки спросил, почему он недавно отменил такую важную встречу с Папой Римским буквально за день до назначенного срока?

Патриарх посерьезнел, сел поудобнее и сказал:

— Мы долго готовились к этой встрече, согласовывали позиции, находили компромиссы. Работа была проделана огромная. Главное, мы договорились по трем основным вопросам. Первое — мы не считаем Папу Римского единственным представителем Бога на Земле. Тем более что удостоверение от Господа он предоставить не может. Второе — у нас полная свобода вероисповедания, но мы категорически против искусственного навязывания нам любой другой религии с вытеснением нашего традиционного Православия. И уж совсем неприемлемы разделение России на четыре региона и назначение в каждый из них своего католического кардинала! Представляете, какой бы шум на весь мир поднял Ватикан, если бы мы разделили Италию на четыре епархии и в каждую назначили бы своего православного епископа? И, наконец, третье — мы категорически против официальной всесторонней поддержки Ватиканом униатской церкви на Украине. Как известно, униаты во время войны активно сотрудничали с гитлеровскими палачами, участвовали в массовых репрессиях мирных граждан. Эта откровенная поддержка спровоцировала униатов на незаконные, порой бандитские захваты православных храмов на Украине, избиение священников и мирян, грабеж церковного имущества… Было еще много более мелких разногласий, но мы смогли договориться. И проекты будущего соглашения были готовы к подписанию. Мы должны были встретиться в Женеве — кажется, так сказал Патриарх, — и вдруг буквально накануне нашей поездки мне сообщили, что все три основных пункта Ватикан вычеркнул из соглашения!.. Так зачем же нам было встречаться в таком случае? Чтобы пожать друг другу руки перед телекамерами, улыбнуться и разъехаться? Все, мол, в порядке и никаких проблем? Не мог я поехать на такую встречу!..

Юбилей Патриарха имел для меня свое продолжение. Ровно через три недели у меня была встреча с Алексеем Михайловичем в его резиденции в Чистом переулке. В небольшой комнате с двумя окнами и камином мы сидели за овальным столиком на двоих, пили зеленый чай с мятой и липовым медом и обсуждали одну важную для России идею. Мне нужен был

его добрый совет. Беседа подходила к концу, и вдруг я вспомнил, что накануне этой встречи ко мне обратился один из моих друзей, А. Алтунин, и сказал, что его приятель, состоятельный человек, почитатель Патриарха, приготовил ему подарок к юбилею, но вручить его юбиляру не смог. Зная мои добрые отношения с Алексеем Михайловичем, он попросил при случае передать этот подарок лично Патриарху. Я согласился. Он протянул мне небольшой футляр и сказал, что это особая авторучка, платиновая, с золотым пером и какими-то дорогими камешками. Так вот, я вспомнил об этом подарке, достал футляр и протянул Патриарху.

— А что там? — спросил Патриарх.

— Какая-то особая ручка, — сказал я.

— А вы ее видели?

— Нет, — признался я. — Мне было неудобно открывать ваш подарок.

— Ну что ж, — вздохнул Алексей Михайлович, — давайте посмотрим вместе, что там…

И вдруг я сообразил, что в футляре могло быть что угодно! Ведь это было то время, когда повсюду гремели теракты, взрывались дома, шла война на Кавказе… Я содрогнулся от мысли, что может сейчас произойти. А вдруг?.. Но Патриарх улыбнулся, протянул руку и спокойно сказал:

— Не бойтесь, Михаил Иванович! Бог милостив, давайте посмотрим вместе.

— Нет, нет, я должен сам! — вскочил я, отошел к зарешеченному окну, встал спиной к Патриарху, чтобы в случае чего прикрыть его от беды, перекрестился и стал аккуратно открывать футляр.

— Ну что там? — спросил Патриарх.

— Слава Богу, действительно авторучка.

— Ну и давайте ее сюда.

— Нет, нет, я ее должен открыть, — сказал я, не оборачиваясь. И, затаив дыхание, стал вытягивать авторучку из футляра по миллиметру.

— Действительно, авторучка с золотым пером.

— Ну так давайте ее сюда!

— Нет, нет, я должен написать хотя бы слово.

Я достал какую-то визитку, аккуратно нажал перо, и… ничего не взорвалось! У меня как гора с плеч! И пот в три ручья…

— Ну вот видите. Я же говорил, Бог милостив. Давайте по этому поводу выпьем еще по чашке крепкого чая.

В конце нашей встречи он взял красивую белую книгу с золотым тиснением, выпущенную к его юбилею, и написал своим мелким каллиграфическим почерком своими любимыми зелеными чернилами:

«Многоуважаемому Михаилу Ивановичу Ножкину с благими пожеланиями в жизни и в творчестве. С любовью, Патриарх Алексий. 15 марта 1999 года».

Потом взял еще одну книгу, потоньше, и написал пожелание моей жене:

«Ларисе Лаврентьевне, в преддверии 40-летия супружеской жизни. Да хранит Бог семью вашу в грядущие годы. Патриарх Алексий. 15 марта 1999 года».

Эти книги заняли в нашем доме самое почетное место.

Однажды, в юбилейном для меня 2002 году, я был приглашен от имени Патриарха на торжественную службу в Успенский собор Московского

Кремля. Там впервые вели службу три Патриарха: Патриарх всея Руси Алексий II, Патриарх Сербии Павел и Патриарх Иерусалимский Ириней I.

Я пришел к началу утренней службы. У храма мы встретились с вице-президентом нашего МИД-клуба М. Кодиным, который передал мне приглашение Патриарха. Там было полно народу: телевидение, журналисты, фотографы… В общем, большое торжество в главном православном храме России.

В середине службы, когда пономарь «читает часы» и Патриархи отдыхают, ко мне подошел помощник Алексея Михайловича и пригласил в алтарь. М. Кодин тоже пошел за нами. Нас встретили Патриарх Алексий II, митрополит Кирилл, будущий Патриарх России, и оба высоких гостя. Алексей Михайлович сказал, что, в связи с моим юбилеем, Русская Православная Церковь решила наградить меня орденом Святого преподобного Сергия Радонежского.

— Мы подумали, что вам подходит именно эта награда. Отец Сергий всю жизнь сражался за Россию, а вы один из тех патриотов, кто всегда, и в жизни и в творчестве, твердо стоит на защите интересов нашей Родины. Мы это знаем и высоко ценим.

Так и сказал, ей-богу! Сказал и лично прикрепил мне на лацкан пиджака этот замечательный зеленый крест!

М. И. Кодин успел сделать несколько снимков. Слава Богу, у него с собой оказался фотоаппарат! Этими историческими для меня фотографиями я особенно дорожу. Еще бы! Эту высокую награду мне лично вручил Патриарх Московский и всея Руси Алексий II во время исторической службы в Успенском соборе Московского Кремля, да еще в алтаре! Такое не забывается! Это мог сделать только Алексей Михайлович!

Одна из самых памятных встреч с Патриархом состоялась у меня 25 апреля 2005 года. Накануне 60-летия нашей великой Победы образовалась инициативная группа, в которую вошли ветераны Отечественной войны, Герои Советского Союза и России, кавалеры орденов Славы, Герои Труда, представители общественных организаций. Мы решили просить Патриарха о встрече с настоящими Героями нашей Родины.

Патриарх сразу же согласился. Сказал, что это очень важно, что это знаковая встреча. Только вот до Пасхи все дни у него были заняты, к тому же продолжался пост и вроде бы нельзя было проводить никаких мероприятий.

— Подумаю, — сказал Алексей Михайлович. И через неделю решил: — Встречу проведем 25 апреля. Правда, это Вербное воскресенье, ну да Бог простит, потому что встреча эта нужна, важна и просто необходима!

Договорились, что 25 апреля, сразу после службы в храме Христа Спасителя, Патриарх переходит к нам в Зал Церковных Соборов. Так и сделали.

25 апреля в Зале Церковных Соборов собрались лучшие люди страны — гордость нашего Отечества. Зал буквально пылал золотым отблеском геройских звезд и орденов на груди собравшихся!

Мне была доверена ответственная работа — провести эту торжественную встречу.

Конечно, я очень волновался. Тем более, что были значительные сложности. Мы знали, что Алексей Михайлович неважно себя чувствует, очень устал. Мы знали также, что предпринимались активные попытки определенных лиц вообще сорвать эту встречу. Прямо скажем, не все ликовали по поводу

такого важного мероприятия. У нашей Православной Церкви немало врагов. Это тоже надо учитывать. Были и организационные сложности. Например, перед самым началом встречи, которую предполагалось перед появлением Патриарха открыть торжественным песнопением мужского хора одного из московских храмов, мне сказали, что хор отказался выступать, потому что организаторы платят им слишком мало. Это при том, что все участники нашей встречи, известные мастера искусства, согласились выступать бесплатно. Это было вполне естественно. Что делать? Решили, что Патриарха встретим торжественным колокольным звоном. А этих хористов, если они не поняли, какой чести их удостоили, надо гнать в шею! Вспомнил об этом, чтобы подчеркнуть напряженную обстановку у нас за кулисами…

В общем, зал был полон, президиум полон, встречу пора было начинать. А Патриарха все еще не было. С нашей стороны сцены было полно народу, а с другой стороны сцены — никого. При появлении Патриарха его помощники должны были дать нам знак, а там никого — пусто! Зал уже начинает аплодировать, мол, пора начинать. Что делать?

Я перекрестился и пошел на сцену. И уже подходя к столу, увидел на другой стороне Патриарха. Слава тебе, Господи! На душе полегчало. Я открыл встречу. Прозвучал государственный Гимн России. Рота Почетного караула вынесла знамена трех родов войск. Патриарха встретили радостным колокольным звоном. Алексей Михайлович подошел к трибуне, начал читать торжественное приветствие участникам этой знаменательной встречи.

А я сидел за столом и не знал, что делать дальше. Дело в том, что перед началом встречи в центре огромного стола президиума, рядом с моим микрофоном, я положил список членов президиума со всеми их званиями и должностями. Там же был отмечен порядок выступления. Это была единственная бумага на всем огромном столе. И вдруг она пропала! Куда? Ветром сдуло? Или кто-то убрал нарочно? И что мне делать? Не буду же я во время речи Патриарха ходить вдоль стола и спрашивать, кого как представлять! Я понимал, что главное сейчас — не допустить паузы после речи Патриарха. Кто может достойно продолжить его выступление? Самым маститым из президиума был дважды Герой Советского Союза маршал авиации А. Н. Ефимов. Хорошо, кто следующий? Нет фронта без тыла. Значит, за ним выступает дважды Герой Соц. Труда В. И. Долгих. Рядом с ним Герой Советского Союза адмирал флота В. Н. Чернавин. Уже легче. А дальше разберемся.

Патриарх закончил речь. Я подошел к нему, проводил к центру стола и пригласил на трибуну маршала Ефимова. А сам объяснил Патриарху ситуацию, заранее извиняясь за возможные нарушения протокола, за некую импровизацию встречи. Патриарх все понял с полуслова и сказал:

— Михаил Иванович, не волнуйтесь, делайте все, как считаете нужным. Я вам верю. А импровизация — это даже хорошо! В зале же не биороботы, а живые люди. Лучшие люди страны!

Я успокоился, предоставил слово В. И. Долгих, пригнувшись, обошел весь президиум, записал точные данные каждого и сел на место рядом с Патриархом.

Встреча продолжалась, выступали Герои. Торжественная значимость момента воспринималась все с большим пониманием. Была и импровизация. Согласованного порядка выступающих у меня не было, и я приглашал на трибуну людей по своему разумению. Подумал, что обязательно должен

выступить Герой Советского Союза генерал В. Л. Говоров — сын легендарного маршала артиллерии ВОВ. Тут, кстати, и преемственность поколений. Объявил его. Он встает и говорит:

— Михаил Иванович, а мое выступление, между прочим, не было запланировано!

У меня внутри все екнуло. Слава Богу, я уже полвека на сцене, выручил опыт. Ответил:

— А между прочим, товарищ генерал, и ваши геройские подвиги во время войны тоже не были запланированы!

Раздался общий смех. Обстановка в зале еще больше потеплела. Говоров вышел к трибуне и сказал свое веское, авторитетное слово.

Во время встречи я периодически поглядывал на Патриарха. Он что-то у меня спрашивал, что-то уточнял… Сидел, слегка наклонив голову, но внимательно слушал выступления наших героев, вспоминавших о великих подвигах нашего народа во время войны. Я видел, как у него постепенно распрямляется спина, оживляются глаза.

Просидев в общей сложности больше часа вместо запланированных пяти минут, он наклонился ко мне и сказал: — Встреча замечательная! Какие люди! Мне бы хотелось их поблагодарить. Как вы думаете, удобно мне выступить второй раз?

Я ответил, что это было бы здорово!

— Ну что ж, пойду к трибуне! — поднялся Патриарх.

— А зачем, Ваше Святейшество? Говорите отсюда, вот вам мой микрофон. И не забудьте поздравить всех с Вербным воскресеньем.

— Спасибо, что напомнили! — улыбнулся он.

Встал, распрямился и произнес яркую, пронзительную речь! Это был настоящий мужской разговор о том, что мы должны стоять за Родину стеной, не давать ее в обиду ни внешним врагам, ни внутренним, продолжать героические традиции наших отцов и дедов, не сгибаться перед трудностями, верить в Россию, а значит, в себя! Не забывать, особенно молодым людям, что мы — народ-герой, народ-победитель!

Зал аплодировал стоя.

Мы поднесли ему подарок — замечательную панагию из слоновой кости, которую сделали наши умельцы. Один из генералов, Герой России Н. Т. Антошкин, произнес короткую речь, во время которой я, стоя за спиной Патриарха, тихо сказал ему:

— Ваше Святейшество, убедительная просьба задержаться еще на пять минут.

— Надо так надо, — сказал он, не оборачиваясь.

Речь закончилась, Патриарх принял шкатулку с панагией, передал ее своим помощникам, развернулся и быстро пошел к своему месту в центре стола. Видели бы вы физиономии кое-кого из его окружения!

Наступила финальная часть речи. Я подал команду, оркестр заиграл торжественный марш, все встали, рота почетного караула вынесла знамена. Прозвучал Гимн России. Торжественная часть встречи закончилась так же торжественно во главе с Патриархом! Вот для чего я и просил его задержаться.

В перерыве ко мне подошел Д. Иванов — один из организаторов этой памятной встречи, представлявший церковные структуры, и сказал, что Патриарху встреча очень понравилась, он благодарит всех организаторов и

просит меня передать ему мою шпаргалку — тот листок бумаги, на который я записывал всех членов президиума. Он хочет их наградить. Я с трудом нашел в кармане эту смятую уже бумажку.

Позже Патриарх учредил памятную медаль в честь этой исторической встречи, которую я получил одним из первых.

После проведенного торжества мы, организаторы этого мероприятия, поняли необходимость более активного сотрудничества Церкви, Армии и Народа. Для координации наших действий нужна какая-то постоянно действующая структура, что-то вроде Фонда. С этой идеей мы обратились к Патриарху. Он сразу же поддержал и благословил нашу идею о создании Фонда под названием «Фонд Возрождения сотрудничества Церкви, Армии и Народа». Только просил заменить светское слово «сотрудничество» на традиционное церковное «соработничество». И просил обратить особое внимание на список учредителей.

Прошло несколько месяцев напряженной работы по собиранию официальных бумаг с подписями учредителей, и наконец Патриарху был представлен полный список создателей Фонда. Алексей Михайлович внимательно прочитал список, похвалил нас и благословил на доброе дело во благо России.

А список был действительно впечатляющий. В учредители Фонда согласились войти:

Герой Советского Союза генерал армии В. И. Варенников; дважды Герой Советского Союза маршал авиации А. Н. Ефимов; дважды Герой Соц. Труда В. И. Долгих; дважды Герой Советского Союза генерал М. П. Одинцов; Герой Советского Союза адмирал флота В. Н. Чернавин; генерал Ю. И. Дроздов; Герой Советского Союза генерал Г. Н. Зайцев; Герой Советского Союза вице-адмирал Л. А. Матушкин; Герой России генерал В. А. Шаманов; генерал армии М. А. Моисеев; генерал Н. С. Леонов; Герой Соц. Труда А. Г. Левин; председатель Всероссийского общества охраны памятников культуры Г. И. Маланичева; народный артист России поэт М. И. Ножкин; староста церковной общины будущего храма в Черемушках Д. М. Иванов.

В общем, список более чем солидный.

Почему я пишу о встречах с Патриархом с такими подробностями? Потому что уверен, что большие люди в значительной мере познаются в обычных житейских и бытовых мелочах: как они ведут себя с людьми, с друзьями, с коллегами, с подчиненными. Как относятся к власти, к людям труда, к детям… Так вот Алексей Михайлович во всех своих проявлениях был прост, доступен, внимателен к собеседнику, ответственен в ответах и обещаниях… И еще: почему я вспоминаю некоторых свидетелей моих встреч с Патриархом? Потому что Патриарх — это особый человек. И воспоминания о взаимоотношениях с ним должны быть правдивыми и очень ответственными! Я это прекрасно понимаю. И чтобы в моих воспоминаниях не было и тени бахвальства — боже упаси! — я и вспоминаю некоторых живых свидетелей наших встреч, и наличие наших с Патриархом фотографий, и адресованных мне добрых его автографов. Только для этого!

Итак, после благословения Патриарха создание Фонда вышло на финишную прямую.

На одной из встреч учредителей зашел разговор о президенте Фонда. И вдруг В. И. Варенников предложил меня! И тут же его поддержал

Ю. И. Дроздов. Я стал отнекиваться — ну какой из меня президент, да еще при таких Героях?! Но переубедить их не смог. Позже они предложили мою кандидатуру Патриарху. И тот сразу согласился. Я опять стал отказываться. Алексей Михайлович сказал:

— Михаил Иванович, вы самая подходящая фигура. Вас хорошо знают и уважают и в Церкви, и в Армии. Вы человек известный в России и, что очень важно, — независимый. Вы устраиваете нас всех… А иначе могут возникнуть естественные разногласия: между военными — у кого больше звезды и звания, между священниками — у кого выше чин… А вы — фигура компромиссная. Так что соглашайтесь. Я вас благословляю!

Что мне оставалось делать? Согласился. Но только на первое время.

И все-таки главный вопрос для Фонда — кто возглавит Попечительский совет. Валентин Иванович попросил Патриарха назначить кого-то из иерархов РПЦ. И тут Алексей Михайлович нас всех удивил. Он сказал:

— Это дело всероссийское, верно? А я, между прочим, Патриарх всея Руси. Вот я и возглавлю Попечительский совет!

Планы у нас были большие, и первым реальным делом было строительство храма в Москве, в Черемушках. Церковная община во главе со старостой Д. Ивановым уже много лет обивала пороги разных инстанций с просьбой утвердить отвод земельного участка под храм. Мы тут же взяли это дело под свое крыло и определили окончательное название храма: «Во славу Всех Российских Святых и всех Воинов, погибших за Россию». Я предложил добавить фразу «Во все времена»… Патриарху это название понравилось, и он тут же благословил это название. И еще я предложил на стенах будущего храма прикрепить бронзовые пластины с названиями всех известных нам русских битв и всех горячих точек на планете, где наши воины отстаивали интересы нашей великой Родины. И это тоже Патриарх сразу благословил.

Работа по храму буквально закипела! Патриарх подписал множество писем в самые высокие инстанции. В. И. Варенников не раз ходил на прием к мэру Ю. М. Лужкову, звонил по прямому проводу высшему начальству, главному архитектору Москвы. Помогали делу В. И. Долгих, В. Н. Чернавин и другие учредители. Дело сдвинулось с мертвой точки. И в 2009 году, после многих лет бумажной волокиты, было получено официальное разрешение на строительство храма с закреплением земельного участка за ним. На месте будущего храма уже давно шли церковные службы, и проект храма был уже давно готов. Он был выполнен в лучших традициях старого русского зодчества архитектором А. А. Анисимовым.

Закончить свои воспоминания об Алексее Михайловиче я хочу последней нашей встречей в храме Христа Спасителя.

Это было в конце апреля 2008 года накануне Пасхи в Страстную пятницу. Я пришел с Д. Ивановым подписать очередное письмо по храму в Черемушках, а главное, договориться о будущих мероприятиях Фонда и, прежде всего, о предстоящем праздновании 65-летия нашей Победы. Мы зашли в алтарную часть и ждали, когда Патриарх во время службы выйдет передохнуть. Я поступал так крайне редко, в особых случаях, потому что записываться на прием и ждать очереди — дело долгое и неопределенное. Патриарх всегда был очень занят.

На этот раз он вышел на несколько минут и сразу сел в кресло. Видно было, что очень устал. Я не стал его беспокоить, решил подождать сле-

дующего перерыва. В следующий перерыв он вышел еще более усталый. У меня язык не повернулся обратиться к нему с чем бы то ни было. Решил ждать окончания службы. Вышел в зал и простоял до конца службы. Стоял и думал: Господи, как хорошо, хоть в такой день отстою почти всю службу, очищу душу, отдохну от суеты, приду в себя. Так и стоял до конца часа полтора. Ноги загудели. А Патриарх служит по 2–3 часа! И все на ногах. Да еще читает молитвы, совершает обряды и т. д., и т. п. И все это на виду у тысяч людей! И не дай Бог ошибиться в молитве! Забыть что-то из обязательных церковных обрядов, не обратиться с живым словом проповеди к верующим. А это каждый раз импровизация! И все это под пристальным оком прихожан, под объективами фото- и кинокамер. И так десятки лет и многие сотни и тысячи раз, и по всей стране, и по всему миру! Это даже представить невозможно! А он все это выдерживал, работал неустанно, истово, с верой в правду и справедливость нашего грешного мира!

Служба закончилась, Патриарх вышел в алтарь. Иванов протянул мне бумаги. Я сказал:

— Не надо, сегодня не будем его напрягать. Просто поздороваемся.

Мы встали в стороне. Напротив стояли его помощники, образовался этакий небольшой коридор. В огромном пустом затемненном пространстве воцарилась полная тишина.

Патриарх облачился в свою скромную рабочую одежду и медленно пошел в нашу сторону. Я решил не останавливать его, но он сам вскинул голову, улыбнулся и, как обычно, сказал:

— Рад видеть вас, Михаил Иванович. Какая во мне нужда?

— Сегодня никакой. Вы и так устали чрезмерно.

— Нет, нет, говорите. Я вас слушаю, — он сразу оживился, в глазах зажегся знакомый огонек.

Я попросил подписать какую-то бумагу по храму, а главное — определить программу действий Фонда по подготовке 65-летия нашей Победы. И особенно его финальной части — встречи Героев страны с Патриархом. Так же, как в 2005 году.

Алексей Михайлович задумался и стал вслух рассуждать о своих планах на ближайшее время.

Во-первых, в конце апреля он должен был уехать в Германию на лечение.

— Вы больны? — спросил я.

— Да нет вроде бы, Бог милует. Просто я обязан дважды в год проходить профилактику у вылечивших меня врачей. Потом праздничные дни Победы. После них еще какие-то встречи… А потом важнейшее событие — подписание документов о сотрудничестве с Зарубежной Православной Церковью. Важнейшее событие! Помните, мы об этом говорили еще в 70-х годах? Наконец-то! И на следующий день большой прием, который дает Президент России. 21-го — праздник Иоанна Богослова, 22-го — Николая Чудотворца, 23-го — поездка в Троице-Сергиеву Лавру, 24-го — праздник Кирилла и Мефодия, 25-го и 26-го — работа в Патриархии и текущие дела… Давайте наметим условно 28-е мая…

— А это День пограничника, — напомнил я полушутя. — Ну что ж, хороший праздник. Пограничники всегда на посту, и днем и ночью. Не работают, а служат Родине. Как и мы в храме служим. В общем, созвонимся в конце мая.

Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. В конце мая у Патриарха появились неотложные дела, потом пастырские поездки, потом у всех начались летние отпуска… А потом… Потом ЕГО не стало…

Это случилось 5 декабря 2008 года. В этот памятный день в храме Христа Спасителя — опять этот храм! — было торжественное заседание по случаю 50-летия нашего Союза писателей России. Было множество народу: писатели, поэты, священники… Союз писателей России — один из учредителей Всемирного Русского Собора, и Патриарх был бессменным его главой. А заместителями его были митрополит Кирилл и председатель Союза писателей В. Н. Ганичев.

Около 11 утра, перед началом, в комнате президиума появился Владыка Кирилл и объявил, что Патриарх неважно себя чувствует. К сожалению, приехать не смог, но приветствие его Кирилл огласит в начале съезда. Мы спросили, как серьезно он болен. Владыка сказал, что говорил с ним накануне поздно вечером по телефону целых 46 минут, и по голосу Патриарх был довольно бодр.

Съезд открылся ровно в 11 утра. Прозвучал Гимн России, В. Н. Ганичев только собрался предоставить слово Владыке, как к Кириллу подошел его помощник и что-то сообщил ему на ухо. Кирилл застыл на мгновение, потом резко поднялся, сказал что-то Ганичеву и быстро ушел со сцены. Валерий Николаевич объявил, что Владыку срочно вызвали, а послание Патриарха нашему съезду огласит архиепископ Верейский Евгений.

Священник подошел к трибуне, прочитал послание. Оно было каким-то особенно трогательным, душевным, светлым и гораздо длиннее обычного. После приветствия Ганичев собрался объявить первого выступающего. Но из-за кулис вышел другой служитель Церкви и что-то ему сообщил. Валерий Николаевич на минуту замер, потом слегка пошатываясь, подошел к микрофону и объявил:

— Скончался Патриарх Алексий II…

Зал был буквально ошеломлен! Люди долго приходили в себя, пытаясь осмыслить сказанное. Потом отовсюду послышался шепот и нарастающий гул. Все просто растерялись. Что делать? Отменять встречу? Переносить? Продолжать? Объявили перерыв на 15 минут. Президиум собрался за кулисами. Подумали и решили: надо продолжать! Патриарх наверняка поступил бы так же!

Алексей Михайлович часто вспоминал библейскую заповедь: «По делам их узнаете их»… Не по словам, а по реальным делам ценил он людей, и сам был в вышей степени человеком реальных дел. Мягким, добрым, терпеливым, прощал людские слабости. Но в принципиальных вопросах не уступал ни в чем.

Достаточно вспомнить его историческое выступление на сессии Европарламента в Страсбурге. Он открыто заявил, что парламентарии ни в одном своем документе последних лет не вспомнили о христианских ценностях, о человеколюбии, о морали! Зато активно отстаивали права сексуальных меньшинств…

А вспомните историю перезахоронения Царских останков в Питере! Ведь как только его не напрягали и сверху, и со всех сторон, он так и не поехал. Не поехал, потому что в тот момент не был уверен в абсолютной достоверности результатов независимых комиссий, проводивших генетические экспертизы. Так же, как, впрочем, и в независимости самих комиссий…

Православная Церковь при Патриархе вышла за ограду Храма к Народу, к России. А ведь многие мечтали загнать ее, как индейцев, в резервацию! Мол, сидите там, молитесь, крестите, а в жизнь не вмешивайтесь! Это не ваше дело! Патриарх ответил им со свойственной ему прямотой: «Церковь отделена от Государства, но мы не можем, не имеем права отделяться от проблем народа, ибо Народ — это и есть наша Церковь!»

Именно Патриарх на Всемирном Русском Народном Соборе впервые поднял вопрос о богатстве и бедности, о социальной пропасти, которая все больше разделяет нашу страну. И как засуетились все эти либерально-демократические политологи, эксперты, советники и прочие журналюги: «Церковь не может вмешиваться в экономику!»

Очень даже может! Потому что экономика — это хлеб наш насущный! Церковь не может безразлично относиться к тому, что миллионы наших людей голодают, когда рядом процветает небольшая прослойка миллиардеров и миллионеров. Об этом тоже во весь голос говорил наш Патриарх. О том, что неприлично в бедной стране демонстративно бравировать своим богатством и роскошью, да к тому же сомнительного происхождения.

Святейший Патриарх всея Руси Алексий II был нашим современником, и мы имели радость общаться с ним, ощущать его человеческую заботу и поддержку, стремление укреплять нашу веру в добро и справедливость. Это так важно, особенно в наше тяжкое время. «В Россию можно только верить!» А Россия — это мы с вами! Значит, надо верить в себя, друг в друга, в нашу способность возродить Россию, верить в нашу Победу!

Нынешний Святейший Патриарх всея Руси Кирилл на проводах Алексея Михайловича верно сказал:

— Когда Алексий II пришел на Патриаршество, это была одна Церковь. Теперь же, уходя, он оставил нам другую Церковь! Крепкую, истинную, боевую, дееспособную, очень нужную нашему народу. Вера становится естественной потребностью человека!

И действительно, с верой людям легче жить, легче одолевать трудности, легче познавать мир.

Святейший Патриарх всея Руси Алексий II — дорогой наш Алексей Михайлович — ушел, но остался с нами! Жизнь вечна! И добрая память о нем в России тоже будет вечной!

P.S.

После ухода Алексея Михайловича работа по созданию Фонда застопорилась, проще говоря, зависла в воздухе.

Я решил встретиться с новым Патриархом всея Руси Кириллом, которого имел честь знать еще с середины 90-х годов прошлого века. Мы с ним входили в руководство Российского земского движения. Тогда оно начинало активно возрождаться по всей стране.

Как известно, земство сыграло огромную роль в созидании Государства Российского, в укреплении реальной власти на местах.

Эту великую государственную идею тогдашние власти никак не поддержали, испугались самостоятельности местной власти, состоящей из местных жителей.

Так вот, встретился я с Патриархом Кириллом. Он идею Фонда одобрил, подтвердил ее актуальность. Но сказал, что нужно посмотреть документы, устав, список учредителей. В общем, войти в тему. Но это требует

времени. А в данный момент у него нет свободной минуты! Каждый день расписан по часам, на месяцы вперед! И это действительно так. Надо было принимать огромное церковное хозяйство, кадровый корпус и т. д., и т. п... Но бумаги наши он взял, обещал внимательно посмотреть.

Что нам оставалось делать? Терпеливо ждать. И мы ждали довольно долго. А время шло. Решили собраться и определиться в действиях. На заседание учредителей Фонда пришло много народу. Подтвердили нужность нашего Фонда, готовность принимать участие в его работе. Потом решили подтвердить полномочия президента Фонда. Все проголосовали за меня. Кроме одного человека, которого я не знал и который к Фонду не имел никакого отношения.

Я поднялся, поблагодарил за доверие и отказался от президентства. Объяснил, что я уже дважды отказывался от этой высокой чести. Д. Иванов может это подтвердить. И только благословение Патриарха Алексия и его решение возглавить Попечительский совет убедили меня согласиться на эту почетную работу. Но теперь я свободен и отказываюсь в третий раз, уже окончательно.

Д. Иванов сразу поддержал меня и сообщил, что, оказывается, есть мнение, что президента нашего Фонда нужно выбирать из нескольких кандидатур. Я приветствовал это. Назвали несколько фамилий. Проголосовали. Опять все подняли руки за меня! И опять один человек был против. Тот самый, который сидел в одиночестве на заднем ряду, которого я не знал и который не имел никакого отношения к Фонду.

Я поднялся, опять поблагодарил за доверие и наконец объяснил коллегам главную причину своего решительно отказа: наш Фонд по составу и по задачам имеет всероссийский масштаб, нам предстоит сделать множество конкретной работы на годы вперед! И на все это нужны деньги и поддержка властей. А для нынешней власти я не самая авторитетная и любимая личность. А тем более для небольшого круга людей, у которых большие деньги. Моя фамилия на любом документе будет для них очень удобным поводом отказать в любой просьбе!

Поэтому я считаю, что президентом нашего Фонда должен быть военный человек, авторитетный и в армии, и в обществе. Я предлагаю бывшего начальника Генштаба, генерала армии М. А. Моисеева. А помогать Фонду в работе я, конечно, буду по мере возможности.

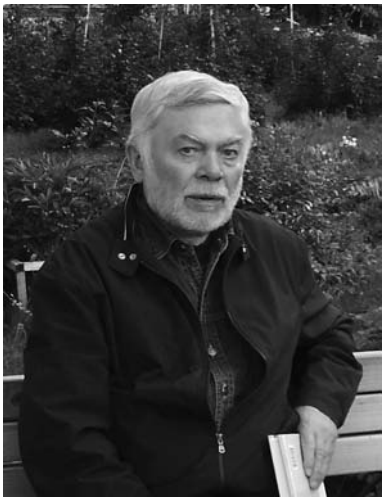
Коллеги меня поняли, решили предложить Патриарху Кириллу для согласования несколько фамилий.

Ко мне подошел неизвестный мне человек с заднего ряда, голосовавший против, пожал мне руку, поблагодарил за мое решение, сказал, что он мои давний почитатель, а после сегодняшнего решения уважает меня еще больше! Решение очень правильное, Фонду действительно будет легче работать.

Я искренне поблагодарил этого представителя нашей культуры в штатском за добрые пожелания...

А что будет с Фондом — не знаю. На все воля Божья!..

21 июня 2011 г.

Виктор КАЛУГИН

ДУХОВНИК ТРЕХ ИМПЕРАТОРОВ

Виктор Ильич Калугин — родился в 1943 году. Из рода кубанских станичных атаманов станицы Бейсугская. Окончил Литературный институт. Работал редактором издательства «Современник», научным редактором серии «ЖЗЛ», редактором-составителем альманаха «Прометей», зам. главного редактора журнала «Слово», главным редактором журнала «Золото России». Автор многих книг. Составитель сборников русской поэтической классики. Автор-составитель, автор послесловий и биографических статей антологий «Молитвы русских поэтов. XI–XIX вв.» (2010) «Молитвы русских поэтов. XX–XXI вв.» (2011).

В 2012 году в издательстве «Вече» выходит второе издание первого тома антологии «Молитвы русских поэтов. XI–XIX вв.», где дополнены новые имена «забытых» поэтов, одного из которых представляет журнал «Родная Ладога».

Его биографические данные и «послужной список» достаточно полно представлены в брошюре «Пятидесятилетний юбилей духовника Их Императорских Величеств, члена Святейшего Синода, господина главного священника войск гвардии и гренадер, протопресвитера Василия Борисовича Бажанова» (СПб., 1873):

«Протопресвитер Василий Борисович Бажанов, сын дьякона, родился в 1800 году, в Тульской губернии, в Алексинском уезде. Первоначальное образование получил в Тульской Духовной семинарии, а окончательное в Санкт-Петербургской Духовной академии. По окончании курса наук со степенью магистра в 1823 году определен был бакалавром в оной академии. В 1826 году рукоположен в священника в церкви 2-го кадетского корпуса и определен законоучителем в корпусе и в дворянском полку. С 1827 года по 1836 год состоял законоучителем в Императорском Санкт-Петербургском университете, в университетском благородном институте и в высшем училище. С 1829 года по 1836 по 1845 год состоял профессором богословия в Главном педагогическом институте. С 1835 года Высочайше определен законоучителем и духовником Государя Наследника Цесаревича, ныне благополучно царствующего Государя Императора Александра Николаевича и всех августейших детей Государя Императора Николая Павловича. В 1836 году избран действительным членом Им-

ператорской российской академии, в 1837 году возведен на степень доктора богословия. В 1840 году Высочайше назначен законоучителем высоконареченной невесты Государя Наследника Цесаревича Принцессы Марии Гессен-Дармштадтской, ныне Государыни Императрицы Марии Александровны; в 1847 году — законоучителем высоконареченной невесты Государя Великого князя Константина Николаевича, принцессы Александры Саксен-Альтенбургской; в августе 1848 года Высочайше назначен управляющим придворным духовенством, а с 6 декабря того же года Всемилостивейшее пожалован духовником Их Величеств. 12 декабря того же года определен протопресвитером придворных соборов: Зимнего дворца и московского Благовещенского. В 1849 году 5 августа назначен членом Святейшего Правительствующего Синода и обер-священником главного штаба Его Императорского Величества и гвардейских корпусов; в 1850 году — законоучителем Великого князя Владимира Александровича. В том же 1854 году избран почетным членом конференции Санкт-Петербургской и Казанской Духовных академий; а в 1856 году почетным членом Императорской академии наук и Императорского Санкт-Петербургского университета».

Великая княжна Ольга Николаевна, ставшая после замужества королевой Вюртенберга, вспоминала в своей книге «Сон юности» о своих сверстницах, воспитывавшихся за границей: «…Они вырастали безо всякой связи с родной Церковью. Мы же были пронизаны учением нашей Православной веры. Как мы благословляли судьбу за эту нашу веру отцов, как мы любили нашего духовника о. Бажанова! Терпимый в своей религиозности и совершенно беспристрастный, он учил нас истории Церкви. Благодаря ему мы научились понимать, что русский характер и русская Церковь — неразъемлемое единство. Когда мы стали взрослыми, о. Бажанов приходил, как и прежде, каждый понедельник к нам, но вместо уроков были разговоры, сердечные и задушевные». Характерно, что говорит она это от имени всех царских детей, первым учителем которых был поэт Василий Жуковский. Разрабатывая в 1826 году десятилетний «План учения» восьмилетнего Цесаревича, он признавался в письме: «Мне не только надобно учить, но и самому учиться». Жуковский подбирал учителей и осуществлял общее руководство по всем предметам, считая *главною наукою* для Наследника Престола историю, которую преподавал сам. Но два предмета не входили в его «План учения» — военное дело и Закон Божий, требовавшие специальных знаний и подготовки. С 1826 по 1836 год духовником царских детей и преподавателем Закона Божьего был один из самых известных богословов того времени протоиерей Герасим Павский, составивший две специальные программы христианского воспитания Цесаревича: «Начертание церковной истории» и «Христианское учение в краткой системе»…

Сменив Герасима Павского, Василий Бажанов написал новое руководство для Цесаревича и Великих княжон «Об обязанностях Христианина», ставшее со временем одним из основных в России пособий по изучению Закона Божьего. В 1859 году самая важная из частей этого пособия вышла отдельной книгой с названием «Обязанности Государя», которую с полным правом можно назвать **Царским катехизисом** трех поколений русских царей, царевичей и царевен. Программа Василия Бажанова во многом

перекликается с основными «правилами деятельности царской» в области гражданских прав и обязанностей, предначертанными Жуковским:

«Уважай закон и научи уважать его своим примером: закон, пренебрегаемый Царем, не будет храним и народом. Люби и распространяй просвещение: оно — сильнейшая подпора благонамеренной власти; народ без просвещения есть народ без достоинства. Люби свободу, то есть правосудие, ибо в нем и милосердие царей, и свобода народов. Владычествуй не силою, а порядком: истинное могущество государей не в числе его воинов, а в благоденствии народа. Будь верен слову: без доверенности нет уважения, неуважаемый — бессилен. Окружай себя достойными тебя помощниками: слепое самолюбие Царя, удаляющее от него людей превосходных, предает его на жертву корыстолюбивым рабам, губителям его чести и народного блага. Уважай народ свой: тогда он сделается достойным уважения».

Но в этих тезисах Жуковского обозначены основные законы **дольнего** мира, которые найдут совсем иное преломление в законах **горних**, изложенных законоучителем и царским духовником Василием Бажановым:

ОБЯЗАННОСТИ ГОСУДАРЯ

Высоко звание Государя; велики и обязанности, сопряженные с сим званием. Всевышний Правитель мира, облекая Его могуществом и силою, вверяет попечению и руководству Его миллионы людей, братьев Его; и потому в отношении к подданным своим Он есть Наместник Божий на земле, орудие всеблагого провидения Его о них. Из сего высокого понятия о царском достоинстве открывается как то, с каким страхом и трепетом Государь должен принимать от Бога сие священнейшее из всех званий на земле, с каким глубоким смирением, с какою ревностию и напряжением всех сил должен проходить его; так из сего же открываются и самые обязанности Его. Как Наместник Божий на земле, подражая Богу и исполняя Его волю, Он должен быть истинным отцом своего народа, — должен:

ОБЯЗАННОСТИ

ГОСУДАРЯ.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XIII-04682
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ СУНОДАЛЬНОЙ ТИПОГРАФІИ.
1859.

1. Стараться познавать существенные потребности и нужды его и изыскивать средства и способы к удовлетворению оных.

2. Распространять полезные науки и искусства и другие благодетельные учреждения, поощ-

рять всякое полезное предприятие и постоянно стремиться к той цели, чтобы возвести народ свой на высшую степень могущества и благоденствия.

3. Пещись паче всего о внутреннем благоустройстве и порядке, при котором каждый из Его подданных, исполняя свои обязанности, безопасно и беспрепятственно со стороны других мог бы наслаждаться плодами трудов своих, плодами общеполезной своей деятельности и радостями жизни, и пользоваться принадлежащими ему правами, и для того не только издавать мудрые и ясные постановления и законы, по которым каждый легко мог бы знать и свои права, и свои обязанности, но и строго наблюдать за точным исполнением оных, и тем более, чем известнее наклонность человеческой природы к произволу и притеснению слабых от сильных.

4. Не имея возможности, сам собою повсюду действовать ко благу общему, повсюду лично наблюдать за исполнением законов, за соблюдением правосудия, и собственными силами приводить в исполнение предначертания свои, клонящиеся ко благу общему, Он должен, в отеческом попечении и заботливости о своих подданных, избирать в помощь себе из среды их мудрых и богобоязненных мужей, которые бы своими советами и точным совестным исполнением воли Его облегчали бремя правления Его и содействовали к удобнейшему достижению блага общего, — и облекая их властию, должен тщательно наблюдать за их действиями, уважать истинные заслуги, награждать усердие и ревность их в прохождении должностей их, и строго взыскивать за злоупотребление вверенной им власти.

5. Издавая законы и требуя от своих подданных беспрекословного повиновения оным, Государь сам должен служить для них примером уважения к оным, и, пользуясь неограниченною властью, никак не должен позволять себе произвольных действий и несправедливости в отношении к своим подданным; ибо ничто столько не раздражает народ и не охлаждает его любви и преданности к Престолу, как несправедливость в Государе, от которого все ожидают защиты и покровительства против несправедливости. Правосудие и милость составляют самую крепкую опору и утверждение престола Царского.

6. При употреблении своей власти Он не должен иметь никакой другой цели, кроме блага своих подданных, ни отделять своих выгод от выгод их, тем более противополагать им; и потому для суетного величия или громкого титла не должен обременять народа своего тяжкими налогами, ни предпринимать без крайней нужды войны: признание в Нем *истинного Отца Отечества* должно быть для него вожделеннее и выше всех других наименований.

7. Не будучи обязан никому из людей давать отчета в своих распоряжениях и действиях, Он тем более имеет нужды поверять их с книгою Закона Божия, (*Второз. 17, 18–20*) и сколько можно, чаще должен поставлять себя пред судом своей совести и вопрошать сего нелицемерного судию: ко благу ли Его подданных клонятся все Его действия, и согласны ли они с волею Вышнего, от которого *дана ему держава и сила*, (*Прем. 6, 3*) и который некогда потребует от Него строгий отчет в употреблении дарованной Ему власти (*Прем. 6, 6*).

8. Взирая на себя, как на орудие недремлющего Провидения в отношении к своему народу, Он должен постоянно и неослабно бодрствовать и трудиться над созиданием его благоденствия, и крайне остерегаться, как

самого опасного врага для блага государства, наклонности к забавам и удовольствиям чувственным, и искать высшего удовольствия и радости в том блаженнейшем сознании, что Его жизнь и деятельность посвящена благу его народа.

9. Обладая верховною властию и могуществом, Он должен опасаться надмения и гордости, к чему так склонно человеческое сердце, особенно при действии хитрой лести, и что может ослаблять в Нем любовь к подданным и ревность — трудиться для блага их, и для сего Он часто должен напоминать себе, что по природе Он равен со своими подданными (*Прем. 7, 1–6*), что многие из них, может быть, превосходят Его душевными и телесными силами, что своим возвышением Он обязан благости Всевышнего, и что некогда предстанет пред судищем Его в равном бессилии с ними.

10. Зная свойства и действия любви, готовой ко всем пожертвованиям, Он должен стараться отеческою заботливостью о своих подданных, живым участием во всех судьбах их, покровительством вдов, сирот и безпомощных, и особенно благодетельными распоряжениями и пособиями во дни общественных бедствий приобретать всеобщую любовь и доверенность, дабы тем удобнее можно было соединять все силы государства в одном общем направлении ко благу его.

11. Особенное должен тщательное обращать внимание на то, чтобы не только не послужить камнем претыкания для своих подданных и не подать повода к ослаблению уважения к Религии, но и своим примером, своим уважением ко всему святому поддерживать силу наставлений в Религии, внушаемых Пастырями Церкви, и вообще стараться быть примером Христианского поведения, быть наилучшим супругом, наилучшим отцом семейства и проч. И в постоянной отеческой заботливости о своих подданных стремиться к той высокой и вожделенной цели, чтобы в день всемирного суда и воздаяния иметь дерзновение, сказать пред престолом Судии Сердцеведца: *Се аз и дети, их же дал ми еси, Господи!*

12. Заботясь о внутреннем благоустройстве своего государства, должен так же ограждать и внешнюю безопасность его миролюбивыми сношениями с другими государствами, в случае же необходимости защищать его силою оружия. Но как эта необходимость есть самая жестокая для сердца Царя Христианина; то Он должен стараться ревностным, сугубым попечением о внутреннем благоустройстве и постоянною готовностью к войне предотвращать все неприязненные нападения и покушения отвне.

И наконец

13. Сознавая свои недостатки и немощи для надлежащего исполнения великих обязанностей, лежащих на Нем, Он должен постоянно обращаться с молитвою к Богу, испрашивать у Него себе мудрости и силы, призывать благословение Его как на все благие предприятия свои, так и на всех подданных своих. И Св. Церковь Христова, совершая над Царями священное Миропомазание и низводя на них благодать небесную, явно указывает при сем как на высокое достоинство и происхождение Царской Власти, так и на то, откуда Цари постоянно должны заимствовать мудрость и силы для достойного прохождения многотрудного и превышающего силы человеческие служения своего. Прекраснейший пример отношения Царя к Богу и к своим подданным представляет в себе Давид.

В сентябре 1859 года в Зимнем дворце при торжественном объявлении совершеннолетия принял присягу старший сын Императора Александра II Цесаревич Николай Александрович, произнеся клятву, заканчивавшуюся молитвой: «Господи, Боже Отцов и Царю Царствующих! Настави, вразуми и управи мя в великом служении, мне предназначенном; да будет со мною приседящая престолу Твоему премудрость; поели ю с небес святых Твоих, да разумею, что есть угодно пред очима Твоима и что есть право по заповедем Твоим. Буди сердце мое в руку Твоею. Аминь».

ДУХОВНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

В. В. БАЖАНОВА.

ИЗДАНІЕ ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА «СТРАННИКЪ».

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1868.

Эти *заповеди,* соответствовавшие Закону Божьему, собственно, и были выражены его законоучителем в тринадцати пунктах «Обязанностей Государя», а накануне совершеннолетия он провел с ним беседу, изданную в том же 1859 году. Василий Бажанов обратился к своему духовному сыну с напутствием:

«…Вы можете с полным сознанием сказать, что прошедшее было для Вас временем не потерянным. Так Ваше прошедшее представляет собой поле, на котором посеяны добрые, чистые семена, — и эти добрые семена, упавши на добрую землю, при благословении свыше взошли и пустили корни, и, к сердечной радости сеятелей, обещает обильную жатву…

Ваше будущее встречает Вас взором важным и призывает Вас к трудам, — к неослабным трудам и подвигам. Вам предназначено свыше управлять некогда целым народом и народом многочисленным; а для этого необходимо нужно Вам научиться прежде управлять **Самим Собою**, своими мыслями, своими склонностями и желаниями и покорять их под владычества закона Царя царствующих и Господа господствующих. Без этой важной науки Вы не можете исполнить великого назначения Вашего; а эта наука приобретается большими трудами и усилием.

Вашему попечению и руководству будет вверено обширнейшее в мире Государство; а для этого необходимо нужно, чтобы Вы заблаговременно ознакомились со всеми его нуждами и потребностями, и изучили все, что должно служить к его благосостоянию.

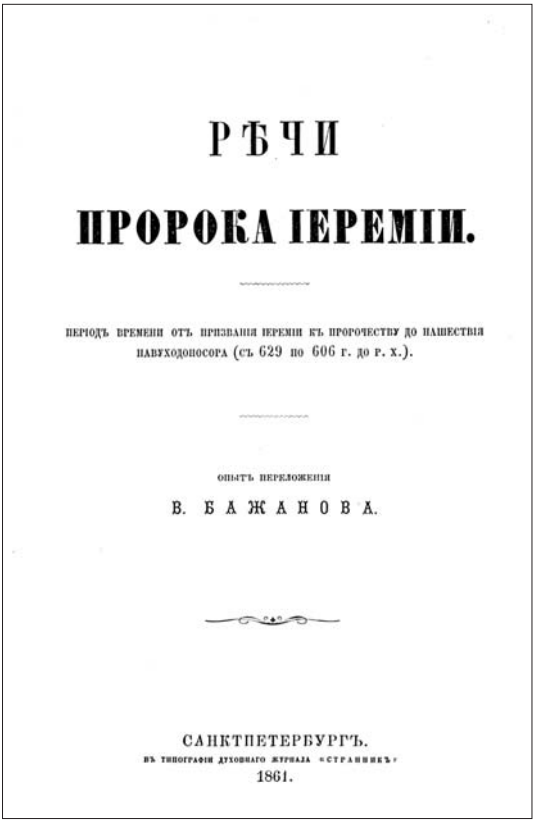
На Вас будут обращены взоры всех Ваших подданных, и Вы будете служить примером для всех: какие же твердые правила веры и благочестия, какое богомысленное настроение души, какое строгое уважение к уставам Православной Церкви, какое внимательное наблюдение за всеми своими

словами и действиями, за всеми движениями своего сердца, какое самоотвержение — потребны к тому, чтобы всегда и везде служить для всех примером назидательным, благотворным. А все это не приходит само собою, но приобретается большими трудами и усилием и прилежным поучением в законе Господнем.

Вашему суду будут подлежать и от Вас ожидать правосудия и милосердия миллионы людей: размыслите же, какая потребна для этого мудрость! Сколько потребно знания, напряженного внимания и осмотрительности к тому, чтобы судить правосудно и милосердно, и, соединяя с правосудием милосердие, не ослабить чрез то уважения к законам, и не повредить благу общему?»

Старшему сыну Александра II Цесаревичу Николаю Александровичу не суждено было стать *наместником Божиим* в России: он умер через шесть лет после принятия присяги в день совершеннолетия. Но эти же «Обязанности Государя» легли в основу воспитания его брата Александра Александровича, провозглашенного Наследником Престола 12 апреля 1865 года и вступившего на Престол 2 марта 1881 года, на следующий же день после убийства его отца, императора Александра II. Все три императора, духовником которых был Василий Бажанов, — Николай I, Александр II и Александр III, вне всякого сомнения, в наибольшей степени соответствовали образу русского Православного Государя, руководствуясь в своих действиях не только гражданскими законами, но и Законом Божьим…

В 1883 году в двенадцатом томе «Исторического Вестника» была опубликована автобиография Василия Бажанова с редакционным вступлением-некрологом, в котором, наряду с известными фактами его жизни, впервые сообщалось:

РѢЧИ
ПРОРОКА ІЕРЕМІИ.
ПЕРІОДЪ ВРЕМЕНИ ОТЪ ПРИЗВАНІЯ ІЕРЕМІИ КЪ ПРОРОЧЕСТВУ ДО НАШЕСТВІЯ НАВУХОДОНОСОРА (СЪ 629 ПО 606 Г. ДО Р. Х.).
ОПЫТЪ ПЕРЕЛОЖЕНІЯ
В. БАЖАНОВА.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА «СТРАННИКЪ»
1861.

«…Следует упомянуть об одном, мало кому известном, факте редкого, безпримерного доверия, которым был почтен от покойного Государя Василий Борисович Бажанов. Дело в том, что ему предоставлено было право предстательствовать у Престола Царя за осужденных. И действительно, не проходило месяца, чтоб по его заступлению и ходатайству пред покойным Государем и Государыней, десятки несчастных, отбывавших наказания в рудниках, в казематах и острогах, не возвращались равноправными в осиротелые без них семейства! Такое беспримерное доверие к покойному протопресвитеру оказано было без сомнения за его

христианское стремление к миру и согласию, за его высоконравственное убеждение в чистоту человеческой природы, за его скорбь о заблудших, и его заботы о раскаявшихся».

В брошюре «Пятидесятилетний юбилей…» перечислены не только должности Василия Бажанова, но и его основные труды:

«При этих высоких и многосторонних обязанностях протопресвитер Василий Борисович издал в свет следующие весьма полезные сочинения: 1) слова и речи; 2) об обязанностях христианина; 3) о религии; 4) о вере и жизни христианской; 5) примеры благочестия из жития святых; 6) нравоучительные повести; 7) воин христианин и 8) переводы с немецкого притчи Крумахера.

Все эти книги Василия Бажанова к началу XX века выдержали по шесть («Воскресный день»), восемь («Нравоучительные повести для детей»), девять («Примеры благочестия из жизни святых») переизданий. Но нетрудно заметить, что ни в перечислении его *полезных сочинений*, ни в публикации 1883 года «Исторического Вестника», ни в других материалах ни слова не говорится о поэзии Василия Бажанова, хотя в 60–70-е годы его стихи постоянно публиковались в журнале «Странник», в 1859 и в 1868 годах вышел поэтический сборник в двух частях «Духовные стихотворения Василия Бажанова». В первой части этого сборника опубликован «опыт переложения» пророчеств Иеремии, вышедший отдельным изданием в 1861 году, во второй части достаточно полно представлены его стихи 50–60-х годов и, видимо, более ранние не датированные.

После 1917 года мы не встретим имени Василия Бажанова ни в советских, ни в постсоветских изданиях. Его нет даже в самом полном академическом библиографическом указателе «Христианство и новая русская литература» (СПб., Наука, 2002), нет, увы, и в первом издании антологии «Молитвы русских поэтов. XI–XIX вв.» (М., Вече, 2010). Публикация во втором издании антологии и в журнале «Родная Ладога», хочется надеяться, вернет еще одно из «забытых» имен…

Протоиерей
Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884–1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Санкт-Петербурге в Лесном. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед».

«Духовные беседы» подготовлены к публикации С. Н. Корытиным и Н. Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Продолжение. Начало в № 1, 2, 3, 4 за 2008 г., № 1, 2, 3, 4 за 2009 г., № 1, 2, 3, 4 за 2010 г., № 1, 2, 3, 4 за 2011 г. и № 1, 2 за 2012 г.

Отношение христианина к скорбям земным. 1952 год

(продолжение)

Но мы продолжать будем изложение курса обучения молитве. Приходит время — внимание укрепилось в молитве, чувство установилось тоже, сердце сочувствует уму.

Человек уже привык к молитве, сроднился с ней; она полюбилась человеку.

Тем более, что молитва все глубже и глубже входит в душу, все больше и больше захватывает человека.

«Ведь Сам Господь — Учитель молитвы», — говорят святые. Он Сам ведет человека за руку от одной ступени молитвы к другой, поднимая человека по этой лестнице все выше и выше, ближе и ближе к Себе.

«И будут все научены Богом», — говорит Апостол.

Это научение идет и идет вперед, а одновременно с учением — человек все больше преображается, его «внутренний человек» весь переделывается на новый лад.

Появляется в нем много новых ощущений, каких раньше не было. Господь Сам готовит человека, делает его пригодным для Царствия Божия.

Дело в том, что человеку долгонько приходится на первых ступеньках молитвы стоять. Господь испытывает человека, молотки пыль выбивают, чистят, да моют душу слезами.

Слезы льются и льются, лишь в них человек свою боль и скорбь изливает, в слезах горьких. И недаром слезы льются; они смывают с души самое страшное, самое горькое, что мешает человеку быть ближе к Богу, — это самомнение, самоцен, гордость… И много надо молотками поработать, чтоб эту пыль выбить.

И скорбь здесь — самое верное лекарство. В самом деле, представим

себе, что переживает человек, например, во время болезни. Что он чувствует? И тяжко, и горько, и обидно, и больно… и так хочется сбросить с себя это все, — и… ничего не выходит…

А одновременно чужой и собственный опыт подскажет: «Да ты молись, проси Господа!» — и если послушаешь — тогда и выходит… …Дивное дело!

Епископ Феофан об этом говорит очень вразумительно:

«Заботу вашу об умном предстоянии Господу — благослови, Господи!

Ищите и обрящете!

Это — непреложный закон для всего желаемого на пути предстояния духовного. Даром ничего не приходит, помощь Божия всегда готова и всегда близка, но она уделяется только ищущим и трудящимся, и притом тогда, когда ищущие переиспытают все свои средства и полным голосом начнут взывать:

Господи, помоги!

А пока остается хоть малое ожидание от своих способов, Господь не вмешивается сюда, как бы говоря: “Ожидаешь сам достигнуть? Ну и жди!”

Но, сколько ни будешь ждать, — ничего не будет…

Даруй нам, Господи, дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно!»[1].

Человек легко на собственном опыте может убедиться, как правильны эти слова епископа Феофана.

В самом деле, человек обращается с молитвой к Господу с прошением своим, и что же? Иногда выходит по прошению, а иногда и нет…

Человек начинает разбираться — почему так? И получается, что «выходит только тогда, когда молишься не как-нибудь, не равнодушно, не задирая нос высоко, а наоборот, пригибая нос свой ниже и ниже к земле, больше и больше сознавая, какой я беспокойный, насколько я мал, и вместе какой же я неразумный, какой я глупый и дерзкий, когда я думал: «мы сами с усами», сами управимся, никого не надо.

И льются новые слезы…

«Душа, не испытанная скорбями, никуда не годится», а испытанная скорбями годна для великих Божиих дел! И в ней появляется велкая небесная гостья: «смирение — Свойство Христово». Ведь Сам Господь Иисус сказал: «Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем…»

Все больше и больше убеждается человек, насколько он мал и ничтожен, пока не дойдет до совершенно ясного сознания, что он воистину ничто, самый скверный из всех людей, а Господь Бог — все, что все в Его руках, все в Его власти и что, действительно, «Без Бога ни до порога, а с Богом — хоть за море», и что, если Господь не даст, то уже негде больше искать, некуда больше обратиться…

И потянулась душа к Господу, в Нем Одном видит все свое спасение, всю радость и все счастье!

А молитва-то? Молитва-то какая в ту пору идет!.. И где скорбь? Где невзгоды? Оскорбления? (которые недавно невыносимы были)… Они ушли куда-то далеко-далеко; вернее, скорби и болезни остались, а боль, страдание от них — все потерялось!

---

[1] *Епископ Феофан*. Письма. Т. IV, № 572; Сборник о молитве Иисусовой, № 45.

Все земные скорби, как и все земные радости, куда-то отошли в сторону, все это кажется так пусто и мало. И так понятны стали сердцу заповеди Господа: не любите мира, ни того, что в мире.

«Да! Совершенно справедливо и премудро сказал Ты, Господи, эти слова!» — говорит человек. А молитва к тому времени уже завоевала себе прочное место в сердце и душе человека, завладела человеком совсем… он даже представить себе не может: как же можно жить без молитвы?

Как видите, молотки свое дело сделали: выколотили гордость начисто, а на ее место стало смирение.

Оглядываясь назад, на свои прожитые годы, человек с изумлением смотрит на свое настоящее: откуда же все это взялось?.. Вспоминает свои скорби и страдания — эти молотки, что пыль выбивали, — и думает о них уже не с болью, как раньше, а с благодарностью к Господу, что Он не оставил погибать душу неразумную.

Вот как очищается душа от страстей своих!

Но это еще не все: и преуспеяние в молитве, и очищение внутреннего человека — все идет и идет. И скорби продолжаются, хотя они уже не так болезненно переносятся, потому что человек видит на себе их пользу для себя, чувствует и понимает, что на нем выполняется слово апостола Павла: «поскольку внешний мой человек тлеет, постольку внутренний — обновляется».

Человек давно уже приметил, что Господь иногда отходит и оставляет человека одного, а с Ним уходит и радость, и утешение, и доброе настроение.

Что случилось? В чем дело? — ищет человек, а если он сам не догадывается, так Ангел Хранитель ему подскажет: «Ты оскорбил Господа, обидел Его… Помнишь, вот тогда неправильно поступил, не так сказал, нехорошо подумал — все не так, как в Евангелии сказано. Ты согрешил и сейчас много грешишь, за то Господь и оставляет тебя… Но ты не отчаивайся и проси прощения, кайся. Он добрый. Он милостивый, очень-очень добрый; Он жалеет и любит тебя. Он всем хочет спастися! Он Сам обещал прощать кающихся. Не бойся, смелее иди! Скажи: прости, пощади, больше не буду… Увидишь милосердие Божие».

Что делать? Куда податься человеку?

Ведь он уже давно знает, что без Бога ни до порога — и падает в порыве покаяния к ногам Господа, обливая их слезами… Горько-горько это лекарство для человека, но и бесценно: ибо покаяние восстанавливает союз с Господом…

Да! Беспредельно милостив Господь! Не до конца прогневается, ниже во век враждует!..

Он Сам бежит-торопится навстречу блудному сыну, который был потерян и нашелся. Принесите лучшую одежду — повелевает Отец Небесный, — заколите тельца упитанного, — будем радоваться и веселиться. Сын блудный нашелся!

И… забывает все. И не только восстанавливает нарушенный союз, а еще новые, гораздо большие щедроты свои изливает на покаявшегося, точно торопится возместить то время, когда человек был далеко от Бога.

И началось покаяние… И раз началось, то дальше это настроение, все углубляясь и окрашивая собою молитву, будет увеличиваться, усиливаться и охватит собой всю жизнь человека до гроба, ибо:

Нет человека без греха, хотя бы и один день он прожил на земле.

А на очищенной совести человека самая малая соринка видна и будет тревожить и будить человека страхом: как бы не умереть во грехе!!!

Покаяние рождает умиление, умиление рождает и смирение, и покаяние, в свою очередь, смирение рождает и усиливает их обоих. И так, дивно переплетаясь между собой и усиливая друг друга, эти три добродетели христианские поднимут молитву человека на такую ступень, о которой человек не помышлял никогда.

А где же тут скорбь?

Жало скорбей притупилось совсем, и человек в скорби радуется, что не оставлен Богом, и печалится, и плачет в молитве, если нет скорбей. И человек весь и себя самого, и всех окружающих и дорогих сердцу людей отдает в руки Господа и говорит: Да будет воля Твоя!

«Если бы я просил у Бога здоровья, то Он дал бы мне здоровье; если бы я просил смерти, то Он бы мне смерть послал, а я не прошу ни того, ни другого, а говорю: Да будет воля Твоя!» Так мне говорил один недавно умерший праведник.

Видите, как важно человеку в скорби научиться молитве. И всякому, кто хочет освободиться от скорби — вернее, не от скорби, а от тех болезненных переживаний, какие любая скорбь (болезнь ли, смерть близких, обиды от окружающих и т. п.) причиняет, — надо научиться правильно молиться.

Молитва, как всякое дело, имеет множество степеней, по которым, как по лестнице, человек восходит к Богу. И никак нельзя перепрыгнуть через две-три ступени, а приходится медленно переходить с одной ступени на другую. Что дает благодать, то человеку самовольно взять нельзя. Надо ждать, когда благоволит Господь.

И это очень-очень хорошо: самомнению, самоцену места не будет, но, на какой бы ступени мы ни стояли, в молитве всегда найдем силу и поддержку в бедах и скорбях наших.

И — дивное дело: когда человек стоит на низких ступенях молитвы, ему и скорби посылаются небольшие; а тем, кто ближе к Богу поднялся, и скорби посылаются покрепче: ибо они большие скорби перенести могут.

Но и это еще не все.

Молитва внедряется в сердце, овладевает умом человека, оживляет дух человека и начинает управлять душой и телом, и начинается новое диводивное: открывается человеку новый, до того совершенно неведомый мир.

Первая ступень в этом деле такая:

Те слова молитвы, которые до сих пор произносили и слушали равнодушно, часто не вдумываясь в их смысл, произносили просто, скороговоркой — вдруг точно оживают, делаются такими глубокими, крайне важными, смысл этих слов открывается с поразительной ясностью, внимание к ним приковывается, да так, что и оторвать нельзя, да и не хочется отрывать: так бы все и думал о них.

А слезы-то!!! Ручьем бегут…

Сердцу так близки станут те мысли, которые заключены в слова молитвы и которые раньше совсем были чужды уму моему, что просто диву даешься: откуда все это взялось? Что это такое?

А мысли-то новые, каких никогда и не бывало, идут и идут в голову, и все такие мысли, которые не вредят молитве, усиливают ее, усиливают

покаянные чувства, сердце еще более в сокрушение приходит, слезы бегут уже рекой…

Дивное дело!.. Откуда это?

И сразу чувствуешь, что это — милость Божия, что со мной Ангел Хранитель, что со мной Иисус Христос!!! И вместе страх: неужели все это уйдет? Неужели опять тоска и уныние!

И после, когда окончится это дивное состояние, будешь вспоминать пережитое — и все больше и больше молить: Господи! Добрый и Милостивый! Господи! Еще и еще дай! Еще и еще сподоби! Пробави (продли) милость Твою ведущим (знающим) Тя! Еще повтори! А на сердце райские птицы поют…

И что такому человеку беды и скорби земные, бедность, голодовка, нищета, болезни, лишения! Есть ли тут место унынию, разочарованию, отчаянию, когда сердце только при воспоминании пережитого светлой радостью живет!

Но нет ли тут самообмана? Нет ли самовнушения, как говорят скептики? Нет ли тут прелести вражьей? Ведь враг-то не дремлет, ему ненавистна молитва, так как она рвет его сети, которыми он опутывает человека. Словом, как говорят богомудрые, хотя бы тот же епископ Феофан, одобряет ли Он такое дело?

А вот выписка из его творений:

«Вы пишете, что иногда во время молитвы сами собой, не знать откуда, приходят решения занимающих душу вопросов жизни духовной. Се добре!

Я, кажется, уже вам об этом писал: это есть настоящее христианское научение истине Божией. Тут исполняется обетование: Будут все научены Богом.

Так это и бывает.

Перстом Божиим пишутся истины в сердце и остаются уже неизгладимыми и никакому колебанию не подлежат…

Не извольте оставлять без внимания таких начертаний истины Божьей и записывайте их»[1].

После таких слов нашего общего учителя — прочь всякие сомнения! Будет что-либо такое — с благоговением и страхом Божиим слушай, душа, голос своего Господа и Владыки жизни твоей и храни глубоко в сердце эти дивные речи и внушения из того неземного мира! И благодари Господа за эти дивные минуты! Только не загордись, не возмечтай о себе высоко, иначе все исчезнет — и ничего в душе не останется.

Я пишу и думаю: сейчас кто-нибудь скажет: «Да это не для нас! Где уж нам такие откровения от Господа получать!»

На это сказать надо строго: «Не стыдно нам так оскорблять Господа! Господь всем хочет спастися и в разум истины прийти».

И нам Господь хочет и искренне заботится о том, чтобы и мы избегли темниц адовых, а мы так смеем говорить! Или бессилен наш Всемогущий Господь, что нас не может спасти, если мы усиленно ищем спасения, или мы, действительно, не ищем спасения, не заботимся о нем, — вот какие мысли появляются, когда мы говорим о себе: «Это не для нас!»

---

[1] *Епископ Феофан*. Письма, стр. 424, и Сборник о молитве Иисусовой.

Нет, так не следует думать. Это опасные думы, за них может разгневаться Господь: это думы, внушаемые врагом, и говорят о полном разгильдяйстве нашем.

«Мне все равно; и в аду не хуже будет, чем то, что я сейчас в семье своей переношу», — говорит одна наша прихожанка. И каким горьким неразумием веет от этих слов!

«Это для праведников», — вторит ей другая. Но для праведников коечто получше есть; их труды для спасения своего велики, и награда их великая.

А то, что я описываю, это и есть первая ступень в жизни духовной, и подается все это каждому, кто тянется к Господу. И с нами это может быть, а может быть, и было не раз, да мы не поняли этих вразумлений Божиих, а может, и еще хуже поступили: переживая нечто подобное, с равнодушным зеванием сказали: «Ишь ты, что пригрезилось мне!»

А между тем, все это не только может быть и у нас, а и действительно, есть и очень часто бывает.

Вот мне недавно рассказал всем нам знакомый человек.

«Сел, говорит, я письмо писать в семью, где только что умер человек, и задумался: что-то он сейчас чувствует? Ведь и я каждый час могу умереть. И еще на часы посмотрел, что передо мной висели.

И вдруг все исчезло. Я вижу совсем необычное: я умер, и смотрю на свое тело, ну, как бы посмотрел на снятое мною пальто. Оглянулся и с удивлением вижу себя в ином мире. И так там все хорошо, светло, радостно. И знакомых вижу там. Иначе передвигаются, и дивное дело! — двигаются, а ногами не шевелят.

Вспомнил: а где же моя квартира-то? И оглянулся вниз. И что же? Вижу далеко-далеко внизу нашу Лесновскую церковь: кругом народу много, а в церкви служба, посреди церкви гроб. Смотрю, знакомого человека хоронят. Я со всем рвением двинулся было к церкви, но никак не могу с места сойти.

И вдруг слышу, кто-то говорит: “Теперь туда нельзя!”

И очнулся! И невольно взглянул на часы: ровно прошло четыре минуты. И так мне хочется быть там, где так хорошо и радостно. Нет, теперь все заботы приложу, чтоб быть там».

Видите: вразумление цели достигло, человек стал думать, искать спасения, а раньше этого не было. Вот для чего они посылаются!

А вот еще такой же факт:

Поем акафист Божией Матери пред иконой «Отрадо и Утешение». В кондаке VIII есть такие слова: «Единомысленно, Дево, взоры к Тебе обращаем! Ты в день воздаяния нас не остави и нам простри Твою щедрую руку, грехми бо падох до адския бездны. Кто же нас избавит от грядущих мук?»

«И вот я услышал эти слова, — говорил мне тот человек, — и мгновенно, с поразительной ясностью в моей голове и сердце вспыхнули эти слова, и я ясно понял, что я-то пал уже “до адския бездны”. Вся жизнь, все грехи в прошлом стали предо мной такой страшной громадой, готовой меня раздавить; сердце захлестнул такой ужас, что не найти слов для его выражения.

“Я погиб!” — так ясно почувствовал я.

Я погиб! Уже погиб! Нет для меня никакого оправдания… Все от меня отвернулись… Я брошен, как совершенно и никуда негодный! Я погиб!

О, как страшно такое состояние! Все ужасные грехи мои так навалились на меня и вот-вот задушат…

И дивно то, что все это переживаю и в то же время ясно слышу, что поют и читают… Одно переживание другому совсем не мешает. И только к концу акафиста пришел в себя, весь измученный, изломанный, будто на мне — как пословица говорит — воду возили, и первая мысль: Матерь Божия! Защити меня! Твои молитвы всесильны! Защитница Усердная! и так далее.

И этого факта тоже забыть невозможно».

А вот еще рассказ знакомого нам человека:

«Я уже умер и смотрю на земную жизнь оттуда, издалека. Вижу свою семью, своих детей, родных, знакомых; вижу их поступки, слышу их речи. И так жутко становится, так и хочется взять за руку, остановить, предупредить: не делай этого, это не то, что следует… Деточки мои! Что вы делаете? Зачем? Берегитесь! Одумайтесь! Слышите ли вы меня? И о, ужас! Я бессилен их остановить, не могу передать им мысли мои… Что такое? Я взял доченьку за руку, а она и не чувствует моего рукопожатия… Я погладил ее по голове, а она и внимания не обратила. Говорит, болтает пустое, судит людей, рассказывает небылицы, и все это на погибель себе…

А я слышу и вижу — и о, Боже правый! совершенно беспомощен. Никак не могу остановить… Слезы льются у меня, но они не трогают… Воистину, пропасть велика утвердися…

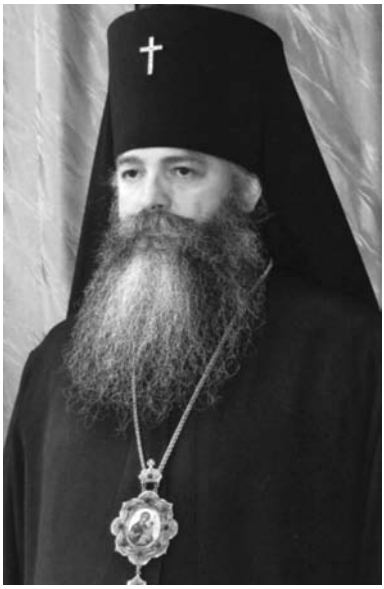
А тут странная мысль мелькнула: и меня также умершие наши видели и слышали… и также тосковали, когда я такие мерзости делал, такие речи говорил!

Краска заливает мое лицо — хоть бы провалиться, — да невозможно это, хотя бы спутаться, скрыться с глаз окружающих, да некуда… Они все и везде видят…

И горькая тоска объемлет сердце, страх, ужас, отчаяние, чередуясь друг с другом, терзают несчастное сердце, с великим сокрушением бросаюсь и замираю в молитве теми словами, к которым издавна привык, которые родными стали: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!”

Забыть эти переживания совершенно невозможно».

Архиепископ Курганский и Шадринский КОНСТАНТИН (Горянов)

ДЕРЗАЙ ДЩЕРЬ! ВЕРА ТВОЯ СПАСЛА ТЕБЯ
(Мф. 9:22)

Богословские, историко-социальные, психофизиологические аспекты служения женщин в Церкви

Невозможно представить историю Христианства и, конечно, русского Православия без женщин, без их присутствия в Церкви, без подвига их служения. Здесь под термином «служение» подразумевается не принадлежность к духовенству, но выполнение своего назначения, исполнения чьей-то воли, направление деятельности во благо кого-то или чего-то. А в устаревшем значении — служителем назывался раб, слуга. Так ведь, как писал Ф. Тютчев, и «в рабском виде Царь Небесный» ходил, благословляя. И женщины одними из первых поверили Ему и пошли за Ним. Как та, болезная, дерзнувшая прикоснуться с кровавой мольбой к краю Его одежды, и Христос утешительно ей ответил словами, вынесенными в название. Ее,

---

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов) — родился в ауле Кэнессы Джамбульской обл. Казахстана. В 1974 г. окончил лечебный факультет Винницкого мед. института и работал участковым врачом, затем ст. врачом бригады интенсивной терапии. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1983 г. поступил в МДС, продолжал заниматься мед. практикой. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. Окончив МДА, получил степень кандидата богословия. В 1990 г. возведен в сан игумена, зачислен в братию Жировицкого монастыря, затем назначен ректором МинДС и возведен в сан архимандрита. В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член Синодальной богословской комиссии, редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН, АПОБ и др.). Член Союза писателей России. Лауреат премии «Имперская культура». Правящий архиерей Курганской епархии.

совершившую по тем временам дерзновенный поступок, Господь не укорял, но послал ей исцеление. Господь вообще с искренней теплотой относился к женщинам, большинство из которых в быту подвергалось унижениям и насилию.

В те времена, когда жил Христос, отношение к женщине было как к существу, находящемуся по многим показателям ниже мужчины. И Евангелием, Благой Вестью, было впервые предопределено новое, христианское отношение к женщине в новом, христианском мире. Первым, высшим примером служения Богу среди женщин-христианок стоит Сама Богородица, отдавшая всю Свою жизнь Своему Сыну. Простым женщинам, Ее современницам, была доверена самая важная в истории человечества Весть о Воскресении Христа. Многие женщины, как известно из Нового Завета, сопровождали Христа на Его жизненном пути. Их число в этом служении росло непрерывно после Его Воскресения. Стремление женщин к Свету Истины определяется многими их природными качествами и свойствами.

У женщины есть свой способ существования. У нее есть свойственные ей интуиция, свой способ суждения, свой мир идей, своя манера созидать, свое отношение к себе и другим. Психологически и социологически определяемая миром, женщина также определяется и тайной своего собственного существования, знаком своего «покрывала», по слову апостола Павла в Послании к Коринфянам: «всякая жена молящаяся или пророчествующая с открытою головою, постыжает свою голову… Посему жена и должна иметь на голове своей знак власти над нею, для Ангелов» (1 Кор. 11:5, 10). Или по старинной русской пословице — на непокрытую голову женщины Ангелы не садятся. Если мы будем смотреть на женщину только как на соучастницу половой жизни мужчины, только как на мать его детей и на сотрудницу, то, конечно же, это далеко не все объясняет. Это, прежде всего не объясняет то, почему женщины являются основными по численности прихожанами православных и не только православных храмов. В первую очередь, в религиозных предпосылках и корнях следует искать истоки женской тайны, особенности женской природы.

Человек есть космическое существо: космос не является для него задним планом. Человеческая плоть создана Богом из земли. Человек сам является частью Творения. Но человек — это не просто один из биологических видов — это еще и богословское понятие. Есть человек, — один человек, но в нем два соответственно превалирующих начала: мужское и женское. «Когда Бог сотворил человека, по подобию Божию создал его, мужчину и женщину сотворил их, и благословил их, и нарек им имя: человек, в день сотворения их» (Быт. 5:1,2). Бог-Троица сотворил «человека по образу Своему» (Быт. 1:27), и вот образ, по которому был создан человек — это Сын Божий, Слово. Которое «было вначале у Бога. Все чрез Него начало быть» (Ин. 1:2,3). Этот первообраз — Христос — есть образ Бога Единого. Вы мне не покажете человека, вы мне покажете или мужчину, или женщину. «Человек» есть метафизическое понятие.

Но мы, христиане, знаем также, что Бог не только Един, но и Троичен, Триедин. Отец-Монархос открывает Себя как источник Ипостасей, и Он дает Им различие в вечном движении любви. Проследим различие по Ипостасям, условно проецируя Их на человека, но не забывая о нашей ограниченности. Мы коснемся богословия образа Божия в человеке схема-

тически, так как это не входит в задачу статьи. Иисус Христос, воплотившееся Слово, по Своему человечеству был мужчина, Который был обрезан, и это событие отмечается в Церкви, как праздник. Тогда женское начало в человеке ассоциируется по аналогии со Святым Духом, Который «живет» в Церкви и «дышит, где хочет» (Ин. 3:8). Как это двуединство Сына и Духа являет Отца, так же и двуединство мужчины и женщины являет единого человека. Это единство, эта природная взаимозависимость подтверждается и иллюстрируется этимологией древнего слова «происхождение», означающего — возникновение, появление чего-либо, но семантически более емкого, чем понятие «рождение».

Осознавая, что аналогия — это не способ доказательства, а иллюстрация, имеющая педагогическую цель объяснить или подчеркнуть какое-либо положение, сошлемся на знаменитый труд святого преподобного Иоанна Дамаскина «Точное изложение Православной веры» в переводе с греческого А. Бронзова, преподавателя Санкт-Петербургской Духовной семинарии (СПб., 1894). На стр. 18–19 в главе VIII «О Святой Троице» преподобный пишет: «И так, Сын называется Словом и сиянием потому, что рожден от Отца без сочетавания и бесстрастно, и безлетно, и без истечения, и нераздельно. Сыном же и образом Отеческой Ипостаси — потому, что Он — совершенен и ипостасен и во всем равен Отцу, кроме нерождаемости. Единородным же — потому, что Он один только от одного только Отца единственным образом рожден… Ибо, хотя и Дух Святый исходит от Отца, но исходит не по образу рождения, но образу исхождения. Это — иной образ происхождения, и непостижимый, и неведомый, подобно тому, как и рождение Сына. Поэтому и все, что имеет Отец, принадлежит Ему, т. е. Сыну, кроме нерождаемости, которая не показывает различия существа, не показывает и достоинства, но образ бытия; подобно тому, как и Адам, который — не рожден, ибо он — создание Божие, и Сиф, который — рожден, ибо он — сын Адама, и Ева, которая вышла из ребра Адамова, ибо эта не была рождена, различаются друг от друга не по природе, ибо они суть люди, но по образу происхождения».

Но не будем забывать, что образу «происхождения» предшествовал божественный акт «сотворения».

Преподобный Исаак Сирин пишет, что Бог сотворил ангелов в молчании, сотворение же человека не похоже на сотворение ангелов и даже всего космоса. Поставленный на грани духовного и вещественного, человек соединяет в себе все стороны жизни, все стороны космоса, и поэтому представляет собой гармонию, составленную из разных звуков. В своем прологе к человеческой истории Библия сразу представляет тайну человеческого существа как неразделимого целого — прежде всего как тайну обращенных друг ко другу лиц. Библия следующим образом повествует о создании человека: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными…» (Быт. 1:26). Обратите внимание — «человека» — в единственном числе, а потом сразу — «и да владычествуют они» — число множественное. И дальше: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божьему сотворил его: мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1:27).

Библия дает нам и другое повествование — почему и как была сотворена первая супружеская чета: «И создал Господь Бог человека из праха

земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою… И взял Господь Бог человека, [которого создал], и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его… И сказал Господь Бог: нехорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему… И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку. И сказал человек: вот, это кость от костей моих, и плоть от плоти моей; она будет называться женою: ибо взята от мужа (своего)» (Быт. 2:7–23). (Есть, кстати, известная феминистическая шутка, что женщина значительно выше мужчины, потому что мужчина был сотворен из праха земного, а женщина была сотворена из мужчины, как из более сложного и высшего по достоинству материала; и здесь коренятся истоки феминистского «богословия».)

Итак, первые слова, которые мужчина говорит своей жене: «кость от костей моих, и плоть от плоти моей». Их поэтическое вдохновение направлено на то, чтобы подчеркнуть, что сотворение Евы (имя означает — жизнь) является по существу и созданием. Ева отделяется, вычленяется из человека — Адама. Святые Отцы сближают исхождение Святого Духа с тем, что они называют «исхождением» Евы, — иной, чем Адам, однако имеющей одну с ним природу. Это означает, что когда творческий акт Бога призывает Адама к жизни, Адам уже содержит в себе свою составную часть, свою половину — Еву. (Всякий мужчина носит в себе свою Еву — заявляет древнее изречение фольклора.) Сотворение Адама — а Адам в древнееврейском, библейском языке это собирательный термин человека — есть сотворение первоначальной человеческой ячейки, человека как мужчины-женщины, мужских и женских элементов в их первоначальном слиянии до дифференциации. Вот что пишет по этому поводу выдающийся православный богослов В. Н. Лосский в «Догматическом богословии»[1]: «Святой Григорий Нисский, которому следует в этом вопросе святой Максим Исповедник, отвергает якобы неизбежную связь между разделением на два пола и грехопадением. Святой Григорий говорит, что Бог создал пол в предвидении возможности — но именно только возможности — греха, чтобы сохранить человечество после грехопадения. Половая поляризация давала человеческой природе известную защиту, не налагая на нее никакого принуждения; так дают спасательный круг путешествующему по водам, от чего он вовсе не обязан бросаться за борт. Эта возможность становится актуальной лишь с того момента, когда в результате греха, который сам по себе не имеет ничего общего с полом, человеческая природа пала и закрылась для благодати. Только в этом падшем состоянии, когда расплатой за грех становится смерть, возможное становится необходимым… Образуется некий новый космос, который защищается от конечности полом, и так устанавливается закон рождений и смертей. В этом контексте пол есть не причина смертности, но как бы относительное ее противоядие».

Бог разделил полы, поэтому гермафродитизм или манипуляции с переменой пола вызывают у нас интуитивное отвращение. Феминизм, доведенный до крайности, требует эгалитаризма (полного равноправия) и производит плоские формы мужеподобных женщин. «Рациональная», «ги-

[1] *Лосский В. Н.* Догматическое богословие. М., 1991. С. 246–247.

гиеническая» любовь срывает «покрывало» и снижает существа до уровня самцов и самок, отнимает у них тайну. Супружество рассматривается под углом производства и воспитания молодняка — чисто социологическое понятие.

Однако ни одно природное явление не вызывало такого философского и научного интереса, как природа пола и связанный с ним «половой диморфизм», заключающийся в наличии различных морфофизиологических признаков у одного биологического вида. Применительно к мужчине и женщине наиболее заметно разделяются функции полушарий головного мозга и способность передачи потомству генетической информации (В. А. Геодакян). В соответствии с теорией «полового диморфизма» женщине принадлежит функция сохранения признаков, а мужчине — их изменения.

По этой теории В. Гедокяна «за женской особью остаются консервативные функции, она сохраняет только полезные признаки. Благодаря этому каждое следующее поколение получает информацию о прошлом по материнской линии, а о настоящем — по отцовской… Женщина в экстремальных ситуациях следует пассивно адаптивной модели поведения, приспосабливаясь к обстоятельствам и как бы «вытаскивая» древний опыт человечества»[1]. Несмотря на то, что женщин обвиняют в излишней эмоциональности, их психика более устойчива и открыта к восприятию трансцендентных явлений. И это связано, вероятно, еще и с материнской функцией, с опытом специфической, не имеющей материальных носителей связи женщины со своим ребенком, переживания которого любящая мать чувствует на расстоянии. Она видит его, в переносном смысле, своими «любящими очами», которые, скорее всего, находятся в ее сердце.

Много сказано в святоотеческой литературе о том, что такое сердце. О том, что оно — с одной стороны орган плотский, с другой же — центр нашей личности, в котором совершается наше общение с Богом, где действует нетварная энергия Божия. В некоторой степени эти две формы одного сердца совпадают, но и различны. Связь сердца с Богом более всего чувствует человек молящийся, когда он входит в неведомое самому свое «глубокое сердце». Как говорил старец Силуан, «Истинная христианская жизнь течет там, в глубоком сердце, сокрытом не только от посторонних взоров, но в полноте и от самого носителя этого сердца. Кто входил в этот таинственный чертог, тот, несомненно, испытал невыявляемое изумление перед тайной бытия[2]. Женщина, вынашивающая в себе будущую жизнь, более других, наверное, имеет опыт такого внутреннего зрения, направленного и в свое любящее сердце, и в развивающуюся в ней новую жизнь, поэтому ближе, чем мужчина, может подойти к этой «тайне бытия».

Иначе как можно объяснить подвиг нашей современницы, матери ставшего местночтимым святым солдата Евгения Родионова, замученного чеченскими боевиками за то, что он отказался снять нательный православный крест в обмен на свою жизнь. И был казнен, и казнь была лютой. Подвиг его матери состоит в том, что она послала своего ребенка на заведомо опасную, но обязательную службу — во имя Родины. И в том, что прочувство-

---

[1] Цит. по: *Г. Ершова. П. Черносвитов*. Наука и религия: новый симбиоз. СПб., 2003. С. 69.

[2] Цит. по: *Митрополит Иерофей (Влахос).* Православная психотерапия. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 2004. С. 158.

вала и пережила вместе с сыном его муки, находясь вдали от него. И в том, что пошла сама на мучения во имя того, чтобы исполнить христианский долг — найти тело своего мальчика и предать его земле. Она, стареющая, убитая горем женщина, одна пошла на территорию тьмы в поисках останков своего обезглавленного сына-солдата. «Подняла руки — без ногтей, скрюченные от застывшей боли. Показала ими в сторону далекого горного склона — он там. В каменной яме, которую вырыла собственными руками, ногтями, оставленными там же, среди каменной крошки. Сколько перед этим пролежала без памяти, когда отыскала в волчьей яме родную рыжую головушку, из-за которой дразнили ее Женьку ласково во дворе и в школе «Золотистый-золотой» — не знает. Сколько потом еще пролежала рядом с найденным обезглавленным телом ее мальчика — не ведает тоже. Но очнувшись, поглядев в чужое безжизненное небо, оглядев стоявших вокруг нее в замешательстве боевиков, усмехнулась им и порадовалась вдруг страшному: не дала лежать сыночку разбросанному по разным уголкам ущелья…»[1]

Наверное, Россия, беспрестанно терзаемая адовыми силами, потому и находится до сих пор под Покровом Пресвятой Богородицы, что способствовали тому и русские женщины. По примеру Богоматери, на протяжении веков и тысячелетий они род от рода жертвенно отдавали сыновей «во имя жизни» других и привносили свою лепту в этот Покров своими жертвами, слезным страданием и состраданием жертве Господней. Сколько сердечных мук выпало на долю русской женщины, русской матери, сколько пролито слез! Так что страдания и слезы стали считаться характерными чертами женского характера. Но по учению Отцов Церкви — велика и благодатна их ценность. Считается, слезы — это очищение, признак возрожденного человека. По словам аввы Пимена, «плач — это путь, переданный нам Писанием и Отцами, говорящими: Плачьте. Нет иного пути, кроме этого». Слезы приносят много полезного. Они очищают сердце человека, даже просветляют его. Невозможно познать себя на пути покаяния без слез. А стремление к покаянию приводит в Церковь, с которой у женщин во веки веков складываются отношения, установленные Богом.

Есть в 5 главе Послания к Ефесянам знаменитые слова апостола Павла, касающиеся отношения мужчины и женщины: «Муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви… мы члены тела Его (Христа), от плоти Его и от костей Его. Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть. Тайна сия велика» (Еф. 5:23, 30–32). Взаимоотношения между мужчиной и женщиной, по замыслу Божию, — это прежде всего отношения между Иисусом Христом и Его Церковью. Вот истинный религиозный смысл существования мужчины и женщины — Христос и Его Церковь. Эти отношения являются внутренним основанием сотворения мира. По этому поводу Лосский пишет: «Новая тварь во Христе, Втором Адаме, открывает перед нами глубинный смысл того разделения, в котором, несомненно, не было ничего “добавленного”: мариология, любовь Христа и Церкви и таинство брака проливает свет на полноту, возникающую с сотворением женщин[2]. Вот почему отноше-

[1] Из рассказа Н. Иванова «Золотистый-золотой». Родная Ладога. № 3, 2008. С. 148.

[2] *Лосский В. Н.* Догматическое богословие. М., 1991. С. 246–247.

ния между Ягве и Израилем описываются в виде брака, образ которого с таким величием дан в «Песни Песней». Следовательно, именно в образе Божественного мы должны искать единственно правильное разрешение человеческих отношений.

Думая о Боге, мы представляем Существо, обладающее всеми видами власти, в первую очередь потрясает Его непостижимое всемогущество. И наш «Символ веры» начинается словами «Верую во Единого Бога-Отца Вседержителя». Божественное всемогущество отождествляется с «Отеческим». Для всего и по существу Бог есть Отец: из Него предвечно рождается Сын и исходит Святой Дух. И только потом Он — Творец человека. По своей структуре человек создан по образу Божию. Но самое странное открытие, которое нас ожидает, это то, что мужчина не обладает отцовским инстинктом в той степени, в которой женщина обладает материнским инстинктом. Инстинкт отцовства выражен намного слабее в людях, чем материнский. Мужчина — это воин (первое убийство совершено мужчиной, а не женщиной), строитель, искатель приключений. Нет ничего непосредственно в мужской природе, что отвечало бы религиозной категории отцовства. Это означает, что религиозный принцип в человеке выражается женщиной, что особой чуткостью к чистому, духовному наделена именно женщина, что женская душа гораздо ближе к источникам бытия. Это настолько верно, что даже духовное отцовство пользуется образами материнства. Апостол Павел в Послании к Галатам пишет: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос» (Гал. 4: 19), а догматик 3-го гласа подчеркивает аналогию между отцовством Отца и материнством Богородицы: «Како не дивимся Богомужному Рождеству Твоему, Пречестная, искушения бо мужеского не приемши, Всенепорочная, родила еси без отца Сына плотию, прежде век от Отца рожденного без матери». В переводе на русский — «Ты родила без отца Сына, того Сына, Которого Отец родил без матери прежде всех веков». Мысль ясна в своем богословском утверждении: материнство Пресвятой Девы полагается как человеческий образ Божественного Отцовства. Между религиозностью и женской духовностью есть особое соответствие. Вот почему противники Христианства, такие как современник Оригена Цельс в III веке или в XIX веке немецкий философ Ницше, обвиняют Христианство в том, что оно придает цивилизации характер женственности. Мужественность их гуманизма не выносит женской чуткости, которая переплетается с ценностями веры. Чем больше в цивилизации элементов секуляризации, тем больше в ней мужественности. Современная цивилизация обезбоживается, секуляризируется и, как результат, порождает феминизм, все эти многочисленные образы мужеподобных женщин, с которыми мы постоянно сталкиваемся. Это тоже одно из проявлений потери религиозности, христианского мироощущения и обездушивания нашего общества и нашей цивилизации. Чем больше в цивилизации мужского начала, тем больше там отчаяния, тем больше она отделена от истинно религиозного женского начала.

Между тем, если Христос спасает мир, то именно Богородица его охраняет и вводит в бесчеловечность отношений этого мира умиленное внимание к благодати. «Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, сохрани мя под кровом Твоим». Радость космическая и земная присуща мариологии,

многие молитвы называют Пресвятую Деву «Радость всякой твари», и через Нее женская духовность представляется связанной с Духом Святым. «Дух Святый найдет на Тя» (Лк. 1:35). Противоположность этому — атеизм всякого рода. Мы можем говорить об атеизме времен Великой Французской Революции, марксизма или об атеизме времен Гитлера, когда подчеркивалось сильное, мужественное, воинственное начало, а всякие женские черты — жалость, милосердие — объявлялись презренными и недостойными. Чекистам выдавался орден «За беспощадность». Всякий атеизм содержит в зародыше самую глубокую горечь и заявляет себя мужественным, но по существу это — атрофия религиозного чувства зависимости от Отца. Между тем источник всякой морали находится именно в материнском начале — это чистота, самопожертвование, защита слабых, милосердие.

Именно на такие жестокие богоборческие, атеистические времена первой половины XX века приходится жизнь нашей соотечественницы, окончившей свои дни в эмиграции, матери Марии (Елизаветы Юрьевны Скобцовой). Остротой своего духовного зрения, опытом своего земного пути она постигла и образно выразила, что главный смысл любви — только евангельский, включающий в себя все перечисленные свойства женского начала. «Вообще в мире существует две любви — берущая и дающая… Даже те виды любви, которые, по всеобщему признанию, являются самыми высшими, могут носить двоякий характер… Мать может зачастую забывать себя, жертвовать собою для своих детей — это еще не обеспечивает ей христианскую любовь к детям. Надо поставить вопрос, что она в них любит… Она может любить в них свою плоть, черты своего характера, отраженные в них свои вкусы, продолжение рода… Это вид похотливой материнской любви. И только та материнская любовь, которая видит в своем ребенке подлинный образ Божий, присущий не только ему, а и всем людям, но отданный, как бы порученный на ее ответственность, который она должна развить и укрепить для всей неизбежной на христианском пути жертвенности, во всем перед ним лежащем крестном подвиге христианина — только такая мать любит своего ребенка подлинной христианской любовью». «Чем можно мерить и определять пути человеческие? Какой их прообраз, первосмысл, предел?» — спрашивает нас монахиня, и сама отвечает: «Это путь богочеловеческий, Христов путь на земле»[1].

Каждого человека мать Мария призывает проделать Христов путь на земле. А исток этого пути — надо искать во временах Ветхозаветных. В Библии «Ева» означает не просто имя, она означает прежде всего «жизнь» (Быт. 3:20). «Второй Евой» была провозглашена Богородица на Третьем Вселенском Соборе в Ефесе. Та, Которая рождает Бога Предвечного, Та, Которая дает жизнь Живущему в человеческом начале и Сама обретает Бессмертие. Теперь понятно, почему именно женщина получает обетование спасения, к женщине обращена весть Благовещения, женщине прежде всего является Воскресший Христос. «Жена, облеченная в солнце» — это выражение из Апокалипсиса (12:1) есть образ Нового Иерусалима. Библия возводит женщину в религиозное начало человеческой природы. Она произносит смиренные слова: «Се, Раба Господня; да будет Мне по глаголу

[1] *Мать Мария (Скобцова).* Типы религиозной жизни. Свято-Филаретовский православно-христианский институт. М., 2006. С. 55.

Твоему». И это «да будет» Она произносит от имени всего человечества в ответ на творческое «да будет» Отца Небесного. Божественному Отцовству, Которое рождает Сына и от Которого исходит Дух Святой, прямо отвечает женское материнство, как религиозная специфическая особенность человеческой природы. Рядом с Марией стоит чисто пассивная и безмолвная фигура Иосифа.

В религиозной сфере именно женщина есть сильный пол. Одни толкователи объясняют библейское повествование о грехопадении тем, что сатана выступил пред Евой, как перед «слабым полом», перед самой уязвимой частью человека в целом. Другие считают, что как раз наоборот: Ева подверглась искушению как религиозное начало человеческой природы. Именно в этом начале, прежде всего, надо было уязвить человека и его испортить. Когда орган самый восприимчивый, самый чуткий к общению между Богом и человеком приведен в расстройство, остальное совершается само собой. Адам не проявляет никакого сопротивления и пассивно следует за Евой. В Еве он уже вне Бога в силу Божественного устава: «и будут одна плоть» (Быт. 2:24).

Кажется, невозможно усомниться в реальности райских времен протоистории человечества и в последующей истории грехопадения, когда обращаешься к русской поэзии, особенно женской, и ее лучшей представительнице Анне Ахматовой. Стихи талантливой поэтессы буквально пронизаны тоской по скоротечности времени, по каким-то иным мирам и временам. Так говорит об этих переживаниях поэтессы богослов, религиозный литературный критик Михаил Дунаев: «тоска по вечности есть тоска человека, хранящего смутные воспоминания об утраченном рае»[1]. В женском сердце в большей степени хранятся эти воспоминания. Поэтому, наверное, женщине был дан высокий дар убедительного слова, чтобы рассказать о своих «воспоминаниях», выражающихся не столько зримыми образами, сколько переживаниями.

Но кто нас защитит от ужаса, который
Был бегом времени когда-то наречен.

Переживания поэтессы, к поэтическому слову которой, как к яркой иллюстрации духовного поиска имеет смысл здесь обратиться, отражают еще две взаимосвязанные христианские категории — грехопадения и страдания. Их поэтесса на протяжении своей жизни, в границах своего творчества исследует «преодолением плотского, греховного и тяготением к Горнему, к Богу» (М. Дунаев). Пережив мучительные страстные соблазны молодости, находясь над бездной греха, творчески заглянув в нее, поэтесса находит в себе силы в искуплении отпрянуть, и после этого она уже видит не следы времени, а шаги вечности. Ей видится

В каждом древе распятый Господь,
В каждом колосе тело Христово.
И молитвы пречистое слово
Исцеляет болящую плоть.

[1] *Дунаев М.* Вера в горниле сомнений. М., 2003. С. 867.

Проблемы грехопадения исследует в терминах богословско-философских и ее современник, выдающийся русский ученый Виктор Несмелов (1863–1937). Он выстраивает психологическую историю преступления. Диавол пытался привести жену к такому выводу, что Бог дал людям Первую заповедь о невкушении плодов с древа познания добра и зла будто бы только по нежеланию людям добра. И это должно было вызвать в людях чувство вражды к Богу. Но если мы будем точно следовать библейскому рассказу, то нам будет до очевидности ясно, что Ева совсем не сделала того заключения, на которое толкал ее диавол. Ведь на самом деле она обсуждала свою погибель, только ложное сообщение змия, и совсем не осуждала Божию заповедь. «Но в своем разговоре с лукавым искусителем Ева хотя и упоминала о Боге, однако думала только о себе самой, и хотя она упоминала о Божией заповеди, однако думала все-таки не о заповеди, а только о мнимых и действительных свойствах запрещенного дерева»[1]. Очевидно, она *обольстилась* необычайно легкой возможностью достигнуть Божеского видения о добром и злом. Следовательно, она преступила Божию заповедь не назло Богу, не в видах намеренного противодействия воли Его, а лишь на мнимое добро себе самой. Библейская история ясно говорит, что сначала Адам и Ева устыдились только своей наготы, т. е. у них появилась неотвязная мысль, что они весьма сходны с обыкновенными животными. Они устыдились самой мысли о близости их к миру животных, и вследствие этого они и поспешили скрыть от мира и от себя самих свое несомненное сходство с животными, чтобы отделить себя от этого мира и не видеть того, что говорило им об их ничтожестве. «Они захотели, чтобы их высокое положение в мире зависело не от свободного развития ими своих духовных сил, а от физического питания их известными плодами, значит — они в сущности захотели того, чтобы их жизнь и судьба определялась не ими самими, а внешними материальными причинами»[2].

И еще по ряду причин, говоря о грехопадении, мы обращаемся в первую очередь к роли женщины. Являясь религиозным началом, женщина более открыта по отношению к ду́хам. Человечество перед Потопом представляет собой эпоху, в которой космический элемент, бесформенный и коллективный, при самом странном смешении человека, природы и бесов, господствует над личным началом. Слепой, панический ужас поднимается из недр матриархата. Женщина управляет племенами, она жрица у друидов, всюду предмет табу, колдунья, ведьма и волшебница. Место мужчин ничтожно. Божества женского пола — Изида в Египте, Иштари Ману на берегах Евфрата, Астарта в земле Ханаанской и другие властвуют над божествами мужского рода. Эта эпоха окружена великим мраком (Быт. 6:1–4). Но именно женский образ, правда, часто без головы, был запечатлен первыми мастерами в виде каменных, костяных или глиняных фигурок — т. н. «неолитические Венеры». И почти от сотворения мира женщина считалась и долго оставалась символом плодородия и вечной жизни, это Мать–сыра земля, а позже — варианты Софии, Премудрости.

---

[1] *Несмелов В.* Наука о человеке. Т. 2. Метафизика жизни и христианское Откровение. Казань, 1906. С. 232–251.

[2] Там же.

Много примеров проявления последнего качества можно привести из русской истории. Это, конечно, жизнь равноапостольной княгини Ольги, правящей Русью в 945–964 годах. Она собирала земли русские, стояла у истоков крещения Руси, первой выбрала правильный вектор. Колдовством и знахарством называли при дворе Византийского Императора знания и труды еще одной нашей знаменательной соотечественницы, жены правителя Византии — Евпраксии или Добродеи-Зои. Дочь князя киевского Мстислава Владимировича (XII в.), женщина-ученый, написала медицинский трактат, содержащий главы по вопросам гигиены, микропедиатрии, дерматологии, внутренних болезней и гинекологии. Значение его простирается и в наши времена. Как не вспомнить образованную Анну Ярославну, королеву Франции, дочь Ярослава Мудрого (XI в.). Она привезла с собой во Францию библиотеку, в которой находилось знаменитое Евангелие на славянском языке. На этой книге в течение многих веков клялись короли Франции, вступая на престол. Королеву Анну вспоминают и как основательницу женского монастыря вблизи Парижа.

Многих можно вспомнить наших соотечественниц — благочестивых цариц и государыней, мучениц и паломниц, основательниц монастырей и школ. Но высший уровень этой женской Премудрости состоит в том, чтобы быть рабой Божией. То есть жить, как говорила мать Мария, опираясь на слова: «Не я живу, но живет во мне Христос». И такой святой жизни есть примеры в нашем Отечестве. Ксения Петербургская — всенародно любимая, почитавшаяся еще при жизни, святая. Ксения Григорьевна Петрова принадлежит к числу истинно блаженных, прошедших весь путь нравственного самоусовершенствования и всецело посвятивших себя на служение Господу Богу. Она несла Благую Весть через свой подвиг ради спасения и любви к ближним. От Господа она получила дар прозорливости и чудотворения и сегодня в Его чертогах являет предстательство за нас.

Но современный, особенно Западный мир при определенном допущении превосходящего значения женского рода, все-таки является сугубо мужским. Этот мир, в котором женская харизма, самая тонкая, самая возвышенная религиозная харизма уже не играет почти никакой роли, становится все более и более безбожным, потому что у него нет Матери, и Бог, образно говоря, в этом мужском обществе не может родиться. Показательно то, что в этой атмосфере гомосексуальность открыто и агрессивно утверждается. И нашей стране навязываются гей-парады содомитов. Мир слишком жесткий, мужской недооценивает свое вечное происхождение: прозрачный источник девственной чистоты и материнское чрево, которое принимает Слово и рождает Его, чтобы сделать из людей Его служителей.

Мир начинается в Адаме-мужчине и кончается в Новой Еве — Пресвятой Богородице и в нашей земной Церкви — супруге Агнца. У истоков существа, в тайне событий, которые решают судьбу человечества, так же как у истоков жизни, есть женское начало: Ева — Мария — Жена, облеченная в солнце, — вот почему немедленно против Евы поднимается змий, а на пути жены Апокалипсиса, облеченной в солнце, поднимается красный дракон (Апок. 12: 1–3). Именно жене было дано обещание, что она будет попирать главу змия (Быт. 3:15). А мужчины, как пишет евангелист Лука (24:25), «немысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать» рассказу женщин о Воскресении Христа. И когда женщины-мироносицы, которые просто и

без сомнений «вспомнили слова Его» (Лк. 24:8) и возвестили апостолам радостную весть о Воскресении, то апостолам «показались слова их пустыми, и они не поверили им» (Лк. 24:11).

Итак, женский пол — это пол, сильный в своей мистической чувствительности к духовным силам, в своей восприимчивости к благовещаниям. Будучи открытой духам, женщина должна иметь дар их различения. Но для этого различения требуется духовный талант и серьезный религиозный опыт, приобретению которого не должны и не могут помешать социальные реалии нашего времени.

России XX века было суждено приобрести страшный опыт этой истории, пройти через пропасти уникальной исторической судьбы. Но этот опыт полон ценного смысла для всех народов, которые умеют чувствовать и понимать историю. Это грозное предостережение апокалиптического характера имеет всемирное значение. Великий писатель и провидец Достоевский говорил, что духовное решение русской судьбы находится в руках старцев, а они особо почитали Пресвятую Богородицу, и Пресвятая Дева отметила преп. Серафима Саровского Своим собственным знаком, сказав, что сей от Ее рода. Существует такая духовная связь: подвиг старчества произрастает из пророческого служения, а пророчества от Святого Духа: «Верую… и в Духа Святаго…, глаголавшаго пророки…». Это почитание материнского начала объясняет один факт неизменной важности — совершенно особый интерес этих духовных руководителей к женским монастырям. Знаменитый оптинский старец Макарий первый открыл двери своей кельи женщинам — это было настоящее событие. До этого женщин принимали в строениях вне монастыря. Оптинский старец Амвросий основал женскую обитель в Шамордино с тысячью монахинь. В этом уникальном монастыре был приют для сирот, больница, дом для престарелых женщин, и, наконец, школа для девушек. По замыслу о. Амвросия этот монастырь в совокупности своей деятельности должен был стать школой специальной подготовки русской женщины. Вспомним также и великого молитвенника земли Русской, который жил в нашем XX веке, святого праведного Иоанна Кронштадтского, который основал также женскую обитель и Дом милосердия, и Дом труда. Все эти великие духовные старцы в конце своей жизни посвятили себя задаче создания женских монастырей. Они предчувствовали великий взрыв богоборческих сатанинских сил у нас на Руси, предвидели катастрофу 1917-го года и создавали и укрепляли женские обители, сильные бастионы духовной борьбы. Этот факт не может быть случайным. Он свидетельствует о прозорливости духовников, предчувствовавших грядущие бесчеловечные эксперименты марксистов.

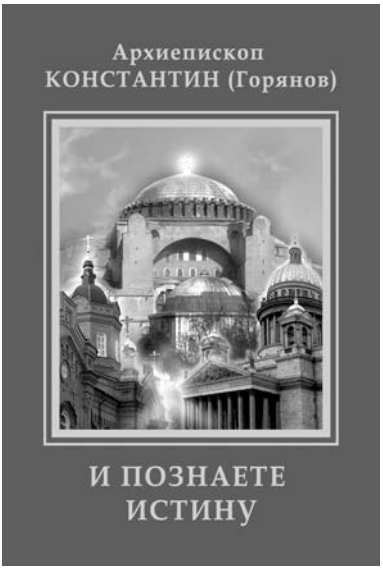
Эмансипация женщин и равенство полов имеет первостепенное значение в революционных заботах последних. Воспитание в женщине мужеподобных черт имело целью изменить ее антропологический тип, сделать ее внутренне, в своей природе, более-менее идентичной мужчине. Однако когда женщина занимает место мужчины, она не приносит ничего нового; напротив, она теряет чувство своей женственности и своего собственного призвания. Являясь религиозным началом, она подчиняется ду́хам; больше чем мужчина она поддается магическим и бесовским силам. Известны одержимые женщины-палачи времен Гражданской войны, например Роза Землячка (Залкинд), получившая у своих товарищей чекистов кличку «Демон».

Поэтому и этот проект нивелировки разницы полов показывает наличие самой яростной борьбы против закона Божия, так как это есть уничтожение специфического харизматического благодатного женского состояния.

Однако женщина наделена особой жизненной силой, так как является хранительницей генетического кода. Славянские женщины наделены сильным генетическим потенциалом, передают потомству не только здоровье, красоту, волевые качества, но и свет своей души. Женщина одарена интуитивным пониманием ценности Духа Святого, она естественно и по преимуществу обладает религиозным чувством, и знаменитые слова Тертуллиана — «душа по природе есть христианка» — относятся, прежде всего, к женщинам. Все десятилетия безбожия вера в Советском Союзе сохранялась в Православной Церкви — женщиной. Религиозное обновление, которое сейчас происходит в нашей стране, а также продолжение традиций, тоже во многом связано с ролью женщины как супруги и матери. Современный мир удивлен значению женщины в передаче веры. Все подчеркивают эту скромную, чистую женственность, которая, кажется, более всего вдохновляется древнейшей иконой Божией Матери «Умиление», во веки веков спасающей Русь-Россию.

И сегодня, во времена, когда идет нескрываемая борьба против традиционных основ бытия, против семьи, против воспитания детей в нравственных правилах, именно русская женщина смиренно, каждодневно, изнутри воссоздает христианскую Россию. Именно русская женщина — есть основная опора в духовном возрождении нашего Отечества. Наши женщины сегодня — те самые активные православные христианки, которых в подавляющем большинстве можно видеть в храмах. Женщина в Церкви может сделать все, кроме свершения Таинств и проповеди с амвона. Она может быть миссионером, создателем прихода, строителем храма, основателем приходской школы, может мыть полы, чистить подсвечники и даже быть игуменией в монастыре. А какова сила ее молитвы! Бывает достаточно ей сказать от всего сердца простые, задушевные слова, обращенные к Господу, чтобы быть услышанной. На таких женщинах, слава Богу, еще стоит Русская земля и вера Православная.

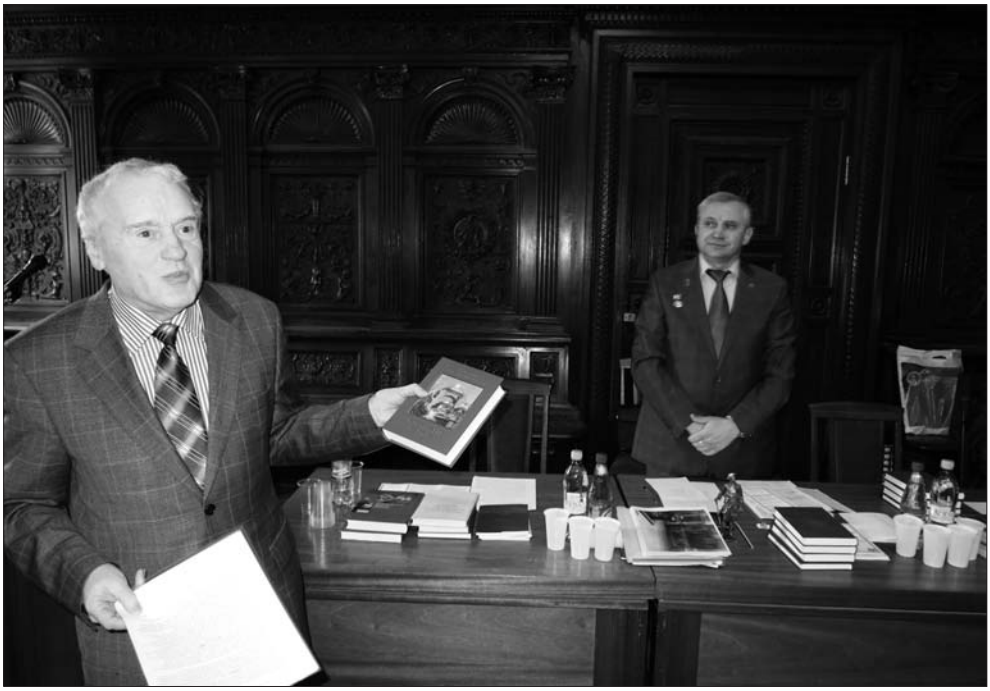

ДУХОВНО ЗНАЧИМАЯ КНИГА

О книге архиепископа Константина (Горянова) «И познаете истину»

В строгом старинном актовом зале художественного училища барона Штиглица состоялось годичное заседание Российской академии естественных наук (РАЕН). Это всегда значимое событие не только для Академии, но и для нашего города, сохраняющего традиции научной столицы России. Представительное собрание заслушало и обсудило научные доклады членов Академии. Особый интерес присутствовавших, как всегда, вызвало представление новых книг, написанных членами РАЕН в 2011 году. Среди многих представленных изданий наибольшее внимание привлекла книга бывшего ректора Санкт-Петербургской Духовной академии, богослова, архиепископа Курганского и Шадринского Константина (Горянова) «И познаете истину». Книга издана санкт-петербургским издательством «Издательский дом «Родная Ладога». Книга обратила на себя внимание не только внешним видом, выдержанным в лучших вековых традициях академических изданий, не только тем, что она сразу же после своего выхода была награждена премией Союза писателей России «Имперская культура» за 2011 год в номинации «Душеполезное чтение», но, главное, своим содержанием, своей современной значимостью. Об этих важнейших ее особенностях на церемонии представления рассказал один из рецензентов издания, доктор философских наук, профессор, академик РАО А. А. Корольков.

А. Корольков представляет книгу архиепископа Константина (Горянова)

Научная и общественная деятельность архиепископа Константина (Горянова) неотделима от процессов духовного возрождения Санкт-Петербурга. Подвижническим трудом Владыки Константина была достигнута органика отношений Духовной академии, которую он возглавлял, с вузами нашего города, сложилось содружество ректоров в общих заботах о духовно-нравственном просвещении студентов, обучающихся в гражданских и военных университетах и институтах Петербурга.

Это, разумеется, не случайность. Всей своей жизнью архиепископ Константин связан с наукой, с образованием, он — кандидат медицинских наук, автор работ по вопросам медицины, профессор богословия. Школа научной мысли отразилась и в изданной в 2011 году его книге «И познаете истину». Предполагается издание второго тома.

Дух исследования, глубоких размышлений пронизывает эту книгу. В то же время ей присущ дух учительства в высоком значении этого слова, дух проповедничества.

Длительное время философская антропология рассматривалась в качестве очень узкой области философского знания, связанного с именем Макса Шелера и нескольких его последователей. Архиепископ Константин раздвинул горизонты науки о человеке — антропологии, в том числе религиозной и философской антропологии. Это — один из основных разделов его книги. Владыка Константин

открыл читателям значение трудов русского философа Виктора Ивановича Несмелова — его «Науку о человеке», трудную для чтения и интерпретации.

В книгу «И познаете истину» вошли статьи, выступления, доклады. Они тематически и композиционно связаны, так что том читается как цельное сочинение. При этом дается возможность осмыслить самостоятельные разделы: научно-богословские труды, философско-антропологические темы, исторические исследования и публицистические материалы.

Особо значима для современности публикация расширенного варианта доклада, написанного к 100-летию Религиозно-философских собраний, где дан анализ заблуждений русской интеллигенции «серебряного века», века революционных потрясений. С каждым месяцем и днем этот материал становится все злободневнее. Содержание статьи показывает нам, что и сегодня есть чему поучиться у истории, что люди, особенно в России, не должны забывать тяжелых исторических уроков.

Поучительна, например судьба воззрений Карташова, его выпады против Православия, когда он винил Розанова за то, что тот встал на путь покаяния, на путь возвращения к Православию. Заметим, что в парижский период жизни и Карташов вернулся на путь Православия, стал вдумчивым богословом, но из песни слова не выкинешь.

Книгу архиепископа Константина «И познаете истину» надо читать неторопливо, это поистине душеполезное чтение.

Александр Корольков,
доктор философских наук, профессор, академик РАО

Духовные беседы

Иеромонах КИРИЛЛ (Зинковский)

НАСЛЕДИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО КАК СОВРЕМЕННЫЙ ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Великий светильник духовный, святой угодник Божий Серафим Саровский, по праву названный духовником Земли Русской, оставил для нас, своих потомков, драгоценное наследие, которое есть неистощимый кладезь для утоления жажды душ человеческих, для исцеления и сохранения в мире и здравии человеческого сознания и мироощущения. Жажда слов истины и примера святости многие годы безбожия томила сердца и умы множества людей в нашей стране. Конец безбожной эпохи, эпохи жестоких гонений на религию и Церковь, ознаменовался обретением святых мощей преподобного Серафима Саровского, и это событие явилось знаком особой милости Божией для нашей страны. Думается, особенное значение преподобного Серафима как для России, так и для всего мира не требует доказательств, но чудо возвращения его святых мощей, одновременно с которым стало возможным новое открытое слово о

Иеромонах Кирилл (Зинковский) — родился в Ленинграде в 1969 году. С отличием окончил Ленинградский политехнический институт, кандидат технических наук. Большое влияние на смену мировоззрения оказали сочинения знаменитого русского писателя Ф. М. Достоевского, чтение Святого Евангелия и житий святых, а также встреча с духовником протоиереем Иоанном Мироновым. В 2001 году проходил трехмесячный курс ознакомления с системой богословского образования в Англии, в Оксфорде и одновременно работал над диссертациями в знаменитой Оксфордской библиотеке Bodleian. Сослужил в Лондоне приснопамятному митрополиту Антонию Сурожскому. В 2002 году рукоположен во иеромонаха. По окончании Духовной академии, получив степень кандидата богословия, оставлен преподавателем догматического богословия и патрологии при СПбДАиС. Ныне **служит в храме Казанской иконы Божией Матери в п. Вырица Ленинградской области.**

Христе и Его Церкви, является, пожалуй, наиболее ярким свидетельством особого предназначения святого.

Однако сегодня, когда уже открылись тысячи храмов и сотни монастырей и никто не препятствует проповеди Слова Божия, мы встречаемся с новыми трудностями, новыми вызовами, встающими как перед Церковью, так и перед обществом и государством в целом. Эти трудности связаны не только с изменением политической и экономической ситуации в нашей стране, но и с глобальными процессами в мировом сообществе. «Мир во зле лежит» (1 Ин. 5:19), по свидетельству возлюбленного ученика Господня, с древних времен и до сего дня. Силы зла действуют неизменно на разрушение и разделение как человеческих сообществ, так и сознания отдельной человеческой личности, только образ действия этих сил может меняться, принимая наиболее подходящую к современности форму.

Сейчас в обществе открыто говорят об информационной войне, которая, действительно, стала главнейшим оружием в эпоху информационно-технологического бума XX и XXI веков. Этот метод хитрой лжи и клеветы приобретает все более современную оснастку, хотя в существе своем имеет лукавство древнего змия-искусителя, вложившего в сознание праматери Евы мысль недоверия Господу Богу — единственному Благодетелю человека, не имеющему ни малейшего оттенка корысти в Своих действиях. Вся история человечества после грехопадения первых людей, к сожалению, представляет собой историю усвоения людьми методов клеветы и обмана для достижения личных, своекорыстных целей. Заподозрив Бога — Благостного Отца и Владыку жизни в нечистоте стремлений, люди сами стали нечисты в своих стремлениях и до сих пор мучаются от мнительности и эгоизма.

Методы информационного «оболванивания» становятся все более успешными и эффективными в эпоху практически неограниченных информационных потоков, в которых человеку зачастую просто некогда или лень разбираться. Кроме того, наживка диавольской клеветы и обмана всегда ориентирована на немощи и страсти человеческой души, что усиливает эффект воздействия и создает заведомо отрицательный настрой к восприятию противоположных доводов. Современная информационная война определяется как «комплекс мероприятий по информационному воздействию на массовое сознание для изменения поведения людей и навязывания им целей, которые не входят в число их интересов»[1]. Можно добавить, что это навязывание имеет заведомо разрушительное для сознания и психики человека действие, потому и определяется как «война».

Осознание реальности и опасности целенаправленного давления и злонамеренных действий в сфере информационных полей государственной политики и общественной жизни нашло свое отражение в недавно принятых государственных документах, таких как: «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации»[2], «Концепция национальной безопасности Российской Федерации»[3] и Указ Президента Российской Федерации

---

[1] *Иван Леонов*. Общественный Комитет «За нравственное возрождение Отечества»: http://www.moral.ru/parad.html

[2] http://www.rg.ru/oficial/doc/min_and_vedom/min_bezop/doctr.shtm

[3] Указ Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24, http://www.nationalsecurity.ru/library/00002/index.htm

«О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России»[1].

Основными задачами Комиссии являются обобщение и анализ информации о фальсификации исторических фактов и событий, направленной на умаление международного престижа Российской Федерации, а также выработка стратегии противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий, предпринимаемым в целях нанесения ущерба интересам России.

В «Доктрине информационной безопасности» особенно отмечена важность сохранения культурного достояния всех народов России, укрепления нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, здоровья граждан, культурного и научного потенциала Российской Федерации. А в качестве наибольших опасностей в сфере духовной жизни общества названы *деформация системы массового информирования* «как за счет монополизации средств массовой информации, так и за счет неконтролируемого расширения сектора зарубежных средств массовой информации в отечественном информационном пространстве»; возможность нарушения общественной стабильности; деятельность религиозных тоталитарных сект и, наконец, распространение дезинформации[2].

К сожалению, со стороны правительства реальные меры по оздоровлению деформированной «системы массового информирования» пока не предпринимаются. При всей сложности и разнообразии современных средств информационного воздействия — пропаганда разврата и насилия, как одновременно самых тривиальных, но и самых действенных, до сих пор не получила должного отпора в нашем государстве. А ведь, скажем, в США общественное телевидение, куда открыт доступ подросткам, очень строго цензурируется.

Преподобный Серафим в контексте данной темы, сам будучи девственником и основав обитель для девственниц, решивших посвятить себя Богу, очень высоко отзывался о добродетели целомудрия и телесной чистоты. «Девство есть наивысочайшая добродетель, как состояние равноангельское, и могло бы служить заменой само по себе всех прочих добродетелей», — говорил святой своему духовному чаду Мотовилову в знаменитой «Беседе о цели христианской жизни»[3]. Не отрицая значения христианского брака, называя его «честным», и указывая на необходимость соблюдения в браке известной меры чистоты, постов и прочих христианских добродетелей[4], преподобный все же особо отмечал высоту монашеского звания, поучая, что «дева, хранящая свое девство ради любви Христовой, имать честь со Ангелами и есть невеста Христу: Христос есть Жених ей, вводящий ее в Свой чертог небесный»[5].

О необходимой для всякого христианина чистоте же в миру и в браке преподобный учил, что «мы непрестанно должны хранить сердце свое от непристойных помыслов и впечатлений». При этом святой ссылался на слова премудрого Соломона: «больше всего храни твое сердце, потому что из

---

[1] От 15 мая 2009 г. № 549 http://www.rg.ru/2009/05/20/komissia-dok.html

[2] http://www.rg.ru/oficial/doc/min_and_vedom/mim_bezop/doctr.shtm

[3] Преподобный Серафим Саровский в воспоминаниях современников. «Ковчег». 2006. С. 337.

[4] Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря, Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь // Ковчег. 2007. С. 389.

[5] http://serafim-library.btv.ru/MolitvySerafima/molitva-izbr-prakt-pouchenia.html

него источники жизни» (Притч. 4:23). Хранение сердца есть необходимое условие его чистоты: «от бдительного хранения сердца рождается в нем чистота, для которой доступно видение Господа», по слову Самого Спасителя: «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8)[1].

Эти слова проясняют завет преподобного современным христианам, что особо значимо в наши времена, когда низменные страсти столь неприкрыто пропагандируются по всей России. Но здесь же и завет всем «во власти сущим», так как по слову великого старца «всякая человеческая душа есть дева; душа же, во грехах пребывающая, вдова нерадивая, в сластолюбии заживо умершая»[2]. Но какова же ответственность тех, кто, имея возможность воспрепятствовать осквернению душ человеческих тяжким грехом, не сделал этого?

Будем помнить, что многие великие цивилизации гибли в результате роста безнравственности. В частности к таким цивилизациям можно отнести Древнюю Грецию и Древний Рим[3]. Этим же путем идет Европа, на этот путь усиленно толкают и наше государство.

Не случайно в святоотеческом наследии добродетель, противопоставляемая развращению, называется «целомудрием». В этом слове отражена целостность человеческого внутреннего мира, которая разрушается в первую очередь плотскими грехами. Целомудрие — это не только, и даже не столько состояние тела, сколько гармоничный союз тела, души и духа в индивидууме. Доказательство этой истины налицо. Результаты социологических исследований, проведенных среди большой выборки старшеклассников и учителей разных общеобразовательных школ и лицеев Санкт-Петербурга в 2005 г., выявили положительную взаимосвязь между вольным отношением к вопросам половой жизни и такими грехами, как матерщина, аборты и самоубийство[4].

Психологами давно замечено понижение общего интеллектуального и физического уровня развития у нецеломудренных подростков. Одновременно видеопродукция и СМИ вкладывают в сознание детей разрушительные образы разного типа. Например, образ «отвратительной матери»[5], когда женщина-мать специально выставляется в безобразном обличии, особенно проявляющемся в сравнении со свободной (но, отметим, не девственной) женщиной, наделяемой авторами умом и изяществом. Таким образом, пропаганда разврата тесно связана с целями опорочить в сознании молодежи институт семьи. И эта уже осуществившаяся угроза дала весьма ощутимые плоды в нарастающей страшными темпами в нашем государстве демографической проблеме.

Духовная жизнь населения России насильственно подвергается деинтеллектуализации через СМИ, культивирующие безнравственность и погоню за

---

[1] Житие старца Серафима Саровской Обители с приложением Наставлений. Москва. 1901. С. 39.

[2] Избранные практические поучения Батюшки Серафима (из Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря), п. 11, http://serafim-library.btv.ru/MolitvySerafima/molitva-izbr-prakt-pouchenia.html

[3] *Слезин В. Б.*, проф., Геноцид белой расы. Кто виноват? СПб., 2007. С. 36.

[4] *Берсенева Т. А.*, канд. пед. наук. АППО СПб. Материалы молодежного конгресса «Православие, молодежь и будущее России». Сборник докладов. СПб., 2005. С. 364.

[5] *Колеченко А. К.*, д-р психол. наук. «Психическая безопасность молодежи». Там же. С. 387.

наживой, за «золотым тельцом». И здесь уместно вспомнить еще один завет преподобного Серафима. Этот завет — стяжание Духа Божия, которое «есть тоже капитал», по учению святого, — «но только благодатный и вечный»[1]. Этот нетленный дар Святого Духа, как главный отличительный признак настоящих христиан, составляет главную цель жизни нашей на земле, это есть сокровище «неоскудеваемое и ничем вполне и достойно неоценимое»[2].

В наше время, когда с целью морально и духовно обезличить народные массы реклама кишит прямыми и косвенными призывами по типу «бери от жизни все», сверхнасущным становится наставление преподобного об ином, духовном призвании человека, предназначение которого не ограничивается земным существованием, и временная жизнь земная может продлеваться в жизнь вечную с Богом.

Каждый трезво мыслящий христианин, согласно учению святого старца Серафима, должен максимальными усилиями направить всю свою жизнь таким образом, чтобы постоянно иметь главным попечением именно приобретение этого бесценного Божественного Дара. Беспечность современного общества, погруженного в поиск временных удовольствий, наоборот, есть главный фактор, который препятствует реализации каждым человеком своего важнейшего предназначения на земле. В нашей беспечности состоит наше великое бедствие, на которое, по слову преподобного, Господь отвечает «великим состраданием» и стучит в двери нашего сердца «в течение всей нашей жизни»[3]. Не будем же злоупотреблять долготерпением Божиим, тем более что современный мир, как мы видим, столь противен в своих стремлениях всему Божиему. Христианское бодрствование становится в наш век еще более насущным, чем во времена древних подвижников. А значит, и усвоение святоотеческого наследия, относящегося ко всем аспектам человеческой деятельности, навыков духовной жизни, молитвы, участие в таинствах Церкви становятся главными направлениями в системе защиты в войне за человеческое сознание.

Преподобный Серафим учит нас всех этой истине и наставлениями, и самим делом. Проповедь примером собственной жизни всегда имела великую силу. Именно поэтому примеры житий святых угодников Божиих всегда оказывали такое сильное нравственно-воспитательное влияние. Святой Саровский подвижник выделяется своим благодатным светом даже на фоне сонма святых всей полноты Православной Вселенской Церкви. Имя преподобного известно всему миру, и помощь его спасла и спасает многих от различных душевных катастроф. Тем более важным становится тот факт, что преподобный всегда учил о необходимости принадлежать Святой Церкви, исполнять ее уставы.

Так, например, в беседе с раскольниками-старообрядцами святой говорил: «прошу и молю вас, ходите в Церковь греко-российскую: она во всей славе и силе Божией! Как корабль, имеющий многие снасти, паруса и великое кормило, она управляется Святым Духом. Добрые кормчие ее — учители Церкви, архипастыри суть преемники апостольские. А ваша часовня

---

[1] Беседа о цели Христианской жизни. Преподобный Серафим Саровский в воспоминаниях современников // Ковчег. 2006. С. 336.

[2] Там же. С. 339.

[3] Там же. С. 341.

подобно маленькой лодке, не имеющей кормила и весел; она причалена вервием к кораблю нашей Церкви, плывет за нею, заливаемая волнами, и непременно потонула бы, если бы не была привязана к кораблю»[1]. В другом подобном случае преподобный Серафим ставил условием исцеления больного веру «в Святую Православную Церковь» и отмечал великое неразумие пренебрегающих спасительным кораблем Церкви, потому что «по своей греховной слабости» даже здесь люди с большим трудом «переплывают море житейское и не все спасаются от потопления»[2].

Великое множество чудес, совершавшихся благодатью Божией через преподобного, привлекало толпы народа к святому при его жизни и привело тысячи паломников на торжество его прославления. Митрополит Вениамин (Федченков) в одной из своих книг описывал случай, бывший с дочерью его духовного чада. Молодая девушка-студентка заразилась идеями нигилизма, столь популярными в России и, особенно, в студенческой среде в начале XX века. Позже дочка призналась матери, что уже была почти готова отказаться от веры и начать вольную жизнь по примеру друзей и подружек, но жизненный подвиг преподобного Серафима встал в ее сознании как преграждающая сила. Сухое знание основ веры не могло сотворить такое чудо, закон Божий лежал в ее уме балластом, не влияющим на жизненные решения, а живой пример сотворил чудо. Дело в том, что семья этой девушки присутствовала на торжествах канонизации святого, и все они явились очевидцами множества исцелений. Да и сам образ святого Серафима настолько врезался в сознание живой реальностью и внутренней правдивостью, что девушка не смогла поддаться слабости и осталась верна Святой Церкви.

Таким образом, и жизнь, и наследие святого Серафима, как единое целое светлого его образа, может являться огромной силой в сфере информационной войны. Ее приемами в свое время весьма ловко пользовались большевики-революционеры, в начале XX столетия внедрявшие бунтарские настроения в массы, подготовившие и осуществившие октябрьский переворот. Наш современник, афонский старец Паисий так описывал эту подготовительную клеветническую пропаганду: коммунисты находили «неправильных», потерявших чистоту веры священников и богословов, которых и использовали для того, чтобы «обвинить Церковь и часто говорить против нее. Так они отравляли народ, потому что он не мог распознать роль этих богословов. Потом брали одного из священников, который из-за болезни был очень толстым, искали месяцами какого-нибудь костлявого парнишку, помещали их на одну афишу и писали внизу: «Вот как живет Церковь, и как бедствует народ». Брали также фотографию патриарших покоев, устланных коврами, мебелью и т. п., и помещали рядом барак одного из нищих (и говорили: посмотрите на роскошь попов, и как прозябает русский гражданин! Так им удавалось мало-помалу отравить народ и «испортить ему помысл». И после того, как народ пожрал друг друга, явились и те, и, как мы знаем, отбросили Россию на 500 лет назад, и оставили ее при смерти, убив миллионы русских христиан»[3].

---

[1] Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. // Ковчег. 2007. С. 370.

[2] Там же. С. 371.

[3] *Христодул Агиорит*, иером. Избранный сосуд (Старец Паисий 1924–1994). 2-е изд. Кн. 2. СПб., 2000. С. 183. http://sv-afon.orthodoxy.ru/svjatye/paisi_af/paisiy.htm

Современные СМИ, к сожалению, также зачастую ведут подобную агитация как против Церкви, так и против государства в целом, разрушая в россиянах чувства патриотизма и преданности Родине. Ярким примером кощунственной деформации сознания современных граждан РФ являются слова так называемого правозащитника Ковалева С. А. высказанные матери сохранившего воинскую и христианскую честь российского солдата Евгения Родионова, геройски погибшего в чеченском плену. «Ты вырастила убийцу!" — бросил он в лицо матери солдата-мученика. С точки зрения этого «радетеля за права человечества» убийцей был не залитый кровью бандит, а вчерашний подмосковный школьник, еще и не выстреливший ни по кому…»[1].

Но еще опаснее, когда для искажения информации используются имена святых, дается лживое толкование пророчеств. Так, например, уже упомянутый выше афонский старец Паисий строго обличал некоторых греческих мирян, придававших ложное толкование пророчествам преподобномученика Косьмы Этолийского (XVIII век) о результатах будущей войны Греции с Турцией. Упаднические настроения, создаваемые ошибочным объяснением пророчества, принесли бы, по слову старца, «намного большее зло, чем сделали бы многие турецкие дивизии»[2].

Сокрушение, надломленность солдатского духа, оскудение мужества — это результат, которого с древнейших времен добивались противоборствующие стороны как накануне, так и во время и после сражения. Такая же пропаганда ведется и сегодня для деморализации российского населения, только на других уровнях и с использованием достижений современной техники. Хуже всего, что информационным агрессорам удается завлечь в свою игру некоторых представителей церковной среды. Целью такой деятельности является подрыв доверия к священноначалию Церкви, организация групп, ассоциирующих себя с Православием, но имеющих раскольническо-сектантский характер, распространение паникерского и упаднического духа.

В противовес таким церковным смутьянам преподобный отец наш Серафим Саровский жестко обличал бунтовщиков. Преподобный, отличавшийся великой любовью ко всем людям, к нему приходящим, с гневом прогнал от себя представителей движения декабристов, силившихся разрушить монархический строй Российской Империи. Строгое поведение святого по отношению к этим бунтарям должно служить для нашего времени серьезным предостережением всем нарушающим мир и спокойствие Церкви и государства. «Стяжи дух мирен, — учит нас святой старец, — и тысячи спасутся около тебя».

Преподобный, действительно, указывал на грехи современных ему и будущих мирян и священнослужителей, но не для того чтобы посеять панику и малодушие, как это делают неразумные ревнители ложного благочестия, а чтобы укрепить христиан в подвиге духовного бодрствования. Главным же заветом преподобного, вселяющим твердую надежду и спокойствие в души православных граждан России, являются следующие слова угодника Божия: «**у нас вера Православная и Церковь, не имеющая никакого порока. Сих ради добродетелей Россия всегда будет славна и врагам страшна**

---

[1] *Коняев Н.* Мать Православного Героя. http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2003&n=4&id=7

[2] *Христодул Агиорит*, иером. Старец Паисий. 2-е изд. СПб., 2000. С. 168.

и непреоборима, имущая веру и благочестие в щит и в броню правды: сих врата адова не одолеют»[1].

Это подлинное пророчество великого святого земли русской говорит о славе и необоримости как Церкви, так и государства российского, и должно служить обличением всех ложных слухов и дезинформации, имеющим целью распространить панику и упаднический дух среди населения нашего государства.

Количество раскольнической литературы и информации в Интернете, которую можно смело назвать «подрывной» для Церкви и государства, весьма значительно, и она работает на руку противникам возрождения сильной российской государственности.

Сохранилось и еще одно духовное прозрение великого старца, исключенное цензором в издании летописи в царское время, где преподобный говорит: *«мню, …, что восьмая-то тысяча пройдет! Мню, что пройдет! И вот что еще скажу тебе, батюшка, все пройдет и кончится, и обители, батюшка, уничтожатся, а у убогого Серафима в Дивееве до самого дня пришествия Христова будет совершаться Бескровная Жертва, батюшка!»*[2].

Мнение преподобного, которое он высказал со смирением, выразившимся в старо-славянском глаголе «мню», то есть «считаю», «полагаю», тем не менее, служит сильным аргументом против ложных слухов о неизбежности скорого наступления конца мира. Порукой тому величие авторитета преподобного Серафима.

В недавно опубликованной статье А. Н. Стрижева[3] приводится анализ наследия святого с целью выявления подлинных и неподлинных пророчеств преподобного[4]. В качестве несомненно подлинного ученым оценено пророчество святого о страшной революции и кровопролитии, «гибели множества верных Отечеству людей, разграблении церковного имущества и монастырей, осквернении церквей Господних», осуществление которого мы видели в истории XX века. Оканчивается оно, однако, жизнеутверждающим словом святого о том, что «Господь помилует Россию и приведет ее путем страданий **к великой славе**»[5]. Это пророчество еще не осуществилось, но в наше смутное время оно крайне актуально. Граждане России и сыны Церкви должны свято помнить эти слова великого святого и утверждать себя, и воспитывать молодое поколение в позитивном патриотическом духе.

Александр Николаевич в то же время отрицал принадлежность Серафиму Саровскому некоторых других мыслей, сохраненных в архивах Мотовилова. В частности это касается рассуждений Мотовилова о всероссийском, всеславянском царстве, «пред которым в трепете все народы будут». Здесь аргументация автора представляется не совсем веской, особенно когда речь идет об отрицании подлинности сохраненного супругой Мотовилова суждения великого старца. В воспоминаниях Елены Ивановны Мотовиловой,

---

[1] Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь // Ковчег. 2007. С. 381.

[2] Из записок протоиерея Василия Садовского. http://serafim-library.btv.ru/LetopisSerafima/letopis-chichagov-3.html

[3] Член Союза писателей России, Международного фонда славянской письменности, член-корреспондент Международной Славянской академии образования, наук и искусства.

[4] *Стрижев А.* Чего не изрекал преподобный Серафим, http://www.rusk.ru/st.php?idar=313654

[5] Записка Н. А. Мотовилова «Антихрист и Россия», сохранившаяся в архиве прот. Павла Флоренского.

супруги верного «служки» преподобного Серафима Н. А. Мотовилова, мы находим это удивительное и грандиозное по потенциальной силе вдохновения пророчество святого.

Николай Александрович доверил супруге слова Серафима Саровского, который сказал ему, «что все то, что носит название “декабристов”, “реформаторов” и, словом, принадлежит к “бытоулучшительной партии”, есть истинное антихристианство, которое, развиваясь, приведет к разрушению Христианства на земле, и отчасти Православия, и закончится воцарением антихриста над всеми странами мира, кроме России, которая сольется в одно целое с прочими землями славянскими и составит громадный народный океан, пред которым будут в страхе прочие племена земные. И это, говорил он, так верно, как дважды два — четыре»[1].

Утверждение Стрижева о том, что «во времена преподобного бунтовщиков “декабристами” не называли; термин “декабристы” вошел в обиход только спустя несколько десятилетий» совсем не может считаться достаточным для отвержения аутентичности переданного устным способом сообщения. Сам батюшка Серафим называл Николая Александровича «ваше боголюбие», и вся жизнь последнего есть подтверждение этому. Он, по свидетельству супруги, «весь горел любовью к Богу, к Божией Матери и к святым угодникам»[2]. Память святого Серафима Мотовиловым была особенно благоговейно чтима. Трудно поверить, что такой человек мог придумать что-либо от себя и выдать за наследие угодника Божия.

Не поднимая тему анализа всего наследия самого Мотовилова, что не входит в рамки нашего исследования, считаем необходимым и актуальным подтвердить подлинность слов самого преподобного, переданных не дословно, но по существу Николаем Александровичем.

Таким образом, наследие преподобного Серафима является крайне важным и могучим средством в противостоянии той информационной агрессии, которой подверглась наша Родина в последнее время. Сам яркий и светлый образ святого, великое множество его чудес, наставления праведника дарят нам целую духовную симфонию благодатных мыслей, понятий и чувств, указывают на весьма доступные и насущные способы защиты сознания. Пророчества Великого русского духовника о грядущей вселенской славе нашей Родины вселяют в нас ту уверенность в будущем нашей Церкви и Отчизны, без которой невозможно эффективно жить и работать. Прозрение о могущественном единении России с ближними по географии и мировоззрению народами и о противостоянии ее силам мирового зла дают надежду на провал навязываемой сегодня некоторыми влиятельными государствами и политиками однополярной геополитической картины, в которой России уделяется место безгласного сырьевого придатка.

Но для свершения этих пророчеств должны потрудиться и внести свой посильный вклад все мы, миряне и священнослужители, государственные служащие и ученые. Этот вклад — вклад верных сынов Родины по защите ее от всего чужеродного и разрушительного. Церковь в союзе с государством должны учить народ словом и делом уважать свое великое наследие, свое великое прошлое, чтобы иметь великое будущее.

---

[1] *Мотовилова Е. И.* Из воспоминаний о муже Николае Александровиче. Серафимо-Дивеевские Предания // Паломник. М., 2006. С. 444.

[2] Там же. С. 441.

ПОЭЗИЯ

Валентина КОРОСТЕЛЁВА

«А ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К ПОЛЯМ РОДНОЙ ЗЕМЛИ И НЕБЕСАМ БЕЗДОННЫМ…»

Валентина Абрамовна Коростелёва (Валентина Сунцова) — родилась в Кирове. Окончила Литературный институт имени Горького. Стихи, а позднее рассказы и очерки публиковались во многих «толстых» и «тонких» журналах, звучали по радио. Автор 16 книг поэзии и прозы. Лауреат и дипломант нескольких международных литературных конкурсов. Заслуженный работник культуры РФ. С 1982 года **живет в Подмосковье**.

В КАЛУГУ!..

Зима не ласкает порошею,
Духмяным и нежным снежком…
Какие-то сны нехорошие,
А радость плетется пешком.

Такое творится в Отечестве,
Что нету предела тоске,
И сердце растерянно мечется,
И хоть бы синица — в руке.

Где наше родное, былинное,
Которым с мала́ дорожу?..
Уеду в Калугу старинную,
На русскую жизнь погляжу,

И, может, всплакну по ушедшему,
Но знаю — затеплится взгляд,
И добрые русские женщины
С улыбкой меня приютят…

МАЛОСТЬ

Столько грязи в уши льется,
Столько терпит нынче Русь…
Но увижу снег и солнце —
И невольно улыбнусь.

Кто-то скажет: эка малость!
Но когда наглеет зло, —
Только это и осталось,
Только это и светло.

ПЛАМЯ

Душа на восторг осторожна
На стыке капризных времен.
…Высокий, безумно роскошный
Над улицей царствует клен.

И светит, отчаянно истов,
И греет, и держит фасон…
Сгорая, пикируют листья
На дремлющий в неге газон.

Я рада обжечься сегодня,
Я листьям багряным сродни…
Последние теплые полдни,
Последние дивные дни…

Кто знает, что там, за долами,
Какие снега и ветра?
И нежит кленовое пламя,
И снится душе до утра…

ТЕРПЕНЬЕ

Того гляди, культура в пропасть ухнет, —
Что из животных делает людей.
А мы не можем выбраться из кухни
В простор страниц и шири площадей.

Устали, точно, — из огня в полымя…
Гонимые то ленью, то бедой,
Все ждем кого-то, кто за нас поднимет
И голову, и голос не пустой.

И души мрут в бессмысленном горенье,
И тяжкая не лечит тишина…
О, как же научила нас терпенью
Любимая и горькая страна!

ОДНА СУДЬБА

Трудна дорога к высоте,
Но рядом — вера снова…
Я знаю, что со мною — те,
В ком живо мое слово.

Им все равно, когда тебя
В Москве признали мэтры,
У них с тобой одна судьба,
Одни в душе рассветы.

И сладко так тепло хранить
В душе и новой фразе,
Пока не рвется эта нить,
Пока сердца — на связи…

ЭТОТ СВЕТ…

Хороши на столе куличи!
Имя Божие ты прошепчи
И прими поднебесный привет,
И в душе сбереги этот свет.

Потому что за светом — любовь,
И не надо заученных слов,
Просто людям и сердцу не лги,
Этот свет не предай, сбереги.

КОГДА ЖИВА ДУША…

Жива душа —
и путь заветный прям,
И дарит свет любимая икона,
А память возвращается к полям
Родной земли и небесам бездонным.

Когда жива душа — поет любовь
И медом разливается по жилам,
И двум сердцам почти не надо слов,
Поскольку все за них
любовь решила.

Игумен ФИЛИПП (Перцев)

КРЕСТНЫЙ ХОД РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

К 200-летию со дня рождения преподобного Амвросия, старца Оптинского

Игумен Филипп (Перцев) — родился в 1966 году в г. Обнинске в семье физиков. Окончил художественное училище в г. Орле. Служил в Афганистане. Не закончил Суриковский институт, уйдя в Оптину пустынь, где участвовал в росписи храмов. **В настоящее время руководит иконописными мастерскими в Свято-Введенской Оптиной пустыне.**

Национальное возрождение — в верности Истине. Голословные рассуждения, биение себя в грудь, бесчисленные уверения в любви к Родине могут продолжаться до бесконечности. Конкретные, зримые ориентиры — вот что нам важно понять, увидеть и, не сводя очей, сделать своим достоянием. Мы воздвигаем знамя, точнее, хоругвь, — **оптинский дух**! — то своеобразие духовного подвига и церковности, которая не ушла в пустыню, отгородившись от мира, но смогла принять блудного сына российской культуры и указать ему путь. Путь новый, путь духовного обновления и духовных приоритетов. Вот путь возрождения — путь любви к Родине, к Истине, к народу, чуждый фальши и внешнего, чуждый подмен и упрощений. Этот путь национального своеобразия ни в коей мере не отрицает иные культуры, и более того, в своей широте способен обнять и вместить любовь и уважение к иному, но при этом не отрицаясь себя, Достоинства своего пути, своей Любви! В данных Моисею заповедях на горе Синайской первой идет *«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всем помышлением твоим и всею крепостию твоею»*. И Евангелие выделяет из сонма ветхозаветных заповедей: *«И ближнего своего якоже самого себе»*. На сих двух заповедях весь Закон и пророки держатся (*«висят»*, как подтверждает Христос).

Как увидели Христа и заповеди Божии русские люди, говорит нам вся культура и вся святость Руси, но ближе всего к нам светильники последних времен — Оптинские старцы, Иоанн Кронштадтский, Царственные мученики, Силуан Афонский и многие другие. Однако, пользуясь поводом 200-летия со дня рождения величайшего старца из сонма Оптинского — Амвросия, и не просто как

На Руси. Художник М. В. Нестеров

отдельно стоящего святого, а явившегося как плод прежде живших старцев, и вдобавок окруженного плеядой учеников и последователей, стяжавших также святость, мы берем это знамя, этот победный стяг в свои руки и провозглашаем верность идеалам оптинского духа.

К старцам шли Гоголь и Достоевский, Нилус и Поселянин, Киреевский и Соловьев, Страхов и Леонтьев… Мыслители, писатели, поэты, властители дум, художники и государственные деятели, как и простой народ. Но не все и не все, а только **неравнодушные** и **кающиеся**. И для того, чтобы нам разобраться в современности, нам нужно с меркой оптинского духа присмотреться к тому, что есть, и тому, что было. Взвесить, вместить, прочувствовать все духодвижное, духоподъемное в русской культуре, в русской мысли. Пусть не получится все, но хотя бы что-то. Наметить ориентиры, поставить вешки на болоте современных подмен и потопляющего чужедушия.

«Блудные дети» — русская культура, пусть когда-то расточавшая свое имение, свой талант в распутной жизни среди неведения Бога, среди водки и блудниц, все же основным стержнем своих исканий, своей тоски и отвержения «золотого тельца» имела поиск Истины. Вне истины, вне правды как ее воплощения в применении к земному, нет и не может быть русской культуры, русского духа. Мятется, ищет себя и Бога человек, хулит и отрицает неправду и в Церкви, и в Царстве, — и оттого доходит иногда до богоборчества, до кощунства, до цареубийства. «Широк русский человек, хорошо бы сузить», — писал Достоевский.

Но сквозь морок безбожия, обмана и прельщения он приходит (как Юрий Кузнецов) к взорванному (может, им же самим) храму, который строил его дед, и покаянная рвота бьет его, вычищая грех и омрачение. Он не отрицается своей вины, он видит эту тень, источившую его душу. Но спросим мы себя: а какие силы, какие легионы бесов были брошены, чтобы обмануть русского человека?! И будем смотреть не на его падение и блудную жизнь, а на его покаяние. «Этот — кающийся», — сказал старец Амвросий о Достоевском.

Может быть, в какие-то времена «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» — единственное, что остается, чтобы не рухнуть, не закружиться окончательно в Вавилоне, в смешении чужебесия, чужевкусия

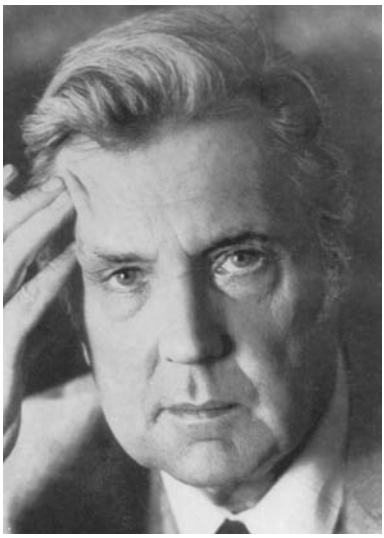
навязанных и разъедающих все иных идеалов, иных высот, иных богов. Но вглядимся не только в пепелище, в гробы, а в славу и доблесть русского духа: **что сейчас способно вдохновить наше Отечество, наш народ**? Как бьется пульс сердца русского? Ради чего сможет подняться с печи нынешний Илия Муромец, некогда слезший за водой для старцев-странников и как дар принявший от них богатырский дух и мощь. Кто сегодня пришел бы к Оптинским старцам? Кто сегодня неравнодушен, кто кающийся, кто ищущий потерянную драхму духа?

Мы не можем охватить всех даже в церковной среде, даже приникающих к ограде церкви. Дух у всех разный, всяк по-своему видит и мыслит. Соберем «своих». Это нужно ввиду разобщенности, раздробленности, царящей ныне. Пусть вода, благословленная старцами, соберет таинственным образом во единую силу все разрозненные суставчики Ильи-сидельца — и восстанет русский дух во всей удивительной красоте своей.

Когда-то авангардисты-революционеры начала прошлого века призывали выбросить с «корабля современности» Пушкина, Достоевского и др. Нам надо начать собирать. Когда-нибудь стоит назвать все чуждое и пригвоздить всякую ложь, пустоту, всякое фиглярство и всю ненависть к позорному столбу. Но сейчас мы потратим на это много сил. Надо собирать все ценное, а остальное и не надо сбрасывать с «корабля современности» — оно само отпадет, и травой забвения покроются ныне широкие дороги греха и саморазрушения.

Вот Россия, ставшая для исповеди на колени перед старцами (не перед абстрактными, безымянными, а Оптинскими). О чем она говорит? — о главном, о своих грехах и своей боли, и в то же время о своей надежде. В наше время духа антихриста и подмены понятий, единственное спасение в определении для себя: Кто есть Истина и в чем правда? Что созидает и что разрушает? Обратимся к первому.

Оптина пустынь и Россия — это не легкий путь рафинированных избранников, которые сами или кучкой единомышленников объявили себя маяками современности. Наоборот, это — узкий путь самоотвержения, внимания себе, молитвенного подвига и в то же время твердой жизненной позиции, активности и неравнодушия при взгляде на гибнущую Русь-матушку, на подмены в Церкви, на оскудение смысла. И это — то, что будет противостоять внушаемому нам отчаянию. Бывали времена и хуже, но Господь выводил Русь через скорбь к очищению смыслов. Это — крестный ход по Руси-матушке, освящающий каждый ее уголок, каждую весь. Крестный ход русской культуры, русской мысли. Нам нужны, с одной стороны, духовные археологи, расчищающие смысловые фундаменты Православия от чуждых наслоений, с другой стороны — строители, возводящие на них новые храмы русского духа. Нужно «вбить вешки», по которым нам идти. Иначе нас пожрет клокочущее море информации. Говорят, когда Иордан впадает в Мертвое море, его воды долго текут, не смешиваясь с горькой водой. Так и нам необходим критерий (оптинский дух) и конкретные имена и явления в культуре, церковной и общественной жизни, находящиеся «в потоке» этого духа. Необходим отбор, может быть, очень тщательный. Чтобы выявить суть, нам нужны люди и явления с активной гражданской, зиждительной позицией, а все остальное приложится.

Илья ГЛАЗУНОВ

ОБРАЗ ВЕЛИКОГО ПОЭТА*

Илья Сергеевич Глазунов — родился в 1930 г. в Ленинграде. Ректор Российской Академии живописи, ваяния и зодчества. Действительный член Российской академии художеств, профессор, народный художник СССР, почетный член Королевских Академий художеств Мадрида и Барселоны, кавалер «Золотой медали Пикассо», награды ЮНЕСКО за вклад в мировую культуру. Лауреат премии Джавахарлала Неру, лауреат Государственной премии Российской Федерации. **Живет в Москве.**

Сколько раз, стоя на мосту, я смотрел на быстрые воды широкой Невки. Кругом мглистый мрак. Только по мятущимся огням цепочек фонарей, раскачиваемых ветром, чувствуешь, как широки темные воды реки… Менялись времена года; скованная льдом, белая от снега Невка чернела как ранами полыньями; шел снег; подымаясь на горб моста, лязгал трамвай. Закат был красен и тревожен, снег синефиолетовый. Одинокие фигуры сражались с ветром, боясь поскользнуться на льду тротуаров. О, мой Петербург, с которым связана вся моя жизнь!..

Идя пешком, чувствуешь, как далеко от Карповки, от моего Ботанического сада, по Каменноостровскому до трагического места дуэли Пушкина на Черной речке. Ныне среди новостроечных кварталов трудно себе представить, какое это было далекое и пустынное место дуэлей, где великий поэт пал на морозный снег, сраженный пулей убийцы. «Пустое сердце бьется ровно, в руке не дрогнул пистолет»» Как они ненавидели и боялись Пушкина, столь много перевернувшего в самосознании нашего общества!

Быстро, по-петербургски, наступают сумерки, зажигаются окна в так похожих друг на друга бетонных домах. И только высоко подняв голову к небу, можно заметить мерцание далеких звезд, свидетелей жизни человеческой на земле.

Как далеко остался позади Зимний дворец и ныне известный каждому из нас дом, где жил и ушел в вечность наш национальный поэт. В погасших окнах императорского дворца тревожные отсветы розового зарева над городом. В далекой вышине Александрийского столпа чуть виден ангел с крестом и ликом, которому, как говорят, скульптор придал

* Глава из книги Ильи Глазунова «Россия распятая», М.: Голос-Пресс, 2008, кн. 2, т. 1 (печатается по разрешению автора).

черты Александра I Благословенного, чье имя овеяно победой в Отечественной войне 1812 года.

Я старался представить себе на огромной снежной пустыне Дворцовой площади Пушкина, ощущавшего свое одиночество в неумолимо сжимающихся тисках смертельного заговора. Они, «свободы, гения и славы палачи», знали, как уязвить душу великого поэта. Они знали, что результатом их травли будет дуэль — убийство. Они знали, что в борьбе за свою честь Пушкин может не сдержать обещание, данное Государю, — не драться на дуэли. Очевидно, Государь Николай Павлович знал больше, чем мог сказать, беря со столь любимого им поэта слово.

Я долго думал о последних днях жизни поэта, задумав картину, в которой хотел показать Пушкина, идущего домой во вьюжной синеве тревожных сумерек. Горит огнями окон Зимний дворец. Там радость и блеск дворцового бала. Царь и Поэт… Как не желали многие дружбы и государственного союза двух великих людей России! Какое одиночество ощущала ранимая и великая душа поэта.

Ранним утром, накануне дуэли, Пушкин успел написать записку А. Ишимовой, которая создала прекрасную книгу для детей о русской истории. Как он хотел, думаю я, перед роковым шагом еще и еще раз почувствовать нужность и правоту своей и царской воли — увести Россию от страшных путей, предначертанных ей тайными силами зла. Пушкин, как никто, любил Россию и, поняв многое, отринув заблуждения своей юности, — знал, что делать. Какой точный образ Пушкина создан Кипренским, который, верю я, отнюдь не польстил поэту. Он любил Пушкина и оставил нам — далеким потомкам — свое понимание тайны души поэта. При полной внешней схожести… «Себя как в зеркале я вижу, но это зеркало мне льстит…» — как известно, сказал о портрете Кипренского сам поэт. На следующий день после дуэли Александр Сергеевич должен был позировать знаменитому Карлу Брюллову.

Смерть поэта лишила художника возможности осуществить замысел; не сохранилось даже предполагаемого эскиза портрета.

Автопортрет Пушкина пером в профиль широко известен. Сохранилась и посмертная гипсовая маска. Бронзовый Пушкин-лицеист сидит на скамейке Царскосельского парка. Поэт действительно был невысокого роста — 147 сантиметров, глаза серо-голубые, волосы темно-русые — почти коричневые, густые, вьющиеся и, согласно моде того времени, — бакенбарды.

Мой самый любимый портрет Пушкина создан Валентином Серовым, который сумел передать всю остроту творческого порыва вдохновенного поэта, словно слышащего в шуме осенней листвы торжественные звуки божественного глагола.

Мне думается, что передать образ поэта — самая трудная задача для художника. Даже читать Пушкина, стремясь донести до слушателя суть его стихов во всей полноте их смысла, под силу немногим чтецам и актерам. Лучшее, что я слышал, правда, в граммофонной записи, — это стихи Пушкина в исполнении покончившего с собой в 1947 году актера Владимира Яхонтова. Он умел своим неповторимым голосом и чуткостью души передать смысл пушкинских образов.

А. С. Пушкин. Накануне. 1994. Холст, масло. 120×201. И. С. Глазунов

Я шел и иду к осознанию образа великого поэта всю жизнь, и чем более приближаюсь к нему, тем больше он кажется мне непостижимым…

Я с детства ощущал, гуляя с отцом под сенью Царскосельских парков, его реальное бытие. Помню, с каким триумфом в страшном для нашей страны 1937 году «на борту» нашей советской довоенной современности отмечалось столетие со дня гибели великого русского поэта. Тот юбилей не идет ни в какое сравнение с жалкой мемориальной комедией праздника 200-летия со дня рождения поэта в 1999 году. О ней до сих пор больно и стыдно вспоминать…

* * *

Еще задолго до перестройки мне довелось организовать и возглавить мастерскую портрета в институте им. Сурикова Академии художеств СССР. Согласно учебной программе студенты в те годы обязаны были проходить практику на заводах, фабриках, приучаясь отражать пафос социалистического труда. Помню, какое изумление, переходящее в негодование, вызвало у ректора и партбюро института мое намерение везти моих студентов в город Пушкин, в Лицей, где они, как я сумел договориться, будут жить во время летней практики, собирая материалы для композиции «Пушкин в Царском Селе». Ученик Грабаря, наш декан Даниличев, относился ко мне хорошо, но и он не удержался от едва скрытого упрека: «Ну, Илья, ты даешь! Хочешь второй Лицей открыть? Да еще ввести практику копирования шедевров Эрмитажа. У нас такого никогда не было». Однако я настоял на своем. Мои студенты читали стихи Пушкина, я показывал им еще далеко не все отреставрированные залы дворца Растрелли в Царском Селе.

Как известно, Пушкин на экзаменах в присутствии Державина и многочисленных гостей прочел свои юношеские «Воспоминания в Царском Селе». И чтобы изобразить декламирующего гениального лицеиста, моим студентам надо было определить композиционный узел — вдохновенный жест поэта, по ритму которого, памятуя заветы и старых мастеров, строились композиционные «рифмы» всей будущей картины. Мне думается, что репинский жест юного Пушкина продиктован строкой: «В Париже росс!..» Именно эти слова заставили седого и глуховатого Державина в восторге привстать со стула.

Когда мы в очередной раз стали читать «Воспоминания в Царском Селе», обсуждая ключевой жест юного поэта, один из студентов вдруг сказал: «А скульптор Аникушин, памятник которого Пушкину стоит перед Русским музеем, фактически содрал у Репина этот вдохновенный жест Александра Сергеевича!» Все засмеялись, а студент продолжил: «Ведь Аникушин — вице-президент Академии художеств СССР. У него не спросишь,

какая строка определила жест его памятника, за который он получил Ленинскую премию». Я, пропустив эту реплику мимо ушей, предложил молодым художникам осознать смысл жестов в «Тайной вечере» Леонардо: «Один из вас предаст Меня».

Однажды вечером я решил, наконец, вспомнить былое и пошел гулять по парку, примыкающему к знаменитому пруду с Чесменской колонной. Я с детства особенно любил сложенную, как в Древнем Риме, лестницу из могучих камней, примыкающую к балюстраде Ринальди. Подойдя ближе, я, как всегда, залюбовался ее низкими могучими арками, которые венчали античные барельефы. Потом, подняв глаза, был крайне удивлен, увидев на фоне таинственного марева белой ночи одного из наших студентов, замершего на парапете и восторженно созерцающего тонкий серп полумесяца над могучими кронами деревьев. Вспомнились строфы Пушкина:

…В те дни в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться Муза стала мне.
Моя студенческая келья
Вдруг озарилась: Муза в ней
Открыла пир младых затей,
Воспела детские веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

Я испытал глубокое волнение и творческую радость обретения замысла. Я достал из кармана свой альбомчик и нарисовал эскиз своей будущей картины.

Должен сказать еще и еще раз: идя всю жизнь к воплощению образа Пушкина, я пока не достиг цели. Моя жизнь, как и жизнь большинства моих соотечественников, овеяна Пушкиным, который стал частью нашей души. Я пронзительно помню, как: будто это было вчера, лицо моей матери, излучающее такую любовь и нежность, когда она склонялась над моей детской кроватью. Я напрягаю все свои творческие силы, но не могу передать на холсте ее образ — хоть это является моей давней мечтой. Читая Пушкина и отрываясь от книги, закрыв глаза, представляю себе так живо и ярко его лицо. Но до сих пор не могу написать так, каким предстает он перед моим внутренним взором.

Екатерина СКОРОБОГАЧЕВА

ПОРТРЕТЫ АЛЕКСАНДРА I И НАПОЛЕОНА ЭПОХИ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Екатерина Александровна Скоробогачева. Кандидат искусствоведения, гл. специалист ГУК «Московская государственная картинная галерея Народного художника СССР Ильи Глазунова», и. о. директора музея Российской Академии живописи, ваяния и зодчества.
Родилась в г. Самара. Окончила Самарское художественное училище, живописно-педагогическое отделение. В 2002 г. — Российскую Академию живописи, ваяния и зодчества (Москва), факультет искусствоведения, в 2006 г. защитила диссертацию в Европейской Академии информатизации (Брюссель). Преподает в Российской Академии живописи, ваяния и зодчества. **Живет в Москве.**

Каждый исторический период или событие ассоциируется с выдающимися личностями, какими в отношении эпохи войны 1812 года являются Александр I и Наполеон, главы держав, предводители войск. О событиях войны, происходивших 200 лет назад, во многом можно судить не только по архивным данным и историческим исследованиям, но и благодаря произведениям искусства, в том числе портретным образам императоров.

Их портреты разнообразны по иконографии, представлены в различных видах искусства: живописи, графике, скульптуре, декоративно-прикладном искусстве; в жанрах портрета, как парадного, репрезентативного, так и камерного, исторической картины, в интерьере и пейзаже как стаффаж.

Среди образов Александра Павловича и Наполеона Бонапарта времен войны 1812 года следует выделить знаменитые произведения: портреты Императора России кисти В. Л. Боровиковского, С. С. Щукина, Джорджа Доу, Франца Крюгера, Элизабет Виже-Лебрен, Томаса Лоуренса; изображающие Наполеона картины Жака-Луи Давида, Франсуа Жерара, Анн-Луи Жироде де Руси-Триозон.

Портреты Императора Александра Павловича отражают значимость его личности и сложность характера. Отзывы о нем современников не только разнообразны, но и противоречивы. Однако многие отмечали его целеустремленную, властную, живую натуру, сильную волю, способность к самоограничению, гибкий, осторожный и прозорливый ум. Контрастные качества его характера отражены и в сути событий, связанных с деяниями Императора Александра, в том числе в ходе войны

1812 года, и в галерее его портретных образов.

Широко известны портреты Императора России кисти английского художника Джорджа Доу (1781–1829), в 1819–1829 годах работавшего в Санкт-Петербурге. В 1819 году он отправился вместе с герцогом Кентским в путешествие по Европе, в ходе которого привлек внимание Александра I. Император поручил художнику написать портреты русских генералов, участвовавших в войне с Наполеоном I. Не случайно именно Доу получил престижный заказ. Выпускник Королевской Академии художеств в Англии, академик с 1814 года, общавшийся в кругу выдающихся современников.

«Портрет Императора Александра I». Художник Джордж Доу, 1825. Холст, масло

Он написал, с помощью русских живописцев Вильгельма Августа Голике и Александра Полякова, 329 погрудных портретов генералов — участников Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813–1814 годов. Политический смысл создания «Военной галереи Зимнего дворца» заключался в напоминании о блестящих победах России в Отечественной войне и о европейских походах 1813–1814 годов, без которых не был бы возможен триумф Ватерлоо.

«Портрет Императора Александра I» Джорджа Доу известен в вариантах 1825 и 1826 годов. Создан образ Монарха-победителя, и в то же время дана психологическая характеристика личности Монарха, о котором Н. И. Греч писал: «Александр был задачею для современников: едва ли будет он разгадан и потомством»[1]. Портрет может напомнить о событиях войны 1812 года, триумфальном въезде Императора Александра I и короля Пруссии Фридриха Вильгельма III в Париж 19(31) марта 1814 года, о чем княгиня Е. А. Шаховская писала в дневнике: «Толпа бросалась чуть ли не под ноги лошадей, приветствуя монархов как “освободителей”… Самые бурные проявления чувств достались на долю Императора Александра,… ведь он вел самые многочисленные армии и более всех пострадал от наполеоновских войн…»[2].

Образ Императора России как триумфатора нашел отражение помимо живописи, в графике, скульптуре, декоративно-прикладном искусстве, при-

[1] *Н. И. Греч.* Записки о моей жизни // Реликвии истории государства Российского. М.: Государственный исторический музей, 1995. С. 84.

[2] Там же. С. 81.

мером чему может служить произведение Императорского фарфорового завода: бокал 1810-х годов с живописной миниатюрой — портретом Александра Павловича в лавровом венке, надписью: «Да здравствует Александр I» и подписью: «Рокштуль[1] пис.»[2].

Интересен тот факт, что образ Александра Павловича, Императора Державы-победительницы, отразили и живописцы, писавшие Наполеона Бонапарта, в том числе Франсуа Жерар. Французский художник и историк Франсуа Паскаль Симон Жерар (1770–1837) изучал скульптуру под руководством Пажу, но показал способность не столько к этому искусству, сколько к живописи, перешел в ученики к Давиду и получил еще во времена Первой Империи блестящие отзывы о своем искусстве. Императора России художник портретировал дважды: в 1810 году в коронационном костюме и в 1814 году по поводу прибытия Александра I в Париж в числе глав союзных стран после падения французской империи.

На портрете 1810 года Монарх показан перед троном со своим вензелем, в одеянии, подчеркивающем его императорскую власть и значение полководца. Подобно эскизное решение, исполненное в мастерской Ф. Жерара «Александр I, Император Российский»[3]. Эскиз представляет собой реплику портрета Императора в рост, хранящегося в Эрмитаже.

«Портрет Императора Александра I». Неизвестный художник. Холст, масло. 65Ч53,5. Собрание И. С. Глазунова, Москва

Помимо известных произведений, не менее ценны те, история которых забыта, а авторство утрачено. Таков «Портрет Александра I» неизвестного автора из собрания Ильи Сергеевича Глазунова, в ходе данного исследования атрибутированный как картина французского художника Жана-Батиста Изабе 1814 года, с которой написаны миниатюрные копии Ж.-Б. Изабе, Ж.-А. Беннера.

Жана-Батиста Изабе заслуженно можно назвать полузабытым автором известных портретов. Нередко остаются вне внимания имена второстепенных художников или менее значимые работы прославленных мастеров. Но необычно, если в

[1] Рокштуль Алоиз-Густав (Алоизий Петрович, Эрнестович) (1798–1877) — живописец, рисовальщик, миниатюрист.

[2] Бокал выполнен из бесцветного хрусталя, с накладным медальоном молочного стекла, техника: грань, роспись золотом и гризайлью.

[35] Мастерская Франсуа Жерара «Александр I, Император Российский». Холст, масло, 32Ч24. Версаль, Государственный музей «Замки Версаль и Трианон».

тени оказывается оригинал, копии которого приобретают известность. Так произошло с «Портретом Александра I» неизвестного художника из собрания И. С. Глазунова. По тщательной, детальной манере исполнения в технике многослойного письма, состоянию лака и красочного слоя, характеру холста и подрамника его можно атрибутировать как высокопрофессиональную копию первой половины XIX века. Но следовало определить оригинал данной копии.

Среди портретов Александра I: работы Боровиковского, Щукина, Виже-Лебрен, Кюгельхена, Лоуренса, Беннера, Герена и других художников такой тип изображения встречается часто. Данному произведению подобен портрет кисти Томаса Лоуренса и подготовительный рисунок к нему, а также портрет работы Джорджа Доу. Однако очевидны их существенные различия. К данной работе гораздо ближе миниатюра неизвестного автора начала XIX века из собрания Третьяковской галереи — копия с миниатюры Ж.-А. Беннера (1817 г., Государственный Русский музей). Несомненно, что рассматриваемый портрет и произведение из собрания Государственной Третьяковской галлереи повторяют один образец. Но что послужило для них основой?

«Портрет Александра I». Неизвестный художник. Копия с миниатюры Ж.-А. Беннера. Кость, гуашь, акварель, белила. 14Ч10, овал. Государственная Третьяковская галерея

Поиск среди станковых живописных и графических произведений России ничего не дал, кроме того, что удалось найти несколько гравюр с того же произведения. Оставалось предположить, что оригинал был создан в Западной Европе и затем получил распространение в России. Вероятно, его автор пользовался известностью, а «Портрет Александра I» относился к признанным произведениям своего времени, иначе не возникли бы его повторения на родине Монарха.

Следовало обратиться и к работам зарубежных миниатюристов. В английском справочнике по искусству «The Dictionary of Art» by edited Jane Turner (London, 1996) были указаны краткие сведения о творчестве французского миниатюриста Жана-Батиста Изабе (1767—1855), среди центральных работ которого названы портреты русского Императора Александра I и Императрицы Елизаветы Федоровны.

Согласно Энциклопедическому словарю Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона «Жан-Батист Изабе (1767–1855) — французский живописец-миниатюрист и рисовальщик. Учась у Ж.-Л. Давида, готовился в исторические живописцы, но потом избрал специальностью миниатюрные портреты. Был придворным живописцем Наполеона I, сопровождал его в походах, многократно писал всех членов его семейства и многих из его сподвижников. После падения Первой Империи работал для Бурбонов и других государей новой Европы.

Удалось найти и две книги, посвященные художнику. В подробной монографии на французском языке «I.-B. Isabey» репродуцирован блестяще выполненный портрет, очень близкий к рассматриваемому произведению. Но вновь оставался неразрешенным вопрос — не было ли прототипа у портрета Изабе и когда он был создан? Ответ дало исследование Марион Осмонд «Iean Batiste Isabey. The Fortunate Painter. 1767–1855», изданное в Лондоне и не переведенное в России. Автор подробно рассказывает о биографии мастера, характеризует его работы, в частности дает сведения об истории создания портрета русского Монарха.

1814 год. Наполеон готовился к отъезду на остров Эльба. После окончания войны Император Александр I в составе Священного союза при восторженных приветствиях парижан победоносно вступил в столицу Франции. Он посетил императрицу Жозефину в Мальмезоне, где состоялся их разговор о реставрации Бурбонов[1].

По распоряжению Жозефины Богарне именно во время этого визита придворный художник Ж.-Б. Изабе писал портреты Александра I и Елизаветы Федоровны, на основе которых он сделал одни из своих наиболее удачных акварельных миниатюр. Более детальных сведений книга Осмонд не содержит. По словам английского исследователя, Изабе «вдохновили благородные качества Александра. Он изобразил правителя России как человека современных принципов и правил, который доверял своему народу, чье благосостояние он пытался повысить»[2].

Такова история создания портрета. Марион Осмонд не уточняет, как именно был выполнен портрет с натуры — каковы его размер, техника, насколько долго длилась работа. Вероятно, что Изабе написал с натуры не миниатюру, а быстрый этюд небольшого формата. Навряд ли Император позировал более одного или двух кратких сеансов. Известно, например, что в том же 1814 году Александр I позировал в Лондоне для портрета художнику Томасу Лоуренсу, во время сеансов постоянно проявляя нетерпение и меняя позу[3]. С натуры Лоуренс успел сделать только рисунок головы и уже позже прорабатывал торс и детали мундира. Аналогичный метод работы мог применять и Изабе.

Таким образом, был определен оригинал «Портрета Александра I» из собрания И. С. Глазунова, восстановлена история его создания. Но оставалось невыясненным местонахождение оригинала, поскольку во французской

---

[1] Бурбоны — династия французских королей. Реставрация Бурбонов состоялась в 1814 г., годы правления: 1589–1792, 1814–1815, 1815–1830.

[2] Marion W. Osmond «Iean Batiste Isabey. The Fortunate Painter. 1767–1855». London, Nicholson Watson, p. 127.

[3] Каталог выставки «Незабываемая Россия. Русские и Россия глазами британцев. XVII–XIX век». М.: Трилистник, 1997.

монографии оно не было указано. Возможно, что произведение находилось в частном собрании, и можно было только надеяться, что когда-нибудь откроются сведения об этом. Однако удалось узнать, что в запасниках музея Царского Села находится миниатюра Изабе «Портрет Александра I», которая, действительно, являлась потерянным оригиналом. Ее каталожные данные: материал — свинцовый карандаш, акварель, белила; размер — 13,9Ч10,5 (овал); источник поступления — приобретена в 2002 году, происходит из частного европейского собрания. Так, почти через 200 лет после его создания, в России оказался оригинал «Портрета Александра I» работы Жана-Батиста Изабе, известный ранее в копиях и приближенных повторениях.

Величественным образам Императора Александра I отчасти подобны, но и во многом контрастны многочисленные портреты Наполеона Бонапарта, о некоторых из которых говорится в докладе. Его портреты, датируемые именно 1812 годом, немногочисленны, что закономерно обусловлено политическими событиями, прежде всего тяжелым ходом войны с Россией и поражением Франции. Однако все же создаваемые в этот период произведения, как правило, передавали грани личности правителя, уже присутствовавшие в более ранних произведениях.

Его правление продолжалось 10 лет, и до 1811 года славу императора укрепляли победы созданной им армии. Почти вся Европа была превращена во владение Франции. Его главными противниками оставались владычица морей Англия и поддерживающая ее Россия. Именно война 1812 года, русская военная кампания, явилась первым значительным поражением Наполеона Бонапарта. Тогда был развенчан образ богоподобного несокрушимого правителя, отраженный в портретах кисти Энгра, Жироде де Руси-Триазон, Жерара.

«Наполеон I, французский император». Художник Франсуа Жерар, 1808. Холст, масло. 223Ч143. Версаль, Государственный музей «Замки Версаль и Трианон»

К знаменитым портретам Наполеона Бонапарта, и художественно, и исторически значимым, следует отнести произведения Франсуа Жерара. Образ Наполеона-императора, величественного правителя, отражен в картине Жерара «Наполеон I, французский император», особенно ценимой и самим Наполеоном Бонапартом, и членами его семьи. Данной трактовке отчасти следовали Энгр в 1806 году, Жироде де Руси-Триазон в произведении, созданном около 1812 года. История создания портрета непосредственно свя-

зана с политическими событиями и культурной жизнью Франции этого времени.

Автором парадного портрета Наполеона Бонапарта в 1804 году, в первый год его императорского правления, был избран художник Франсуа Жерар. Портрет был завершен им через год и предназначался для парижской резиденции министра внешних сношений Ш.-М. Талейрана. В наши дни местонахождение произведения неизвестно. Но уже в декабре того же 1804 года, еще до окончания работы художника над картиной, ему было заказано несколько ее копий министром внутренних дел Франции Ж.-Б. Шампаньи для членов императорской семьи, высокопоставленных лиц и посольств. В 1805 году Жерару также был дан заказ от Министерства иностранных дел написать портрет Наполеона в коронационном костюме. Данный портрет, за который художник получил гонорар в 12 000 франков, был завершен в 1805 году и годом позже стал экспонироваться в одном из парадных помещений министерства, предназначенном для аудиенций.

Образ, восходящий по своему художественному решению к портретам правителей Древнего Рима, настолько удачно передавал идею — величественное воплощение императорской власти — что был повторен едва ли не для всех французских представительств за рубежом, над чем Жерар и его мастерская работали в период с 1806 по 1810 год. В 1809 году несколько копий портрета были подарены европейским монархам и принцам французской империи. Ряд копийных портретов с того же оригинала известен и в настоящее время. Они находятся и во французских собраниях, и за рубежами страны. Портрет кисти Жерара получил широкую известность также благодаря исполненной с него гравюре Буше-Денойера 1808 года.

На портрете Жерара император изображен облаченным в полный коронационный костюм, украшенный золотом и кружевом: камзол, туфли, перчатки из шелка, бархатный плащ, вышитый геральдическими пчелами и подбитый горностаем. На голове Наполеона — корона из золотых лавровых листьев работы М.-Г. Бьенне, на шее — большая цепь ордена Почетного легиона. На дальнем плане картины изображен трон из дворца Тюильри[1].

В собрании Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина находится «Портрет Наполеона I» — фрагментарная копия предыдущего произведения, исполненная Франсуа Жераром при участии его мастерской. Стоит отметить, что вариант картины из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина считается одним из лучших. В нем трактовка лица, позы, одежд Наполеона идентична первому варианту портрета, но дано поколенное изображение, а не фигура в рост, сокращено пространство интерьера[2].

Другой портрет главы Франции Жерар создал около 1812 года: «Наполеон I в униформе полковника пеших гренадеров Гвардии»[3]. Данное произведение является ярким образцом репрезентативного портрета в рост на

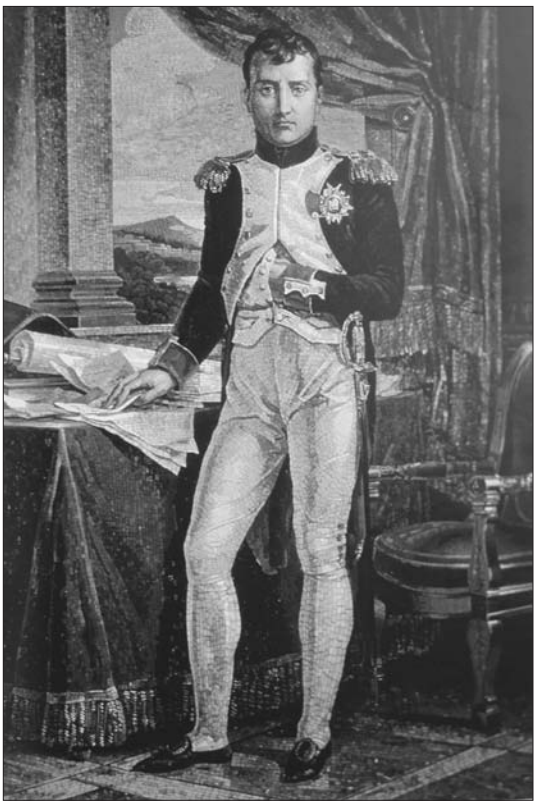
[1] Трон из дворца Тюильри работы краснодеревщика Ф.-О.-Ж. Жакоб-Демальтера по рисункам знаменитых архитекторов Ш. Персье и Ф.-Л.-П. Фонтена ныне представлен в Париже, в Лувре.

[2] Жерар Франсуа (мастерская) «Портрет Наполеона I». Холст, масло, 145Ч111,5. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

[3] Данный портрет находится в собрании Музея Наполеона в Эксе.

фоне интерьера с характерной пышной драпировкой и пейзажем на дальнем плане. Портреты Франсуа Жерара объективно показывают Наполеона Бонапарта как одну из наиболее значительных политических фигур XIX века, выдающегося военного деятеля мировой истории.

В начале XIX столетия Россия оставалась единственной страной, с позицией которой Наполеону приходилось считаться. Задачи двух держав стали слишком разными, действенность франко-русского союза, заключенного в Тильзите, быстро падала. Во внешней политике для Наполеона была крайне важна экономическая блокада Англии. В речи перед Государственным советом он заявил: «Всякий, кто протягивает руку Англии и прорывает континентальную блокаду, объявляет себя врагом императора…»[1].

«Наполеон I в униформе полковника пеших гренадеров Гвардии». Около 1812. Художник Франсуа Жерар. Холст, масло. Экс, Музей Наполеона

Композиции, решению деталей, трактовке образа Наполеона в данном портрете близко решение картины Жака-Луи Давида (1748–1825) «Портрет Наполеона в рабочем кабинете», по которому в 1835 году был исполнен эстамп Жана-Никола Ложье и Филиппа Жозефа Огюста Валло «Император в своем рабочем кабинете в Тюильри»[2]. Это образ Наполеона — мудрого законодателя, работающего сутками: настенные часы показывают 4 утра.

Давид написал целую серию портретов правителя Франции, как например, «Бонапарт на перевале Сен-Бернар 20 мая 1800 года». Вероятно, он был представлен Наполеону одним из своих учеников Антуаном Жаном Гро[3]. В захваченной Италии Гро являлся художественным экспертом, отображал военные победы Франции. Давид сначала отказался от почетного поста «художника правительства», но вскоре получил титул «Первого художника Императора», оставался предан своему покровителю до самого его падения. В 1815 году Наполеон Бонапарт потерпел поражение в битве при

[1] Каталог выставки «Наполеон и Лувр». М., Государственный исторический музей, 2010, с. 27.

[2] Эстамп принадлежит собранию Государственного музея «Замки Мальмезон и Буа-Прео».

[3] Антуан-Жан Гро (фр. Antoine-Jean Gros; 1771, Париж — 1835, Медон) — французский художник-академист, мастер исторической живописи и портретист.

«Император в своем рабочем кабинете в Тюильри». Художники Жан-Никола Ложье и Филипп Жозеф Огюст Валло (по Жаку-Луи Давиду). 1835. Эстамп. Государственный музей «Замки Мальмезон и Буа-Прео»

Ватерлоо, а в 1816 году пришлось бежать из Франции также художнику.

Этим событиям предшествовал взлет Бонапарта, отраженный и в полотнах Давида. После завершения наброска головы Наполеона он говорил: «Какая великолепная голова! Это античная красота! В древности таким людям, как Наполеон, воздвигали храмы».

Примером не только исторически верного парадного портрета, но отчасти и портрета-символа, портрета-аллегории, является картина кисти Жана-Огюста Доменика Энгра «Наполеон I в коронационном костюме»[1]. Созданный ранее, в 1806 году, он представляет образ властного авторитарного повелителя мира. Подобное смысловое звучание характерно и для произведения Анн-Луи Жироде де Руси-Триазон «Наполеон в императорском облачении», написанного около 1812 года[2]. В подготовительном рисунке к портрету, также выполненном около 1812 года, художник сосредоточил внимание на платье для коронации, едва намечая лицо императора. Однако значение его личности, монументальность и властность уже переданы в графическом наброске.

По богатству оттенков звучания скульптурные произведения нисколько не уступают живописным. Так, образу Наполеона, созданному в картине Энгра, отчасти близки скульптуры, в которых такая трактовка получает дальнейшее развитие. Наполеон предстает в виде Марса-миротворца: в работах Антонио Кановы (1757–1822) 1810–1812 годов (мрамор, Лондон, Эпсли-хаус), в исполненном на его основе портрете работы Франческо Ригетти (1749–1819)[3], а также в произведении Луи-Франсуа Жаннэ (1812 г., патинированная бронза, Париж, Музей Лувр).

Напротив, контрастно решение психологического портрета Наполеона Бонапарта, не правителя, а, прежде всего, человека, сосредоточенного, не-

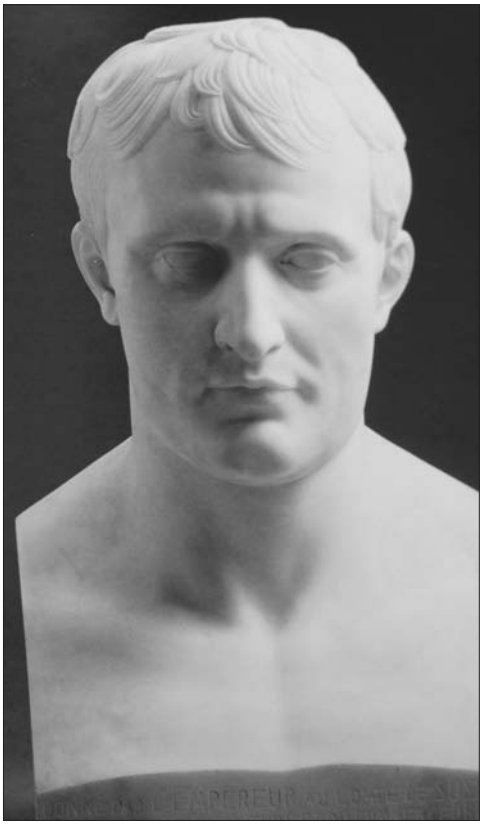
[1] Портрет находится в Париже, в Музее Армии.

[2] Портрет принадлежит собранию Музея Жироде во французском городе Монтаржисе.

[3] Скульптура исполнена в 1810 году в бронзе, база из красного крапчатого мрамора, находится в Париже, в Музее Лувр.

сколько усталого, погруженного в раздумья, в произведении Антуана-Дени Шоде «Наполеон» (Париж, Музей Лувр, отдел скульптуры). В портрете, исполненном в традициях классики, фактура мрамора, мягкая, детальная обработка поверхности способствуют передаче образа.

Особое место среди художественных произведений, посвященных Наполеону Бонапарту, занимает гравюра «Прощание Наполеона с императорской гвардией в Фонтенбло 20 апреля 1814 года» — акватинта Шарля-Самюэля Жирарде (1780–1863) по произведению Горация Верне (1789–1863), исполненная в 1825 году. Гравюра вновь напоминает о торжестве России и поражении Франции, повествует о событиях, последовавших после поражения французского императора в войне с Россией, о финале его отречения, когда, обращаясь к французским генералам, Наполеон говорил: «…Обо мне не жалейте. У меня есть миссия, и чтобы ее выполнить, я соглашаюсь жить: она состоит в том, чтобы рассказать потомству о великих делах, которые мы с вами вместе совершили…»[1].

«Наполеон». Скульптор Антуан-Дени Шоде. Париж, Музей Лувр, отдел скульптуры

При всем многообразии портретов можно выделить их основные иконографические типы, которые представляют императоров России и Франции Александра I и Наполеона Бонапарта как государственных деятелей, полководцев, в виде античных богов, мыслителей или героев, дают острые психологические характеристики. Значимы детали портретов, история создания произведений, напоминания в них об исторических событиях эпохи.

Рассмотренные портреты глав двух великих держав отражают масштаб их деяний, их значение в истории начала XIX века, влияние на умонастроения философов, историков, писателей, художников, черпавших и продолжающих черпать в наши дни бесчисленные идеи и сюжеты в событиях того времени. Портреты императоров Александра Павловича и Наполеона Бонапарта эпохи войны 1812 года можно оценить как отображение характеров выдающихся личностей, обращение к их деятельности, напоминание о сути героического века и философии времени.

Обращение к содержанию той эпохи актуально сегодня не только в связи с 200-летним юбилеем, но и как вневременной урок прошлого, напомина-

[1] Каталог выставки «Наполеон и Лувр. Из собрания музеев Франции». М., Государственный исторический музей, 2010, с. 319.

«Прощание Наполеона с императорской гвардией в Фонтенбло 20 апреля 1814 года». Художник Шарль-Самюэль Жирарде по Горацио Верне, 1825. Акватинта. 78Ч115. Фонтенбло, Государственный музей «Замок Фонтенбло»

ние об историческом периоде, когда для наших соотечественников не были пустым звуком понятия: служение, жертвенность, защита семьи и родной земли, Державы. В начале XIX века представителей разных социальных слоев и политических взглядов объединяло осознание своей причастности к одному делу — к борьбе за свою страну, к достижению одной цели — ее освобождения. Сегодня эта цель вновь актуальна. Такова история нашей Отчизны: вновь и вновь необходима защита ее: если не от внешнего врага, как 200 лет назад, то ныне от утраты нравственных ценностей, вековых понятий, исторической памяти, без которых невозможно возрождение великой России, невозможно обретение достоинства человека и гражданина.

Список использованной литературы

1. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1890–1907.

2. Каталог выставки «Лики истории в европейском искусстве XIX века». М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 2009.

3. Каталог выставки «Любителям русской старины. Великий меценат России П. И. Щукин» в Государственном историческом музее. М.: Художник и книга, 2005.

4. Каталог выставки «Наполеон и Лувр. Из собрания музеев Франции». М.: Государственный исторический музей, 2010.

5. Каталог выставки «Незабываемая Россия. Русские и Россия глазами британцев. XVII–XIX век» в Государственной Третьяковской галереи. М.: Трилистник, 1997.

6. Каталог собрания Государственной Третьяковской галереи «Портретная миниатюра XVIII — начала XX веков». М.: Красная площадь, 1997.

7. Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1886. Т 1.

8. Barreto C., Lancaster M. Napoleon and the Empire of Fashion (1795–1815). Rome: Skira, 2010.

9. I.-B. Isabey I.-B. Isabey, sa via — son teps, 1767–1855, suivi du Catalogue de I'oeuvre gravee par et d'aprus Isabey. Par m-me de Basily-Callimaki. Paris: Frazier-Soye, 1909.

10. Marion W. Osmond Iean Batiste Isabey. The Fortunate Painter. 1767–1855. London: Nicholson Watson.

11. The Dictionary of Art. By edited Jane Turner. London, 1996.

12. Violet-le-Duc Correspondance de G. avec les artistes et les personnages cйlubres de son temps, precйdйe d'une notice sur la vie de G. Paris, 1867.

ВЫШЛА КНИГА

Илляшевич Владимир Николаевич, Гайнуллин Марат Самигуллович

Прибалтийцы в Отечественной войне 1812 года / под общей редакцией В. Н. Илляшевича. Таллин: изд-во ПТ «Тарбеинфо» /Эстонское отделение СП России, 2011. — 656 с. Ил.

Отечественная война 1812 года являет собой героическую страницу в истории России. В защите страны и в сокрушении всеевропейской агрессии под предводительством Наполеона Бонапарта определенную роль сыграли прибалтийцы, верой и правдой служившие общему российскому отечеству. Летопись совместной российско-прибалтийской истории длится многие столетия. Патриотизм прибалтийцев имеет глубокие корни в своем истоке и происхождении.

Книга содержит алфавитный указатель имен с перечнем страниц, на которых они упоминаются, а так же с именами участников войны — прибалтийцев, которые в книгу не вошли.

Авторы — члены Союза писателей России, Общества генеалогии и геральдики в Эстонии, лауреаты российской премии имени Александра Невского (номинация — специальная премия для соотечественников зарубежья) — Санкт-Петербург, 2005 год — за книгу «Прибалтийцы на российской дипломатической службе», Таллин, 2005.

Книга посвящена 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года.

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

«ЗАЩИТНИКИ ОТЕЧЕСТВА — ПОЭТЫ!»[1]

Николай Владимирович Переяслов — родился 1954 г. в г. Красноармейске Донецкой обл., работал шахтером, геологом, журналистом. В 1990-е годы преподавал историю русской словесности в Самарском епархиальном духовном училище. Секретарь Правления Союза писателей России, член Союза журналистов Москвы, Международной Федерации журналистов. Награжден медалью св. блгв. князя Даниила Московского. Автор книги «Река веры», нескольких поэтических сборников, а также романов и повестей. Работает помощником мэра Москвы. **Живет в Москве.**

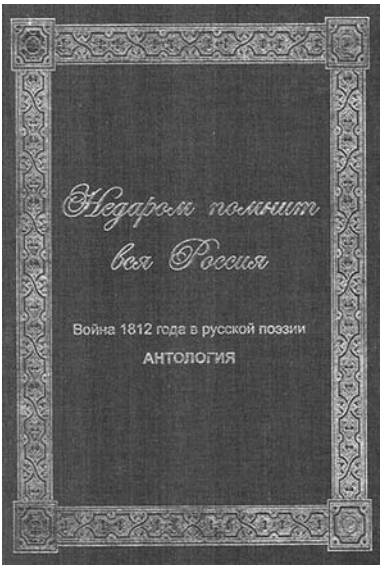
Поэзия и подвиг всегда идут рядом, «взаимоопыляя» друг друга, как растущие по соседству цветы или деревья. Красота и величие подвига дают вдохновение поэтам для написания возвышенных строк о поступках отважных героев, а созданные ими стихи наполняют души читателей последующих поколений бесстрашием, вселяют в них стремление к самопожертвованию и жажду героизма. Так совершается непрерывный «круговорот» высокого духа героизма в человеческой истории.

Сокровищница мировой литературы хранит в себе огромное количество поэтических произведений, воспевающих подвиги богов и героев, вступавших в бесконечные поединки с различными мифическими чудовищами, колдунами, злодеями и полчищами свирепых захватчиков. Рассказы о грандиозных битвах, сражениях и воинских единоборствах встречаются уже в самых ранних литературных памятниках — исторических хрониках, летописях, повестях и древних поэмах. А некоторые из них дошли до нас в виде песен, сказаний, баллад, преданий и других образцов дописьменной литературы, свидетельствуя собой о том, что уже в самые ранние времена нашей истории подвиги находились в центре повышенного внимания искусства, и люди стремились запечатлеть их в ярком образном слове, оставив в качестве примера для подражания будущим поколениям.

При этом нельзя не заметить, что весь неисчерпаемый свод геройских поступков, совершенных за историю человечества, можно разделить на две принципиально отличимые одна от другой категории. Одну из них можно обозначить, как *подвиги индивидуального характера*, вызванные необходимостью героя преодолевать некие возникающие пе-

[1] Предисловие к антологии поэзии «Недаром помнит вся Россия», посвященной подвигу русского народа и русского солдата в войне 1812 года (Смоленск: Маджента, 2012. — 320 с.

ред ним трудности, критические ситуации, соблазны и опасности, препятствующие ему в достижении намеченных целей. Таковы, например, подвиги знаменитого Одиссея, вынужденного по пути с Троянской войны совершать многочисленные геройские деяния, чтобы расчистить себе дорогу домой к любимой Пенелопе. В этом же ряду находятся и подвиги Геракла, представляющие собой цепь индивидуальных испытаний, в ходе которых герой доказывает свою личную физическую, волевую и умственную исключительность. Примерно такой же характер носят подвиги Ясона, совершенные им во время похода за золотым руном, Икара, дерзнувшего взлететь в небо на искусственных крыльях, Тесея, сражавшегося с Критским быком и плутавшего ради своей любви в лабиринте, а также большинства других героев, о которых нам повествуют древние мифы, предания и эпические сказания разных стран.

Но есть и другая категория геройских поступков, которую можно охарактеризовать как *подвиги общественного характера*. В отличие от подвигов предшествующей группы, совершаемых героями, в основном, ради спасения своей собственной жизни, по приказу могущественных правителей или во имя личной любви, и в большинстве случаев носящих характер битвы с неким абстрактным злом вроде Циклопа, Минотавра или Медузы Горгоны, подвиги общественного характера вызваны необходимостью защиты уже не *своих*, а — *всенародных* интересов и носят характер противостояния либо конкретным историческим врагам — к примеру, половцам («Слово о полку Игореве»), монголо-татарам («Задонщина»), шведам («Полтава»), французам («Бородино»), немецко-фашистским захватчикам («Василий Теркин»), либо же агрессивно-криминальным элементам внутри самого общества или стихийным разрушительным силам природы (стихи и песни о подвигах милиционеров, пожарников, сотрудников МЧС и представителей других профессиональных групп, призванных противодействовать общественному злу и массовым несчастьям).

Один из самых больших и романтических пластов поэзии данной категории посвящен Отечественной войне 1812 года и воспеванию подвига русского народа в борьбе с наполеоновской армией. Здесь мы встретим много стихов, адресованных великим русским полководцам, прославившим себя в ходе сражений с французами — фельдмаршалу Кутузову, атаману казачьего войска Платову, генералам Багратиону, Витгенштейну, Раевскому, Кутайсову, Кульневу, знаменитому партизанскому командиру Денису Давыдову и его партизанам, простым русским солдатам, всемирно известному сражению у деревни Бородино, имевшему решающее значение для хода военной кампании, сожжению Москвы французами, а также другим историческим лицам и страницам войны 1812 года.

В числе первых поэтов, посвятивших свои строки столь важному эпизоду войны как Бородинская битва, были великие русские классики Г. Р. Держа-

вин и В. А. Жуковский, а также участник этого сражения поэт Ф. Н. Глинка и многие менее известные, а то и совсем забытые сегодня авторы. К одним из самых значимых произведений на эту тему относится довольно объемное стихотворение (практически небольшая поэма) участника московского ополчения Василия Андреевича Жуковского «Певец во стане русских воинов», с необычайной психологической яркостью передающее духовное состояние русского народа в дни Бородинского сражения, его отношение к войне, понимание ратного долга и чувства патриотизма.

Уже в 1814 году при участии В. А. Жуковского было подготовлено и выпущено в свет «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», пользовавшееся огромным успехом у читателей. Немало стихов на тему русско-французской войны было опубликовано в различных журналах России и в последующие годы, став своеобразным свидетельством зарождения особого отношения к Бородинскому полю.

Одним из самых известных стихотворений, посвященных бородинскому сражению, стало созданное в 1937 году стихотворение М. Ю. Лермонтова «Бородино», хотя читателю небезынтересно будет познакомиться и с написанным им шестью годами ранее стихотворением «Поле Бородина» (1830–1831), позволяющим увидеть, как развивался поэтический замысел автора, дорастая от первоначального описательного наброска до глубоко философичного произведения. Как справедливо замечают историки русской литературы, основное художественное открытие Лермонтова в стихотворении 1837 года заключается в «замене авторского повествования сказом бывалого солдата», благодаря чему исторические события приобрели максимально зримую достоверность, а их оценка получила значение народной. Не очень, в общем-то, большое по объему стихотворение Лермонтова представило народ в качестве основной движущей силы истории, показав при этом в патриотизме ту огромную консолидирующую силу, которая объединяет нацию в несокрушимый монолит. Эта глубокая поэтическая идея послужила, по собственному признанию Л. Н. Толстого, зерном для написания его знаменитого романа «Война и мир».

В 1939 году, оглядываясь на события Отечественной войны 1812 года, Ф. Н. Глинка, во многом опережая свое время, создал в одном из своих стихотворных произведений в высшей степени выразительный образ растревоженной войной народной стихии: «О, как душа заговорила! Народность наша поднялась: / И страшная России сила / Проснулась, взвихрилась, взвилась!..»

Во всенародном подвиге изгнания французов из России поэты видели огромное воспитательное значение, поэтому во многих стихотворениях той поры закономерно возникает образ старца — бывшего воина, рядового участника сражения, который спустя многие годы после битвы приводит на Бородинское поле своих детей или внуков. Судя по стихотворению Н. Д. Иванчина-Писарева «Надпись на поле Бородинском», уже в 1813 году, через год после сражения, Бородинское поле воспринималось русскими людьми как место памяти, чести, как священный храм под открытым небом.

Об этом же свидетельствует и стихотворение профессионального военного и военного историка А. В. Висковатова «Бородино» 1822 года, в котором также возникает образ «старца», но предающегося воспоминаниям уже не при внуках, а в одиночестве: «В глубоку думу погружен, / Простря свой

взор в туман далекий, / Сидел от дряхлости согбен, / Под древом старец одинокий. / Вкруг старца тихо, всё молчит… / Пред ним — могильные курганы; / У ног разбитый шлем лежит, / И в ржавчине оружья бранны… / Ты вестник славы нашей был, / День Россам вечно-незабвенный! / И путь к спасенью проложил / Для нас от власти чужеземной». В этом стихотворении Бородинское поле также воспринимается поэтом не столько как природный ландшафт, сколько как естественный памятник героическому духу: «Поля, холмы Бородина! / Для чад пребудьте отдаленных / В веков грядущих времена, / Как обелиск побед свершенных».

Особое место нашло в русской поэзии отражение эпизода, согласно которому во время выезда М. И. Кутузова на боевые позиции под Бородино накануне сражения над его головой парил орел, знаменуя этим счастливый исход событий для русской армии. Полулегендарный, но потрясший современников эпизод, имевший в их глазах глубокое символическое значение, не только произвел огромное впечатление на офицеров русской армии, но и послужил источником вдохновения для целого ряда русских поэтов. Уже 31 августа 1812 года Г. Р. Державин написал «Оду по случаю парения орла над российскою армиею, под предводительством князя Кутузова при селе Бородине, 1812 года в августе», в котором он восклицает: «Се знак: мы победим врагов. / Мужайся, бодрствуй, князь Кутузов! / Коль над тобой был зрим орел, / Ты верно победишь французов».

Тот же орел витает над головой великого полководца и в стихотворении Жуковского «Певец в стане русских воинов». Упоминание этого эпизода находим и в других публикациях, в том числе — в поэмах Глебова и Телепнева, а также в стихотворении Н. Д. Иванчина-Писарева «Надпись на поле Бородинском».

Однако русские поэты воздавали в своих произведениях дань не только главнокомандующему и окружавшим его известным полководцам, но и простым русским солдатам, вынесшим на своих плечах все тяготы войны и принесшим Отечеству столь необходимую и желанную победу. Таково стихотворение А. А. Дельвига «Отставной солдат» с подзаголовком «Русская идиллия», повествующее о возвращении с войны раненого русского воина, а также поэтическая быль П. А. Катенина «Инвалид Горев», рисующая тяжелую судьбу русского человека, жизнь которого оказалась перевернута войной.

Свои стихи победе русской армии и ее значению для судьбы России посвящали А. Ф. Воейков, В. В. Капнист, И. А. Крылов, Д. В. Давыдов, Ф. Н. Глинка, К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, К. Ф. Рылеев, В. Ф. Раевский, А. А. Дельвиг, А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, Н. М. Языков, П. А. Катенин, Ф. И. Тютчев, А. Н. Майков и многие другие поэты. Огромное количество стихов написано также неизвестными авторами и носит характер народной поэзии, в частности — казачьих песен, повествующих о различных эпизодах войны с французами, ее трагических (вроде сожжения Москвы) или геройских (вроде подвигов атамана Платова) эпизодах и ее героях. Больше всего стихотворений посвящено главному герою и организатору российской победы — фельдмаршалу Голенищеву-Кутузову Смоленскому, есть стихи, осмысливающие также роль в этой победе российского Государя Александра I.

Что интересно, немало поэтических произведений посвящено также виновнику этого грандиозного международного бедствия — французскому

императору Наполеону Бонапарту, ввергнувшему мир в кровопролитную бойню и потерпевшему заслуженное поражение, которое в итоге привело его к отречению от власти и изгнанию из Франции. Отдавая должное Наполеону как великой исторической личности, поэты в то же время не могли не говорить об античеловеческой сути его корыстолюбивых властных амбиций, которые, как и всякая война в мире, принесли народам многих стран (и, в особенности, России) множество бед, слез, горя и разорения. Хотя, как это ни парадоксально — и славы тоже. Вот только путь к этой славе лежал через поле Бородинской битвы, сожженные Москву и Смоленск, бесконечные бои и тысячи солдатских жизней, отданных во имя наступления победы.

Отдельное место в истории Отечественной войны 1812 года (и соответственно — в массиве посвященных ей стихов и поэм) занимают героический город Смоленск и знаменитое смоленское сражение, во время которого французская армия потеряла 20 тысяч своих солдат. Структура книги не позволила выделить стихи «смоленского цикла» в отдельную главу, но тема обороны Смоленска проходит через всю антологию, начиная от первых стихов в честь отгремевшей войны и вплоть до произведений современных авторов — к примеру, таких как стихотворение Самуила Яковлевича Маршака «Смоленск 1812–1943» или поэма молодой самарской поэтессы Марии Башмаковой «Львиное отступление».

Особый интерес представляют собой впервые включенные в подобную антологию стихи авторов более поздних поколений, воспринимающих значение войны 1812 года уже в чисто историческом, отдаленном во времени аспекте. В работах этого рода заметно снижается уровень трагедийности, война видится ими уже не как живая реальность с подлинными слезами, кровью и гибелью невинных людей, а, скорее, как некая художественно-историческая панорама, иллюстрирующая давно миновавшие события. Благодаря этому в произведениях более поздних авторов появляется больше занимательности, легкости, литературной игры и даже иронических мотивов. Среди стихов этой категории обращает на себя внимание стихотворение Александра Симонова «Легенда о бородинском хлебе», рассказывающее, как во время сражения под Бородино французские ядра угодили в наш продуктовый обоз, везший муку, тмин и корицу, из-за чего все эти ингредиенты оказались перемешанными. Поскольку новый обоз с провиантом ожидался не скоро, а кормить солдат было нужно уже сейчас, то не оставалось ничего другого, как печь хлеб из той смеси, которая получилась в результате разрыва французских ядер. Вот так неожиданно получился один из вкуснейших сортов хлеба, который по месту своего появления на свет получил название — «бородинский».

Еще в более ироническом ключе написаны стихи Сергея Медведева «Открытое письмо Наполеону Бонапарту» и «Бонапарт любил палить из пушек», в которых воинственная тень французского императора являет себя даже над афганским городом Кандагаром, символически говоря о том, что выпущенный однажды в мир Наполеоном дух войны продолжает свое черное дело еще и сегодня, спустя два века после его бесславного похода на Россию. В этом же ключе написаны стихотворения Леонида Каганова и ряда других современных поэтов.

Тут надо заметить, что, несмотря на глубокое понимание трагизма затеянной Наполеоном войны и осознание того горя, которое она принесла втя-

нутым в военные действия народам, писавшие о событиях 1812 года поэты не всегда удерживали себя в рамках патетически возвышенных интонаций и частенько использовали в своем творчестве оптимистически веселые, порою даже иронические нотки. Тон таким интонациям задал, без сомнения, еще свободолюбивый и жизнерадостный Денис Давыдов, стихи которого буквально, как от пунша, пенились от удальства и дружеского веселья. Одновременно с ним внес озорные нотки в эту великую тему и баснописец Иван Крылов, сатирически высмеявший Наполеона в своей басне «Волк на псарне». Не преминул подпустить толику юмора в воспоминания о «геройствах» некоторых из участников войны и довольно колкий на язык, задиристый Александр Пушкин, посвятивший одному из персонажей своего романа «Евгений Онегин» такие довольно забавные и вместе с тем едкие строки: «И то сказать, что и в сраженьи / Раз в настоящем упоеньи / Он отличился, смело в грязь / С коня калмыцкого свалясь, / Как зюзя пьяный, и французам / Достался в плен: драгой залог! / Новейший Регул, чести бог, / Готовый вновь предаться узам, / Чтоб каждый вечер у Вери / В долг осушать бутылки три…»

И совсем уж хулиганскую (хотя и предельно доброжелательную) пародию на роман Л. Н. Толстого «Война и мир» в ритме лермонтовского стихотворения «Бородино» написал в 1868 году поэт Дмитрий Минаев, остроумно и беззлобно поерничавший над творением великого классика нашей отечественной прозы.

Однако эти добродушные иронические нотки ни в коей мере не опускают высокого звучания народного подвига, да и как они могут его опустить, если победа для того и осуществлялась, чтобы дать народу возможность жить не с тенью на лице, а с улыбкой и радостью во взоре?.. Это же впоследствии подтвердил и герой поэмы родившегося на героической Смоленской земле поэта Александра Твардовского — Василий Теркин, как бы «узаконивший» собой право смотреть на все беды и победы русского народа сквозь призму облегчающего горе юмора.

Стихи — это мощный нравственный допинг, не запрещенный никакими конвенциями. Поэтические вибрации наполняют душу читателя дополнительной силой и мужеством, заставляют сердце биться в унисон с сердцами тысяч героев былых времен, помогают пересиливать робость и страх, зовут к великим делам и сражениям во имя добра и справедливости.

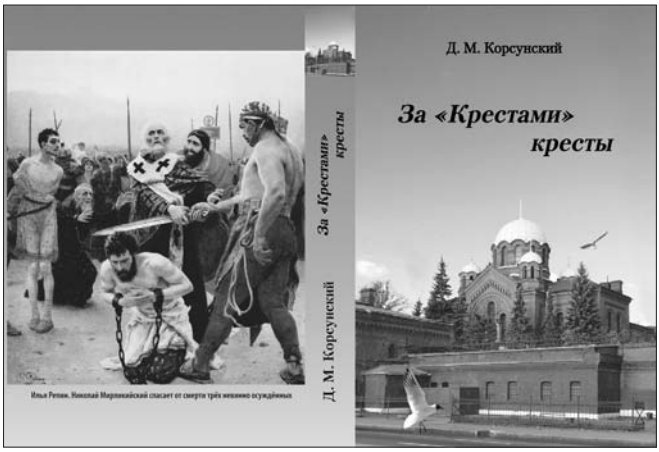
О том, насколько привлекательна, любимы и значимы для русских поэтов тема и образы войны 1812 года, можно судить по продолжающемуся из века в век обращению к ней поэтов различных эпох, возрастов, направлений и стилей. Свои стихи ей посвящали такие мастера поэзии XIX—XXI веков как Марина Цветаева («Генералам двенадцатого года»), Владимир Высоцкий («Игра в карты в 1812 году»), Булат Окуджава («Нужны ли гусару сомненья»), Андрей Вознесенский (пролог из рок-оперы «Юнона и Авось»), Александр Розенбаум («Баллада 1812 года»), а также их более поздние последователи Дмитрий Кузнецов («Тарутино», «Старый генерал»), Анатолий Аврутин («Кутузов»), Михаил Стровский (поэма «Московская битва»), Мария Башмакова («Гибель генерала Кутайсова на Бородинском поле»), Владимир Федоров (гусарский цикл) и многие другие современные поэты. И хочется верить, что эта традиция не будет прервана никогда, потому что в

человеке изначально живет заложенное в него свыше стремление к подвигу, и надо порой только суметь помочь этому стремлению проснуться и реализовать себя в каком-то настоящем общественно полезном деле. И этому ничто не помогает так, как воздействие поэзии, которая, как мы уже отмечали выше, всегда идет рядом с подвигом. «Защитники Отечества — поэты! Других у Бога не было и нет!» — воскликнул в своем стихотворении известный самарский поэт Евгений Семичев. И пускай в этом есть несомненная поэтическая гипербола, она не так уж и намного преувеличивает истинное значение стихотворного слова в деле укрепления боевого духа народа, без чего никакие победы в грядущем заведомо невозможны…

ВЫШЛА КНИГА

Корсунский Д. М.

За «Крестами» кресты. Детективная повесть. — СПб., ВИС, 2011. — 520 с.

Автор книги проходил службу в уголовном розыске на должности заместителя начальника отдела и расследовал разбои, кражи, мошенничества и вымогательства. Во время своей работы он имел возможность видеть аферистов в самых различных ситуациях. В момент совершения злодеяния, в момент ареста, в камере…

Прослеживая путь бандитов от первого приговора до зоны, он наблюдал много поучительных и интересных сцен. Довольно часто коммерсанты, обманутые жуликами, были сами виноваты в своих убытках, которые терпели из-за своей жадности и желании схитрить перед законом.

При этом, многие преступники, несмотря на всю свою хитроумность, рано или поздно оказывались за решеткой. И здесь необходимо отметить то, что, как правило, их неправедная жизнь — это продолжение их духовного падения. Поэтому-то для них одной из важнейших жизненных целей является, по мнению автора, возвращение своей души духовных ценностей, которые помогут им быть честными людьми. И им необходимо не только оставить криминальный мир, но и вести духовную борьбу за свою душу.

В этой духовной битве кто-то спасается, кто-то даже не исповедует свои грехи, а кто-то, находясь в самопрельщении, считает себя своего рода благодетелем. У каждого свой путь, свой кораблик спасения. К счастью, любовь покрывает многие грехи и спасает от вечной погибели. И любой, даже самый закоренелый в грехах бандит, может спастись Любовью.

Сюжет детективной повести придуман автором, а ее персонажи вымышлены.

Пути познания

Лариса БЕЛЕНЧУК

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В ИСТОРИОСОФИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Лариса Николаевна Беленчук — родилась в Москве, окончила историко-архивный институт. Работает в институте теории и истории педагогики РАО. Занимается проблемами истории отечественного просвещения XIX в. в контексте гуманитарной культуры России. Кандидат исторических наук. **Живет в Москве.**

К истории России в наше время приковано внимание не только историков, но и политологов, социологов, педагогов и других специалистов. Текущий год объявлен Годом истории. Очевидно, что осознание мировой и отечественной истории важно для человека в любые времена. Хотя часто повторяется расхожая фраза, что «история ничему не учит», все же почти каждое поколение пытается разобраться в истории и ее уроках. А великий древнеримский оратор и мыслитель Цицерон называл историю «нашей учительницей».

Такой всплеск интереса к истории был и в середине XIX века, на волне засилья в высших кругах общества западничества и возникновения и развития как его антитезы самобытного славянофильского мировоззрения. До них эти историко-философские вопросы интересовали кружок любомудров («философия» в переводе с греческого, как известно, и означает «любовь к мудрости», «любомудрие»), в который входили такие мыслители (в то время совсем юные!) как В. Ф. Одоевский, Д. В. Веневитинов, А. И. Кошелев, один из основоположников славянофильства И. В. Киреевский.

Две важнейшие идеи их размышлений выделяет современный исследователь К. М. Антонов: «Именно любомудрам должна быть отдана пальма первенства в отношении философского осмысления русской истории в контексте мировой. Именно они первыми осознали историческое познание как необходимый момент самопознания»[1].

История, по **утверждению** любомудров — не бессмысленный набор

[1] *Антонов К. М.* Философия И. П. Киреевского: антропологический аспект. М., 2006. С. 58.

фактов, а смысл мировой жизни, жизни отдельных государств и народов. Уже поэтому она поучительна. Эту глубокую мысль развили в своих сочинениях русские мыслители-славянофилы, многие из которых вышли из кружка любомудров.

В 1830-е годы в России появляется историософия. Современные исследователи считают, что она отличается от философии истории тем, что это не только научное исследование, но и интуитивное переживание судеб народов, этическое и эстетическое осмысление основ их исторического бытия, отыскание корней и осмысление будущей судьбы. Первыми историософами в России были П. Я. Чаадаев и А. С. Хомяков.

Один из главных признаков историософии — понимание истории сквозь призму вероучения. Так, П. Я. Чаадаев писал в письме Н. В. Гоголю: «Выводы твои гниль: они сделаны без Бога. Что ссылаешься на историю? Без Бога не выведешь из нее великих выводов; выведешь одни только ничтожные и мелкие»[1]. А. С. Хомяков пишет: «Первый и главный предмет, на который должно обратиться внимание исторического критика, есть народная вера. Выньте христианство из истории Европы или буддизм из Азии, и вы уже не поймете ничего ни в Европе, ни в Азии… Мера просвещения, характер просвещения, и источники его определяются мерою, характером и источником веры»[2].

До сих пор славянофилы в обыденном сознании предстают как антиподы западноевропейской культуры, ретрограды, резкие критики реформ Петра I и имперского периода истории России. Послушаем одного из основателей славянофильства И. В. Киреевского, по мнению которого «полуторастолетнее ученичество России» имело глубокий смысл. Надо теперь, писал Киреевский, «подчинить весь смысл западной образованности господству православно-христианского убеждения… Развитие этого мышления должно быть общим делом всех людей верующих и мыслящих, знакомых с писаниями святых отцов и с западной образованностью»[3].

Смысл мировой истории пытался отыскать и сподвижник Киреевского А. С. Хомяков, выдающийся русский мыслитель, автор множества богословских и философских сочинений, поэт. Единственным его историческим опусом был неоконченный труд (Хомяков писал его в течение 20 лет) в виде исторических заметок, который друзья А. С. Хомякова издали под общим названием «Записки о всемирной истории» уже после его смерти. В кругу друзей с легкой руки Н. В. Гоголя, который, вбежав в комнату, где писал Хомяков, увидел на полях слово «Семирамида», эти заметки так и стали называться.

Причины создания «Семирамиды» лежат в связи с содержанием Первого философического письма П. Я. Чаадаева, с необходимостью ответить его тезисам об отсутствии в России «нравственного образования», о дикости «первых веков» ее истории, и о том, что «мы существуем вне времени»[4]. Здесь надо остановиться немного на взглядах Чаадаева, который в Первом

---

[1] Цит. по: *Тарасов Б. П.* Я. Чаадаев и русская литература первой половины XIX века // Петр Чаадаев. Философические письма. М., 2006. С. 491.

[2] *Хомяков А. С.* Всемирная задача России. М., 2008. С. 192.

[3] *Киреевский И. В.* Разум на пути к истине. М., 2002. С. 275–276.

[4] *Кошелев В. А.* Алексей Степанович Хомяков. М., 2000. С. 190.

философическом письме утверждал, что прошлое воспитывает, но воспитание это понимал в отрицательном смысле. В письме, как позже признавал сам автор, было много куража, поэтому оно не могло было быть правильно понято современниками. В частности, по воспоминаниям племянника и хранителя архива Чаадаева, М. И. Жихарева, А. И. Герцен говорил, что в своей статье Чаадаев прочитал «отходную русской жизни и русскому народу»[1]. Студенты Московского университета приходили к начальству с изъявлением желания с оружием вступиться за Россию. Граф Строганов, попечитель Московского учебного округа, еле их успокоил[2].

Но если бы только современники так поняли Первое философическое письмо, было бы еще полбеды. К сожалению, и в глазах потомков все творчество Чаадаева оказалось окрашенным настроением этого злополучного письма. Оно по сей день широко цитируется и представляется некоторыми журналистами и даже учеными прямо каким-то могильным камнем на всей тысячелетней православной культуре России. Очень обидно за глубокого и разностороннего мыслителя, каким являлся Чаадаев!

Только в самое последнее время некоторые исследователи увидели в Первом философическом письме иной смысл, состоящий в некоторой провокации — с целью возбудить общественное сознание в России, заставить ее просвещенные слои осмыслить свою историю. И действительно, письмо вызвало подъем национального чувства, явившегося источником зарождения самобытной русской философии — славянофильства.

На рубеже XX–XXI веков В. В. Кожинов писал: «Но поистине прискорбная участь постигла в условиях идеологического раскола (противостояния «западничества» и «славянофильства». — *Л. Б.*) творчество крупнейшего мыслителя пушкинской эпохи — Петра Яковлевича Чаадаева, который в общественном сознании был целиком и полностью превращен в «западника», даже в своего рода отца-основателя западничества». В статье «Пушкин и Чаадаев. К истории русского самосознания» он убедительно показывает, что «западником» Чаадаева сделали его издатели и комментаторы. Так, даже Первое философическое письмо было издано другом Чаадаева, иезуитом И. С. Гагариным, а затем переиздано М. О. Гершензоном с купюрами и искажениями. Но удивительно, что и в наши дни в некоторых изданиях эти купюры остаются. Например, фраза о декабристском восстании звучит в первоисточнике таким образом: «…вернувшись домой из этого триумфального шествия по самым просвещенным странам мира (имеются в виду 1813–1814 годы, после окончания войны с Наполеоном. — *Л. Б.*), мы принесли с собой только **одни дурные идеи и гибельные заблуждения**, последствием которых было неизмеримое бедствие, отбросившее нас назад на полвека»[3]. В недавнем издании она опубликована так же, как и у Гагарина: «…вернувшись из этого триумфального шествия через просвещеннейшие страны мира, мы принесли с собою лишь **идеи и стремления**, плодом которых было громадное несчастие, отбросившее нас на полвека назад»[4].

---

[1] Русское общество 30-х гг. XIX в. Мемуары современников. М., 1989. С. 99.

[2] Там же. С. 100.

[3] *Кожинов В. В.* Победы и беды России. М., 2002. С. 112.

[4] *Чаадаев П. Я.* Философические письма: Статьи. Афоризмы. Письма. М., 2006. С. 23.

«Дурные идеи» и «гибельные заблуждения», принесенные из Европы, не вяжутся с амплуа Чаадаева как «западника».

Не имея возможности оценить все творчество мыслителя, отметим только, что идеи его менялись со временем, иногда даже на противоположные. Так, придерживаясь в юности католического миросозерцания, в зрелом возрасте он уже сомневался в этой своей приверженности.

Если в Первом философическом письме Чаадаев оценивает Русскую Церковь скорее как тормоз просвещения, то в 40-е годы, говоря о воспитании русского народа, П. Я. Чаадаев пишет о роли Церкви в нашей истории как важнейшем факторе не только национального, но и общечеловеческого воспитания: «Как бы то ни было, этой церкви, столь смиренной, столь покорной, столь униженной, наша страна обязана не только самыми прекрасными страницами своей истории, но и своим сохранением. Вот урок, который она была призвана явить миру: великий народ, образовавшийся всецело под влиянием религии Христа, поучительное зрелище, которое мы представляем на размышление серьезных умов»[1].

В письме (1846) своему другу графу Сиркуру, интересовавшемуся русской историей и симпатизировавшему славянофилам, раскрывшим, по его мнению, истинный смысл русской истории, «оклеветанной в Западной Европе», П. Я. Чаадаев писал: «надо все время помнить одно: что в нашем обществе не существовало никакого другого нравственного начала, кроме религиозной идеи, так что ей одной обязан наш народ своим историческим воспитанием и ей должно быть приписано все, что у нас есть, — доброе, как и злое»[2].

Ничто не может быть, по мнению мыслителя, благодатнее того направления, которое приняла теперь наша умственная жизнь. «Благодаря ему огромное число фактов воскрешено из забвения, интереснейшие эпохи нашей истории воссозданы вполне, и в ту минуту, когда я пишу вам, готовится к выходу в свет крупный труд подобного рода (автор имеет в виду «Историю русской словесности» С. П. Шевырева. — *Л. Б.*). С другой стороны, воззрение, противоположное национальной школе, также принуждено заняться серьезными изысканиями в исторической области, и, исходя из совершенно иной точки зрения, оно приходит к результатам не менее непредвиденным. Нельзя отрицать: бесстрашие, с которым оба воззрения исследуют свой предмет, делает честь нашему времени и подает добрые надежды на будущее, когда наш язык и ум будут свободнее…»[3]. Судя по всему, Чаадаев был удовлетворен тем направлением развития отечественной мысли, которое было вызвано его Первым философическим письмом.

Но если Первое философическое письмо Чаадаева — попытка понять в первую очередь смысл истории России, то «Семирамида» Хомякова — попытка понять внутренний смысл развития всего человечества. Это, собственно, методологическая система, а не история. «Не дела лиц, не судьбы народов, но общее дело, судьба, жизнь всего человечества составляют истинный предмет истории… Тут уже имена делаются случайностями, и

---

[1] *Чаадаев П. Я.* Философические письма: Статьи. Афоризмы. Письма. М., 2006. С. 247.

[2] Там же. С. 379.

[3] Там же. С. 383.

только духовный смысл общих движений и проявлений получает истинную важность», — писал А. С. Хомяков[1]. В «Семирамиде» поэтому почти нет ссылок, а факты во многом приведены по памяти.

Обычно, писал Хомяков, «всемирная история», хоть и называется всемирной, описывает по преимуществу жизнь европейских народов. Часто тысячелетняя жизнь других племен совершенно игнорируется, а если и описывается, то фрагментарно, и с точки зрения европейцев. Хомяков различает два основных начала, характерных для народов мира: кушитское и иранское.

Кушитское начало — «плотское», материальное, завоевательное (кушиты — народы южной Индии). Главный его символ — символ Змеи (здесь приходит на ум недавнее новогоднее прославление дракона (по-русски — Змея) как мирного и доброго существа, дарующего людям счастье), мировоззренческая основа — пантеизм. Оно связано с природой, плодородием, землей и водой, производящим началом, временем, мудростью и т. п. В кушитских культурах обычно хорошо развиты архитектура и живопись, т. е. более материальные искусства, характерна сильная государственность.

В культурах иранского начала Змея олицетворяет зло и бывает всегда побеждена (дракон, змей, гидра и т. п.). Они в большей степени основаны на духовной, внутренней свободе, нематериальных ценностях. Для культур иранского типа, по мнению Хомякова, характерно развитие литературы и музыки, довольно слабая и размытая государственность.

По мысли Хомякова, первоначальная вера мира была чистым поклонением Духу, которое постепенно исказилось под влиянием «кушитской вещественности и перешедшего во все виды многобожия человекообразного, звездного или стихийного»[2].

В чистом виде эти начала не существуют никогда, только в сочетании. С другой стороны, гармонического развития в истории искать не должно, утверждает Хомяков. «Народ растет, как человек, подвигаясь не вдруг по всем направлениям духа, но находясь всегда под преобладанием одного какого-нибудь начала, одной какой-нибудь мысли. Однако же преобладание одной стороны не есть ни смерть, ни даже совершенное усыпление других. …От этого-то и происходит весьма обыкновенное явление поочередности в умственном или политическом стремлении народов и внезапное пробуждение таких начал, которые казались совершенно подавленными»[3].

«Семирамида» оканчивается на середине Средних веков — там, откуда другие историки начинают свое повествование. Хомяков искал идею славянства, «идеологию фактов». Чтобы найти свою идею, полагал он, надо слегка отойти от научности, угадать историю в поэтических образах. Для исследователя неуловим «дух жизни целой семьи человеческой. Его можно чувствовать, угадать, глубоко сознавать — но нельзя заключить в определения, нельзя доказать тому, кто не сочиняет. В нем можно иногда отыскать признаки отрицательные, и даже назвать их; признаков положительных отыскать нельзя»[4].

---

[1] *Хомяков А. С.* Всемирная задача России. М., 2008. С. 162.

[2] Там же. С. 199.

[3] Там же. С. 186–187.

[4] Цит. по: *Кошелев В. А.* Алексей Степанович Хомяков. М., 2000. С. 195.

Россия, как и всякое общество, писал Хомяков, принявшее просвещение извне, не сразу смогла развить собственную оригинальную мысль. Она, «увлеченная бурным движением диких веков и соблазном западной науки, давно живет жизнью чуждою и несогласною с ее настоящим характером. …При всем вещественном могуществе и наружном блеске она представлялась глазам наблюдателя глубоко, вполне, без возврата искаженною»[1]. Но когда она возмужала в области ума, то возвратилась к познанию собственных богатств.

Характер истории России объясняется характером государствообразующего русского народа. Хотя по Хомякову кушитское и иранское начала своеобразно переплетаются в каждом народе, он все же условно делит все народы на завоевательные и земледельческие. «Народы завоевательные по первоначальному своему характеру сохраняют навсегда чувство гордости личной и презрение не только ко всему побежденному, но и ко всему чуждому. Таков монголец, таков кельт, таков турок… Победители, они угнетают порабощенных и не смешиваются с ними; побежденные, они упорно противятся влиянию победителей и хранят в душе инстинкты, зарожденные в них веками старинной славы»[2]. Автор приводит также в пример саксов, завоевавших Северную Америку, и испанцев — в Южной, которые никогда не говорили на языке местного населения и старались всячески отделиться от него.

Народы земледельческие, к которым относятся и славянские в своем большинстве, ближе, по мнению Хомякова, к общечеловеческим началам. «Им недоступно чувство аристократического презрения к другим племенам, но все человеческое находит в них созвучие и сочувствие»[3].

Но свобода сочувствовать, сживаться с жизнью соплеменников «лишает земледельца упорного характера личности», ведет к многочисленным уступкам. «Тот, кто охотно говорит на языке чужом, охотно забывает свой собственный язык. Тот, кто принял язык чужой, принял в себя волшебную силу чужой мысли, но отдал душу свою под вечную опеку… он схоронил всю свою старую жизнь, нравственную, умственную и бытовую». Этим, кстати, объясняется, неизвестный другим народам русский феномен западничества, т. е. предпочтения чужой культуры культуре своей собственной. Началось все с общения высших слоев нации на французском языке, о чем писал А. С. Пушкин Царю в своей «Записке о народном воспитании».

История по Хомякову воспитывает народ в нравственном отношении. «Нравственное усовершенствование или искажение так же важно, как изменение законов общественных, как расширение или стеснение круга знаний положительных…» Хомяков высказывает интересную и совершенно позабытую историками мысль о том, что «по чудному закону нравственного мира» обидчик всегда страдает больше, чем обижаемый. «Обе стороны подвергаются нравственной порче; но семя зла сильнее развивается в самом сеятеле, чем в почве, невольно подвергающейся его вредному влиянию. Таков устав вечной правды». В этом смысле монголо-татарское иго имеет совсем другое значение, которое мы привыкли ему приписывать, являясь «долгим и великим уроком смирения». «Зараза нравственной порчи» сильна тогда,

---

[1] *Хомяков А. С.* Всемирная задача России. М., 2008. С. 189.

[2] Там же. С. 179.

[3] Там же. С. 180.

когда злое начало соединено с жизнью лиц, составляющих общество, и поэтому «подчиненность целого племени другому племени менее гибельна, чем раздел покоренных, отданных в полную власть завоевателям»[1].

Друг и ученик А. С. Хомякова Ю. Ф. Самарин, первым издавший его историческое сочинение, в предисловии к «Семирамиде», продолжая размышления Хомякова, задался вопросом о смысле существования русского народа: «к чему предназначено это (русское, славянское) долго непризнанное племя, по-видимому, осужденное на какую-то страдательную роль в истории? Чему приписать его изолированность и непонятный строй его жизни, не подходящий ни под одну из признанных наукою формул общественного и политического развития: тому ли, что оно по природе своей не способно к самостоятельному развитию и только предназначено служить как бы запасным материалом для обновления оскудевающих сил передовых народов, или тому, что в нем хранятся зачатки нового просвещения, которого пора наступит не прежде, как по истощении начал, ныне изживаемых человечеством?»[2]

Совершенно закономерной является критика Хомяковым трудов русского историка С. М. Соловьева. Многотомную историю Соловьева Хомяков определил как «сбор официальных столбцов исторической летописи, подведенный под некоторую систему»[3], не увидев смыслового стержня в излагаемом материале.

Вопреки сложившемуся мнению о славянофилах как защитниках допетровского времени, Хомяков выступил против трактовки С. М. Соловьевым Ивана Грозного как мудрого мужа, боровшегося против бояр-раскольников. Хомяков напоминает нам, что Иван Грозный развязал бойню против собственного народа, ограбил страну и ликвидировал свободу мнений. «Людоед со своими подданными и низкий трус в борьбе с врагами… Язва безнравственная распространилась безмерно»[4]. Эта фраза еще раз показывает, что Хомяков оценивал исторические деяния больше с нравственных, чем с каких-то иных позиций.

Он отмечает, что, по мнению С. М. Соловьева, русский человек XVIII века явился совершенно чистым, вполне готовым к восприятию нового, одним словом, явился ребенком, и т. д. «то есть ничего не привносящим, кроме способности понимания, а впрочем, с мозгом, похожим на белую бумагу, на который еще ничего не написано». Это объясняет идею всего труда г. Соловьева. Он видит до Петра только материальный рост России и смотрит на народ как на человеческий материал, «годный только для подати натурою и деньгами»[5]

С. М. Соловьев, утверждая свою точку зрения о культурной отсталости допетровской России, пишет: кто же станет восхищаться состоянием земли, в которой не было даже полного списка Библии? Но до Реформации, возражает Хомяков, «никакая страна в Европе не имела не только полного, но

---

[1] *Хомяков А. С.* Всемирная задача России. М., 2008. С. 190.

[2] *Самарин Ю. Ф.* Православие и народность. М., 2008. С. 502.

[3] *Кошелев В. А.* Алексей Степанович Хомяков. Указ. соч. С. 192.

[4] Цит по: *А. В. Славин*. Проблема метода исторического познания в историософии А. С. Хомякова / Историософское и литературное наследие А. С. Хомякова и современная Россия. Материалы научной конференции. Смоленск, 2001. С. 13–14.

[5] *Хомяков А. С.* Всемирная задача России. М., 2008. С. 258.

и вообще какого-нибудь списка Библии на языке, сколько-нибудь понятном для народа»[1].

И заключает: «Читатель из всего чтения выносит одно сомнение: была ли бы для человечества какая-нибудь утрата, если бы все пространство от Черного моря до Белого и от Немана до Урала оставалось пустынею, населенною бродячими вогулами, остяками, или даже медведями?»[2]

Воспитательное значение истории отмечал и другой выдающийся мыслитель середины XIX века — Т. Н. Грановский. В статье «О современном состоянии и значении всеобщей истории» (1852) он писал, что надо учитывать промыслительное значение истории, но не склоняться при этом к фатализму. Ученый восхищается мыслью Карла Риттера (немецкий историк), принимающего Землю за «храмину, устроенную Провидением для воспитания рода человеческого… Оно проложило новые пути историкам нашего времени, но многие ли воспользовались этими трудными путями?»[3]

Грановский говорит о непознанности процесса становления народов мира: «Нам еще далеко не известны все таинственные нити, привязывающие народ к земле, на которой он вырос и из которой заимствовал не только средства физического существования, но значительную часть своих нравственных свойств». Как одну из гипотез он приводит точку зрения естествоиспытателя академика Бера: «…когда земная ось получила свое наклонение, вода отделилась от суши, поднялись хребты гор и отделились друг от друга страны, — судьба человеческого рода была определена уже наперед, и что всемирная история есть не что иное, как осуществление этой предопределенной участи»[4]. Однако очевидно, что фатализм автора ему не совсем по душе. «Смутно понятая мысль о господствующем в сфере истории предопределении иногда переходит в степень исторического фатализма. Эта школа снимала с человека нравственную ответственность за его поступки». Систематическое построение истории имеет свою противоположность. Некоторые историки выступают вообще против всякой систематизации, видя историю в изложении ряда фактов и предоставляя искать их связь читателю[5].

Грановский говорит о **зависимости** истории от общественного сознания и философии: «Быть может, ни одна наука не подвергается в такой степени влиянию господствующих философских систем, как история». Философская система постепенно делается общим достоянием и именно оттуда историк заимствует свою точку зрения и мерило, прилагаемое им к описываемым событиям и делам. Философия истории вряд ли может быть предметом отдельного изучения. А вот сами факты часто бессознательно истолковываются с помощью готовой уже философской схемы[6]. Об этом **априорном** «бессознательном истолковании фактов» писал и Ю. Самарин в своей знаменитой статье «Два слова о народности в науке». Отражение фактов в сознании зависит не только от самих фактов, но и от качества зеркала (сознания), их отражающего.

---

[1] *Хомяков А. С.* Всемирная задача России. М., 2008. С. 264–265.

[2] Там же. С. 265.

[3] *Грановский Т. Н.* Избранные сочинения. М., 1905. С. 10.

[4] Там же. С. 11–13.

[5] Там же. С. 18–19.

[6] Там же. С. 17.

О воспитательном значении истории у Грановского сказано вполне определенно: «Даже в настоящем, далеко несовершенном виде своем всеобщая история, более чем всякая другая наука, развивает в нас верное чувство действительности и ту благородную терпимость, без которой нет истинной оценки людей. Она показывает различие, существующее между вечными, безусловными началами нравственности и их осуществлением и ограничивается пониманием этих начал в данный период времени». «Да будет нам позволено сказать, что тот не историк, кто не способен перенести на прошедшее живого чувства любви к ближнему и узнать брата в отдаленном от него веками иноплеменнике»[1].

Грановский отмечает и преимущества отечественной исторической науки в отношении изучения Европы, как относительно свободной от предвзятости и позитивизма: «Ясный от природы и не опутанный влиянием сложного, составившегося из борьбы враждебных общественных стихий исторического развития, ум русского человека приступит без задних мыслей к разбору преданий, с которыми более или менее связано личное дело каждого европейца. Я говорю в этом случае не о том позорном и недостойном историка беспристрастии, в котором видно только отсутствие участия к предмету рассказа, а о свободном от всяких предубеждений воззрении на спорные исторические вопросы. Тревоги, взволновавшие до дна западные государства, отразились в понятиях тамошних народов и трудах историков, утративших веру в идею, заменивших ее нечестивым поклонением факту»[2]. То есть беспристрастие не значит отсутствия предпочтений и любви.

Тема исторического воспитания и истории как смысла развития народа получила развитие в вышеупомянутой статье Ю. Ф. Самарина в «Русской беседе» — «Два слова о народности в науке» (1856), вызвавшей целую бурю откликов и споров. Автор рассуждал об объективизме в истории, возможен ли он и насколько: «Легко подобрать в первоклассных творениях примеры противоположности полных, выработанных воззрений на историческое значение и характер целых племен, **истекающих из сочувствий или предубеждений авторов**»[3].

Во всех науках, занимающихся человеком, есть такие оценки. Усовершенствования в материальном быту перенимаются просто и бесспорно. «Но не так легко обходится дело при усвоении лучшей доли умственного наследства: замкнувшаяся система просвещения принимается под условием строгой поверки самых основных ее положений… Фактическое постоянное участие народности в образовании самостоятельных воззрений на предмет науки, кажется, не подлежит спору»[4].

По мнению приверженцев «общечеловеческого взгляда» на историю «историк не должен быть ни католик, ни протестант, ни француз, ни немец; он не должен принадлежать ни к какой политической партии, ни к какой политической системе; он должен быть просто историк. Пусть так! Но возможно ли это, и не предъявляем ли мы такого условия, при котором сама наука существовать не может?» Более того, «…сама история, как про-

---

[1] *Грановский Т. Н.* Избранные сочинения. М., 1905. С. 24.

[2] Там же. С. 24–25.

[3] *Самарин Ю. Ф.* Избранные произведения. М., 1996. С. 485.

[4] Там же. С. 486.

стое записывание случившегося, уподоблялась бы ряду метеорологических наблюдений над погодой и потеряла бы достоинство науки»[1].

Самарин разделяет мысль Грановского, что нам удобнее беспристрастно оценить чужую историю. Непричастность к истории других народов «дает возможность общечеловеческому воззрению постоянно расширяться и освобождать себя от тесных рамок, временно его ограничивающих». «Неразумное, безотчетное и преднамеренное отрицание чужого потому только, что оно чужое, при недостатке своего, при внутренней пустоте, не поведет к расширению области знания… Напротив, при обилии понятий, почерпнутых из народной жизни, при богатстве внутреннего содержания, никогда пользование чужими трудами не поработит мысли»[2].

Между авторами журналов «Русский вестник» и «Русская беседа» возник спор об отношении народности к общечеловеческому просвещению. «Русская беседа» доказывала, что общечеловеческая идея вырастает из живых народных стихий, и что «народ, заимствуя у другого плоды его умственной жизни, не просто переливает их в свое сознание, а претворяет их в свое духовное существо». «Русский вестник» не признавал органической связи общечеловеческих начал с народностями; принимает народность за форму, а идею за содержание, он предполагает между формой и содержанием механическое отношение сосуда к веществу, которым он наполнен, или места к материалам, в нем сложенным»[3].

У профессора русской словесности Московского университета С. П. Шевырева были свои представления об историческом воспитании народа. Он пишет, что Россия в первый период существования воспитывалась Церковью, а во второй (после Петра) — правительством[4].

В Киевской Руси «наука Запада в том виде, как она тогда процветала, была усвоена древней Россией, можно сказать, даже более, нежели наука, нам современная, теперь усвоена нами; но предки наши употребляли ее как орудие на защиту веры». «Литература… воспитывала его (народ. — *Л. Б.*) целыми веками, перешла в его представления, в дух его жизни; отнимаемая у него влиянием чуждым, не покинула его до сих пор и составляет любой предмет занятий грамотной его части, тему бесед его, источник прений»[5].

Последний крупный мыслитель середины XIX века, которому мы уделим внимание в статье — А. И. Герцен.

Его взгляд на историческое воспитание народов с полным основанием может быть признан эклектичным. В разные моменты своей жизни он обращался к разным источникам развития народов и стран.

Так, в начале своего творчества Герцен опирался на идею промыслительного значения истории, указанного христианством. В работе 1842–1943 годов «Дилетантизм в науке» Герцен писал: «Августин на развалинах древнего мира возвестил высокую мысль о веси господней, к построению которой идет человечество, и указал вдали торжественную субботу успокоения. Это было поэтико-религиозное начало философии истории; оно очевидно лежа-

---

[1] *Самарин Ю. Ф.* Избранные произведения. М., 1996. С. 487–488.

[2] Там же. С. 491–492.

[3] Там же. С. 240.

[4] *Шевырев С. П.* Об отечественной словесности. М., 2004. С. 210.

[5] Там же. С. 218–219.

ло в христианстве, но долго не понимали его; не более как век тому назад человечество подумало и в самом деле стало спрашивать отчета в своей жизни, провидя, что оно недаром идет, и что биография его имеет глубокий и единый всесвязывающий смысл. Этим совершеннолетним вопросом оно указало, что воспитание оканчивается… Воспитание предполагает внесущую, готовую истину; с того мгновения, как человек поймет истину, она будет у него в груди, и тогда дело воспитания исчерпано — дело сознательного деяния начнется»[1]. Правда, из этого отрывка выходит, что человечество уже воспитано и теперь стало самостоятельным. Тогда как и воспитание человека, и воспитание человечества продолжается до самого их конца.

При этом история человечества по Герцену является «продолжением истории природы»[2], он не указывает важнейшее отличие человеческой истории от естественной — наличие свободной воли человека, который все же сам творит историю.

По поводу российской истории мыслитель не питает никаких иллюзий: В «Письмах из Италии и Франции» Герцен утверждает: «Былое наше бедно; мы не хотим выдумывать геральдических сказок, у нас мало своих воспоминаний, — что за беда, когда воспоминания Европы, ее былое сделались нашим былым и нашим прошедшим»[3]. Здесь он оказывается гораздо кардинальнее Чаадаева, отказывая России в праве иметь собственные культурные начала, почему-то связывая их исключительно с «геральдическими сказками». Но это написано уже в период эмиграции.

«…С петровского разрыва на две Руси начинается наша настоящая история; при многом скорбном этого разъединения, отсюда все, что у нас есть, — смелое государственное развитие, выступление на сцену Руси как политической личности и выступление русских личностей в народе; русская мысль приучается высказываться, является литература, является разномыслие, тревожат вопросы, народная поэзия вырастает из песней Кирши Данилова и Пушкина… Наконец, само сознание разрыва идет из той же возбужденности мысли; близость с Европой ободряет, развивает веру в нашу национальность, веру в то, что народ отставший, за которого мы отбываем теперь историческую тягу и которого миновали и наша скорбь, и наше благо, — что он не только выступит из своего древнего быта, но встретится с нами, перешагнувши петровский период»[4].

То есть, не усматривая в допетровской России «кушитских» начал: развитой литературы, торговли, философии, других наук, «разномыслия», А. И. Герцен отказывает ей в исторической жизни вообще. Это уже классическая западническая позиция, которая жива до нашего времени и основывается, по преимуществу, на неведении, незнании тех громадных пластов национальной культуры, которые так отличны от культуры западноевропейской.

Таким образом, и славянофилы, и западники в середине XIX века пытались осмыслить суть исторического пути России и мира, сделать выводы о настоящем смысле национального развития и определить некоторые прогнозы на будущее.

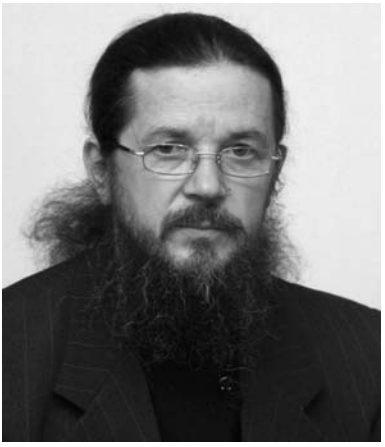
---

[1] *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30-и т. Т. 2. М., 1954. С. 87.

[2] Там же. С. 85.

[3] *Герцен А. И.* Указ. соч. Т. 5. С. 21.

[4] *Герцен А. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 24–25.

Протоиерей Владимир ЧУГУНОВ

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ГЕРОЙ В КОНТЕКСТЕ КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Владимир Аркадьевич Чугунов — родился в 1954 году в Нижнем Новгороде (тогда г. Горький), служил в ГСВГ (ГДР), работал на Горьковском автозаводе, старателем в Сибири, пастухом, окончил Литературный институт им. А. М. Горького, Нижегородский педагогический университет, курс «Практическая теология». Печатался в журналах «Москва», «Наш современник», «Вертикаль-XXI», «Слово». С 1990 года — священнослужитель. Семья большая — девять детей. Автор книг прозы «Деревенька», «Русские мальчики», «Городок», «Дыхание вечности». **Живет на приходе, в старинном Поволжском селе Николо-Погост, Городецкого района, Нижегородской области.**

Приступая к работе над романом «Идиот», Достоевский писал в одном из писем к поэту Майкову: «Главная мысль романа — изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь. Все писатели, не только наши, но даже все европейские, кто только ни брался за изображение положительно прекрасного — всегда пасовал. Потому что эта задача безмерная. Прекрасное есть идеал, а идеал — ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался». Развивая эту мысль в записных тетрадях, Достоевский писал: «Главная задача: характер Идиота. Его развить. Вот мысль романа. Как отражается Россия… Он восстановляет Н. Ф. (Настасью Филипповну. — *В. Ч.*) и действует влиянием на Рогожина. Доводит Аглаю до человечности». И далее — там же: «Если Дон Кихот, Пиквик как добродетельные лица симпатичны читателю и удались, так это тем, что они смешны. Герой романа, князь, если не смешон, то имеет другую симпатичную черту, он невинен».

И об этом не раз писали наши литературоведы, но ни один из них ни разу не упомянул, что в тех же записных тетрадях Достоевский неоднократно называет своего героя князь-Христос. Но именно это определение является ключом к пониманию личности главного героя, а также ключом к пониманию положительного героя в контексте классической и современной русской литературы. «Где бы, — пишет Достоевский, — князь ни прикоснулся к чужой жизни — везде оставил неизгладимую черту». А слова о «восстановлении и воскрешении человека» прямо указывают на Христа, пришедшего «падший восстановить образ».

Что же, спрашивается, побудило Достоевского взяться за такую трудноисполнимую задачу?

Ответ дает сам автор:

«Все наши русские писатели (и надо заметить, что это только начало так называемого критического реализма. — *В. Ч.*), решительно все только и делали, что обличали разных уродов. Один Пушкин, ну да, может быть, Толстой, хотя, чудится мне, что и он этим кончит… Остальные все только к позорному столбу ставили, или жалели их и хныкали. Неужели же они в России не нашли никого, про кого бы могли сказать доброе слово, за исключением себя, обличителя?.. Почему у них ни у кого не хватило смелости (талант был у многих) показать нам во весь рост русского человека, которому можно было поклониться? Его не нашли, что ли!..» И еще не менее важное добавляет: «В поэзии (то есть в художественной изобразительности. — *В. Ч.*) нужна страсть, нужна *ваша идея*, и непременно указующий перст, страстно поднятый. Безразличие же и реальное воспроизведение действительности ровно ничего не стоит, а главное — ничего и не значит».

На протяжении последних десятилетий как только не перетолковывали, в каких целях только не использовали вложенные Достоевским в уста князя Мышкина слова о том, что «мир спасет красота». Но почему-то никто ни разу не обратил внимание в тех же записных тетрадях на прямую расшифровку этих слов самим Достоевским: какая именно красота спасет мир? Из опасений дидактических Достоевский не решился вложить в уста князя всю фразу целиком и дал только намек, когда, отвечая на вопрос генеральши Епанчиной по поводу портрета Настасьи Филипповны, почему именно такую красоту князь ценит, он ответил: «В этих глазах страдания много…» И если вдуматься в эти слова и соотнести их с поступками самого Христа, тогда и сказанные Достоевским слова о красоте, которая спасет мир, не покажутся нам такими уж странными и непонятными. Очевидно, современникам Достоевского для понимания сути этих слов достаточно было объяснения князя по поводу портрета Настасьи Филипповны, хотя генеральша и обронила, выслушав мнение князя Мышкина по поводу сути ценимой им красоты: «Вы, князь, может быть, бредите». Во всяком случае, современная Достоевскому критика вопроса о том, какая именно красота спасет мир, не подымала. Зато начиная с перестроечных времен и по сей день слова эти как только не интерпретируются, в каких целях только не используются, кто только над ними не глумился. Но если заглянуть в записные тетради Достоевского, все эти насмешки и нападки обличат в лучшем случае нашу некомпетентность. А целиком эта знаменитая фраза звучит так: «Мир спасет красота Христова». (Л.: Изд-во «Академия», 1934, с. 222).

Ну, хорошо, сразу спросят, тогда объясните, от чего спасет мир такая красота?

При наличии неполной фразы ответа на вопрос, действительно, нет. Если вспомнить, к тому же, что одно время слова эти даже были вывешены в виде лозунга над подиумом конкурса королев красоты: вот-де, мол, какую красоту имел в виду Достоевский! Этим недоумкам и кощунникам недосуг было даже просто прочитать роман, в котором слова князя были обращены к женщине, которая мучилась тем, что она, хотя и не по своей воле, а все же стала соучастницей смертного греха, который ни организаторы, ни участницы данного шоу, очевидно, даже и за грех не считают.

Какой же все-таки ответ? От чего спасет мир красота Христова?

Ответ недвусмысленно прост. Красота Христова спасет мир от окончательного совлечения с человека образа и подобия Божия. Иного спасения, увы, человечеству не только не обещано, но и физически, ввиду истощения жизненно важных ресурсов, не дано.

На протяжении истории всей русской литературы истинность этих слов подтверждается до сих пор. И сколько бы ни выставлял напоказ нынешний книжный бум представителей совершенно противоположного направления, поборников хамства, пошлости и разврата, недолговечность их обличит время. Достаточно поднять подшивки некрасовского «Современника», чтобы в этом убедиться. Все, поднимавшееся тогдашней прогрессивной критикой на щит (то, о чем упомянул Достоевский, говоря о любителях копаться в чужих недостатках), сейчас не стоит и выеденного яйца, безнадежно устарело. А Достоевский со своими «фантастическими», как считала та же недальновидная критика, героями современен и актуален до сих пор не только у нас, но и во всем мире.

Не избежал похожих нападок и Лев Толстой. И это особенно коснулось романа «Анна Каренина». Известный в то время критик Скабичевский, например, не увидел в романе ничего, кроме рассказа «о том, как моют и нянчат ребят, как хозяйки заказывают кушанья и бренчат ключами, как мужья в халате, шлепая туфлями, отправляются в спальню». И в самом деле, на фоне «несжатой полоски» Некрасова, «добывающий веру в Бога у мужика» Левин со своею «несовременной» любовью к Кити, великосветская дама Анна Каренина, «неизвестно из-за чего» (если Бога нет и всё один обман) покончившая собой, могли показаться не только нетипичными, но даже фантастичными.

Заявляя тему статьи о положительном герое, мы в первую очередь имели в виду лицо истинно типичное, узнаваемое, глубинное.

Узнаваемое, сразу спросят, кем?

Да уж понятно, что не современной прогрессивной критикой. Ни для кого давно не секрет, что все их мнимо передовое художество держится исключительно за счет помпы и обслуживает бизнес. Но речь теперь не об этом.

И в первую очередь надо сказать, что несжатая некрасовская полоска была все же исключительным, а значит, нетипичным явлением для своего времени, можно сказать, одна-единственная несжатая полоска на всю Россию, но именно она и послужила поводом к созданию произведения, которое впоследствии топором Раскольникова замахнулось на вековой миропорядок, приведя в итоге Россию к постоянной смене курса, и в итоге обернулось тысячами гектаров брошенных, заросших березняком полей.

В подымаемой ныне на щит современной литературе практически невозможно отыскать истинно типичное.

Зато в знаменитой истории Африканыча и Катерины Василия Белова («Привычное дело») истинно типичное разглядеть не составляет никакого труда. Показаны скромные, невидные крестоносцы, не произнесшие ни одного укоризненного слова на несправедливость окружающей действительности.

В прошлом году вместе с рукописью выдвигаемого на конкурс им. И. С. Шмелева произведения мы получили от автора сопроводительное

письмо, в котором нас пытались убедить, что (цитирую) «после 70-и лет государственного атеизма писать вещи подобные “Богомолью” или “Лету Господню” просто невозможно», что сейчас якобы нужно «собирать и хранить все то, что еще не исчезло в волнах нашего длительного системного застоя, который еще может перейти в стадию распада остатков российского государства. Сидя на таком вулкане, мало кто из ответственных, честных писателей может представить вам гладенькую вещь, где явился бы «преображающий свет любви и целебное тепло домашнего очага». «Выдавать явления редкие, — продолжает автор, — исключительные за типичные — это уже будет слащавый соцреализм» (наверное, имеется в виду «Привычное дело» В. И. Белова). И далее: «Для того чтобы наше солнце опять заиграло в пользу живых» (имеется в виду роман Шмелева «Солнце мертвых», который автор письма считает единственно актуальным как для того, так и для нынешнего времени), нам нужно очень критично оценить наши последние 20 лет. Может быть, при таком подходе в наших повестях, романах окажется меньше «преображающего света любви и целебного тепла семейного очага», зато мы окажемся ближе к Правде, которая одна только спасет и выведет нас на верный путь».

Иными словами, автор призывает к очередной смене курса ради построения нового Царства Правды на земле. Не указано, к сожалению, какими именно средствами собирается автор данного письма искоренять существующие недостатки. И главное — как это все старо и знакомо. И это несмотря на то, что, судя по письму, автору вполне доступно было прочесть высказанное еще две тысячи лет назад предостережение о том, что сам Бог, чтобы неосторожно не уничтожить семя доброе, не позволил своим могущественным ангелам удалить с поля жизни семена злые, оставив то и другое расти до жатвы. Почему-то «государственное язычество» не мешало первым христианам оставаться людьми, а «государственный атеизм» или «перестроечный бардак» мешают. Эту младенческую наивность даже как-то неловко читать после тысячелетней практики искоренения злого семени, начиная с первых веков христианства и до наших дней. Воистину не взрослеющее человечество. Да разве во времена военного коммунизма, коллективизации, инспирированного голода, лишений, во время Великой отечественной войны и до сего дня люди переставали любить, создавать семьи, растить детей и внуков? Разве не «целебное тепло семейного очага» во все времена согревало, спасало и теперь спасает людей от окончательного разложения? Более того! Разве может когда-нибудь умалиться «преображающий свет любви», которая одна только и есть настоящий смысл и цель жизни, и без которой любые преобразования, направленные, по слову Достоевского, в сторону животишек, совершенное ничто, ибо, как поясняет тот же Достоевский, почему мы так уверены, что во время достигнутого, наконец, торжества не найдется такой негодяй, который возьмет и потянет на себя скатерть с праздничного стола и все торжество разом испортит?

М. П. Лобанов в письме к вашему покорному слуге признается: «Мать моя, еще до замужества, семнадцатилетняя смотрит с фотографии прямо, с недевичьей суровостью, как будто уже знает, какая жизнь ожидает ее, и без всяких иллюзий смотрит на это. И все пережила, перетерпела, и не утратила к старости удивительного дара, о котором говорила: «Какая-то я чудная: что ни сделаю — всему рада». Когда маленькая внучка спросила:

«Бабушка, ты одна, тебе скучно?», — она ответила: «Я не одна. Со мной Бог». Похоронена мама в Москве. Рядом с нею припасено и мне местечко. Опыт пережитого бабушкой и матерью не остался без следа в моем духовном развитии и коснулся того, что можно назвать «сладостью духовной нищеты», которая всегда говорила во мне подспудно глубже всего другого, материального».

А у меня, например, была такая бабушка, которая, когда дедушку арестовали за то, что, будучи членом правления колхоза в начале тридцатых, он принял участие в выделении умирающим от голода семьям зерна из гарнцевых хлебов, воспитала семерых детей и, пройдя через те же лишения, сохранила благодушие и незлобие, которые удивляли и покоряли всех. И это не единичные случаи. У каждого из нас были и есть в роду такие праведники, без которых, как известно, не стоит село.

Почему же героям Василия Белова, матери Лобанова, моей бабушке лишения, которые нам даже и не снились, не помешали сохранить «свет преображающей любви» и «тепло домашнего очага», а нам, в большинстве своем забывшим даже, каким образом раньше полоскалось белье и откуда доставалась простая вода, не говорю уж, о хлебе насущном, почему-то мешает?

Не в том ли беда, что истинно типичное, под воздействием обилия социальных проблем, в нашем сознании постепенно скатилось к явлениям нетипичным и исключительным, так что понимание положительного героя постепенно сместилось в сторону либо борьбы за социальную справедливость, либо в сторону борьбы за расширение демократических свобод?

Но равенства, увы, никогда не было и не будет. Тот же Достоевский заметил как-то, что если будет равенство материальное, интеллектуального не будет никогда, и вот вам еще один повод к зависти.

Что же, спрашивается, мириться с недостатками, молчать о них?

А что вы предлагаете? Опять уничтожать несогласных? Один шекспировский персонаж, отрок, идя по улице мимо тюрьмы, спросил: «Мама, а кто там сидит?» Она ответила: «Плохие люди», на что сообразительный отпрыск заметил: «Так много? Ну, и дураки же они! Могли бы сами всех хороших пересажать и преспокойно пользоваться благами свободы».

Можно бы считать, что совет услышан и принят к исполнению, если бы жизнь на земле была бесконечна. А вот упрямый, да еще к тому же и «больной», как все пытаются нас уверить, гений Достоевский уверял, что мир спасет не учение Христа (как считал, например, Лев Толстой), не мораль, не совершенное законодательство, не широкое образование и физкультура, на которые теперь уповают, а вера в то, что «Слово плоть бысть, что Христос — есть Бог воплотившийся, потому что только при такой вере, — уверяет Федор Михайлович, — человечество имеет силу не совратиться сначала в ересь, потом в атеизм и, наконец, в троглодитство, исчезнув, истлев окончательно». Уверял тот же Достоевский, что христианство компетентно даже спасти весь мир и разрешить все вопросы — если бы, например, все стали подобными Христу. Даже если бы стали подобными героям «Привычного дела», матери Михаила Петровича Лобанова и моей бабушки, многое в нашей теперешней жизни было бы иначе. И настоящая литература, как и сама жизнь, время от времени являет нам такие неповторимые образы.

Понятно, что силою воображения создать образ, подобный князю Мышкину, Алеше Карамазову, невозможно. Для этого нужна вера, подобная

горячей вере автора. «Не как мальчик же, не раз уверял Достоевский, я верю в Бога, через великое горнило сомнений моя осанна прошла». Надо добавить еще — и через тяжкие испытания, каторгу, лишение всех прав, пристальное внимание, как теперь выражаются, со стороны спецслужб, постоянную нищету, одержимость страстью к игре в рулетку, мучительную болезнь. И при этом суметь сохранить веру и в «свет преображающей любви», и в «тепло семейного очага» — разве не чудо? Да что там! Находясь в Петропавловской крепости по делу Петрашевцев, Достоевский пишет рассказ, который от начала до конца проникнут светом «преображающей любви». Имеется в виду рассказ «Маленький герой» — действительно в тогдашнем положении Достоевского никак не типичный. Даже о возведении на эшафот он всего лишь однажды рассказал устами князя Мышкина, но с таким «светом преображающей любви», без обычного интеллигентского хныкания и скрипения зубами, что просто диву даешься!

Кажется, Блок заметил, что «бледная немочь интеллигенции» заключается в недовольстве существующим порядком вещей, в то время как народ, «дорожа теплом семейного очага», все лишения и несправедливости терпит — не стиснув, надо заметить, в бессильной злобе зубы, а довольствуясь тем, что имеет. И в самые трудные времена при скудном своем довольстве все так же поет, любит, создает семьи, рожает и растит детей. Действительно, разве можно быть несчастным, когда, как сказал тот же князь Мышкин, столько «вещей на каждом шагу таких прекрасных, которые даже самый потерявшийся человек находит прекрасными». «Посмотрите, — говорит он, — на ребенка, посмотрите на Божию зарю, посмотрите на травку, как она растет, посмотрите в глаза, которые на вас смотрят и вас любят…»

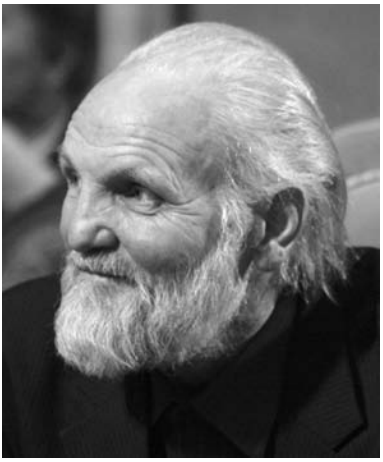
Почему же мы всего этого истинно «целебного» и «преображающего» никак не хотим замечать? Неужели окружающая действительность и тот поток грязи, который захлестнул больше СМИ и литературу, чем настоящую действительность, окончательно затмил для нас живоносный источник света? Или не ради нас воскрес Христос? Или, во Христа крестившись, в свойства любви Его мы так и не облеклись? Не думаю, что это так. Иначе бы не дорожили теми немногими, по сравнению с томами ЖЗЛ, книгами о людях истинно типичных, преображающий свет любви которых даже при чтении озаряет наши сердца.

Именно поэтому положительный герой — есть истинная типичность и самое типичное явление в окружающем нас, казалось бы, таком нетипичном мире.

В своей статье мы не коснулись женских образов. Но именно они на протяжении многих лет и до сих пор являются примером воистину величественной красоты от века самого типичного, как в жизни, так и в литературе.

И в конце хочется напомнить, что настоящая литература вовсе не для удовлетворения праздного любопытства, эстетического наслаждения или для отражения классовой или демократической борьбы существует, а в первую очередь — это стояние в истине посредством созидания, сопереживания и сочувствия всему положительно прекрасному.

Владимир КРУПИН

«…ЧТО НАДО ПОДНИМАТЬ НА ВЫСОТУ ВНИМАНИЯ»

О книге архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые»

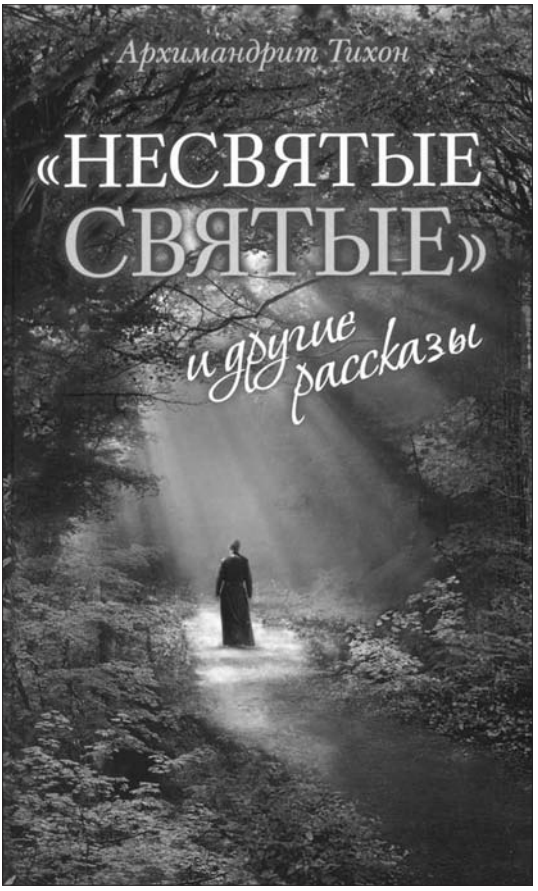
Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 году в с. Кильмезь Кировской области, сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был гл. редактором журнала «Москва». С 1994 года преподает в Московской Духовной академии. Гл. редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Как же я давно не испытывал счастья такого чтения, когда сам у себя отнимаешь книгу, а то на завтра ничего не останется, когда чувствуешь себя среди тех, кто описан, а в данном случае среди монахов. И понимаешь, что они уже навсегда будут с тобой, и засыпаешь с чувством вины перед ними: я-то сплю, а они за меня молятся.

Книга архимандрита Тихона «Несвятые святые» ошеломила дельцов книжного рынка. Как? Доселе они ковали капитал на пропаганде пошлости и разврата, а тут книга, написанная архимандритом, да еще и о монахах, да еще и о делах самых прозаических. И расходится так, что бьет все рекорды книгопродаж. А, казалось бы, что интересного в монашеской жизни? Живут, да работают, да подолгу в церкви стоят. Что тут занимательного? Где сюжет, где интрига? Вот если б было, как у Франсуа Рабле, описание нечестивой монашеской жизни, тогда да. Но не путайте, торгаши, Православие и католицизм, Рабле писал картины из жизни католичества, здесь жизнь православного монашества.

Доверчивость — черта характера православная. И не сразу мы научаемся рассуждать, что нам полезно в книгах, что вредно. Еще и доверяем всему напечатанному. И на этой-то доверчивости держится обман читателей. Либеральная машина рекламы вдвигает в сознание только один тип современной литературы — примитивный. В нем пропаганда насилия, уголовных разборок, разврата, политического вранья занимает ведущее место. Даже и Президент, не выдержав напора этой масс-писанины, согласился с ней. Нет, обмануть раз-другой-третий читателя можно, но всегда обманывать не получится. Не дико ли — читать, чтобы узнать к концу книги, кто кого и за что

убил? И что? Стал ты лучше, добрее, чище? Наоборот. Тебя вываляли в грязи, тебе внушили, что в России жить невозможно, тебе пощекотали нервы драками, стрельбой, постелью, тебя сделали хуже, унизили, да все это еще и за твои деньги.

Но ты уже отравлен наркотой такого чтения, и ты выскребаешь из кармана трудовые гроши и идешь к книжному прилавку, на котором как дешевые проститутки все время появляются новые приманки.

Книга «Несвятые святые» — урок всем: писателям — вот как надо писать о духовной жизни, критикам — вот что надо поднимать на высоту внимания, издателям — вот что надо издавать, продавцам — вот что надо продавать, покупателям — вот что надо покупать, что читать, у чего учиться воспитывать душу.

Подвиг за сохранение Псково-Печерской Лавры — это битва за Россию. И победа была одержана. Прежде всего воинами Великой Отечественной, ставшими монахами. И теми, кто пришел им на смену. Они разные: и говорливые, и молчаливые, и работящие, и не очень, и резкие, и мягкие, но все они *добрые*, все желающие нам спасения.

Выстояла Лавра — выстояла Россия. Неотрывно читаешь страницы о тех боях за спасение нашей души. Министр Фурцева по приказу Хрущева приехала закрывать Лавру, и не закрыла. Чекисты надрывались и коммунисты, и не смогли. Может, из деликатности автор не сказал о том, что Фурцева покончила жизнь самоубийством; и о том мусоре, который наваливали на могилу Хрущева, и о его американо-подданом сыночке. Да Бог всем судия.

Книга «Несвятые святые» становится в ряд с хрестоматийными уже описаниями монашеской жизни «Луг Духовный» Иоанна Мосха, «Письмами со Святой Горы» Сергия Святогорца. Читаешь ее и будто продолжаешь чтение о житии монахов первых и средних веков христианства. Они рядом с нами: и монахи Нитрийской пустыни, и великие старцы Антоний, Павел, Макарий, палестинские Георгий и Иоанн Хозевиты, Герасим, монахи Киево-Печерской и Троице-Сергиевой Лавр, все с нами, все рядом. Для Православия нет времени, оно в вечности. И современности нет — это летящие и исчезающие мгновения жизни, данные нам для того, чтобы успеть заслужить Царство Небесное.

Поклонимся монахам. Вспомним тишайшего старца Памву, идущего с братией по Александрии и то, как гневно сказал он сидящим людям: «Встаньте и приветствуйте монахов: они говорят с Богом, они молят Бога за вас!»

Очень понимаю душевный восторг читателей книги, их ночные звонки друзьям и родным: «Ты читала книгу “Несвятые святые”? Не могу оторваться!»

Уже навсегда в нашу жизнь входят великие современники — монахи, которых описал, может, вопреки их желанию, но для нашего спасения, отец Тихон.

Пытаюсь понять, как автор достиг такой силы выразительности. Ведь даже, если бы главы не сопровождались очень нужными фотографиями монахов и видов Лавры, все равно бы они виделись нашему духовному зрению. Как? Конечно, тут талант от Бога, но тут и работа над талантом. Очень помогло кинематографическое образование архимандрита Тихона, в миру Георгия. И надо всем этим все покрывающая любовь к собратьям. Любовь — вот слово, которое нельзя произносить, если ты его не обеспечил золотом страдания за того, кого любишь.

Без монашеской молитвы не спастись миру. Ни всему миру, ни России, ни каждому из нас. Будем молиться за монахов. Им стократно тяжелее, чем нам. Но они и стократно сильнее.

Многая и благая Вам лета, отец Тихон! Долгоденствия, благоденствия и новых трудов! Они нужны, они делают нас лучше и чище.

Думаю, что эта книга этапная для общего нашего сознания. Неужели еще кому-то не ясно, что Россия достойна именно такой литературы.

Вышла книга

Шендаков Андрей

В старинном городке. Стихи — Орёл: Изд-во «Картуш», 2011. — 122 с.

«В старинном городке» — книга стихов молодого поэта Андрея Шендакова. Лёгкость, красота, глубина и гармония — основные качества произведений, написанных автором за последние четыре года и представленных в этом сборнике.

Петербургский писатель

Валентина ЕФИМОВСКАЯ

ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ

О новой книге прозаика Михаила Зарубина «Долгая дорога к маме»

В рубрике публикуются литературно-критические статьи, эссе, рецензии, посвященные творчеству современных петербургских литераторов. Сегодня петербургская литературная школа является одной из основных в России, однако, по ряду причин, связанных с проблемами русской культуры в целом, не достаточно известна широкому российскому читателю. Оценка творчества петербургских писателей, работающих в исконных традициях русской классической литературы и эти традиции продолжающих и обновляющих, поможет нашим читателям составить представление о целостности и непрерывности современного литературного процесса.

Посадить дерево, построить дом, вырастить сына. Эти обобщенные, выработанные человечеством в веках признаки становления личности настоящего мужчины, не вызывают сомнений. Не столь однозначны определения условий становления личности настоящего писателя, важные в наше технически обеспеченное время, когда, кажется, любой напечатанный или вброшенный в электронную сеть текст может считаться трудом литератора. Не следует забывать, что из той же глубины веков проистекает разграничение понятий «литератор» и «писатель». Последний отличается от первого тем, что является требовательным к своему дару художником слова, обладает собственным мировоззрением и стилем и не подходит под уничижительную оценку, сформулированную Блоком: «Был он только литератор модный, только слов кощунственных творец». И все-таки есть некие, более конкретные отличительные условия обретения звания «писатель», чье творчество должно характеризоваться не только эстетическим эффектом или оригинальным сюжетом, но иметь ценность во времени. Эта ценность заключается в том, что истинный писатель интересен людям разных эпох, так как может поставить и попытаться ответить своим творчеством на известный ряд непреходящих вопросов бытия, наиболее сложным из которых остается на первый взгляд простой вопрос «Что такое любовь?»

Если по первому, вышеприведенному тесту на звание настоящего мужчины Михаил Константинович Зарубин, заслуженный строитель России, построивший во многом новый Петербург, глава большой дружной семьи, воспитавший детей и внуков, определяется однозначно, то осознание его как современного писателя требует специального рассмотрения творчества

этого уважаемого санкт-петербургского прозаика, публициста, автора шести книг. В книгах Михаил Зарубин смело ставит эти «трудные» вопросы и опытом жизни находит на них ответы, не боясь показать мучительный, иногда ошибочный, свой путь решения сложнейших жизненных задач. *«Я попытался рассказать молодым о том, что такое любовь, как ею нужно дорожить, и что делать для того, чтобы она не угасла… Скажу прямо: ничего путного из этой лекции не вышло, слова были какими-то чужими, заимствованными…»*, — признается писатель в новой книге «Долгая дорога к маме», которая, несмотря на то, что в ней нет страстных любовных историй и чувственных сцен, вся о любви. О любви, если можно так выразиться, в векторном ее представлении. Этот вектор, как луч прожектора, исходящий из наполненного любовью сердца автора в пространство жизни, преломляющийся в различных средах встречных людских сердец, отражающийся от многообразных преград, кажется, создает обширное, насыщенное диффузное поле любви, в котором происходит постижение смысла бытия.

Трудно что-либо добавить к символическому образу значения любви человеческой, данному апостолом Павлом: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею; то я медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так, что могу и горы переставлять, а не имею любви; то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею; нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13; 1–3). Добавить, действительно, нечего, но в этом метафорическом трехсоставном условии, как в незыблемой трехмерной системе координат, где за точку отсчета принят Источник любви, можно исследовать человеческую личность, внешне меняющуюся от века к веку, но хранящую в неизбывности потенциал любви. Хотя, кажется, что в наше прагматичное время он заметно поизрасходовался. О том, так ли это, можно узнать из новой книги рассказов и очерков Михаила Зарубина «Долгая дорога к маме».

Название книге дано по первому рассказу, который в ней является концептуальным, узловым. Это композиционное решение, когда кульминационный рассказ ставится в начало, непривычно. Но такое построение можно понять и оправдать по мере прочтения всей книги, представляющей единое, целостное произведение. Постепенно, подобно родной, любимой писателем реке Илим, история жизни главного героя как будто вытекает из первого повествования и, попетляв, в конце возвращается к истоку, замыкая пространство и время повествования. Хотя в названном рассказе оно идет от третьего лица, от имени тезки автора, мы догадываемся, что это автобиографическая повесть. Такая личностная отстраненность, стремление заменить «я» на «он» является не только ментальной чертой покаянного русского самосознания, но и художественным приемом, позволяющим писателю оценочно посмотреть на свои поступки со стороны и поразмышлять над своей судьбой в историческом контексте. Михаил Зарубин сознательно использует литературный прием, разработанный в русской классике, когда главный герой становился не только «объектом» повествования, но и «субъектом», способствующим выражению авторских идеалов и стремлений.

Самое горестное испытание выпало на четырнадцатый год жизни Михаила. Что может быть страшнее для ребенка, чем смерть матери? Но удивительно, рассказ покоряет щемящей искренностью, пронизан темой радости, лучится нравственной чистотой, несмотря на то, что посвящен трагедии

главного героя. В рассказе он взрослеет, мужает, стареет, в то же время молодой и как будто живой на всем протяжении повествования остается его любимая мама. Писатель как будто встает наперекор неотвратимой силе смерти, показывая нам свою маму красавицей даже во время гибельной неизлечимой болезни. Он не просит сочувствия, не рассказывает, как сейчас модно, в страшных подробностях о прогрессирующей болезни, о приближении смерти. Но обращает внимание лишь на одну из ее запоминающихся примет — на тонкие ледяные пальцы умирающей молодой женщины, и тем поэтизирует ее образ. «*Он встал на колени, положил голову на грудь матери, она гладила его волосы тонкими холодными пальцами, хотела дотянуться поцеловать, но сил не хватило. Еле слышно, как завещание, прозвучали ее слова: — Прости меня, прости, сынок*».

Михаил Константинович Зарубин

Не раз на страницах небольшого рассказа звучит слово «прости». Нет, эти покаянные нотки не сливаются в тему покаяния в традиционном христианском понимании, но дарованные сыну матерью становятся теми зернышками в его душе, из которых вырастают добрые, нравственные чувства, определяющие пути его будущей жизни. Мать Михаила просит прощения за то, что не хватило ей времени вырастить сына, не осознавая вполне, что от ее рода, от всех предков, от родимой земли в сердце мальчика уже заложены те основания, которые обеспечат ему твердую дорогу в дальнейшей жизни. «*Он не понимал еще чувства любви, но неодолимая тяга к матери была первым ростком в его душе*». Писатель с возрастом постигает непреходящее значение этого дара, обязательность его как закона жизни. Потому, наверное, редко в рассказе называет мать по имени, а больше пользуется именем «матери», так подчеркивая ее достоинство, ее высокую, объективную самоценность в контексте своей тревожной мысли о смерти, об исчезновении с земли родного человека. Весь рассказ — это не столько воспоминание о своем жизненном пути, сколько упорное, достаточно доказательное опровержение конечности бытия человека, который олицетворяет красоту мира, является венцом творения.

Автор, как будто стесняясь укрепляющихся с возрастом своих пытливых мыслей о Боге, о Вечности, признается в связи с этим в своем воспитанном с юности атеистическом мировоззрении советского человека. Но, тем не менее, не может обойтись в духовно-творческих поисках без трансцендентных категорий, среди которых наиболее убедительной, кажется, считает категорию «чуда». Оно входит в жизнь героя рассказа, которого все-таки можно отождествлять с автором произведения, с того момента, когда мальчик прощается с умирающей матерью. В рассказе это очень светлая, оптимистичная сцена, которая заканчивается не слезами, не безысходными словами прощания, а так, как будто родные люди расстаются лишь на время.

«*Он снова вошел в дом, подошел к матери, поцеловал ее в губы, потом прижался к рукам, целуя их:*

— До свидания, мама!

— До свидания, — тихо ответила мать, — будь осторожен, береги себя».

Подросток с удивительной мудростью ощущает временность лишь кажущегося вечным расставания. Не удивляясь происходящему, воспринимает он известие о смерти матери от нее самой, оказавшейся непостижимым образом в смертный час рядом с любимым сыном, находящимся вдали от дома. Это свидание, изображенное автором в солнечных, теплых, радостных тонах жизни, являющееся кульминацией рассказа, маленький герой повествования объясняет действием как будто всегда присутствующей рядом, а потому не пугающей «неведомой силы», ощущение близости которой будет сопровождать его и в зрелые годы.

«Семнадцатого июля (он навсегда запомнил эту дату!), в пять часов утра его подняла с постели неведомая сила. Никогда, даже в деревне, Мишка не поднимался в такую рань. А здесь он сам открыл глаза, сон как рукой сняло. Не одеваясь, вышел на крыльцо… Сладко пахли цветы, сладковато-приторный запах пропитал все вокруг. Где-то вдалеке выводил свою трель соловей. Теплые лучи разбудили спящего голубя, дремавшего на веточке старого тополя… Мишка вдруг почувствовал, как кто-то рядом присел на ступеньку, обнял его за плечи и поцеловал в висок. Он удивился — кто бы это мог быть? Открыл глаза. Никого не было. Теплые лучи согревали его, он прикрыл веки и провалился в дремоту. И снова кто-то поцеловал его в висок. Так всегда делала мама… И тут он почувствовал на своих плечах чьи-то теплые руки, услышал легкое дыхание.

— Мама, это ты? — спросил Мишка.

— Здравствуй, Мишаня, — голос прозвучал тихо, но настолько явственно, что все стало ясно. Этот голос он узнал бы из миллиона других.

— Мама! — позвал он.

— Я здесь, Миша, здесь…

— Но я не вижу тебя.

— А ты и не можешь меня увидеть.

— Почему?..»

На это «*почему*» герой рассказа будет искать ответ на протяжении всей своей жизни. Для этого он не станет прибегать ни к отвлеченным философским размышлениям, ни к помощи ныне модных опытов с инфернальными энергиями, а, скорее всего даже неосознанно, по чутью сердца, расположит свой поиск в координатах любви, озаренных Пасхальным светом.

Язык произведения может более всего рассказать о мировоззрении писателя, о его характере. В книге «Долгая дорога к маме» обращают на себя внимание часто повторяющиеся, несущих глубинную идею слова-волны, которые создают эмоциональный лейтмотив. Часто, очень часто в книге повторяются слова «*красота*», «*доброта*», «*солнце*», «*тепло*», и самые любимые слова писателя — «*родной*» и «*радость*».

«Взгляд ее буквально светился добротой, рядом с ней было уютно и тепло…»

«Она говорила ему: — Ты у меня самый лучший мужчина… — и прижимала его большую голову к своей груди, и он вдыхал такой родной, вкусный, привычный запах, исходивший от матери».

«При этом каторжном труде у нее были удивительно красивые руки, стройная фигура, которую не портили даже телогрейка и сапоги. Наоборот, они только подчеркивали ее красоту».

«Материнские рассказы были для него открытием мира, в котором ему предстояло жить, без них жизнь вокруг становилась тусклой. Он постоянно испытывал радость от узнавания, нет, не удивление, а радость».

Эти же концептуальные слова, возведенные в систему смыслов, писатель использует для изображения своего восторга, приближающегося по силе чувства к пасхальной радости, пред красотой и величием родной сибирской природы. Ей в рассказе и во всей книге посвящено немало проникновенных страниц, хотя следует отметить, что художнику не всегда удается найти убедительный метафорический строй для выражения представляемых образов, создать художественно-эстетическое напряжение, соответствующее символичной значимости непрестанного чуда существования и обновления родной природы. К сожалению, в тексте наряду с поэтическими открытиями встречаются распространенные, заштампованнные словосочетания, снижающие эмоциональное воздействие всей картины. Хотя писатель, бесспорно, обладает поэтическим слухом и художественным почерком, что доказывает хотя бы это зарисовка.

«Особенно он любил речку. Илим, веками бежавший к Ангаре, делавший столько поворотов, петель, зигзагов, что вряд ли сосчитаешь, перед Погодаевым выравнивался, становился широким и полноводным, а уже за деревней, ударившись в лоб Красного Яра, поворачивал почти под девяносто градусов, и дальше вновь начинал петлять».

Следует отметить мастерское, оправданное использование прозаиком художественных, на первый взгляд несущественных бытовых деталей, которые не только запоминаются, но заметно расширяют смысловые границы повествовательного пространства.

«Память о детстве, о голодном и бедном. Телогрейка, шапка с чужой головы, подшитые по нескольку раз валенки. Когда дети вырастали, все аккуратно складывалось для следующей смены».

В этом маленьком, как будто вскользь сделанном отступлении, содержится не только воспоминание о собственном горестном детстве, но неколебимая радостная уверенность писателя в непременном появлении этой «*следующей смены*», а значит и в неиссякаемости жизни, которая не может определяться только «здесь и сейчас» проявлениями. Так что кажется вполне оправданным «*однажды, неизвестно почему*» возникшее желание уже повзрослевшего героя рассказа побывать на Валааме, в святом для каждого православного человека месте. И это не удивляет, даже в связи с признанием, что «*религия в его жизни занимала едва ли не последнее место. Сказать точнее, вообще никакого места не занимала. Он не был убежденным атеистом, иногда и в церковь захаживал, но к церковным обрядам был равнодушен*». Не удивляет потому, что герой все время сталкивается судьбой с проявлениями чудесного. Не удивляет потому, что с самого начала мы принимаем как реальность незримое присутствие рядом с Михаилом его умершей матери. Вместе с героем мы следим за его поисками нематериальных опор бытия, которые он находит в осознании смысла существования его предков, в кровной связи с родной русской землей, в семье, в своем доме.

Не кажется неожиданной и встреча с монахом, который «*возник, словно бы из воздуха*» перед Михаилом, отдыхавшим на скамеечке вблизи одного из валаамских скитов. «*Вам пора побывать на могиле матери», — настойчиво сказал монах… «Побывайте у матери до сентября. Она об этом очень просила, она будет ждать Вас*». И это, по сути, чудо, оправ-

дано и подготовлено всем предыдущим повествованием, в которое вкраплены как драгоценности многие чудесные свидетельства бытия в нашем чудесном мире. Правда, сцена встречи и особенно разговора героя рассказа с духовным отцом, и с художественной, и с психологической точек зрения писателю не удалась. В связи с очевидной отдаленностью прозаика от церковной жизни в повествовании очень мало образов этой самой жизни, хотя сюжетно-смысловое значение встречи с монахом, имеющей реальную основу, для рассказа и всей книги значительно.

Дорога к матери, проходившая через многие жизненные испытания, через встречи и разлуки, через верность и предательство, через неудачи и триумфы, привела героя на могучий таежный древний холм Красного Яра, куда после затопления Погодаева, родной деревни Михаила, было перенесено кладбище, и где сын еще ни разу не был на могиле матери. Тяжело, долго туда добирался Михаил, находящийся уже в почтенном возрасте.

«*Мамину могилку он увидел во втором ряду от центральной дорожки. Встал на колени, обнял холмик, прижался к нему… Он долго лежал на могиле, поглаживая ладонью землю, словно это была голова матери. Потом встал, подошел к краю обрыва и, уцепившись за молодую сосну, долго смотрел на то место, где была его деревня, словно хотел навсегда запомнить и унести с собой то, что было ему дороже всего*».

На этом рассказ заканчивается, но нам кажется, что это не окончание, потому что не заканчивается путь героя, потому что нам интересно узнать, зачем ему то, что *дороже всего*, не имеющее материального эквивалента? Композиционной особенностью книги, в первую очередь блока рассказов, являются их открытые финалы, позволяющие связывать все повествовательные элементы в систему, подобную сообщающимся сосудам, в некий единый организм с общей кровеносной системой. И дорога к маме, душа которой по причинам особо значимым звала сына в такую даль, не заканчивается на холме Красного Яра. Эта дорога, как речка Илим делает поворот и, коснувшись идеального, возвращается в сердце главного героя, заставляя его о многом вспомнить. Как известно, лишь в границах памяти и традиции происходит возрастание души человека. И возвращает эта дорога главного героя преображенным, повзрослевшим душой, в места еще одной малой родины, в Санкт-Петербург, в дом, в семью.

«Мысль семейная», искренняя, глубоко разработанная, является одним из узловых смыслов всей книги. Для русской культуры образы семьи, дома испокон веков возвышены и символичны. «Особое значение для понимания самобытности и целостности русской культуры, ее духовно-исторического единства, ее всемирного и всечеловеческого смысла имеет образ Дома — многонационального и конфессионального членства, раскрывающего принципы культурного пространства, его организацию и ценности. «Дом как любовь» — идея-символ, охватывающий частные и общественные, личные и национальные сферы духовно-нравственного развития. «Дом как культура», как мироздание, как храмовый образ человека, семьи, как домостроительство бытия — в этом ракурсе определяется христианский смысл светского искусства», — так говорит об этой важной категории русской культуры культуролог М. Н. Цветаева[1]. Михаил Зарубин в своей книге личным опы-

[1] Христианский взгляд на русскую культуру. СПб., 2012. С. 18.

том, событиями частной жизни расширяет, углубляет смысл этого понятия, подходит к художественным обобщениям.

В рассказе о любви и зарождении молодой семьи «Семейный совет», в рассказе «День рождения», где писатель размышляет над смыслом своей жизни в связи с недавним 65-летием, и особенно в рассказе «Во сне и наяву», где он на своем художественно-философском уровне приближается к осмыслению категорий «рождения», «жизни», «смерти», «вечности», прозаик использует именно образ Дома, Семьи. Именно туда, «на круги своя», его, обогащенного духовными переживаниями, выводит «дорога к матери». Именно здесь Михаил Зарубин находит дополнительные подтверждения своему пониманию, что жизнь, направленная на довольствование лишь видимым, материальным, теряет свой смысл, свою вечностную ипостась, с потерей которой может потеряться возможность общения с матерью.

Из рассказа «Во сне и наяву», где писатель вновь видит себя на вершине Красного Яра, снова возвращается в «*жизнь наполненную чудесами*» и горячими маминым пирогами, становится понятным, для чего надо было писателю добраться до этого Холма и «*навсегда запомнить и унести с собой то, что было ему дороже всего*». Ведь там, вблизи материнской могилы, к которой герой рассказа совершил труднейшее паломничество, легче всего ему обрести истинные слова и восполнить поблекшие образы прошлого, необходимые, чтобы ответить на вопрос внука: «*А бабушка говорит, что ты в детстве спал на печке. Наверное, это сказка. Ну как на печке можно спать, на ней можно только варить или жарить*».

Ради непрерывности времени и рода, ради той самой «следующей смены», которой, конечно, уже, не нужны латаные валенки, но необходимы однозначные ответы на неоднозначные вопросы, Михаил был на этом Холме. Именно там, а не за праздничным застольем, в сердца вызревает, ширится любовь, которой необходимо поделиться со своими детьми и внуками. Не просто поделиться, не просто ответить «что такое любовь», а научить их жить по ее законам. А для этого непременно нужно им рассказать и о Красном Холме, и о голодном детстве, и о печи с маминым пирогами. Вот он, этот простой рассказ о печке, как один из лучших ответов на извечный вопрос «что же такое любовь?»: «*Иногда я не расставался с книжкой до утра, за что мама ругала, правда, без злости, я это чувствовал. Рядом со мной спал любимый кот. Но я с моим чтением интересовал его меньше, чем тепло и блюдечко с молоком. Все, что было у меня дорогим и любимым, хранилось здесь же, на печи. Здесь я мечтал и рос, как писалось в сказках, не по дням, а по часам. Два раза в год печь подмазывалась и белилась, и чуть-чуть дав ей отдохнуть от себя, я снова забирался наверх, чтобы жить жизнью счастливого человека*».

В своей новой книге писатель затрагивает много современных животрепещущих тем, говорит о политике, о несправедливости, о пороках властьпридержащих, но тема, которую следует отметить особенно — это тема труда, тема профессионального служения. Применительно к самому писателю она тоже касается «дома», ведь Михаил Зарубин строитель и всю жизнь строит дома. И это тоже поприще любви, поприще делания «во имя». Как говорил когда-то Максим Горький «…я могу испытать великое счастье труда, и работая над книгой, и прокладывая по болотам новую дорогу,.. и возводя новый дом. Возводя не для себя — для кого-то другого. Но ведь, в конце концов, все культурное творчество, все общечеловеческое делание делается не для

себя, а на годы и века, для будущих поколений… В основе каждого искусства, всякого творчества лежит не только необходимость, но должна жить любовь к труду… Душа всякого искусства — любовь. Мы знаем, что часто она делает бытие вещей более длительным, чем имена творцов их»[1].

Михаил Зарубин особым писательским зрением замечает непреходящие ценности, высматривает личности, чьи достижения остаются во времени. Именно такие личности его интересуют как публициста. Так в книге помещен, на первый взгляд, выбивающийся из общей композиции очерк «Волшебник летающего мяча» о прославленном российском волейбольном тренере Вячеславе Платонове. В форме диалога со своим подрастающим внуком писатель с такой любовью, с таким восхищением рассказывает нам о спортивных достижениях во славу России, о волевом характере знаменитого спортсмена, что проникаешься убеждением в целесообразности знакомства с этим, к сожалению, ушедшим от нас мастером. Возникает ощущение, что этот талантливый человек тоже принадлежит к родне автора очерка, с такой гордостью рассказывающем о своем друге. Вообще, сквозной мыслью через все творчество писателя проходит идея о родстве всех талантливых людей в мире творческой любви, в мире мастерства.

Дар мастерства писатель считает одним из высших дарований человека. Поэтому с таким профессиональным вниманием, с такой исследовательской бережностью относится к историческому ландшафту и великим архитектурным шедеврам Санкт-Петербурга, в котором прожил большую часть жизни. Очерк «Марсово поле» посвящен в основном насыщенной событиями, противоречивой судьбе этого места, являющегося кладбищем в историческом центре. Писатель выражает свое неоднозначное отношение к современному значению и месту расположения мемориала, очень подробно рассказывает историю Марсова поля. Коренному петербуржцу может показаться это излишним, достаточно известным по путеводителям материалом. Хотя, если проникнуться очевидным стремлением художника поделиться своей любовью к городу, мыслями и знаниями с людьми, никогда не бывавшими в Петербурге, в большинстве не знакомыми с его историей, например, со своими сибирскими родственниками, далекими односельчанами, то осознаешь надобность таких простых, искренних, живых рассказов.

Силой любви писателю удается, кажется, создавать и удерживать в художественно-историческом поле книги напряженную стяжку неуклонно разбегающегося пространства-времени. Удается собирание русских земель, русских судеб и поколений в единое, требующее постоянной защиты духовное пространство под названием Русская Земля. Следуя вместе с автором по «Дороге к маме», начинаешь понимаешь необходимость и верить в возможность соседства петербургского «Марсова поля» Михаила Зарубина с тем, видимым из окон родового дома Мишани «*огромным полем золотой пшеницы, которое переливалось на солнце и от малейшего ветерка становилось похожим на великое море*». Таким бесценным соседством-родством далеких земель величайшей страны, достижимым художественными средствами, писатель убеждает и читателя «полюбить мир вокруг, землю, свою деревню» и свой город, условием бытия которых является наша к ним непреходящая любовь.

---

[1] Полвека для книги / М. Горький. СПб.-М., 2003. С. 31.

Татьяна КРИНИЦКАЯ

СОЗДАННАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

К 55-летию писателя Валерия Сдобнякова

Татьяна Григорьевна Криницкая. Журналист, критик. Статьи и рецензии печатала во многих изданиях. Ее работы были особо отмечены на прошедшем в 2011 году в городе Сарове семинаре молодых литераторов. Сейчас работает обозревателем газеты «Городской курьер». **Живет в Сарове.**

Валерий Сдобняков давно известен нижегородской и российской читающей публике. Прозаик, публицист, литературный критик, лауреат многих литературных премий. Главный редактор литературно-художественного журнала «Вертикаль. XXI век», — «острова в океане пошлости» (так в одной из бесед охарактеризовал его в числе немногих выходящих региональных журналов председатель правления Союза писателей России Валерий Ганичев). Руководитель семинаров начинающих литераторов.

За три предыдущих года вышли три книги Валерия Сдобнякова: «Последний день. Повесть, рассказы», «Яблоки русского сада. Повествование о творчестве русского писателя Олега Шестинского» и «Возвращение», сборник, в котором опубликованы беседы и интервью с российскими писателями и общественными деятелями. В разновременных книгах сконцентрировано многое, присущее творчеству писателя Валерия Сдобнякова. В них словно подводятся творческие итоги за предыдущие лет двадцать.

НЕ СЛОМАТЬСЯ

Сашку, героя повести «Сезон» (книга «Последний день»), мать подняла без отца. В начале 90-х парень учится в институте, подрабатывает и дворником, и «вообще где можно», и на избирательных кампаниях. Но никак не получается у него встать вровень, в его тогдашнем понимании, с ребятами из «своей» компании — ребятами из группы и их окружением. В конечном-то итоге парень поймет, что никакая эта компания не «своя», что не стоило и стараться что-то им доказать, кем-то для них стать.

Валерий Викторович Сдобняков

Но поначалу Сашке мучительно стыдно за то, что и одет беднее, и порой по безденежью должен отказываться от посиделок и походов по кафешкам. «Ему надоело выдумывать предлоги, чтобы не ехать с группой за город, в ночной клуб. Ему стыдно было сознаваться, что на это у него нет денег. И джинсы у Сашки такие истертые и потрепанные не из-за моды. Нет денег купить новые». Но главное — уязвлено мужское самолюбие: из-за этой проклятущей бедности Оля, девушка, в которую он влюблен, которая неравнодушна к нему, отдалилась, предпочтя парня, не стесненного в средствах. Все как обычно в молодости: не самые значимые факторы гнетут сильнее подлинно драматических.

Недоброй памяти 90-е годы взрослые люди, с устоявшимися взглядами, состоявшиеся личностно и профессионально, переносили мучительно тяжело. Система координат дала сбой, рушилась налаженная жизнь, а новая не сразу выстраивалась. Давила ответственность за семьи. Юные как-то легче, что ли, встраивались — вроде и непонятно, от какой «плясать печки», где себя искать, как жить. А вроде и можно в разных сферах себя попробовать.

Вот Сашка и подался на заработки — да не куда-нибудь, а на золотые прииски. В компании восприняли новость по-разному. Но самого героя потрясло, что в большинстве его приятели восхищаются не умением зарабатывать, а совсем иным: «наживаясь, по словам компании, за счет чужого труда, все эти перекупщики, игроки, которые сами ничего не делали, а деньги получали благодаря своей наглости и бесстыдству, как эти люди презирали тех, благодаря которым имели все эти машины, квартиры, видеомагнитофоны… И его, Сашку, будут презирать».

…Если честно, впечатления от героев-золотодобытчиков из русской классической литературы («Золото» и «Приваловские миллионы» Д. Мамина-Сибиряка, повести и «Угрюм-река» В. Шишкова, сказы из «Малахитовой шкатулки» П. Бажова) позволили поначалу усомниться в жизненности персонажей Валерия Сдобнякова. Показалось, что герои «Сезона» сильно идеализированы.

Но вот у Олега Куваева в «Территории» они другие. Продолжая эту традицию, В. Сдобняков показывает старателей как людей самостоятельных, среди которых каждый — личность. Притом умеющих ценить и подставленное плечо, не прячущихся за чужую спину. «Покури, — предложил отдохнуть механик. … — Устал? Все равно на земле не сиди, холодная, — механик помог Сашке встать. — Иди лучше чаю попей. Взбодриться тебе нужно, а я здесь побуду». От непривычно тяжелой работы парень в первый же день малодушно собирается сбежать домой. Но — втянулся, а после чуть не происшедшей аварии в карьере, которую предотвратили всем миром («— Что случилось, а? — задыхаясь, громко прокричал Сашка. — Моли Бога, парень, чтобы не случилось. Если случится… »), и гибели рабочего

Сашка стал понимать, что «утомленные … увиденным и пережитым вновь принимаются за работу, предназначение которой только и объяснимо в этой жизни. Вновь принимаются за свое спасение».

Логичным было бы допущение, что внешнее неблагополучие в стране приучило всех к эгоизму, приучило учитывать лишь свои родные шкурные интересы. И «только потом, когда прошел не один месяц его старательской жизни, Сашка начал смутно догадываться. Уставшие люди искали необходимого человеческого тепла, поддержки и, зная, что это не придет, создавали его сами, необыкновенно ценя и всячески оберегая все доброе, что проявлялось в их отношениях». Доброта, как и работа, становятся якорями в худо управляемом потоке жизни 90-х.

Коллектив старателей однороден в душевной и духовной крепости, и исключение только подтверждает правило. При случайной встрече один из специалистов — съемщик (специальность на прииске. — *Т. К.*) — напугал Сашку чем-то мертвым в глазах, чем-то выгоревшим в душе. В финале повести герой узнает, что этот человек застрелился. Рассказом «Съемщик» В. Сдобняков развивает тему. Вроде Алексей — профессионал, работал добросовестно, а вот — на тебе. Так за что ему такое наказание — бесприютность духовная? Да за беззаконие отца, за собственное нежелание снять с души матери долго хранимую ею тайну, взять на себя ответственность. За нарушение законов человеческих и законов нравственных, читай, заповедей, настигает Алексея кара Господня: невозможность жить с непреподъемным грузом на совести.

Однако Сашка уже научился и вкалывать, и видеть, кто чего стоит. И отделять золотые крупинки от наносов. То бишь зерна от плевел.

…А что мы знаем о самом металле? Я, например, только и помню, что знак из периодической таблицы Д. Менделеева — Au. Валерий Сдобняков знает, о чем пишет. Он бывал на золотых приисках и с работой старателей знаком, что позволяет ему на равных беседовать с доктором геолого-минералогических наук Владимиром Полевановым (сборник «Возвращение», но о нем — позднее), который о золоте рассказывает компетентно и романтично! Тут и глубокий, преинтересный историко-статистический экскурс геолога, старателя, и экономические выкладки Амурского экс-губернатора и экс-министра Российской Федерации, и полемика с интервьюером В. Сдобняковым.

«В. С.: Я вполне разделяю ваши чувства, так как сам бывал у старателей на Урале, присутствовал при съеме золота, при обсушке, “обжарке”, — иными словами, наблюдал все стадии появления золота “на свет” своими глазами. …я попытался эту тему осмыслить не только сюжетно, внешне, но и духовно. В итоге пришел к выводу, что те люди, которые посвятили себя золоту — его разведке, добыче, видимо, и переработке, — они становятся несколько им “отравлены”, попадают к золоту в необъяснимую зависимость.

В. П.: Нет, они не отравлены. Но, как правило, тот человек, который начал работать с золотом, остается с ним навсегда. Какая-то внутренняя взаимосвязь тут, несомненно, присутствует».

Потому, должно, и говорит — словно бы вскользь — инженер-старатель заканчивающему первый сезон Сашке: «А вот ты пожил здесь, поработал, … скоро поедешь домой, поживешь в покое нормальной жизнью и за спасением от этого покоя опять к нам приедешь». Так и вышло. А зачем

Сашка вернется на прииски — за душевным теплом или потянет его ниточка, навеки привязывающая к солнечному металлу любого, кто помогает золоту из невразумительной крупы в грязном лотке превратиться в мерило всех материальных благ, — это читателю решать самому.

И если друзья и недруги, коллеги и «старшие товарищи» — мужчины у В. Сдобнякова описаны четко, как окантованные, то женских образов автор хоть и не избегает, но прорисовывает их словно прозрачной акварелью, размывая те фрагменты, где могли бы сгуститься темные краски.

В повести «Сезон» у Сашки — любовь! Неразделенная… Взрослея, он понемногу осознает, что живет с любимой в разных измерениях. Поначалу Сашка по юности своей не видит, что в хищнице Ольге таится беззащитное существо. А вот В. Сдобняков зорко подмечает: «Идти в сапогах на высоких тонких каблуках Ольге было, наверно, неудобно, скользко. Но она не показывала виду. Выдавала лишь правая рука, которую Ольга во время ходьбы держала немного в сторону, будто пытаясь на что-то опереться». Вот так. Вроде самодостаточная, успешная (в чем-то, по мнению автора повести, не главном), а неосознанным движением выдает необходимость на что-то опереться. А прикрывает Ольга это глубинное женское тщеславными словами: «Мне хотелось, чтобы не Юрка, а ты был сильнее всех в компании, чтобы не перед ним, а перед тобой все заискивали. Но ты оказался слабаком. … Но что поделаешь, всем женщинам возле себя хочется иметь независимых мужчин».

НАВСЕГДА В ОТВЕТЕ

Заядлый и опытный рыбак и охотник, В. Сдобняков с полным знанием дела описывает сцены этих чисто мужских промыслов. Оговорюсь: мне сии увлекательные занятия не близки по двум простым причинам: во-первых, безумно боюсь мошкары, сырости и холода, потому только мысль о сидении с удочкой на бережку ли в кустиках, над лункой ли, повергает меня в ужас. Во-вторых, не вижу необходимости отнимать чью-то жизнь — будь то мокрая и скользкая лягушка, белка или волчара.

Об этом, кстати, и сам автор пишет в рассказе «На острове» про охоту в местах своего сибирского детства. «Сорвавшаяся с ветки птица взмывает вверх, полукругом облетает поляну и вдруг камнем падает в траву. Не сразу, но нахожу теплый, мягкий комочек, беру в руки, рассматриваю. Неуловимое смятение, сожаление, растерянность закрадываются в сердце. Подсознательно я недоволен собой, своим поступком. Но еще тешу самолюбие тем, что попал с первого выстрела. А тельце, еще совсем недавно бывшее живой птицей, греет ладонь, ласково щекотит оперением пальцы.

Николай с сожалением берет из моих рук птицу.

— Кедровка… Видишь, сколько семян могла по тайге разнести. А ты ее убил ради баловства».

Целесообразность добычи пропитания охотой мы не дебатируем. А вот не оценить иронии следующего пассажа В. Сдобнякова невозможно: «Близко косой нас не подпускал, да и убегал как-то лениво, не торопясь, будто понимая, что без собаки мы ему что дачники». Знание повадок водно-лесных обитателей у В. Сдобнякова основательное, убедительно описанное, и не без усмешки в адрес своего брата, охотника.

К компании у костра приходит еще один «охотничек», который считает, что мужики подстрелили его подсадную утку. «— Как не моя? Вчера я ее высадил, всю ночь ее видел. Только минут на пять заснул, она и сорвалась.

…Возвращаются они скоро. Юра идет к костру, держа в руке шнурок с кольцом. На конце шнура что-то привязано. …мы узнаем утиную лапу в оперении. Сосед идет сзади, и как-то неуверенно, виновато.

— Вот что осталось от его подсадной, — Юра бросает лапу к костру, — лиса сожрала. Ночью лед стал, вот она и подкралась. — И уже смеясь, обернувшись к хозяину того, что прежде было уткой: — Как же надо спать, чтобы не слышать крики утки, которой лиса отгрызает живьем лапу!»

Правда-правда, нелегко научиться подмечать, использовать себе на пользу, а зеленым-четвероногим-пернатым-чешуйчатым не во вред неприметные замыленному («перепрограммированному») городскому глазу знаки, которыми разговаривает с нами природа. Знаки упреждающие, указующие, предостерегающие. Вычленить их, перевести «на русский» не каждому дано.

Этим умением В. Сдобняков наделяет взрослеющего Кольку, героя одноименного рассказа. «Я был убежден, что дерево разговаривало с Колькой, жаловалось ему на что-то откровенно, уверенное в том, что он поймет, посочувствует, поможет», «Как наше дерево разговаривает с тем, у которого в стволе дупло… А как березы у поляны смеются над сосной, слышишь?

Я ничего не слышал».

Мы, взрослея, осознаем, что без боли и потерь этот процесс не идет, что наши — и не наши тоже! — дети не меньше нас мучаются своей привязанностью к нам, выплаканными и невысказанными просьбами, которых мы уже не понимаем, потому что мы-то уже забыли, как сами через такое проходили. Лирический герой В. Сдобнякова в «Кольке» «Сам не ведая того, … пытался повернуть вспять время, вернуться туда, куда возврата нет и быть не может», за что и платит высокую цену: «За дерзость, упрямство и перетирало меня время в своих жерновах». Как и мальчишка, доверивший взрослому свое сокровище — дневные звезды в воде глубокого колодца. Колька безнадежно кричит вслед уезжающему другу: «Звезду-у оста-ви-л!». Финал рассказа перекликается с хрестоматийной фразой из «Маленького принца» А. Сент-Экзюпери «…ты навсегда в ответе за всех, кого приручил».

ЯБЛОКО ПО ИМЕНИ ШЕСТИНСКИЙ

Книга «Яблоки русского сада» посвящена жизни и творчеству русского поэта, прозаика, публициста и переводчика Олега Николаевича Шестинского. «Задушевно-пронзительными», «философски-мудрыми» называет Валерий Сдобняков работы своего «старшего товарища» О. Шестинского, «промыслительной» — историю знакомства и отношений с большим писателем.

Оно обогатило и самого В. Сдобнякова, и издаваемый им журнал «Вертикаль. XXI век». Автора — общением с незаурядной личностью, с большим талантом, а журнал и его читателей — возможностью прикоснуться к русской литературе. О пережитой О. Шестинским блокаде — один из первых рассказов, опубликованных в журнале «Вертикаль…» у В. Сдобнякова, «Мать моей матери». В нем, по мнению редактора, и язык особый — несущий «свой, не похожий ни на чей другой ритм, свой темперамент, образный колорит и в то же время определенную отстраненно-философскую

сосредоточенность». В. Сдобняков подтверждает и созвучность своей душе, и искренность Православной веры, «пронизывающей мировоззрение много повидавшего и пережившего творца слова. … дающей возможность ощутить свое пребывание на земле как нечто надвременное, вечное, связанное не только с давно ушедшими поколениями, но и идущими после нас». (Но мы сейчас не станем говорить о Вере, поскольку у каждого — свой путь к Храму.)

В. Сдобняков рассказывает не только о писательском труде О. Шестинского, но и о его педагогической работе. А именно — на посту председателя Ленинградской писательской организации и работающего секретаря Союза писателей СССР в столице. Однако представляется, что чуть большего внимания заслуживают переводы О. Шестинского с болгарского. Переводчики — особая писательская каста. На мой взгляд, так и вовсе из самых почтенных и почетных. И пусть их ругают «интерпретаторами», но они, по-моему, больше «сталкеры». Вы ж только представьте! Они преподносят нам в ладонях, открывают иные миры — с иными укладами, понятиями! Приближают их и роднят с нами, передавая самые тонкие нюансы чужой и порой чуждой жизни. И души.

…Двум весьма неординарным литераторам сложно построить и уберечь дружбу от непонимания, охлаждения, даже если общение идет в основном «по переписке». В. Сдобняков и О. Шестинский сумели сохранить отношения в течение последних лет жизни ленинградского поэта. И часть книги — публикация длившейся годы переписки. В ней показано, как два состоявшихся писателя — оба самодостаточные, с характерами и амбициями — ищут и находят компромиссы (что, по моему мнению, мужчинам вообще-то мало характерно!), когда «котлеты — отдельно, мухи — отдельно».

Рассказ В. Сдобнякова о сотрудничестве с О. Шестинским почтителен, но в иной тональности, мне представляется, был бы фальшив и не передал бы спектра отношений двух писателей. Следовало бы, однако, отметить, что в тандемах «младший—старший» в силу возрастных особенностей последних первым приходится включать мозги, такт и великодушие на полную мощность. Что, по нашему мнению, В. Сдобнякову вполне удалось.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Сборник «Возвращение», как и «Яблоки русского сада», интересен своим небезразличием, болью за судьбу русской культуры и национальные идеалы. Только у него, в отличие от первых двух книг, по-видимому, иной принцип формирования. «Последний день» и «Яблоки…» составлены из материала, писавшегося и подбиравшегося годами. «Возвращение» — «горячие», злободневные интервью и очерки на темы сегодняшние, но вытекающие из последних десятилетий российской истории. Таковы циклы очерков «По России» («Алтайские этюды», «Встречи на неотданной и отвоеванной земле» и «Нашей Победе — 65 лет») и скорбный — «Прощания», об ушедших талантах.

Белой журналистской завистью проникаешься, только пробежав по списку «фигурантов» интервью: классики русской литературы Юрий Бондарев и Олег Шестинский, поэт и историк Анатолий Парпара, адмирал Игорь Касатонов, председатель Московского интеллектуального клуба

(Клуб Н. И. Рыжкова) Михаил Кодин, экс-губернатор Амурской области, экс-министр Правительства России, доктор геолого-минералогических наук Владимир Полеванов… А потом задумываешься. Во-первых, не со всяким журналистом такие люди соглашаются встречаться. А во-вторых, это ж как надо уметь спрашивать и самому соответствовать уровню интервьюируемых, чтобы с журналистом стали откровенно разговаривать! Да еще не по разу.

С патриархом и классиком русской литературы Юрием Бондаревым В. Сдобняков встречался на писательской даче в Ватутинках. Беседа «Литература — это новая действительность, создаваемая человеком», опубликованная в книге «Возвращение», задушевна и доверительна. Не зря же Юрий Васильевич Бондарев вошел в редколлегию нижегородского журнала «Вертикаль…».

С героями своих интервью Валерий Сдобняков душой и мыслями близок. Все они радеют за Россию, причем не только по должности, а по душе. Так, например, адмирал Касатонов рассказал о том, как во времена распада Союза вывел в Севастополе из-под власти Украины «огромную военную мощь» — Черноморский флот. И сделал это с реальной опасностью для жизни: «Достаточно физически было устранить командующего флотом, и проблема была бы решена. Для Севастополя я был свой … среди своих. Люди верили мне, я верил в них, и потому вместе мы победили».

Но патриотам, да просто порядочным труженикам розовыми лепестками дорожку в благоденствие никто не устилает. В. Полеванов описывал остроумные и изящные действия, которые ему пришлось предпринять для выдавливания ненужных и просто вредных чиновников при назначении его Амурским губернатором. Действия, заметьте, совершенно в рамках законодательства!

Кадры ему, надо сказать, достались еще те… Впрочем, другой страны и других людей у нас нет, так что: «Я явился в администрацию, а там интересная картина. Демократы, а я считался в области представителем демократической волны, ходили по коридорам пьяными и праздновали победу. Работники старой администрации ходили пьяными с горя. Периодически встречаясь в районе туалетов или в коридорах, они пытались друг с другом подраться. … Ситуация была на диво спокойной, совершенно предсказуемой». Миленько? Кстати, редактору журнала Валерию Сдобнякову, должно быть, нередко приходится общаться со «слугами народа» — бюрократией. Полагаю, что если он позиции В. Полеванова и не разделяет полностью, то хотя бы выучил «правила игры» в этой «песочнице».

В. Сдобняков, по-видимому, без купюр излагает нетривиальную позицию В. Полеванова по коррупции. «…Вместо тысячи слов об этой борьбе лучше один расстрел. Кстати, нам давно пора выйти из этих идиотских договоров и моратория на смертную казнь. Китай, кстати, плюет на все эти моратории. В его законодательстве, по сравнению с другими странами, максимальное количество статей, по которым предусмотрен расстрел». А затем редактор «Вертикали…» приводит еще более горькие — и, верно, более созвучные своим — мнения Владимира Полеванова о целенаправленном развале в 90-е годы оборонной промышленности, дополняя их своим видением развала хозяйства на Нижегородчине, которое в 90-е годы усердно губил тогдашний губернатор — несостоявшийся ученый, а теперь того же уровня политик Немцов.

ПОДВОДЯ ИТОГИ

Кроме отзыва В. Полеванова о чиновничестве, есть в сборнике «Возвращение» еще одно нелицеприятное мнение о представителях рода людского, столь же хорошо знакомого В. Сдобнякову. «Братья-писатели повели себя так, как дети в песочнице. Валяется в песке лопаточка — никому не нужна. Но стоит только кому-то из детей ее взять, к ней сразу же тянутся десятки рук. Природа человеческая, будь она неладна. И вообще, все беды на земле происходят от того, что кто-то хочет взять то, что ему не принадлежит. А если … не получается, то для достижения желаемого все способы хороши. Налет цивилизации слетает мгновенно, и его величество Хам предстает во всей красе» (из интервью с Владимиром Шемшученко).

Оно справедливо, впрочем, для любой более-менее творческой общности. И кому как не Председателю Правления Нижегородской организации Союза писателей России Валерию Сдобнякову это знать изнутри. Однако о своем видении проблемы он вежливо умалчивает. Впрочем, это до поры, излагает автор «Возвращения» позицию В. Шемшученко: «Сейчас все встало на свои места. Все всё знают и судят друг о друге по гамбургскому счету. Художники слова друг друга, по крайней мере, уважают, и дули друг другу стараются публично не показывать. Иерархия таланта присутствует гласно и негласно. Так что… еще придется с нами повозиться на предмет превращения писателя в жвачное животное».

И руководитель семинаров для начинающих литераторов (это еще одна его ипостась) В. Сдобняков делает многое, чтобы авторы в глубинке — в том числе и нижегородской — смогли обрести не только чистое звучание своего дара, но и гражданскую позицию, и критичное отношение к себе и окружающему. Чтобы они увидели различия между понятиями «книжный рынок» и «литература» (то бишь меж грехом и спасеньем) и донесли это до читателя, пребывающего в добросовестном заблуждении.

Потому и стоит вернуться к интервью Юрия Бондарева и прислушаться к классику: «Как только человек отстраняется от литературы, он теряет многое в самом себе. Потому что литература — это не только познание внешнего мира, внешней жизни. В первую очередь, это познание самого себя. Если литература никак не воздействует на читателя (а такая литература есть), это пустая литература только для самовыражения. Поэтому читать надо хорошие книги, находить для этого время, отрывать его даже от сна, от любимого многими телевизора, от интернета и от прочих вещей современной технологии, которые рождают в человеке не действие, а инертность мышления, поступков, отношения к жизни и ожидание, что кто-то за нас за всех что-то сделает. Поэтому читайте, любите книгу и великую русскую литературу». («Литература — это новая действительность, создаваемая человеком».)

…Вот, на наш взгляд, главное в трех вышедших в последние годы книгах Валерия Сдобнякова.

Ирэна СЕРГЕЕВА

«СО МНОЮ ТОЛЬКО ТЕ, КТО МОЛЯТСЯ»

О творчестве поэта о. Сергия Григорьянца

Сергеева Ирэна Андреевна — поэт, критик, литературовед, член Союза писателей России с 1976 года. С 1977 по 1991 год работала литературным консультантом журнала «Звезда». Автор многих поэтических сборников, литературоведческих статей, переводит стихи с грузинского, украинского, сербского, белорусского и др. языков. Инициатор и составитель альманахов «День русской поэзии», «Северные цветы». Лауреат премии им. Н. Заболоцкого. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Начиная эту статью, мне хотелось бы задать самой себе несколько вопросов, которые, наверняка, останутся без ответа. Много ли у нас в Петербурге поэтов, живущих согласно православным традициям? Много ли у нас священников, пишущих стихи? И много ли священников, пишущих стихи и живущих в согласии с собою? И еще один вопрос: а сколько поэтов, которые являются служащими священниками Епархии? На него есть ответ. Двух я знаю, знаю с очень давних пор, помню начало их пути и надеюсь на очень долгий и плодотворный путь каждого. Об одном из них и расскажу сегодня.

Десять лет назад принят был в Союз писателей России молодой поэт Сергей Григорьянц. Но сначала на конференции молодых писателей Северо-Запада он выступил с поэтической книгой «Благословение». Присутствующий на семинаре гость, приезжий литератор, заметил, что *так* о церкви не пишут. Так — не пишут? —

В Церкви снова Крестный ход.
В Церкви служба круглый год.
Красота и высота
Над иконою Христа...
Забывается обида.
Забывается страданье.
Завтра утром отпеванье.
Завтра в полдень панихида.

И так — не пишут? —

Горят многозначно чадящие свечи.
Помилуй мя, Господи! Милость Твоя
Страданьем ложится на гордые плечи
Плывущего мира в реке бытия...

Оказывается, пишут. Этот оппонент, интересный поэт и литературовед, хотел сказать, что *так не должно* писать о Церкви. Потому что ничего подобного до того време-

ни не читал. Действительно, так никто не писал тогда, не пишет и сейчас. Совершенно особая манера передавать даже не строкой, а междустрочием значительное чувство или мысль. А мы привыкли, чтоб нам в «православных» стихах *рассказывали*, какой нынче праздник по календарю или перекладывали Священное Писание. Для календарей, наверное, это полезно, нужно… Но мы говорим о книге стихов, ее стиле.

В первом стихотворении показан и труд священнослужителя, и вполне явно наполнение храма — икона Христа и благодать, от нее исходящая. Затем передается состояние верующего молящегося, может, и самого священника: «Забывается обида, забывается страданье». И снова напоминание о труде в храме: «Завтра утром панихида…».

Во втором стихотворении одной строкой воссоздан уголок храма с подсвечником перед иконой, где — «многозначно горящие свечи» — поэтический образ, тоже многозначный.

Здесь показано много свечей, и если подумать, то каждая горит по-своему, за «своего», потому их горение «многозначно». Потом — невольное восклицание верующего человека — «Помилуй мя, Господи!» — перед тем, как высказать глубоко богословскую мысль: «Милость Твоя страданьем ложится на гордые плечи…». Как коротко и точно сказано! Убедились, что так не писали и не пишут?

Тогда, из-за позиции оппонента, поэт Сергей Григорьянц, служивший на то время в церкви дьяконом, в Союз писателей России не «прошел». А книга «Благословение» запоминалась отдельными стихотворениями и такими, например, строками: «И сгущается любовь до простых молитв», и такими афоризмами: «С Господом обручены и любить обречены», «Безмерна Вера, И Любовь чиста. Нам в этой жизни не сойти с креста», «И праведник, и грешница молитвами утешатся», «Верую, что Бог един — Дух Святой, Отец и Сын».

К сожалению, современная критика существует у нас или как уничтожающая, или как безмерно возносящая автора. А в 2001 году, когда вышла книга, вообще никто из пишущих ни на кого из собратьев по перу не обращал внимания. Время, что ли, еще не пришло? А по стихам этой книги хорошо «пройти» с тонким, понимающим литературоведом, чтобы случайно не отбросить в сторону нежный цветок поэзии. Такое впечатление, что автора во всей полноте понял только его редактор.

В том же 2001 году Сергей Григорьянц выпустил еще одну книгу — «Письмо». В ней собраны философские и любовные стихи прежних, 90-х годов. Она открывается стихотворением, где есть такое значительное четверостишие:

Портреты предков смотрят со стены,
и, я надеюсь, укрепляют стену.
Земля молчит, свою скрывая цену,
по нашим меркам — нет у ней цены.

Как всегда, Сергей Григорьянц говорит не впрямую, что «убило» бы стихотворение. Другой написал бы прозой что-то вроде такого: «смотрят со стены, значит, семья крепка традициями, и мы любим нашу бесценную родную землю, на которой стоит наш дом».

Как всегда, и в этой книге у поэта трагедия двух судеб может вмещаться в очень короткое стихотворение:

Не дрожи над своей судьбой.
Холод — то же, что летний зной.
Не приедешь — и Бог с тобой,
а приедешь — тогда со мной.
Как легко завернуть в пальто
прямо с телом любую грусть!
Снег нам выпадет — ну и что?
А не выпадет — ну и пусть!

И пронзительно, необъяснимо воздействие простых слов, коротких предложений в строках, приближающих современные стихи к классическим:

Не хватает жизни. И минут.
Слово — жизнь. Но разве это — яд?
О любви и пишут, и поют,
о любви почти не говорят.

В 2002 году Сергей Григорьянц принят в Союз писателей России и тогда же рукоположен во священника в одном из петербургских храмов. Священническое служение заполняет мысли и чувства, меньше остается времени для поэзии. Но вот в 2007 году выходит книга лирики «Вечерня». Она наполнена особым духовным смыслом. Что есть грех? Как искупить его? — вот главные вопросы этой книги.

Горим в своем огне, горим,
Где каждый миг неповторим.
Над страшной пропастью горим,
И мы об этом знаем оба,
И нам в аду гореть до гроба…

Во многих стихах, в одной-двух строках упоминаются те смыслы, что гнетут лирического героя или любого человека: «Когда-нибудь узнают все / Твои грехи во всей красе…», «В этом венчанном браке, / Как в холодном бараке…», «Понимая, что жил не так, / Поздним вечером пил коньяк… / Среди ночи ходил курить… / Грешник. Нечего говорить», «Совесть жжет — Всевидящее Око, / Жжет меня во сне и наяву». И вот совет священника этому лирическому герою и всем людям, и себе самому: «Давайте посмотрим назад, / И вместе покаемся разом».

В каждой теме у Сергея Григорьянца всегда просматриваются две грани одного состояния, две стороны жизни. В этом отношении очень характерно такое стихотворение:

О, Пасха велия! О, жизни красота
В явлении воскресшего Христа!
Не в силах петь, у алтаря стою,
Не в силах сесть, в душе тропарь пою,

Не в силах жить, лечу за облака,
Пасхальной радостью подавленный слегка…

Здесь без страха передана правда чувства: робость перед огромностью явления.

Помня о двух гранях жизни, в другом стихотворении поэт говорит о себе так — «все понимаю: свет и тьму», ведь «у всех вокруг по два крыла, по два крыла — добра и зла», потому для него — «всё — чужое и родное». Лирический герой хотел бы помочь ближнему, спасти его, но он — «не герой»:

Хотел когда-то принести
Одной святой воды в горсти…
Воды в горсти не донесу,
А белым снегом не спасу.

В книге «Вечерня» один цикл назван «Поэт», этим показана некоторая «инаковость» поэта, непохожесть его на других. Но это не подразумевает какой-либо гордыни, а только мучительное состояние «пишущего», усугубленное ощущение своей при том греховности.

В 2009 году, будучи еще иереем, Сергей Григорьянц выбрал и составил книгу проповедей, произнесенных русскими священниками во второй половине XIX века в день Рождества Иоанна Предтечи. Он предваряет книгу своим предисловием, тоже своего рода проповедью. Это расширяет наше об отце Сергии представление. А он пишет там очень поэтично: «Жизнь простого человека таинственна в своей простоте, а жизнь святого проста в своей таинственности».

«Живет во мне поэт…» — так называет Сергей Григорьянц следующую книгу, изданную в 2011 году, уже целиком, казалось бы, посвящая ее передаче состояния человека, пишущего стихи — «каждый день по строчке». Оказывается, это очень сложно: «Каждый день как на бой: убьют — не убьют?» И приходят воспоминания о юности уже не только лирического героя, а самого автора:

Жаль, что не остался моряком…
Мог служить я на подводной лодке,
Как герой в тельняшке и в пилотке.
И звучала радостно во мне
Утренняя песня о волне.

Так отражен факт биографии Сергея Григорьянца, действительная служба его на флоте в Лиепае, в Севастополе… Тогда были написаны строки, которые поэт вспоминает сегодня с трудом. Они опубликованы были во флотской газете.

Салют над Севастополем, салют…
Матросы громко топают, идут.
Я в том строю, я укрепляю строй.
Сегодня — я, потом придет другой.

Гремит салют. Мы все напряжены.
Стоит солдат, вернувшийся с войны…

В новой книге, книге 2011 года, таких стихов очень немного, больше философских раздумий. А треть книги — стихи не рифмованные. Они — более длинные, в них встречаются множественные бытовые детали, географические названия. Здесь поэт изменяет своей неповторимой лаконичной, изящной манере письма, становясь похожим на других, «модных» авторов. Но почему тогда на последней странице книги появляются слова: «наш великий Пушкин, он больше, чем поэзия, для нас»?

Ответа нет. Значит, будем ждать новых книг.

ВЫШЛА КНИГА

Коняев Н. М., Образцов А. А.

Застигнутые ночью. Россия и мир глазами современных русских писателей. — Издательский Дом «РУССКИЙ ОСТРОВ», 2012. — 880 с.

Это книга о Родине. В нее вошли дневниковая хроника 1986–1991 годов «Застигнутые ночью» Николая Коняева и записки-размышления «Вольная русская азбука» Александра Образцова.

Даже географически книга покрывает громадное пространство России с ее разлетом на полмира от Владивостока до Вознесенья, от Петербурга до Байкала. Названия русских городов и поселков, рек, железнодорожных станций вплетены сюда, как косы. Истории людей, события нашего времени создают тревожный фон современности.

Оттуда, изнутри конца восьмидесятых–начала девяностых годов авторам совсем не ясен исход событий.

Два писателя, как любые другие русские, застигнуты были ночью государственности, когда наша страна была по живому обрезана произвольно обозначенными когда-то границами. Несколько десятков миллионов соотечественников оказались за кордоном, вынужденные говорить на иных государственных языках. Это как если бы мы вдруг лишились части своей живой плоти.

Потому такое тяготение в книге к родным местам, к истории своих семей, к родному.

Органично врастают в книгу повести «Потерянная Родина» и «Остречинская Атлантида» из «Семейной хроники» Николая Коняева и восточный роман «Неутешные опыты любви к родине» Александра Образцова.

В память о самом близком друге по учебе, работе и жизни

Изидор (Ижо) Початек
(1932–2011)

Иржи ОПРШАЛ

«ИЖО НАВСЕГДА ОСТАЛСЯ С НАМИ…»

Иржи Опршал — родился в 1932 году в городе Гавличкув Брод (Чехословакия). Первый чехословацкий выпускник Московского государственного института международных отношений МИД СССР — выпуск 1958 года. Ответственный сотрудник Министерства иностранных дел Чехословакии (1958–1990) — специалист по Франции и западноевропейской интеграции. С 1969 по 1989 годы — непосредственный участник СБСЕ и всех последующих встреч хельсинского процесса. С 1990 года — бизнес-советник по экономическому сотрудничеству и контактам Восток–Запад. С 2002 по 2012 годы — председатель Клуба чешских и словацких выпускников МГИМО. **Живет в Праге, Чехия.**

Когда 24 июня 2011 года мне позвонил мой словацкий коллега из Братиславы и с болью сообщил о внезапной кончине нашего товарища Ижо Початека, мне даже трудно было поверить. Он никогда не болел. Всегда был собран, подтянут, весел и ироничен. В ближайшие дни он в очередной раз собирался лететь в Индонезию, а потом в начале августа в Москву. У нас с ним было намечено целое громадье планов и проектов и главный из них — подготовка к изданию в «Родной Ладоге» очередного номера международного «Альманаха МГИМО», где он был одним из авторов и редакторов. Во время последней нашей встречи в мае 2011 года он много и тепло говорил о словацко-чешско-русской дружбе и о славянской взаимности. Судьба, однако, распорядилась иначе: 26 июня 2011 года мы с ним в последний раз и теперь навсегда прощались на утопающем в зелени Братиславском кладбище.

I

Как же мы двое — по дате рождения почти двойники — подружились и побратались. Если до сих пор часто говорят о братских узах между чехами и словаками, то между мной и Ижо братство существовало безо всяких преувеличений.

Ижо поступил в МГИМО на два года позже меня, в 1954 году. В СССР началось время потрясений и изменений, изменилось руководство страны. Он уже не смог, в отличие от меня, увидеть советского вождя И. В. Сталина при жизни, и в Доме Советов — покойного. Эти

изменения проявились и в нашей студенческой жизни. Если мы, первые послевоенные студенты, приехавшие в Москву в 1952 году, находились под строгим надзором, позволяющим нам, кроме учебы на «отлично», заниматься только спортом, то два года спустя началась «оттепель». Ижо стал среди нас ее воплощением. Однажды он на нашем собрании спросил: «…и почему бы нам не расширить наш круг общения и не заняться кроме спорта и танцами — посмотрите, сколько вокруг нас красивых русских девушек?» Я, председатель землячества, обратился за советом в наше посольство и получил странный ответ: «Ты чех, а он словак, знаешь ли ты, чем мы отличаемся? Мы, чехи, пьем пиво и поэтому мы серьезные, трудолюбивые, а словаки пьют не только пиво, но и вино, и поэтому они веселее и любят танцы». Мне это разъяснение показалось интересным, и с тех пор я стал смотреть на Ижо другими глазами, чтобы многому у него научиться.

Изидор (Ижо) Початек (1932–2011)

В пятидесятые годы даже в Москве чувствовалась еще недавняя кровавая война. Продуктов был уже достаток, но нам бросался в глаза иной парадокс: отсутствие мужчин и везде тысячи женщин — в школах, на улице, на строительных работах… Мы студенты, конечно, знали о миллионах погибших советских воинов, и до сих пор свято чтим их память. Однако тогда мы не представляли и не знали, что жертвами были не только солдаты, но и миллионы самоотверженных и скромных женщин, боровшихся в тылу против фашизма за освобождение Родины. Ижо дал нам твердо понять, что этим героическим женщинам и девушкам мы обязаны нашим трудом, учебой, заботой выражать постоянный почет и искреннее уважение.

Не забуду наших совместных зимних каникул в 1955 году на Голубых озерах между Москвой и Ленинградом. Мороз стоял минус 40 градусов. В доме отдыха нас находилось 20 ребят и около 200 студенток — девушек, с утра до вечера жаждущих потанцевать. Как же нам быть? Мы ведь иностранцы. А что скажут в посольстве? Ижо нашел простой ответ: наш долг здесь — танцевать! Так мы на этой приятной и естественной ноте с танцами, песнями, новыми знакомствами провели эти каникулы. А по прошествии какого-то времени мы гуляли на свадьбах чехов, словаков и русских девушек-красавиц.

II

После института мы как-то географически разошлись. Я — западник — стал на всю жизнь специалистом по европейской безопасности, а он — восточник — устремился в Азию. Благодаря превосходной технике обучения иностранным языкам в МГИМО Ижо блестяще выучил индонезийский язык и постепенно стал крупнейшим чехословацким специалистом по Индонезии и индонезийскому языку. Он, уже как молодой секретарь по-

сольства, сумел сблизиться с окружением президента Сукарно, и затем его лично сопровождал во время его визитов в Чехословакию. Об Индонезии написал интересные книги, учебники и мемуары. После двух десятилетий вынужденного отсутствия в чехословацкой дипломатии, когда он работал на телевидении, Ижо дождался справедливого момента. В начале девяностых его назначили послом Чехословакии в Индонезии. Это был его личный триумф — увы! — ненадолго. Два года спустя Чехословакия разделилась, и его посольский пост исчез.

Наше послевоенное поколение тяжело воспринимало и распад Чехословакии, и распад Советского Союза. Однако раз так получилось, мы позитивно оценивали тот факт, что этот исторический процесс совершился мирным путем, без кровопролития. Всем критикам эпохи социализма мы отвечали и отвечаем до сих пор: не забудьте, что это был самый продолжительный период без войны на европейской земле. Разве этого мало и разве в этом не заслуга нашего поколения? В спорах с нашими «новодемократами» мы им говорим: «военные агрессии начались только в девяностых годах, когда вы сели на ветку к западным борцам за права человека и за "сытую" жизнь в условиях глобализма». Острые статьи Ижо по этой тематике, которые он писал до последних дней своей жизни, были многим не по душе, но он был верен своим принципам и не уступал.

III

Последнее десятилетие мы вновь — уже как ветераны — как будто бы стихийно сблизились. Мы создали Клуб чешских и словацких выпускников МГИМО в Праге и Братиславе и в качестве его сопредседателей организовывали его деятельность, встречи и визиты. Я занимался скорее организацией наших мероприятий, Ижо предпочитал свою работу журналиста-аналитика. Свои статьи публиковал в ведущих научных российских журналах, гордился тем, что вошел в состав редакционного совета «Родной Ладоги». С большим удовольствием хочу отметить, что этот литературно-художественный и просветительский журнал стал близким и очень обогащающим жизнь для многих членов нашего Клуба. Большую благодарность за это и за заботу о нас выражаем нашему давнему другу по жизни и товарищу-мгимовцу профессору Владимиру Заир-Беку, с которым мы часто встречаемся и действуем совместно.

В последний раз мы с Ижо посетили Москву в октябре 2010 года по случаю торжеств в МГИМО в связи с 50-летием выпуска 1960 года. Ночевали мы в общежитии МГИМО и вспоминали студенческие годы. Казалось, что Ижо не изменился, и даже шутил с русскими студентками, которые постучались в наше окно и поприветствовали двух старых мгимовцев, узнав, что мы выпускники 58-го и 60-го годов. Потом перед сном мы долго размышляли о близости наших славянских душ.

Во время наших совместных поездок мы часто заводили разговор и шутили о том, не опасно ли все-таки для нас, стариков, совершать дальние путешествия и частые деловые разъезды. Ижо раскрыл свое сердце, сказав: «Мне это не страшно, даже хотелось бы умереть в далекой Индонезии. Там молодые девушки заботятся о стариках до последних дней. После смерти принято развеять прах умершего над морем». Как-то, листая «Родную Ла-

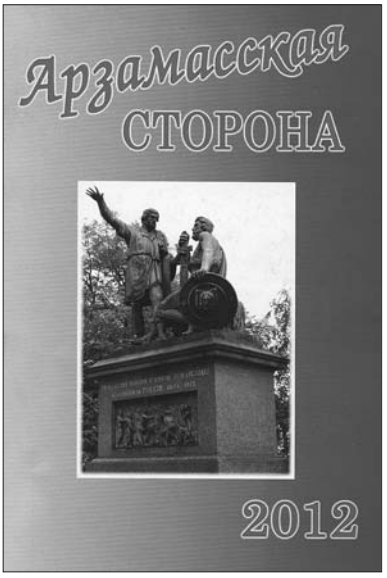
догу», у нас возникла идея, что для нас было бы неплохо посетить и это «море». Может быть, попробовать организовать здесь нашу любимую рыбалку и повстречаться вновь с подлинной русской душой. Ведь она — эта душа — до сих пор столь близка для нас. В этот момент я ему заметил, что даже умереть на Ладоге нам было бы легче, а в духовном плане ближе, чем в далекой Индонезии. Ижо немедленно дал свой типичный с долей юмора и самоиронии ответ: «Не забудь, что вода в морях, омывающих Индонезию, гораздо теплее, чем прохладные воды Ладоги».

Мать-природа решила судьбу моего близкого друга Ижо иначе. У себя в Братиславе он с новыми планами о далеких путешествиях вечером 23 июня лег спать и, с болью для нас всех, уже не проснулся.

С друзьями в Праге, Братиславе и Москве мы часто вспоминаем о нем, поскольку дух Ижо навсегда остался с нами.

Вышла книга

Арзамасская сторона: альманах. Выпуск 5 / АГПИ, Арз. отд. Нижегород. обл. орган. Союза писателей России. — Арзамас: АГПИ, 2012. — 585 с.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Арзамасского государственного педагогического института им. А. П. Гайдара.

Редакционный совет:
Евгений Павлович Титков, главный редактор;
Юрий Александрович Курдин, заместитель главного редактора;
Сергей Павлович Никонов, технический и художественный редактор;
Алексей Александрович Исаков, ответственный секретарь.

Члены редакционного совета:
Сергей Николаевич Пяткин, Борис Сергеевич Кондратьев, Олег Евгеньевич Андреев, Елена Всеволодовна Белянцева, Александр Алексеевич Ломтев (г. Саров), *Юрий Владимирович Назаров* (г. Сергач).

Альманах подготовлен к 400-летию победы народного ополчения 1612 года, 70-й годовщине битвы за Москву, 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова, он также включает материалы, посвященные профессии учителя. Большая часть материалов представлена членами Арзамасского отделения Нижегородской писательской организации Союза писателей России.

ПРОЗА

Александр КАЗИН

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ПАРК*

Повесть-воспоминание

Александр Леонидович Казин — родился в 1945 году в Смоленске. Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой искусствознания Санкт-Петербургского университета кино и телевидения, ст. научный сотрудник Российского института истории искусств. Член Союза писателей и Союза кинематографистов России. Член исполнительного совета общественной организации «Собор православной интеллигенции Санкт-Петербурга». Автор многих книг и статей по философии культуры. **Живет в Санкт-Петербурге.**

* Некоторые имена в этом правдивом повествовании в целях «политкорректности» изменены.

Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хоть на один локоть?

Мтф. 6:27

Со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения. Будет совестно сочинять про какого-нибудь вымышленного Ивана Ивановича. Писатели, если они будут, станут не сочинять, а только рассказывать то значительное или интересное, что им случалось наблюдать в жизни.

Лев Толстой

ОТ АВТОРА

В сущности, мы ничего не знаем. Мы не знаем, что такое электричество, и что такое всемирное тяготение, где начинается и кончается Вселенная. Физики твердят о каких-то электронах, которых никто не видел, и об отсутствии материального носителя той силы, благодаря которой яблоко падает на землю, а Земля не падает на Луну. Все это слова. Попробуйте представить себе частицу — она же волна. Да что там волна — мы не знаем даже, что (или кто?) такое камень, валяющийся в придорожной пыли, потому что он есть в-себе-и-для-себя, а не для нас.

Впрочем, как шутили в советском КВН, для наших ученых-материалистов уже ничто не является неожиданностью.

Единственно, о чем мы кое-что знаем, это о самих себе. О себе и о Боге. О себе, потому что я — это единственная реальность, данная мне изнутри, а о Боге — потому что он являет мне себя по благодати. Вот между этими двумя метафизическими скалами мы и живем. Остальное — мы его называем миром, жизнью, действительностью — смутно и двусмысленно. Если бы не

было двух опорных скал-маяков, мы вообще были бы слепы. А так кое-что видим.

На этих страницах я хочу рассказать о жизни одного ребенка/мальчика/юноши послевоенного времени — не потому, что он чем-то особенно замечателен, а потому, что раз Бог призвал его к жизни, значит, Он его, так или иначе, любит. Ведь Бог есть любовь. Кроме того, именно из таких мальчиков складываются страны и поколения

Первая глава

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ДЕТСТВО

Ни сны, ни явь

Я назвал эту главку так не потому, что цитирую Блока (хотя он до сих пор остается моим любимым поэтом, наряду с Пушкиным), а потому, что первые детские воспоминания действительно похожи на сны, в которых внутреннее неотделимо от внешнего, и все вместе погружено в какой-то туман. Однако некоторые свои детские «сно-видения» помню хорошо. Мы гуляли с бабушкой около памятника «Стерегущему» на Каменноостровском (тогда Кировском) проспекте, и какой-то дядя спросил меня: «Мальчик, сколько тебе лет?» Я гордо ответил: «Четыре года и шесть месяцев». Стало быть, это был 1950-й год. Помню еще, как я болел, лежал в кроватке, и мама пела мне: «Баю, баюшки, баю, не ложися на краю. Придет серенький волчок и утащит во лесок». И тогда, и сейчас у меня от этой песни мурашки по коже и щемит сердце, хотя это вовсе не сентиментальность. Эта песня для меня — лейтмотив заброшенности человека — и маленького, и большого — в таинственное земное существование, которое Константин Леонтьев прямо называл священнодействием, о чем я догадывался с детских лет, хотя и не умел назвать. И когда мне мама или бабушка говорили, чтобы я не лазил под диван, потому что там живет кикимора, я, не видя никакой кикиморы, все же верил их речам и боялся. Сейчас бы я сказал, что там живет нечто/некто, способное материализоваться в виде, например, кикиморы или сологубовской недотыкомки.

Совершенно точно помню, как я потерялся. Как обычно, бабушка повела меня в Александровский парк (тогда парк Ленина), и я каким-то образом потерял ее из виду. Не знаю уж, что пережила она, но меня охватил дикий ужас. Честно сказать, я никогда не отличался особой физической храбростью, вот и в тот раз мне надо было всего-навсего перейти через Кронверкский проспект (тогда проспект Максима Горького), по нему ходили трамваи и редкие автобусы и машины — но я боялся на мостовую и шаг ступить. Стоял и плакал. Опять-таки какой-то мужчина взял меня за руку и перевел через страшное пространство, и я вошел в парадное своего дома. Он находился — и сейчас находится — на другой стороне проспекта, прямо напротив театра «Балтийский дом» (тогда — театр имени Ленинского комсомола). Помню еще, как нас с бабушкой чуть не забрали в милицию за то, что я вырыл на дорожке парка довольно заметную ямку, чтобы наполнить

землей свое ведерко. И другой раз, когда мой детский велосипед действительно схватил рукой за руль милиционер, потому что я катался не там, где положено. Наверное, это был 1951-й или 52-й год — времена суровые. Только что отгремело «ленинградское дело»…

Баба белая

Как уже понял читатель, моя сознательная жизнь началась именно в Александровском парке — хорошо бы, чтобы она не слишком далеко от него и закончилась. «Не дай мне Бог, не дай мне Бог другого». «Я возвращался как домой в простор меж небом и Невой» в буквальном смысле слова, хотя родился волею судьбы — точнее, войны — не в Петербурге, и даже не в Ленинграде, а в Смоленске, куда моя мама приехала к своим родителям меня рожать. Деторождение состоялось 21 (8 по православному календарю) ноября 1945 года в день архистратига Михаила и всех небесных сил бесплотных, а несколькими месяцами раньше, в августе 1945 года, в немецком (теперь польском) городе Мариенвердер умер мой отец, заразившись брюшным тифом. Недавно я нашел в сети карту этого города, и даже кладбище, где он, возможно, похоронен. Перефразируя Высоцкого, спасибо вам, родители, что успели зачать меня, хотя по нынешним меркам поздновато — маме тогда было уже сорок лет. Отец и мать были военными врачами, служили в одном медсанбате (он — майор, она — капитан). Познакомились они еще в ленинградском мединституте, находясь в студенческом звании. Было это, судя по рассказам мамы, в начале 30-х годов, так что я поздний ребенок во всех смыслах этого слова. «По идее», я должен был родиться году этак в 1932, так что теперь (я пишу эти строки в декабре 2011 года) мне должно было бы быть все 79 годочков или, что вернее, я существовал бы уже где-то в другом измерении. Но человек предполагает, а Бог, как известно, располагает.

Происхождение моих родителей заслуживает отдельного рассказа. Отца, как уже было сказано, я не знал, однако о нем много говорили мама и бабушка. Бабушку по отцу звали Надежда Георгиевна Шпарварт, была она как лунь седая (я звал ее «баба белая»), рождения, если не ошибаюсь, 1877 года. Происходила она из семьи обрусевших немцев, была коренная петербурженка и всегда гордилась тем, что родилась в этом великом городе, на Гороховой улице. Деда — то есть ее мужа — я тоже никогда не видел, и вообще о том, кто был отцом моего отца, в доме никогда не упоминали. Единственно, что было известно, это дата отцовского рождения — 1908 год, и место — швейцарский город Лозанна. В сущности, по нынешним правилам отец был гражданином франкоязычного кантона Во, почти как Ставрогин у Достоевского, хотя, конечно, ничего общего с этим «сверхчеловеком» он не имел. (Впоследствии один швейцарец советовал мне обратиться в Лозанну по поводу отца — «сразу гринкарта!» — но я сказал, что мне это не нужно.) Как выражалась мама, единственное, за что папа стремился отвечать в жизни — это за свой белый медицинский халат. Лицо у него было тонкое, «европейское», о чем я могу судить по увеличенной фотографии, висящей теперь в моем кабинете. Там он совсем молодой, во всяком случае, по сравнению со мной нынешним — да и погиб он всего лишь в 37 лет…

Но продолжаю о бабушке. Я думаю, она «не просто так» поехала рожать отца в Швейцарию. И дело не только в том, что юридически и церковно

(по крещению она была лютеранка, хотя в Бога не верила) она никогда не была замужем. Кроме всего прочего, она была «революционерка», социал-демократка по убеждениям. Я до сих пор помню три песни в ее исполнении. Первая — «Марсельеза» (по-французски), а вторая звучала так:

Царь испугался, издал манифест:
Мертвым свобода, живых под арест.

Знала бы она тогда, что ее внук в зрелые годы станет «метафизическим» монархистом! Или вот еще:

Встань, подымись, социал-демократ,
Ведь потеря программы не шутка.
Раздайся же голос рассудка:
Назад, назад, назад, назад, назад!

Между прочим, через несколько лет после ее смерти я, будучи уже в девятом или десятом классе, обнаружил в нашем письменном столе (я и сейчас пишу за ним) несколько писем М. Горького. Это были короткие деловые записки, касавшиеся каких-то машинописных работ: до революции Надежда Георгиевна работала машинисткой. Наверное, их надо было отнести в Пушкинский Дом, но я тогда не придал им значения. Не знаю, куда они потом делись.

С «бабой белой» связано начало моей «культурной» жизни. С ней я научился читать, наверное, лет в пять, а до того она мне читала вслух, прежде всего Пушкина и Лермонтова, так что я при гостях гордо декламировал «У лукоморья дуб зеленый», «Песнь о вещем Олеге» или лермонтовское «В шапке золота литого старый русский великан поджидал к себе другого из далеких чуждых стран». Еще она читала мне романы Жюля Верна, они и теперь стоят у меня на полке. Когда мне бывает плохо, я открываю наугад любую страницу «Таинственного острова» или «Детей капитана Гранта» и погружаюсь одновременно в собственное детство и в мир океанов, белых парусов и неизведанных земель — абсолютно чистый и светлый. К стыду своему, я плохо с бабушкой обращался, иногда даже поднимал на нее руку, хотя она души во мне не чаяла, да и звали меня дома Леней, а не Сашей, в честь ее погибшего сына — моего отца. Она пережила дома первую, самую страшную блокадную зиму, а потом ее как немку выслали из Ленинграда куда-то в Сибирь. Помнится, когда я спрашивал ее о Боге, она отвечала, что если бы Он был, он не допустил бы на земле таких страданий. Кончила она свою жизнь тоже тяжело — в доме престарелых, куда она ушла из нашей перенаселенной комнаты (мама, две бабушки и я) в коммунальной квартире. Умерла она в 1955 году, когда мне было девять лет, на похороны меня не взяли, и сейчас я даже не знаю, на каком кладбище ее искать, а спросить не у кого. Бабушка, прости меня, я каждый день молюсь за тебя, хоть ты и безбожница.

Баба черная

Вторая бабушка — «баба черная», по цвету ее волос, заплетаемых в косу — была совсем другим человеком. Во-первых, она была на десять

лет моложе (1887 года рождения). Во-вторых, она представляла иной тип личности и тип рода. Вопреки всем войнам и революциям, она сохранила православную веру своих предков. Каждый вечер она молилась пред иконой целителя Пантелеймона (она и теперь стоит у меня среди других икон), шепча тихие, непонятные мне слова. С этим связано — я это прекрасно помню — и мое первое религиозное чувство. Наблюдая и слушая из своей кроватки, как она молится, я в один прекрасный вечер вдруг испытал внутри своей детской души что-то совершенно необычайное, какой-то подъем и неизъяснимую сладость духа. Все мистики в один голос утверждают, что словами подобное переживание не передается, и я с ними совершенно согласен, но когда меня иногда спрашивают, как я ощущаю присутствие Божие, я знаю, что мог бы на этот вопрос ответить — однако молчу…

По сравнению с петербургской интеллигенткой «бабой белой» Надежда Владимировна Казина (фамилия по мужу, в девичестве она носила фамилию Грекова) была, что называется, простым человеком, хотя происходила, судя по ее словам, из дворян, в молодости работала учительницей где-то на Волге (которую и переплывала забавы ради — полагаю, что не в самом широком месте), потом вышла замуж и уже больше, насколько я знаю, нигде не служила. Относительно меня она исполняла в основном «материальные» обязанности — прежде всего, готовила пищу на нашей коммунальной кухне для всей семьи, и в школу меня водила именно «баба черная», а не «баба белая». Иногда она ходила в церковь — в ближайший к нам Князь-Владимирский храм на Петроградской стороне, до которого, впрочем, надо было ехать три остановки на трамвае. И просила у мамы для этого «медный грошик», так как своих денег у нее не было. Всю свою пенсию в 16 рублей («за потерю кормильца») она отдавала в семью.

Кормильцем ее — то есть ее законным мужем и моим дедом — являлся Борис Семенович Казин, фамилию которого носила моя мама Мария Борисовна Казина (кстати, писаная красавица в молодости) и которую сейчас ношу я. Таинство церковного венчания с дедушкой относилось, как я теперь понимаю, к числу самых дорогих ее воспоминаний. Где это было, точно не знаю, но я запомнил, как она рассказывала про трезвон колоколов, и как шла она вся в белом, а хор пел «Гряди, гряди, голубица…» Вообще мои предки по материнской линии жили преимущественно в небольших городах и городках западной России, большей частью в Смоленской губернии или поблизости. Смутно помнятся мне названия Дубровка, Невель, Рославлев, Двинск (нынешний Даугавпилс, теперь это Латвия). Иногда она напевала простенькую мелодию на такие слова: «У нас в Дубровке зимой климат жаркий и сухой» — кажется, из любительского спектакля-водевиля, в котором она играла в этой самой Дубровке. При Советах дед служил, насколько я уразумел из ее рассказов, по железнодорожной части, дослужился даже до начальника станции.

Борис Семенович Казин происходил, вероятно, из служилого дворянства, революция застала его штабс-капитаном императорской армии. Других подробностей я не знаю — об этом при советской власти старались не говорить, тем более при детях. У меня за стеклом до сих пор хранится семейная фотография лета 1916 года, где запечатлены мой дед в форме царского офицера (потом на обороте эту дату переправили на 1917), молодая моя бабушка с роскошной черной косой в длинном платье, моя мама — девочка

лет восьми, ее брат (мой дядя Коля) — мальчик лет четырех, их двоюродная сестра Нина и брат Миша. Все они теперь уже умерли. Смотрю на эту карточку — вот оно, «запечатленное время», как сказал бы Андрей Тарковский. Страшная штука время. Платон утверждал, что время есть подвижный образ вечности. Я бы сказал, что время — это подвижный образ смерти. Впрочем, если бы люди не умирали, жизнь бы остановилась.

Чтобы закончить с «древней» моей генеалогией, могу сообщить, что я до сих пор так и не удосужился серьезно заняться родословной своей семьи. Может, и соберусь когда-нибудь, тем более, что у меня перед глазами пример моего друга и соседа по Зеленогорску писателя Дмитрия Каралиса, автора замечательных «Записок ретроразведчика». Простейший способ добычи быстрой информации такого рода — Интернет — пишет, что начальное упоминание о Казиных относится к временам Ивана IV Грозного, у которого Ляпун Казин служил воеводой. Был еще адмирал Казин, который в середине XIX столетия командовал Морским кадетским корпусом в Санкт-Петербурге (о чем свидетельствует мраморная доска в вестибюле бывшего дворца Миниха на углу набережной Большой Невы и 12-й линии В.О.). Тот же источник сообщает, что имеются многочисленные разветвления дворянского рода Казиных — тамбовские, орловские, калужские, смоленские. Скорее всего, дед Борис происходил именно из смоленской его ветви. Он и умер в Смоленске в 1945 году — через неделю после моего рождения. Бабушка рассказывала, что он успел спросить, кто родился у Маруси (моей мамы). Ему сказали — мальчик, и он упокоился.

Квартира

Месторазвитие (если употребить любимый термин евразийцев) моего детства заслуживает специального описания. Проходя ныне по Кронверкскому проспекту мимо дома 47, я не знаю, чего мне больше хочется — поскорее уйти или остаться тут навсегда, и стоять, задрав голову на уровень шестого этажа, чтобы получше видеть высокий эркер и венчающий его балкон той самой комнаты, где я вырос и жил до 22 лет, вплоть до женитьбы и переезда в Купчино. Я пробовал тут ходить один, с друзьями и подругами, трезвый и не очень — результат всегда один: экзистенциальный взрыв, фрустрация, сшибка противоположных энергий. «Никогда не возвращайтесь в прежние места», — кем это сказано? Особенно туда, где вы были счастливы. Впрочем, несчастий там тоже хватало.

Дом № 47 по Кронверкскому проспекту был построен в 1912 году (арх. Н. А. Никулин), как раз накануне всех катастроф XX века. Квартира № 35 на последнем этаже, под самой крышей, из пяти комнат, большой кухней и отдельной комнатой для прислуги, была моим родовым гнездом в прямом смысле слова — до октября семнадцатого (и некоторое время после) она принадлежала моей бабушке Н. Г. Шпарварт и ее родной сестре Аделаиде Георгиевне Шпарварт, между прочим, одной из первых женщин-врачей в России. До сего дня у меня на шкафу хранятся собрания сочинений Гете, Шиллера и Гейне, напечатанные по-немецки готическим шрифтом и помеченные личной печатью с твердыми знаками: «Врачъ Аделаида Георгиевна Шпарвартъ». Десятилетия спустя, когда я жил с мамой и бабушками в этой квартире — в единственной, правда, самой большой комнате, оставленной

после «уплотнения» бывшим хозяевам — в коммуналке происходила скрытая (иногда обострявшаяся) классовая борьба, потому что часть ее населения составляли мещанские родственники и потомки нашей бывшей прислуги. Они называли нас барами, а друг друга (когда ссорились) — «поломойками погаными» и «крысами магазинными». Однако юное поколение насельников квартиры (а детей там одно время собралось шесть человек, ровно по числу комнат/семей) этих различий уже почти не чувствовало и дружно играло в прятки и жмурки в общем коридоре.

Но сейчас не об этом. Сейчас я хочу описать именно Место этой квартиры, в котором гениально совпали одновременно ее физика и метафизика. Большой полукруглый балкон нашей комнаты, ее два окна и застекленная дверь выходили буквально в небо — точнее, как раз в тот простор между небом и Невой, о котором я уже упоминал. Наверное, у каждого коренного петербуржца есть свои заветные места, виды и горизонты, но ручаюсь, что такое великолепие, или, лучше сказать, праздник красоты — не примелькавшейся, открыточно-рекламной, а мощной, суровой и вместе с тем захватывающей дух — мало кто из них видел. Во всяком случае, никаких изображений Петербурга (живописных, фото и т. п.) с этой точки зрения я никогда не встречал. Представьте себе полет на высоте шестого этажа (не нынешнего, а тогдашнего, 1912-го года; по-нынешнему это примерно десятый) над центром Петербурга — от Петроградской стороны над Александровским парком прямо по направлению к золотому шпилю Петропавловского собора и крепости. Непосредственно перед нашими окнами — через полукруглую площадь — находился фасад театра им. Ленинского комсомола (сталинской постройки), чуть правее, за купами деревьев — Народный дом имени Императора Николая Второго, впоследствии — кинотеатр «Великан» (сейчас там, кажется, мюзик-холл). Кстати, именно в Народном доме моя «баба белая» чуть ли не в вечер 25 октября 1917 года слушала пение Шаляпина, не зная, что живет уже «при социализме». Еще правее с балкона виднелся кусок Большой Невы с силуэтами Васильевского острова. Замыкала правую часть панорамы колокольня Князь-Владимирского собора, действовавшего, между прочим, всю блокаду. Левую часть кругозора отмечала своим мозаичным куполом и двумя минаретами крупнейшая в Европе мусульманская мечеть. Как заметил бы любитель точных цифр, охват был почти в 180 градусов. Но главным в описанной панораме, повторяю, был небесный полет над раскинувшимся внизу судьбоносным градом, этим созданием европейского модерна, выполненным с русским размахом и душой. Как я думаю сейчас (живя в Купчино на первом этаже), этот полет, вероятно, оказался решающим впечатлением моей юной жизни. Достоевский где-то пишет, что если есть у человека хотя бы одно подобное воспоминание — спасен такой человек навеки. Не знаю, как насчет вечного спасения, но в минуты тяжких раздумий о присутствующем в этом падшем мире (и во мне самом) зле я иногда совершаю в своем воображении этот невидимый полет — и солнце освещает Вселенную.

Комната

В отличие от Фрейда, я не склонен абсолютизировать детские переживания, тем более эротические (тут я солидарен с набоковским ехидством

по поводу «венской делегации») — тем более, что собственно эротики в моем раннем детстве я почти не припомню. Конечно, теплое присутствие матери всегда было на первом плане, но никакого «эдипова комплекса» я не испытывал вплоть до появления отчима, Петра Яновича, что произошло значительно позже, когда я учился уже в четвертом-пятом классах. Да и то это была скорее не ревность, а раздражение по поводу вторгшегося в мою жизнь (и прежде всего в мою комнату) чужого человека. Но не стоит опережать события.

Как я уже сказал, мы жили в 22-метровой комнате вчетвером с мамой и двумя бабушками. Комната была с левой стороны перегорожена большим шкафом, как бы разделявшим ее надвое. За шкафом находилась мамина кровать, перед ним слева — кушетка «бабы черной», отгороженная от середины комнаты большим обеденным столом, раздвигавшимся для прихода гостей. Справа от стола через проход была постель «бабы белой», а моя кроватка стояла ближе к входу, справа от входной двери. После того как Надежда Георгиевна покинула нас, там поставили диван (впоследствии раскладной), служивший мне ложем вплоть до 1968 года — года переезда. Всю противоположную стену занимали большие окна и прозрачная балконная дверь, выходившая — я уже писал, куда…

В комнате находилось немало ценных фамильных вещей Шпарвартов. Стоял письменный стол моего отца со старинным чернильным прибором, пресс-папье и великолепной настольной лампой бронзового цвета. Ели мы серебряными ложками, на которых была выбита дата «1859». Все это и сейчас живет у меня в новой квартире. Была еще настоящая антикварная бронзовая фигура полуобнаженной девы, держащей в руке светильник, но я ее — кажется, классе в пятом — недолго думая, отнес на школьный двор и бросил в общую кучу, когда нас заставляли собирать металлолом, за что получил приличный нагоняй от отчима. Правую «парадную» стену комнаты занимали две загадочные масляные картины в золоченых овальных рамах, на одной из которых изображен испанский город Мадрид, а на другой — французский Трувиль, причем живописное полотно украшено было еще кусочками цветной слюды, так что они сверкали и переливались, особенно при электрическом свете. Эти картины и сейчас висят у меня на стене купчинского дома, хотя, к стыду своему, я так и не знаю их происхождения. Как-то в студенчестве я даже написал стихи про эти картины, кончавшиеся таким словами:

Испанский художник
Портрет на стене
Давным-давно
Посвятил мне.

Мама приходила с работы около шести часов вечера. Работала она старшим школьным врачом Ждановского (теперь Приморского) района Ленинграда, обедала и ложилась отдохнуть. Телевизоров тогда еще не было — первый телевизор у нас появился только в 1963 году, когда я учился уже на первом курсе университета. За меня отвечали бабушки. Конечно, я, как и все дети, пробовал рисовать, лепить, играть в шахматы, зимой катался на коньках (наш каток в парке был там, где сейчас расположен известный

«мини-Петербург» с глазеющими на него посетителями), летом — на велосипеде, но основным моим занятием было чтение. Подобно Горькому, многим хорошим в себе я обязан книгам. Сначала в бабушкином исполнении, а потом сам я читал Пушкина, Лермонтова, Жюля Верна, Робинзона Крузо, Гулливера, Дерсу Узала, маленького лорда Фаунтельроя. Очень любил книгу Р. Авенариуса «Юношеские годы Пушкина», наслаждался «Коньком-Горбунком» Ершова. Всего, конечно, не перечислишь, да и не нужно. Главное, что стоит отметить — это развитие у меня (посредством чтения) того, что психологи называют продуктивным воображением, и чего почти лишены современные дети, растущие в готовом мире виртуальных клипов/симулякров. Подобно художнику-модернисту, я воображал себе — вслед за писателем — новые вселенные, обладая вместе с тем по отношению к ним несомненным чувством собственности и интимного первородства. «Мой Жюль Верн», «мой Пушкин» — тут, несомненно, права Цветаева, хотя теперь я понимаю, что существуют подлинные Пушкин и Жюль Верн, открывшие людям свои неизведанные планеты по благодати Божией:

Тщетно, художник, ты мнишь,
Что творений своих ты создатель.
Вечно носились они над землею,
Незримые оку.

А. К. Толстой

Кроме чтения, были, конечно, и другие занятия, но все мои опыты по практической части оказывались, большей частью, неудачны. Я никогда не любил и не умел ничего делать руками — и сейчас не люблю и не умею. Мой любимый друг философ Эльмар Соколов (к несчастью, скончавшийся в 2003 году) иногда называл меня беспочвенным человеком, и в смысле отвращения к любой материальной деятельности это правда. Спортом я тоже не занимался — только в восьмом классе я увлекся настольным теннисом. Кроме прогулок в парке (сначала с бабушкой) и чтения, я до школы, в сущности, ничем специально не занимался, если не считать не очень удачной попытки научить меня немецкому языку. Лет в шесть меня отдали в так называемую «группу», которую частным образом вела природная немка Эльза Карловна. Раза два в неделю меня водили к ней домой на улицу Большую Монетную (тогда Скороходова), куда приходили еще человек пять детей, мы там играли, пили кофе с молоком и пытались говорить по-немецки, хотя я мало немецкого оттуда вынес. Честно говоря, мне всегда лень было заниматься иностранным языком, которого я так толком и не выучил, в отличие от моего сына Филиппа, который изъясняется по-английски, как по-русски, и читает на этом языке лекции в американских университетах. Между прочим, именно находясь на одном из занятий в этой группе, я услышал о смерти Сталина. Помню, как многие плакали прямо на улицах. Значит, было 5 марта 1953 года.

Соседи

Как я уже упоминал, в нашей квартире имелась детская компания. Дети были разные, но общались довольно тесно, благо места хватало в нашем

большом коммунальном коридоре, заставленном шкафами и корзинами — на каждую семью по шкафу. Старшей была девочка Ляля М., свысока относившаяся к нам, малышам, и третировавшая меня как «гогочку» и маменькиного сыночка. Однако у нее был патефон, потом проигрыватель, и я до сих пор при звуках заунывного «Маленького цветка» мгновенно переношусь памятью в ее комнату, смежную с нашей и всю заставленную зеркалами. Однажды из-за нее я чуть не пострадал. Была она довольно симпатичная, за ней ухлестывали большие парни в парке на катке, и когда они узнали, что я ее сосед, стали приставать ко мне с расспросами, где она живет, и как ее фамилии. Я пытался не выдавать, но, в конце концов, назвал ее фамилию — правда, несколько искаженной. С уличными и дворовыми мальчишками я вообще мало водился: что-то меня от них отвращало. Гораздо позже, как помнится, Ляля показывала мне нож, оставленный у нее на хранение знакомым приблатненным парнем, ушедшим в армию; потом он стал ее мужем.

Другим моим соседом — в комнате слева — был Сашка Т., годом старше меня. Особой дружбы с ним у меня не было, но мы с ним мерились силой, боролись, иногда ходили в кино, порой даже пели песни дуэтом — например, «Варяга» или «По долинами и по взгорьям». Учился он неважно, читал мало, мать его работала уборщицей. Отцов ни у кого из нас не было — война. Были, правда, у Сашки, два старших брата, Олег и Игорь, служившие на флоте матросами. Помню, как они принесли и подарили Сашке новый велосипед, а потом напились и подрались с сожителем его матери. Грохот в квартире стоял неимоверный, я от страха забрался куда-то под диван. Из комнаты слева нередко неслись крики — мать часто била Сашку ремнем и орала на него благим матом. С этим Сашкой связаны у меня и какие-то детские пакости сексуального характера, но писать об этом противно. Была у него еще столетняя бабушка, не умевшая ни читать, ни писать. Я ей говорил: «Вот это буква А, а это Б», и она соглашалась. В один прекрасный день она умерла, ее обмывали хорошо выпившие братья-матросы прямо в их комнате на столе, потом она всю ночь там лежала, и я боялся, что она встанет и пойдет по коридору. Впоследствии Сашка закончил «ремеслуху» и стал рабочим. Последнее мое воспоминание о нем — я завязываю ему галстук, чего он сам делать не умел, а он в тот день собирался, кажется, на собственную свадьбу.

В комнате напротив жила семейная пара — дядя Леша-шофер и его жена Шура, работавшая счетоводом в магазине. Эта Шура, кстати, оказалась первой женщиной, виденной мною полностью обнаженной через неплотно закрытую дверь в ванной. Дядя Леша приходил после работы в кирзовых сапогах, ему грела воду старушка-мать, он мыл руки, выпивал полстакана водки и обедал, смачно чавкая вареным мясом. Тетя Шура, видимо, изменяла ему, после ряда скандалов они развелись, и дядя Леша стал жить в комнате Сашки с его матерью. Иногда он напивался и матерился на всю квартиру, пытаясь побить свою бывшую жену. Была еще маленькая, в 9 квадратных метров, комната для нашей прислуги, в которой одно время жила семья из пяти человек — муж, жена, бабушка и двое детей. Правда, довольно скоро советская власть дала им другое жилье — не знаю уж, какое.

Восстанавливая сейчас в памяти эту быль, я не удивляюсь ничему и ни от чего не отказываюсь. Почти все тогда так жили. Конечно, я был тогда ре-

бенком — не знаю, как бы я выдержал подобную жизнь взрослым. Бывали в ней и хорошие моменты. Все ходили, например, друг к другу «на телевизор», помогали при болезни, один раз даже отмечали вместе Новый год. По радио передавали прекрасную классическую музыку и народные песни, мы все смотрели великие русско-советские фильмы, у нас был единый городской фольклор. Жизнь оборачивалась, прямо по Николаю Федорову, «общим делом», особенно на коммунальной кухне, где я помню еще керосинки и примусы, пока в Ленинград не провели газ. С течением времени, однако, общего в этой жизни оставалось все меньше, жильцы (в том числе и дети) постепенно отдалялись друг от друга, так что, когда я покидал наше бывшее фамильное гнездо, я уже почти ни с кем из соседей не разговаривал, да и они со мной тоже.

Так промелькнули мои детские годы. Надо еще сказать, что рос я довольно болезненным мальчиком, часто лежал в постели, воспаления легких были у меня обычным явлением — может, тогда и выработались у меня вкус и привычка к одиночеству. Уже тогда я ясно ощутил, что есть «Я» и «не-Я», разделенные непробиваемой онтологической стеной, хотя Беркли и Фихте прочел значительно позднее. Может, я так и остался бы до конца жизни на этой солипсистской («Я — «бог») позиции, если бы жил где-нибудь в другом месте, или хотя бы несколькими этажами ниже, где перед моими глазами не разворачивалось бы почти с принудительной силой пространство света, пересиливавшее (или, по меньшей мере, уравновешивающее) все остальное. Стоило выйти на балкон — и вот он, мир Божий. Правда, я не знал тогда, что он Божий.

Родственники

Гм, гм, читатель благородный,
Здорова ль ваша вся родня?

Пушкин, как всегда, попадает в точку. Отношения между родственниками у русских, действительно, довольно странные — мы ценим не столько кровь, сколько дух. Я много раз видел, как, например, кавказцы мгновенно определяют по лицу земляка: свой своего издалека чует. У меня были (и есть сейчас) близкие по крови люди, однако они так и не стали для меня ближними.

Самым близким по рождению был дядя Коля, родной брат мамы и сын «бабы черной». Жил он с семьей в Москве, был каким-то начальником средней руки, изредка приезжал в Ленинград, но в нашей единственной комнате это превращалось — во всяком случае, для меня — в муку. Хотя был он неплохим и даже веселым человеком, любил выпить и пошутить. Помнится, уже в студенческие годы, во время его очередного приезда в Ленинград, мы пошли с ним в ресторан перекусить. Напротив сидел какой-то мужчина, и дядя Коля вдруг начал громко провозглашать тосты за его здоровье. Тот обиделся, я думал, они подерутся, но обошлось. Последний раз я видел его в 1969 году, когда он приезжал на похороны бабушки. На похороны своей сестры — моей мамы — он уже не приехал.

У дяди Коли была жена тетя Валя, которая много улыбалась, но улыбка ее была какая-то ненастоящая. Лично мне она ничего плохого не сделала,

но когда умерла «баба черная», она вдруг стала присылать нам письма, где писала, что мы бабушку ограбили, спилили с ее мертвой руки обручальное кольцо и т. п. Я, помню, сильно удивился, но с тех пор она перестала для меня существовать. Живут в Москве их дети — моя двоюродная сестра Марина и брат Борис. С Мариной мы дружили в детстве, когда она изредка появлялась у нас, с Борисом виделись мало, всего раза три в жизни, но я до сих пор благодарен ему за то, что он подарил мне почти новый экземпляр моего любимого «Таинственного острова» с братской надписью. Никакой связи с ними у меня сейчас нет.

По соседству с нами на Кронверкском проспекте жила тетя Нина (двоюродная сестра моей мамы) со своим мужем дядей Митей (Дмитрием Михайловичем Трофимкиным). Тетя Нина была добрая толстушка, преподавала французский язык и разрешала мне гулять в парке с их великолепной черной немецкой овчаркой Дели, которую я обожал. Что касается дяди Мити, то из всех моих родственников он был наиболее серьезным и талантливым человеком. Служил он по строительной части, видимо, в немалом чине, потому что жили они в огромной трехкомнатной квартире, выходящей окнами прямо на Петропавловку. В дяде Мите чувствовалась какая-то внутренняя сила, он был даже красив, как бывают красивы умудренные жизнью крепкие старики. Кроме того, он был художником и прекрасным фотографом. По некоторым его тогдашним словам могу судить, что был он убежденным коммунистом.

Имелся еще дядя Миша — брат тети Нины. Это был enfant terrible казинского рода. Одно время он приходил к нам в форме морского офицера с кортиком и позволял мне играть с ним, но потом с ним что-то случилось, он бесконечно менял места работы, жительства и жен (одну из них я, каюсь, выгнал на улицу ночью, не захотев ночевать с ней в одной комнате). Венцом его эпопеи стал фельетон в газете «Ленинградская правда» (с которой я потом тесно сотрудничал). Назывался он «Доцент за 30 копеек», где рассказывалось о моем дяде, который якобы сам себе присвоил ученую степень. По нынешним временам, когда свободно продаются и покупаются любые дипломы и звания, это, конечно, пустяк, но по советским меркам это требовало осуждения.

Особого упоминания заслуживает друг нашего дома Николай Михайлович Александров, филолог-германист, настоящий доцент Ленинградского педагогического университета имени Герцена. Он приходил ко мне на дни рождения всегда с коробкой конфет и бутылкой дорогого марочного вина «Сурож». Как-то за столом зашел разговор о Горьком, и он поразил меня, советского школьника, своим высказыванием: «Горький был совершеннейший мерзавец». Судя по рассказам мамы, Николай Михайлович дружил с моим отцом, а сам происходил из старинного рода петербургских аристократов. Его отец был действительным тайным советником Государя, и в это можно было поверить. Манеры Н. М. решительно отличались от манер окружающих «простых» людей, да и внешность его выдавала иную классовую и генетическую природу: узкое тонкое лицо, изящный нос с горбинкой, пенсне, изысканно правильная речь. Помнится, встретив его в Публичной библиотеке, моя жена Лена решила пригласить его в гости и сказала: «Николай Михайлович, возьмите и приезжайте к нам!» Он улыбнулся и переспросил: «Простите, что я должен взять?» Супруга его, Клавдия Леонидовна, тоже

«из бывших», в конце жизни сошла с ума и пряталась иногда у нас в парадной, жалуясь, что ее преследуют…

Итак, дай Бог им долги дни.

Школа

В школу я пошел 1 сентября 1953 года, на год позже, чем следовало, так как родился в ноябре, и меня решили подержать дома еще некоторое время. Школа № 91 находилась в двух трамвайных остановках от дома, на углу Большой Пушкарской и Введенской. Она и сейчас там находится — в двух шагах от Введенской гимназии, где учился в свое время маленький Саша Блок. Не случайно я так люблю Блока — мы с ним даже росли в одних и тех же местах, включая школу и университет. Справа от школы, если смотреть с ее крыльца, за площадью находится небольшой сад, где прежде стояла Введенская церковь, снесенная в 1932 году. Сейчас на стене соседнего дома видна надпись, извещающая, что здесь было явление Божьей Матери. Тогда, конечно, надписи не было.

Хорошо помню торжественный день, когда мама отвела меня первый раз в первый класс с букетом цветов в руках. Нас выстроили парами, отвели на четвертый этаж и рассадили по партам.

Первую учительницу мою звали Екатерина Захаровна Розановская, это была полная пожилая женщина, жила она прямо в школе и вела нас с первого по третий класс. Учила меня писать ручкой с чернильным перышком и считать на счетах до ста. Была она добрая, не сильно образованная, говорила «ножни» вместо «ножницы», «цвет» вместо «цветок» и т. п. Как-то я спросил ее, кто такие самураи («В эту ночь решили самураи…»). Ответила она довольно невразумительно. Нянчилась она с нами бесконечно, и было с чем. Я, например, когда мне не хотелось поглощать свой завтрак, засовывал домашние бутерброды куда-то себе в штаны, и ей приходилось извлекать их оттуда. Помню я ее всю жизнь, хотя и косточки ее давно распались — первая учительница, как и первая любовь, суть знаки сущего. Несравненно меньшее значение имел директор школы, высокий и лысый татарин Михаил Александрович Валишин, которого все очень боялись, и строгая еврейка завуч Дора Львовна. Был еще учитель физкультуры, мы его звали Савельич, довольно суровый по обращению со своими учениками мужик. Выстраивая нас в шеренгу («На первый-второй рассчитайсь!»), он обзывал нас рахитами, особенно тех, кто был слабоват в гимнастике и баскетболе. «Так на горшке сидят, а не на брусьях!» — приговаривал он какого-нибудь «рахитика», и я нередко попадал на его беспощадный язык. Правда, потом, когда я, уже в выпускном классе, стал почти профессионалом малого тенниса, он меня очень зауважал, и даже стал здороваться со мной за руку. Иногда он запирался в химическом кабинете вместе с учителем химии, симпатичнейшим Владимиром Клавдиевичем Зензиновым, и они, как видно было в замочную скважину, пропускали там по рюмочке спирта. Про Владимира Клавдиевича еще помню, как он диктовал классу свои химические формулы громовым голосом, почти как Левитан: «Алюминий!!!», так что дрожали стекла…

Несомненное отношение к судьбе каждого человека имеют одноклассники, причем в младших классах не меньшее, чем в старших. Некоторые

из них остались потом со мной на всю жизнь. 1953 год был последним годом классического гимназического разделения на мужские и женские школы (все-таки Сталин был советским императором), поэтому среди первоклашек были одни парни, из которых три человека стали потом моими друзьями. Первого звали Саша Штемпель, второго Саша Борухович, третьего Володя Михайлов.

Сначала про первого из них, тем более, что со вторым и третьим мы сошлись значительно позднее. С Сашей Штемпелем мы сидели за одной партой вплоть до седьмого класса, ходили вместе домой (нам было по дороге), перезванивались по телефону насчет уроков (он лучше меня успевал по математике), и, конечно, практически ежедневно гуляли с ним в парке. Вплоть до четвертого класса нас сопровождала маленькая старушка тетя Шура, то ли прислуга, то ли дальняя его родственница, которой моя мама еще что-то приплачивала от себя. Была она, очевидно, начитана в библейской литературе, так как нередко потчевала нас цитатами, «как Боженька сказал». Помню, как я поразился, услыхав от нее, что были люди, жившие по восемьсот лет. Зимой мы катались на лыжах вокруг Петропавловской крепости, строили снежные берлоги в сугробах, ходили на каток, один раз даже там подрались. Жил Саша на улице Воскова, в одном из тех маленьких запутанных переулков, которыми славится Петроградская сторона. В его доме было печное отопление, что мне было в диковинку. К тому же Саша был ярко-рыжий, как и его отец, служивший где-то пожарником. Особенно любили мы с ним ходить в Артиллерийский музей, расположенный на кронверке Петропавловской крепости, в грандиозном здании бывшего николаевского арсенала. Думаю, это одно из лучших мест в Петербурге, его подлинный genius loci. По дороге через парк надо было пройти мимо не менее выразительного здания Травматологического института (сейчас там Академия правосудия), построенного в начале XX века в стиле северного модерна. На одном из фасадов этого строения находится большая мозаичная икона Божией Матери, исполненная по рисунку Петрова-Водкина. Тут мы неоднократно наблюдали, как некоторые проходящие мимо женщины вдруг бухались на колени и начинали креститься, что вызывало у нас преимущественно смех: ни в каких богов мы не верили. Более того, когда у одной девочки — уже во втором классе — мы обнаружили крестик на шнурочке, издевательствам не было конца. Бедная девочка (фамилия ее была, если не ошибаюсь, Панфиленко) плакала и не знала, куда деваться. Теперь она может утешаться тем, что уже в раннем детстве пострадала за Христа.

Конечно, поначалу в школе было очень неуютно. Я имею в виду сам способ публичного существования в коллективе, в толпе, в стае ровесников. Собрание детей отличается почти теми же качествами — и хорошими, и дурными, — что и сборище взрослых, что лишний раз демонстрирует падшее состояние маленького человека с его «невинной слезинкой», о которой так сокрушался Достоевский. Подобно герою набоковской «Защиты Лужина», я инстинктивно пытался найти в пространстве точку, равноудаленную от всех моих одноклассников. Ровесники, с которыми мне ежедневно приходилось проводить сначала по четыре, а затем по пять и по шесть часов, большей частью казались мне грубыми, злыми, так и норовящими сотворить мне какую-нибудь гадость. Потом, уже будучи взрослым и наблюдая детские и юношеские компании, я многократно убеждался в правоте тех своих

печальных впечатлений: дети первым делом стремятся самоутвердиться за счет другого. Особенно это касается мальчишек, где все решает физическая сила. Помню, как в классе пятом, когда мы с моим другом Штемпелем дразнили одну девочку по фамилии Мухамеджанова («Мух, мух, мух…»), она попросила Володю Михайлова (будущего моего юношеского приятеля и собутыльника) унять нас, и он, будучи гораздо сильнее, взял и стукнул нас с Сашей друг о друга головами: вопрос был решен. Был в классе еще один силач, Игорь Гвоздев, добродушный по природе парень, но уже в восьмом классе они так страшно подрались с тем же Михайловым в раздевалке спортзала, что разнять их смог только сам подоспевший Савельич. Не знаю уж, как они друг друга не покалечили.

Так или иначе, уходя из школы и возвращаясь домой, я облегченно вздыхал, как бы оставляя где-то в другом измерении напряжение школьного пространства-времени. Думаю, здесь играло свою роль и мое интеллигентское («дворянское») происхождение: большинство однокашников были вполне рабоче-крестьянскими ребятами. Говорю это без всякого снобизма и желания выделиться. Просто я отчетливо ощущал, что они другие, даже «Другие» с большой буквы, если вспомнить излюбленное словечко постмодерна, который, кроме этого «Другого», ничего и не видит. И тогда, и теперь я пытался/пытаюсь войти в общение (утверждение общего) с другими, превратив таким образом другого в ближнего. К сожалению, это редко удается. В начальных классах это удалось с Сашей Штемпелем. Позже — с Сашей Боруховичем (да и то с оговорками). Была еще девочка Оля, которая недолго сидела со мной за одной партой. Потом она вдруг заболела и умерла. Помню, мама сказала мне об этом на улице, темным вечером, в отвратительную слякотную погоду с тающим на лету снегом, какой бывает, наверное, только в Петербурге. Я почувствовал какую-то беспросветную тяжесть в окружающем, во всем этом мокром, гниющем мире, где Оли уже никогда не будет. Так во втором классе меня впервые слегка коснулся своим крылом ангел смерти — представитель иной, темной стороны существования.

Дочь адмирала

Во втором классе я испытал и первую влюбленность. Ее звали Лена Федорова, она была дочь адмирала и жила с родителями в отдельной (!) двухкомнатной квартире, в которую меня один раз пригласили на ее день рождения. Не помню, как это началось, но навсегда осталось в моей памяти, как я трепетал даже подойти к ней, и тем более с ней разговаривать. Один раз нас поставили с ней парой идти вниз после уроков, я замер от восторга, и до сих пор ощущаю в своей руке ее восхитительную ручку. Конечно, любовь эта была лишена всякого телесного вожделения в узком смысле слова. Но это была самая настоящая любовь — человек представал в своей полноте как произведение Божье, уникальное, манящее и прекрасное. Впервые такое острое переживание тождества личности и бытия («Все сущее тебя не стоит…») мне подарила эта, в общем, вполне обыкновенная девчонка-второклашка. Это потом уже мне пришлось познакомиться и с любовью-эросом, и с любовью-филией, и с любовью-агапе. С любовью-радостью и с любовью-мучением.

В связи с любовью-мучением не могу не сказать несколько слов о своем отчиме Петре Яновиче Вуксе. Был он петербуржцем с эстонскими корнями, умел говорить на этом редком языке, и когда мы ходили с ним на Сытный рынок покупать картошку, он общался с эстонскими крестьянами на их родовом наречии. С моей мамой они были знакомы еще до войны, Петр Янович был значительно старше ее, он воевал еще в Первую германскую. Они с мамой любили читать вслух русскую классику, причем Петр Янович начинал иногда громко рыдать над прочитанным; то же самое иногда происходило с ним публично в кино во время показа трогательных сцен. Ходили они с мамой также в филармонию, но меня с собой не брали: мал был еще. Характера он был довольно тяжелого, любил поговорить о ежовых рукавицах и прочих способах «военного» воспитания. Никогда не курил и не брал в рот спиртного. Особенно мне запомнилось, как он буквально часами мог подметать пол в нашей комнате, подбирая пальцами каждую пылинку, или столь же долго натирать в ней пол, раздеваясь при этом до пояса, причем с него градом катился пот. Мы ходили с ним в баню, он помогал мне с математикой, однако его присутствие сильно меня удручало, я как бы лишался в его присутствии своего места. Прожил он в нашей комнате, наверное, около года, я жаловался маме, что мне тяжело, но все как-то тянулось — до тех пор, пока (это было в начале пятого класса) я не проснулся ночью и не услышал за шкафом, где спали мама с отчимом, такие звуки, от которых я зарыдал, и проплакал, кажется, чуть ли не до утра. На следующий день, после школы, Петр Янович решил поговорить со мной серьезно, сказал мне: «мама — моя жена», но дела это не поправило, и ему пришлось вернуться жить в свою двухкомнатную квартиру на Лесном проспекте. Он оставался другом нашей семьи вплоть до самой своей смерти в 1969 году, когда я уже заканчивал университет. Мне потом пришлось нести его гроб. Мир его праху.

Саша Борухович

Мой одноклассник Саша Борухович был классический еврей — не столько по внешности (хотя и по ней тоже), сколько, так сказать, по своей внутренней установке. В младших классах это никак внешне не проявлялось, за исключением некоей внутренней сосредоточенности и упорядоченности, мало свойственной русским мальчишкам. Саша был тверд, суховат, умен и точно знал, чего хочет. Жил он недалеко от школы, на Пионерской улице, и мы иногда на большой перемене добегали до его дома за какой-нибудь книжкой, и мчались обратно. Отец его, между прочим, был простым рабочим, что в данном случае звучит как анекдот: еврей-дворник. Сблизила нас с Сашей любовь к книгам, особенно к поэзии. Уже в старших классах мы сами начали пописывать стихи, и даже посещали одно время литобъединение «Нарвская застава», которое вел поэт Игорь Михайлов. Там я впервые услышал, как читает свои стихи Глеб Горбовский, а с Александром Кушнером мы даже как-то выступали с одной трибуны. Общей нашей страстью с Сашей стал на какое-то время Александр Блок, так что во время общих (уже студенческих) попоек мы всегда чокались с ним «за Александра Александровича». По окончании школы Саша поступил в Институт связи им. Бонч-Бруевича, с блеском его окончил, на-

учился играть на гитаре, сочинял песни, и мы пели их хором, но через некоторое время, когда начали выпускать евреев, он «запал» на отъезд (и уже ни о чем другом не мог говорить и думать), попал в отказ, переживал и, в конце концов, заболел раком легких и умер в 36 лет в страшных мучениях (задохнулся). Я сам застегивал крышку гроба и нес его из морга к катафалку. Потом, после крематория, мы зарыли горстку пепла в баночке — все, что осталось от Саши — в земле еврейского кладбища. А ведь он никогда — в отличие от меня — не напивался пьяным, всегда вовремя (не позже одиннадцати) уходил домой и прекрасно выполнял упражнения на брусьях, так что даже дотошный Савельич был доволен. Неисповедимы пути Господни.

Что касается собственно учебы, то здесь в младших классах у меня не было никаких проблем. Я отлично успевал по русскому языку и литературе, писал совершенно без ошибок (сказывалось обильное домашнее чтение). Несколько хуже обстояло по математике, но все было терпимо до пятого класса, когда начались трудные примеры и задачи со многими действиями. Я и тогда, и сейчас плохо считаю в уме, забываю цифры и комбинации — думаю, именно поэтому я никогда не мог научиться играть в преферанс, сколько меня ни учили. Забегая вперед, могу похвастаться, что в десятом классе я сделался чуть ли не лучшим учеником по алгебре и геометрии. В пятом же я еле-еле вытягивал на тройку, у нас была суровая математичка (не помню сейчас ее имени). Как-то она вызвала меня к доске, я чего-то там написал, она посмотрела и с таким отвращением сказала «Чушь!», что я всю жизнь произношу это сакраментальное слово с тогдашним ее непередаваемым выражением. Любил я еще историю и географию, в общем, у меня были явно выраженные гуманитарные склонности. К химии и биологии я был равнодушен, это было не мое, все эти окислы, пестики и тычинки совершенно не привлекали. Помнится, как-то на уроке ботаники, кажется, в шестом классе учительница нам рассказывала про сорт груши под названием «Бере зимняя Мичурина». Володя Михайлов, сидевший где-то впереди (он был невысок ростом), хохотнул на весь класс: «Бере, гы-гы-гы!». «Да, бере!» — с вызовом повторила ботаничка. Нынче Володя доктор технических наук и, как он утверждает, какой-то секретный генерал. А ботаничка стала директором школы.

Проба пера

Если уж я занялся беллетристикой (письмом, как теперь выражаются), то следует сказать, что интерес к этому делу у меня проявился довольно рано. До сих пор в ящике письменного стола хранится моя сказка, записанная от руки мамой под мою диктовку. Было это еще до школы, когда я и писать-то не умел. Позже, наверное, классе во втором, я написал (сам уже) рассказ «Патрон», который потом перепечатали на машинке. Дело сейчас не в том, о чем был этот рассказ (обычная мальчишеская фантазия), а в том, что в процессе его написания я впервые пережил то, что точно называется вдохновением. В какой-то момент писания я вдруг ощутил, что не могу остановиться, и что это уже не я пишу, выдавливая из себя предложения и мысли, а делает это кто-то другой, некий daimon, как называл его Сократ, а я только успеваю записывать за ним рождающиеся сами собой слова.

Я забыл о времени и пространстве, о том, что сижу за столом, что у меня есть руки и ноги — я мчался в ином измерении со скоростью света. «И мысли просятся к перу, перо — к бумаге, минута…» — таинство творческого акта. Уверен, что мир был сотворен именно так. Ведь Бог, по слову святителя Василия Великого — это Поэт (см. его «Беседы на Шестоднев»).

Чуть позднее я пробовал писать стихи. Сначала это были выспренные подражания не то Горькому, не то Державину:

О, наше солнце, источник жизни…

Потом — уже классе в шестом — я создал шедевр под названием «Петропавловская крепость»:

Высятся старые стены
Над величавой Невой.
Волны, седые от пены,
Бьются о берег крутой.

Выше — гранитная кладка,
Узкие щели бойниц,
Травы, растущие в камне,
Крики летающих птиц.

А шпиль золотою иглою
Вершиной стоит в облаках.
И яркое солнце играет
В его золоченых листах.

Я показал эти строки Саше Боруховичу, и он заметил, что на Некрасова смахивает («И яркое солнце играет в косматой его бороде»), наша же учительница по литературе схватила у меня листок с текстом и тут же унесла куда-то. Через день эти стихи красовались на первой странице школьной стенгазеты — как-никак, первая публикация.

Валентина Федоровна

С четвертого по седьмой класс нами руководила литераторша Валентина Федоровна Смирнова — пожалуй, лучший педагог, которого я видел. Мало того, что она прекрасно преподавала мои любимые русский и литературу, — это была чрезвычайно умная и властная женщина в лучшем смысле этого слова. Сколько я повидал учительниц (и впоследствии преподавателей вузов, вплоть до профессоров), у которых на уроках чуть ли не на головах ходили! Валентина Федоровна только поднимала бровь — все мгновенно стихало. Вернее, при ней даже и не начиналось, стоило ей только войти в класс с журналом в руке. Она никого не пугала, но излучение ее личности действовало неотразимо. Меня она часто вызывала читать вслух какой-нибудь отрывок из Гоголя или Тургенева, у меня это здорово получалось, а она говорила, что при чтении видна душа человека. Валентина Федоровна занимала нас именно как личность — мальчишек и девчонок, вероятно,

по-разному. Один раз в седьмом уже классе она явилась на урок с новой прической, очень ей шедшей. Все как-то непроизвольно произнесли «О!», на что она невозмутимо ответила «Пожалуйста, без комментариев!» Нечего и говорить, что о личной ее жизни мы не имели никакого понятия. Потом, уже во взрослом состоянии, лет в 28 (я был уже кандидатом наук) мы как-то собрались школьной компанией (человек 10) и позвали ее. Она пришла, выпили, закусили, наговорили тостов, а потом я украдкой спросил ее: «Валентина Федоровна, а вы замужем?» Не помню, что она мне ответила, но обращался я к ней с тем же трепетом, с каким в шестом или седьмом классе, спрашивал, например, о каком-нибудь учебном предмете. Магия силы бьет безотказно.

Куда уходит детство

В 91-й школе я пребывал до восьмого класса включительно. Из этого последнего «детского» класса я запомнил, прежде всего, опять-таки, уроки литературы. Их вела уже другая преподавательница, тоже неплохая, но без той волшебной ауры, какая окружала Валентину Федоровну. На эти уроки надо было брать с собой большую хрестоматию, в которой было много стихов и поэм Пушкина, включая «Евгения Онегина». Я запоем читал пушкинские тексты все подряд прямо на уроке, мало обращая внимания на то, что происходило вокруг. В один прекрасный апрельский день 1961 года, когда я целиком погрузился в пушкинского «Ариона», в школе вдруг раздался непонятный шум и послышалось: «Человека запустили, человека запустили!» Это был взлет чудного смоленского паренька (и, значит, моего земляка по матери) Юры Гагарина в космос, и вторая — после 9 Мая 1945 года — вершина русско-советского пути в XX веке. Занятия тут же прекратились, в городе начались стихийные демонстрации. Все тогда были уверены, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

К началу 60-х годов я стал довольно высоким пригожим юношей, на меня выразительно поглядывали девчонки из соседних классов. Когда хотел, я уже вовсю прогуливал школу, главным образом для занятий настольным теннисом. Ездить приходилось по всему городу в поисках места для тренировок, так что я узнал для себя много нового из «реализма действительной жизни», как говаривал Митя Карамазов. Не знаю, как в других видах спорта, а вокруг настольного тенниса крутилось тогда необычайно много подонков. Так или иначе, но восьмой класс я закончил, кажется, с одной тройкой (все по той же злосчастной математике). Помню выпускной вечер, после которого мы гуляли по парку, обнявшись, с девочкой из восьмого «б» (из тех, которые на меня поглядывали). Стояла белая ночь, мы обошли всю Петропавловку, потом залезли на крышу Алексеевского равелина — тогда это запросто можно было сделать. Пели модную тогда песенку «Любовь кольцо, а у кольца начала нет и нет конца». Перед нами «широко река неслася», мне хотелось ее поцеловать, но я не знал, как к этому подступиться. Под утро я впервые, как взрослый, посадил ее на такси и дал ей рубль, за который тогда можно было уехать на другой конец города. Она потом мне написала что-то вроде любовно-благодарственного письма. Мне исполнилось пятнадцать лет. Детство кончалось.

Зеленогорск

Одно время в России был в моде мистический писатель Карлос Кастанеда, который много толкует о «местах силы», где сущее как бы поворачивается к людям своей скрытой стороной. Не знаю, как насчет колдовства (я не поклонник оккультизма), но места силы поистине существуют. Для меня таким местом силы, наряду с Александровским парком, стал Зеленогорск — и остается таковым по сию пору. Как назвал его в свое время еще один мой еврейский друг (везло мне на евреев!) Боря Шерман, Зеленогорск — столица мира. Помнится, в тот момент мы пили с ним слегка разведенный спирт на берегу моря. Теперь Боря живет где-то под Бостоном, но иногда навещает нас со своей женой Мариной (кстати, тоже бывшей «зеленогорженкой»), и мы опять идем на берег пить — правда, уже не спирт, а коньяк или виски.

До десяти лет мама снимала нам дачу на лето в разных местах — в Мельничном Ручье, Солнечном, Репино. После пятого класса единственным моим летним прибежищем стал бывший финский курортный городок Териоки/Зеленогорск, в 50 километрах от Петербурга, лежащий на высоком берегу Финского залива между хвойными лесами и озерами. Когда я перечитываю или смотрю со сцены чеховского «Дядю Ваню», мне кажется, что именно в Териоках предлагал профессор Серебряков обедневшему русскому дворянству «купить небольшую дачу в Финляндии». Если считать с 1955 года, мы снимаем там дачу уже 56 (!) лет — разумеется, у разных хозяев (последние восемь лет — целый дом), но всегда в одном районе, около вокзала и леса, откуда рукой подать до ближайших озер — Щучьего и Красавицы, а также до нашего любимого небольшого Божьего озера, которое несведущие люди называют Чертовым. Во времена Серебряного века Териоки были модным петербургским пригородом, по соседству была дача Репина (знаменитая Чукоккала), приезжал сюда театр Мейерхольда, в нем играла жена Блока Любовь Дмитриевна и любил бывать сам Блок. На териокском пляже утонул художник Сапунов (наверное, и сейчас его скелет лежит где-то недалеко от берега). В 1990 году был восстановлен и открыт великолепный белокаменный православный храм во имя Казанской иконы Божией Матери, построенный в начале XX века в древнерусском стиле.

Многолетняя дача — не менее важное место в жизни, чем дом или школа. Первыми ребятами, с которыми я познакомился на новом месте, были мой ровесник Валя П., снимавший дачу в том же доме, и маленький (на четыре года младше) пацаненок Дима Каралис, живший в зеленом домике напротив нас в самом начале Деповской улицы. Впоследствии Валя оказался моим лучшим другом вплоть до 30-летнего возраста, после чего нас разделило с ним его профессиональное пьянство (не знаю, жив он сейчас или нет), а Дима, о котором я уже упомянул выше, стал известным русским писателем «с молдавско-литовско-греческими корнями», как он сам себя аттестует. Примерно сорок лет мы с ним не виделись, но в 1999 году вдруг неожиданно встретились на презентации моей книги «Последнее Царство. Русская православная цивилизация». Теперь мы снова зеленогорские друзья, и дом тут у Димы, в отличие от меня, свой.

Дача с друзьями — это мальчишеский рай. Грибы, плаванье, велосипед, волейбол, настольный теннис. Единственно, во что я никогда я не иг-

рал — это в футбол. Как говорится, не дворянское это дело. Зато шалаши строить и землянки рыть — пожалуйста. С Валей и Димой мы собрались даже построить яхту, но как-то не очень получилось. Был там еще один мальчик, Толя Б., (между прочим, тоже из 91-й школы), с ним и с Валей мы отправлялись в дальние походы на велосипедах, вплоть до Рощина и еще дальше (там удивительные речки и протоки) на целые дни. Будучи уже лет семнадцати, мы соперничали с Толей по поводу одной девушки, которая потом стала его женой, а еще лет через десять я увидел Толю глубоким инвалидом, хромающим на обе ноги; у него «ни с того ни с сего» развился рассеянный склероз, и он через год умер. Еще один мальчик с Деповской улицы, Юра К., с которым мы увлекались настольным теннисом, сын профессора Кораблестроительного института и впоследствии сам профессор, тоже в сравнительно молодом возрасте пережил инсульт. Проезжая как-то на велосипеде по зеленогорской улице Красных Командиров, я заметил Юру, передвигающегося типичной «лечебной» походкой, он быстро от меня отвернулся. Счастье и несчастье, здоровье и болезнь, даже молодость и старость — «родимые пятна» мирового дуализма. Древние гностики это хорошо понимали.

По мере взросления интересы наши менялись. Пожалуй, только настольный теннис оставался у меня неизменным (вплоть до второго курса университета, когда я перестал нуждаться в зачете по физкультуре). Где-то с четырнадцати лет я стал ходить играть в теннис на спортплощадку военного дома отдыха на самом берегу залива (он и сейчас там). Компания здесь собиралась самая разношерстная и довольно пошлая, почти все курили и многие уже выпивали. Были несколько парней, которые занимались фарцовской — скупали вещи у проезжих финнов и перепродавали их «несчастным» советским людям, никогда не видевшим американских сигарет или нейлоновых носков. На этой территории я первый раз в жизни в 15 лет попробовал алкоголь. Мы с приятелями купили две бутылки крепленого портвейна «Мадера» и выпили их на троих без закуски, после чего я попытался влезть на дерево, но свалился (к счастью, не больно). По вечерам в клубе устраивали танцы, и мы норовили проникнуть на них мимо охраны. Когда это удавалось, я иногда танцевал танго с девушками. Особенно мне нравился «белый танец», когда дамы приглашают кавалеров. Лет в 16–17 девушки вообще превратились в основной предмет наших вожделений и бесед; Валя, Толя и я обсуждали этот предмет со всех сторон, на что маленький тогда Димка Каралис реагировал как-то отстраненно: не дорос еще.

Воспроизводя сейчас эти зеленогорские «лета» (в прямом и переносном смысле) в дымке прошлого, я переживаю их как, несомненно, самую теплую, ласковую пору своей жизни. Здесь не было ограниченности (прежде всего пространственной) городской квартиры, не было вынужденного школьного коллективизма — были воздух, солнце, простор, свобода и друзья, которых сам выбрал. Ну, разумеется, еще постарался случай — этот псевдоним Промысла. Сидя теперь с Димой в его саду и уплетая бутерброды с салом, мы запиваем их чаем («сальные вечера», как их называет Дима) и рассуждаем о том, сколько лет прошло и скольких наших «соседей по времени» уже нет на белом свете. Впрочем, в уныние мы не впадаем, потому что впереди у нас Иное, мы верим в это как христиане. Кроме того, можно утешаться тем, что мы с Димой окажемся соседями и на земле: лежать нам с ним на

одном зеленогорском кладбище, где похоронены его родители и покоятся мои мама и «баба черная». Все в руке Господней.

Вторая глава

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТРОЧЕСТВО

ШРМ и ИРПА

В детстве я был, несомненно, теснее связан с Санкт-Петербургом, чем в отрочестве. Предки, фамильная квартира, книги с личными печатями — все это связывало с ушедшим. В подростковом состоянии я оказался «заброшен», как выражаются экзистенциалисты, в современную советскую жизнь гораздо дальше и глубже. Тут уже было не до ностальгии.

С легкой (на самом деле, тяжелой и грубой) руки Хрущева в начале 60-х годов была проведена, наряду с кукурузой и совнархозами, еще школьная реформа. Нужно было учиться одиннадцать лет и потом поступать в институт только один раз (до 18 лет) с угрозой загреметь в армию. Или учиться десять лет в школе рабочей молодежи (ШРМ), что я и выбрал. Надо сказать, что потом я неоднократно жалел об этом, представляя, как мои бывшие одноклассники спокойно сидят за партами (большинство из них пошло в одиннадцатилетку), в то время как я вынужден вкалывать чуть ли не в горячем цехе. Однако в итоге все сложилось, как я хотел.

91-я школа осталась восьмилетней, так что поначалу я (уж не помню, как и почему) записался в другую школу, находившуюся на углу Большой Зелениной улицы и Малого проспекта Петроградской стороны (тогда проспекта Щорса). Кстати, где-то здесь во времена Блока находился один из любимых его ресторанов («Я сидел у окна в переполненном зале…»). Проболтавшись в этой чужой школе довольно бессмысленно сентябрь месяц, никого и ничего там не зная, я заартачился и заявил маме, что больше туда не пойду. Она подключила свои связи, и меня уже в октябре «переписали» в ШРМ № 29, располагавшуюся на улице Красного Курсанта, недалеко от нынешней Военно-космической академии имени Можайского. Неподалеку находилось также, как я позже узнал, здание бывшего Владимирского юнкерского училища, безжалостно расстрелянного из орудий большевиками 29 октября 1917 года сразу после переворота — будущие русские офицеры отказались подчиняться комиссарам Смольного (одно из первых проявлений красного террора).

Одновременно, в том же октябре 1961 года, меня устроили на работу — для университета нужен был двухлетний трудовой стаж — в Научно-исследовательский институт радиовещательного приема и акустики (ИРПА). Тут уже помог Петр Янович, служивший в этом учреждении каким-то чиновником. До сего дня в моей трудовой книжке стоит дата начала рабочего стажа — октябрь того самого, гагаринского триумфального года. Первая в жизни работа (разумеется, за гроши) и новая (причем вечерняя) школа — согласитесь, это немало для отрока, которому еще не исполнилось шестнадцати. Новых впечатлений, да и новых обязанностей хватало.

Весь девятый класс — первый год учебы и работы на новом месте — я чувствовал себя отвратительно. Во-первых, надо было рано вставать. Работа начиналась ровно в восемь утра, за опоздание на несколько минут отбирали пропуск, а ИРПА находился примерно в получасе езды на трамвае, в самой середине Каменного острова, возле дуба Петра Первого (теперь снесенного). Никогда не забуду, как по зимним сугробам, в темноте, от трамвайной остановки через тропинки этого самого острова, где когда-то Пушкин сотворил свой гениальный «каменноостровский цикл» стихов («Не дорого ценю я громкие права…», лето 1836 года), как змея тянется черная вереница людей в шубах, пальто и шапках. Я нередко затягивал со сборами на работу, и мне почем зря приходилось даже не идти, а бежать сквозь эти сугробы — удовольствие сомнительное. Да и как не опаздывать: на шесть комнат всего одна уборная (почти как у Высоцкого, но у него было 28 комнат). А вечером к пяти часам надо было в школу.

Поначалу меня определили учеником механика в мастерскую по ремонту радиоаппаратуры. Поручили мне вешать номерные бирки на приборы, а потом мотать проволоку на какие-то автотрансформаторы. Этим я занимался почти весь первый год работы в ИРПА. Я уже замечал выше, что никогда не любил и не умел ничего делать руками, так что работяги в мастерской считали меня слегка ненормальным, особенно после того, как я зачем-то полез в токарный станок, закрепил в нем деталь, а ключ из вращающего патрона (или шпинделя, не помню уж точно, как это называется) вынуть забыл, так что при включении этот ключ со свистом, как пуля, пролетел мимо моей головы и головы начальника отдела, слава богу, никого не убив. После этого ни к каким станкам меня уже не подпускали. Я, правда, пытался поднять свой авторитет среди рабочего класса, рассказывая им, какие книги я накануне прочел (а читал я тогда много о йоге и тому подобных туманностях), но это мало способствовало повышению моего статуса в их глазах. В радиотехнике я, разумеется, ничего не смыслил, и смотрел с отвращением на все эти осциллографы и генераторы, мечтая поскорее от них отделаться. Довольно часто я сбегал со своего рабочего места в библиотеку, где с увлечением изучал журнал «Вопросы философии» (и откуда меня неоднократно с позором извлекал начальник). Правда, на следующий год мне неожиданно доверили собрать с паяльником какой-то «низкочастотный фильтр», с чем я на удивление справился, и мне присвоили третий (если не ошибаюсь) разряд по специальности «регулировщик радиоаппаратуры», на чем моя производственная карьера раз и навсегда закончилась. В феврале 1963 года (это был уже десятый класс) у меня обнаружили туберкулезный очаг в легких, я ушел на бюллетень и после этого в ИРПА уже не возвращался. А институт, судя, по всему, был неплохой, там делали многое, вплоть до деталей космических аппаратов. Пять лет назад, в 2006 году, я посетил ИРПА для оформления пенсии — все там оказалось запущено и заброшено, по строго охраняемой прежде территории бродили какие-то люди — арендаторы, как мне объяснили. Демократической России своя радиопромышленность оказалась не нужна.

И все же я благодарен этому месту. Несмотря на неприятности и даже унижения, которые мне пришлось там пережить, этот институт и сам Каменный остров дали мне немало: первый — по части знания людей, а

второй — еще одно «место силы». Гуляя сейчас по Каменному острову, я наслаждаюсь его старинными усадьбами (в одной из них — церковной резиденции — меня принимал в 1993 году блаженной памяти митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн), его изящными мостами через протоки, его заросшими густой зеленью темными аллеями, в которых так хорошо уединиться с кем-нибудь, если возникнет такая необходимость. Помнится, в марте 1963 года, возвращаясь домой после работы по одной из этих аллей, я почувствовал вдруг настоящий восторг (bliss, как это называет в своих дневниках о. Александр Шмеман) — день был сияющий, асфальт уже оттаял, появились первые лужи, искрившие солнечными бликами, падала капель с деревьев и крыш, хотя на газонах еще лежал снег. Придя домой, я разразился такими стихами:

Март...
Откуда столько солнца,
Счастья и весны?
Повторится сорок весен,
Повзрослеет пара сосен,
Наших сверстниц, у стены, (неудачная рифма к весне. — *А. К.*)
Мы же, тенью промелькнув
В розовом тумане,
Растворимся навсегда
В вечном караване.

С тех пор солнечный март — мое любимое время года.

Ученье — свет

Школа рабочей молодежи — это, конечно, не детская восьмилетка. Люди там учились разные — от настоящих рабочих лет 30-и до лодырей, покинувших по тем или иным причинам обычную школу и просто отсиживавших там штаны. Особенно меня раздражал один шофер, приходивший на уроки в сапогах. Как-то я упрекнул его в этом, он резко оборвал меня: «Я не директором работаю!» Оказалась там еще девочка из 91-й школы, которая мне нравилась, с высокой грудью и черными глазами, но дело у нас ней далеко не продвинулось. Да и вообще друзей и подруг в ШРМ я себе не нажил. Ходить туда надо было четыре раза в неделю (понедельник, вторник, четверг, пятница). После работы в ИРПА я приходил домой, обедал, на полчасика ложился на диван отдохнуть, голова моя буквально падала от желания сна, но спать нельзя было, тем более, что я тогда убедился, что спать днем не могу: создавалось полное ощущение падения в какую-то бездну. Приходилось вставать и идти учиться.

Зато учителя там были хорошие, ничуть не хуже, чем в 91-й школе. Все они работали в дневных школах, а вечерами подрабатывали в ШРМ, но делали это вполне добросовестно. С благодарностью вспоминаю, например, литераторшу за десятый класс — к сожалению, забыл ее имя. Была она типичная интеллигентка в «очочках на цепочке», рассказывала нам о современной поэзии и театре, любила Маяковского и вообще Серебряный век. Помню, как она читала нам Иннокентия Анненского:

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя…

Вдруг она запнулась, забыв строку. Я тут же помог ей, зная продолжение:

Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

Она внимательно и с благодарностью на меня посмотрела. С тех пор я стал ее любимчиком или, лучше сказать, интеллектуальным фаворитом. Я получал у нее сплошные пятерки, она всем ставила меня в пример, а за выпускное сочинение на аттестат зрелости (это вам не нынешнее ублюдочное ЕГЭ!) я получил у нее высший возможный балл — две пятерки за содержание и грамматику. Вообще все итоговые экзамены (даже органическую химию, в которой ничего не смыслил) я сдал на пятерки, однако золотой медали почему-то не получил.

Самое удивительное, что в десятом классе, как я уже сказал, я стал лучшим учеником по всегда ненавидимой мной математике. Конечно, тут была уже иная математика — бином Ньютона, стереометрия и т. п. До сих пор восхищаюсь формулой объема шара: «4/3 пи R в кубе». Тут уже нужно было не простое внимание к цифири, как в арифметике, а пространственное воображение и еще что-то, что я назвал бы теперь вкусом к идеальному. Я вдруг начал чувствовать, как это красиво — все эти ряды подобных треугольников или уравнений со многими неизвестными. Уже два года спустя, когда я переходил с психологического отделения университета на философское, я сам выучил по учебнику Смирнова и сдал матанализ (дифференциальное и интегральное исчисление). Высшая математика — это те самые абсолютно правильные кубики льда, из которых Снежная Королева предлагала Каю сложить слово «вечность».

Был в ШРМ также интересный учитель новейшей истории, Давид Яковлевич Гурвич. Он много рассуждал о современной политике. Помню, кто-то его спросил: «А правда, что Хрущев дурак?» Он спокойно ответил: «Дураков, как правило, генеральными секретарями не выбирают». Я любил рассматривать политические карты мира, которые он приносил с собой в класс, и слушать его рассказы о том, что происходит в разных странах. Кроме того, он знал много интересных людей за стенами школы, в частности поведал мне о психологе из университета Льве Марковиче Веккере, с которым я потом действительно познакомился после поступления в ЛГУ. Сейчас Веккер работает, кажется, в Америке.

Д. Я. Гурвичу я обязан также знакомством с учителем литературы знаменитой 30-й (математической) школы Германом Николаевичем Иониным, который руководит теперь секцией критики Союза писателей России, будучи доктором филологии и профессором герценовского педагогического университета. В 1963 году это был высокий худой молодой человек, чем-то напоминавший, насколько можно себе представить, разночинца-шестидесятника XIX века. Он вел литературный кружок (ЛИТО), туда ходили ребята из других школ. Помню, как он, стоя у стола, рассказывал нам об абсолютной идее Гегеля, рисуя при этом в воздухе диалектическую спираль своим длинным тощим пальцем. Я тоже принес ему на суд свои стихи и прочел

их перед кружковой аудиторией. Стихи были слабые, но мне казалось, что философские. Что-то вроде:

Звезды смотрят вниз,
Смотрят на меня.
Отвечают мне
На вопросы дня.

Герман Николаевич их раскритиковал. Я пробовал возражать, утверждал, что каждый читатель вкладывает в стихи и прозу свое содержание (этакая наивная феноменология в стиле Ингардена), но он сразил меня, заметив: «Если каждый может вложить в твои стихи что угодно, они будут никому не нужны». Теперь мы с ним вспоминаем иногда то время на заседаниях Союза писателей. Я дарю ему свои книги, а он мне — свои. И взаимно приглашаем друг друга на собственные юбилеи.

Елагин остров

Шестнадцать-семнадцать лет — самый что ни на есть переходный возраст, когда хочется всего и сразу. При этом, правда, не всегда соображаешь, чего из желаемого можешь и чего из возможного (или невозможного) желаешь. Тут очень важна компания, в которую попадешь. Для подростка-отрока на какое-то время она становится заменой семьи, во всяком случае делается представительнее (репрезентативнее, как выражаются социологи) в некоторых вопросах. Со мной произошло именно это.

В начале моей «рабочей» жизни друзей, как таковых, у меня не было. Со старыми школьными товарищами связь почти утратилась, в ШРМ было не до приятельства, в ИРПА меня окружали взрослые — куда парню податься? Был еще у меня настольный теннис, но там ни о какой дружбе речи быть не могло. Как я вижу это сейчас — да и тогда ощущал — люди (спортсмены, если настольный теннис — спорт) жили там по законам волчьей стаи: не только кто кого обыграет, но и кто кого больше унизит, размажет, превратит в ничто. До кулачных боев, правда, не доходило (не тот вид), но играли «на вылет», на деньги (однако небольшие), и, главное, «на насмешки», когда от человека оставалось моральное «мокрое место». Помню одного мастера спорта, «вторую ракетку» Ленинграда Игоря И., — мелкого барича и сноба по характеру, который одно время водил меня за собой всюду (он вообще всегда таскал за собой кого-нибудь для свиты). Происходил он из семьи какого-то важного партийного деятеля, был весьма неглуп, занимался йогой и оккультизмом (и морочил мне голову на эти темы), потом носил с собой в спортивной сумке том Гегеля и утверждал, что человечество еще на доросло до понимания гегелевской философии. Наверное, с тех пор гегельянство и гегельянцы вызывают у меня внутренне отторжение, хотя я отдаю должное их искусно-искусственным умственным конструкциям. Потом Л. переехал в Москву и исчез с моего горизонта.

Наряду с теннисом были, конечно, у меня и другие опыты. Летом я нередко ходил играть в ЦПКиО имени Кирова на Елагин остров, там была большая огороженная площадка для тенниса и неплохие по тем временам столы. Появлялись там и новые знакомства — но все с какими-то сомни-

тельными личностями. Помню двух-трех парней, отчасти из приблатненного круга, с которыми мы не только играли в теннис, но и гуляли, ходили на тот же Елагин остров на танцплощалку, пытались знакомиться с девушками. Тамошняя танцплощадка представляла тогда огромный асфальтированный овал перед сценой, где играл оркестр. Собирались там буквально тысячи человек молодежи со всего города. Парни больше не танцевали, а стояли компаниями, покуривали и высматривали, с кем бы подраться. Первый вопрос был: «Ты откуда такой?» «Я с Охты. А ты?» «Я с Васильевского» или «...с Петроградской». В зависимости от ответа могла начаться драка. Я лично в этих столкновениях почти не участвовал, меня ни разу как следует не побили, но мои приятели были завсегдатаями этих народных развлечений. Стенка на стенку — это же русская классика. Теперь ничего подобного — в известном смысле, к сожалению — нет. Ночные клубы с их наркотой, полицией и вышибалами — это совсем другой жанр.

С «елагинскими» же ребятами оказались связаны и мои начальные эротические приключения. Бродя по дорожкам ЦПКиО (я и сейчас люблю бывать там), мы кричали что-то встречным девчонкам, пытаясь привлечь их внимание, пели какие-то несуразные песенки и т. п. — большей частью, разумеется, безрезультатно. Кроме того, надо было держать ухо востро, чтобы не попасть под чьи-нибудь кулаки. Довольно длительное время в девятом классе никаких контактов с прекрасным полом у меня не возникало, однако под новый, 1962 год, или сразу после него меня пригласил к себя один из упомянутых «елагинских» знакомцев. Там была большая квартира (я не понял, коммунальная или частная), было несколько парней и девушек чуть постарше меня, некоторые уже были прилично выпивши. Среди собравшихся я ровно никого не знал, поначалу вел себя робко, но потом вдруг оказался с одной из девушек наедине в какой-то комнате (при этом на соседнем диване кто-то спал). С ней я впервые ощутил, что такое девичий поцелуй, и прикоснулся первый раз к обнаженной женской груди. Было полутемно, мы ласкали и обнимали друг друга, потеряв счет времени, а из включенного радиоприемника негромко звучала песня (как я теперь узнал, в великолепном исполнении Евгения Кибкало, умершего, между прочим, в день своего рождения):

Я вспоминаю черные косы,
Другие косы и силуэт...

Если не быть ханжой, то подобные моменты не забываются. И при звучании — чрезвычайно редком теперь — этой песни становится как-то жутко-сладко.

Дом ученых

Все же «елагинские» молодцы были не моя компания. Я смутно ощущал, что мне не таких и не того надо, мне претила их грубость и элементарность. Как говорится, я знал, чего мне не надо, но не знал, чего надо. Кроме того, с начала десятого класса я стал, что называется, умнеть, то есть не просто читать все подряд, а как-то думать о прочитанном, соотнося это с собственной жизнью. Помню, как осенью 1962 года я случайно посмотрел

в «Стереокино» (небольшой кинозал рядом с «Великаном») «Земляничную поляну» Бергмана: она меня потрясла, заронив в душу то, что называется «экзистенциальной тревогой». Так или иначе, когда один из «елагинских» очередной раз зашел за мной с приглашением «погулять», я решительно отказался, сообщив ему, что о смысле жизни надо думать. «Чего там думать, все равно ничего не придумаешь», — ответил он. Кто из нас был прав, судите сами.

Как-то сама собой весной 1962 года (конец девятого класса) у меня появилась иная компания. Впрочем, корни ее тоже вели к залам настольного тенниса, где я впервые познакомился с этими молодыми людьми. В социо-культурном плане (прошу прощения за ученый термин) это был другой слой — уже не «рабочая молодежь», а сыновья (и вообще родственники) элитной петербургской интеллигенции. Достаточно сказать, что один из парней, входивший в эту «тусовку» (тогда и слова такого не знали), Андрей Г., приходился внучатым племенником самой Зинаиде Николаевне Гиппиус. Именно от него, кстати, я впервые услышал имена Вертинского, Анненского и других звезд Серебряного века. Второй был Андрей А., также профессорский сынок, впоследствии известный ювелир. Наконец, третий был некий Игорь К., основным качеством которого было невероятное самомнение и презрение ко всему окружающему. Впоследствии, как и следовало ожидать, он благополучно отбыл в Америку, но удивительнее то, что много лет спустя, когда мой сын Филипп пошел в купчинский детский сад, он оказался в одной группе с дочкой родной сестры этого И., то есть его племянницей, очень на него похожей. Тесен мир, что и говорить.

Так вот, поначалу мне показалось, что я нашел то, чего искал. Я оказался уже не среди уличной шпаны, а среди «золотой молодежи», так сказать, сливок общества. И собирались мы уже не на хулиганской танцплощадке, а в Доме ученых на Дворцовой набережной, в двух шагах от Зимнего дворца — Эрмитажа, в бывшем особняке Великого князя Владимира Александровича (сына Александра Второго), построенного в стиле венецианского палаццо. Когда-то на этом месте размещалось французское посольство.

Но мы тогда этого ничего не знали и об этом не говорили. Интересы у нас были вполне земные. Сначала мы смотрели кино в Белой гостиной, потом играли в спортзале в настольный теннис (а Андрей А. еще в бильярд), потом шли в душ, затем спускались в кафе выпить чего-нибудь легкого и в завершение вечера шли в Дубовый зал, где уже играл оркестр и происходили танцы. Ну, чем не «онегинское» времяпровождение, когда герой

сам не знает поутру, куда поедет ввечеру.

Продолжалась эта идиллия, однако, не долго. Уже к концу моего десятого класса (весна 1963 года) мы все переругались и перессорились, а Игорь с одним из Андреев даже публично подрался, и мне пришлось их разнимать. Сказалась низовая — тщеславно-гедонистическая — природа наших отношений к жизни и друг к другу. Недаром ведь сказано, что зло поедает само себя. Забавляясь в одном из лучших петербургских дворцов, бродя по красивейшей в мире гранитной набережной напротив Петропавловки (особенно замечательно было из окон великокняжеского дворца смотреть салют на Первое мая или Седьмое ноября), мы думали только о себе и ни о чем

другом. При этом высокопарных слов произносилось достаточно — уж на цветистые фразы мы были мастера. При этом, разумеется, не брезговали и самыми «нутряными» удовольствиями чисто животного плана, вплоть до подглядывания в душевой за девушками, с которыми потом шли танцевать. В общем, к маю месяцу от моей «великосветской» жизни не осталось и следа. Потом, уже во взрослом состоянии, я был тесно связан с Домом ученых, стал после защиты кандидатской его официальным членом, читал там циклы лекций, регулярно выступал на семинаре по культурологии, который вел мой друг Эльмар Соколов, случалось и выпивать в буфете, но всегда при посещении этого дома на набережной меня не оставляло чувство легкой гадливости, направленное не столько на других, сколько вообще на ту нечистую атмосферу («темную ауру»), которая окружала тогда меня в этом «слишком петербургском» месте. Что было, то было.

Подводя итог своему отрочеству, должен сказать, что все там происходило довольно обычно, и вместе с тем неповторимо. Мой Петербург принимал по мере лет разные обличья, иногда не совсем приятные и даже отталкивающие, но никогда не оставлял меня в пустоте. По окончании десятого класса я уже твердо знал, что буду поступать на философский факультет университета, хотя незадолго до того еще колебался, не поступить ли мне на отделение матлингвистики филфака — так хорошо у меня пошли дела по математике. В любом случае, я уже понимал, что мое дело — наука/искусство, и ничто другое. Гуманитарные науки и искусство вообще гораздо ближе друг к другу, чем это принято думать в классическом науковедении. Школу я окончил фактически с золотой медалью, имел еще первый разряд по теннису, так что надеялся поступить в университет с первого раза. Так и получилось. Однако финал моих школьных лет был омрачен выпускным вечером, где взрослые ученики ШРМ уже по-настоящему выпивали. Я лихо принялся за дело, и в какой-то момент обнаружил себя лежащим без сознания в коридоре в совершенно беспомощном состоянии. Не знаю, сколько я там пролежал. Надо сказать, что мои старшие одноклассники не бросили меня, дали мне нюхнуть нашатырного спирта и отнесли меня, не стоящего на ногах, домой. Век им этого не забуду.

Третья глава

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЮНОСТЬ

Психология и психологи

Вступительные экзамены на психологическое отделение философского факультета ЛГУ имени Жданова я сдал успешно, если не считать неожиданной тройки за сочинение на свободную тему (до сих пор не понимаю, как это могло произойти). И потому боялся, что не пройду по конкурсу. Помнится, в тот день, когда должны были вывесить списки зачисленных (август 1963 года), я приехал из Зеленогорска пораньше, пришел на факультет, но списков еще не было, и я, чтобы провести время, весь на нервах поехал в широкоформатный кинотеатр «Ленинград» на Потемкинской

улице. Там шел фильм «Оптимистическая трагедия» по пьесе Вишневского (кстати, неплохой фильм), а перед сеансом в зале мощно звучала Вторая Венгерская рапсодия Листа. С тех пор эта музыка для меня — символ радостного и вместе с тем тревожного предчувствия победы. Спустя два часа я увидел свою фамилию в списках.

Поступая на психологию, я думал, что это нечто вроде науки о человеческой душе, однако сильно в этом ошибся. Не говоря уже о царившем в советских вузах дремучем материализме («Человек есть совокупность общественных отношений» — К. Маркс), вся тогдашняя система подготовки психологов опиралась на изучение естественных наук, прежде всего анатомии и физиологии нервной системы. Мы изучали химию, физику, вариационную статистику, но особенно мне «запали в душу» занятия по физиологии высшей нервной деятельности, происходившие в главном здании университета — знаменитых петровских Двенадцати коллегиях на набережной Васильевского острова (добирался я туда за 15 минут либо на 31-ом трамвае, либо на такси за 30 копеек — блаженные времена). Лекции по деятельности ЦНС читал профессор Батуев, весьма элегантный господин, спрашивавший у студентов: «Сколько у паука ног?», а если студент не знал, торжественно провозглашавший: «У паука — шесть ног!» На практических занятиях по этой науке мы резали зачем-то живых лягушек, протыкая иголкой их спинной мозг и распиная их на предметном столе — занятие не для слабонервных. Меня, честно говоря, все это мало привлекало, я носил с собой на лекции томик Фета и украдкой почитывал стихи: куда как лучше.

Звездой ленинградской академической психологии в начале и середине 60-х годов был профессор Борис Герасимович Ананьев, осетин по национальности, с умным породистым лицом и безукоризненной речью. На лекциях его стояла абсолютная тишина, за ним записывали каждое слово, причем не только мы, студенты-первокурсники, но и другие, посторонние люди, посещавшие его занятия. Один раз я даже попал впросак с этим делом — показал по просьбе сокурсницы ей время на своих часах. Борис Герасимович обиделся, решив, что я показываю часы ему. «Я не вам показываю», — честно признался я. «А кому?» — спросил он. «Вот ей», — пришлось показать мне на Галю. Теперь уже обиделась на меня Галя Бабкина. Впрочем, впоследствии отношения с ней у меня весьма улучшились.

К сожалению, по содержанию лекции Б. Г. также оказались для меня не слишком интересны. Он читал нам в основном теорию ощущений, восприятий и представлений — самые начала тогдашней традиционной психологии. К душе это не имело ни малейшего отношения. Это уже потом он издал свою известную книгу «Человек как предмет познания». Сам Борис Герасимович как личность казался мне куда более значительным, чем его наука, к которой я постепенно утрачивал интерес. Тем не менее на экзамен по его курсу я пошел специально к нему, а не к его ассистентке Е. Ф. Рыбалко, чтобы, так сказать, «показать себя» — и показал. Помнится, мы беседовали с ним о различии рефлекторной дуги и рефлекторного кольца. Потом я сказал ему, что меня интересует человек в целом, а не его отдельные функции, на что он возразил: «Вы не учитываете познавательного (гносеологического) значения исследования этих функций». Конечно, он был по-своему прав, но любви к психологии у меня не прибавилось

Между тем Б. Г. не забыл обо мне. В начале сентября следующего учебного года в нашей квартире на Кронверкском проспекте раздался телефонный звонок, и подошедшая к телефону Ляля крикнула мне из коридора: «Там Александра Леонидовича зовут, Ленька, это тебя, что ли?» Первый раз меня позвали к телефону по имени-отчеству, это был не кто иной, как академик Ананьев, и было мне 18 лет. Что и говорить, приятно вспомнить. Б. Г. предложил мне научную работу, сказав, что эта тема вполне достаточна и для кандидатской, и для докторской диссертаций — поработать в качестве психологов к клинике ожоговых поражений Военно-медицинской академии. Причем взять с собой, по моему выбору, еще двух студентов, и возглавить эту группу. Предложение было неожиданным, но я его с благодарностью принял.

Помню, как мы явились туда первый раз во главе с Б. Г. Нас встречало все руководство клиники во главе с профессором (и, кажется, генералом) Арьевым. Профессора переговаривались между собой о способах и сроках работы, мы старательно записывали, все это происходило в большой ординаторской комнате, но когда мы пошли по палатам — я впал в ужас.

Термические поражения — одни из самых страшных на вид уродств человеческого тела. Представьте себе 60–70 % обожженной кожи: это сплошная кровавая рана. Затем начинается тяжелейшая ожоговая болезнь, люди лежат на специальных кроватях (сейчас они, кажется, плавающие), не могут ни есть, ни спать от боли, становятся похожи на живых мертвецов. Большинство из них в конце концов умирает. Нужны постоянные перебинтовки. Однажды мы вошли в операционную, где хирург перебинтовывал женщину, она кричала диким голосом, а он в это время спокойно рассказывал нам о том, что именно он делает.

Постепенно, однако, и мы привыкли к виду этих чудовищных «расчлененок», к крикам и стонам, к специфическому запаху мази Вишневского, царившего во всей клинике. «Человек есть существо, ко всему привыкающее», — прав был Федор Михайлович. Нашей задачей было исследование психологии больного ожоговой болезнью, в том числе выздоравливающих, но привыкших к обезболивающим наркотикам, теряющим память и т. п. Мы бродили по палатам в белых халатах, пытались с ними беседовать, задавать какие-то вопросы, что-то записывали. Поначалу это представлялось важным, экзистенциально острым, но потом ощущения притупились, посещение клиники стало рутиной, и я стал ходить туда все реже. Я понимал, что волею Промысла и при содействии Б. Г. я попал в один из кругов земного ада (а каков же тогда ад подземный?), но меня все же влекла к себя скорее философия, чем подобное экстремальное «человековедение». Я чувствовал в себе интерес не столько к телесному (смертному) составу сущего, сколько к его идеальным и духовным истокам. В итоге, в конце второго курса, мы с моим тогдашним приятелем Яном Рокпелнисом (теперь известным латышским поэтом) перешли с психологического отделения на философское — с потерей года, что привело к тому, что в студентах я провел не пять лет, а все шесть.

С психологическим моим периодом связана и одна из самых красивых девушек, с которыми мне довелось иметь дело. Она училась, кажется, курсом младше, и мы как-то вместе оказались на экскурсии в «сумасшедшем доме» — институте имени Бехтерева. Помню, вышли мы оттуда втроем,

вместе с еще одним студентом, который тоже «положил на нее глаз», но она вдруг быстро взяла меня за руку и увела в сторону. Звали ее Оля Р., была она тонкая, высокая, с большими голубыми глазами. Мы встречались с ней несколько месяцев, я ждал ее по сорок минут на остановках, потом мы шли куда-нибудь в кафе. Помню вечер в ресторане-поплавке в Александровском парке, на Кронверкской протоке, рядом с деревянным горбатым мостом на Заячий остров. Мы танцевали с ней модный тогда твист, потом я провожал ее домой (жила она в районе проспекта Маклина), на лестнице мы целовались и обнимались долгими томительными объятиями. Ума она была небольшого, сугубо «женского», но красоты замечательной. Как-то мы отправились с ней в кино на «Шербургские зонтики» с молодой Катрин Денев и музыкой Леграна. Вышла она после этой мелодрамы рыдая, потекла вся ее тушь, я не знал, как ее успокоить. Наконец, вроде бы поутихла, взяла меня под руку, и мы двинулись с ней по парку в сторону Дворцового моста. Вдруг меня остановил какой-то мужчина, я уже приготовился к нападению, но он отвел меня на шаг в сторону, поднял вверх большой палец и медленно сказал: «Баба у тебя — во!»

Года через два она вдруг позвонила мне и пригласила в гости. Я удивился, но пошел. Она налила чаю, мы о чем-то беседовали, потом вдруг раздался звонок и в квартиру вошел молодой человек, «привлекательный во всех отношениях». Оказалось, что это ее законный муж, а меня она пригласила для того, чтобы вызвать у него ревность. Чего только не придумает женщина…

Введение в философию

Выше я уже писал, что философия меня интересовала буквально с отрочества, во всяком случае, с девятого класса, когда я начал тайком (в рабочее время) почитывать философские журналы. Психология не давала нужного мне умственного простора, того, что впоследствии мы с Эльмаром Соколовым называли «зачем все?», или «общей теорией всего». Переход на философское отделение был предрешен.

Вместе с Рокпелнисом мы заявились к замдекана нашего факультета С. И. Иконниковой (тогда мне и в голову не могло придти, что с этой женщиной будет связана часть моей дальнейшей жизни) и попросили перевести нас на философию. Она повздыхала, пожаловалась, что Б. Г. будет недоволен, но мы стояли на своем, и нас перевели. При переходе с психологии на философию надо было досдавать ряд предметов, в том числе высшую математику. Я уже писал о том, что ее я выучил сам, чем горжусь до сих пор (правда, сейчас уже ничего не помню). Преподаватель математики был до того доволен моим ответом, что после жирной пятерки в зачетке дал мне 22 копейки и попросил сбегать в буфет за «Беломором» — высшее выражение доверия. Была у нас еще биология и даже органическая химия, к которой я испытывал отвращение с детских лет. Помнится, зачет по этой загадочной науке я сдавал после бессонной ночи возлияний и вакхических игр с подругой (это было уже на втором курсе). Меня попросили изобразить какую-то структурную формулу по типу «кресло» или «диван», я тупо нарисовал соответствующую мебель, мне сказали «правильно» и отпустили с миром.

На философском отделении мне открылся совсем иной — и именно идеальный — горизонт. Основным предметом с первого курса тут была история философии. Античную философию читала доцент В. Я. Комарова, классику европейского рационализма — представительный доцент Водзинский (влюбившийся впоследствии в одну из наших студенток). По сравнению с резаньем лягушек и теорией ощущений это был другой мир. Я наслаждался диалогами Платона, с уважением изучал логику и этику Аристотеля, поражался апориям Зенона — догонит Ахилл черепаху или не догонит? С точки зрения разума получалось, что не догонит, и стрела никогда не долетит до цели. «Движенья нет — вскричал мудрец брадатый» (А. Пушкин). Потом я с интересом узнал, что над теми же вещами размышлял и Лев Толстой в «Войне и мире». Очень мне нравились также афоризмы Парменида — «бытие есть, а небытия нет», или Гераклита — «миром правит молния».

Средневековой христианской мыслью нас, как уже было сказано, не обременяли, зато довольно подробно проходили начала западного светского мудрования в лице Бэкона, Локка, Юма и особенно Декарта и Спинозы. По молодости я, конечно, не мог тогда сообразить, что все эти гении занимались, в сущности, одним делом — уводили человека от Бога, превращая его в продукт собственного ума. Лучше всех это выразил Декарт: «мыслю, следовательно, существую», благодаря чему все сущее становилось принадлежностью человеческого сознания. Еще раньше на уровне британской «философии здравого смысла» эту фантастику выразил епископ Беркли. С тех пор и вплоть до современного постмодерна эта идея стала центральной темой европейской культуры, повторяемой на разные лады философами, поэтами и художниками. Я с восторгом прочитал на втором курсе магистерскую диссертацию Владимира Соловьева «Кризис западной философии. Против позитивизма». Там он выстраивает такой силлогизм, критически изображающий нисхождение западного ума:

Мы мыслим сущее. (Спиноза)
Но мы мыслим понятия. (Декарт, Кант)
Следовательно, сущее и есть понятие. (Гегель)

«Вы согласны в этом с Соловьевым?» — недовольно спросил меня на экзамене Водзинский. «Согласен», — ответил я. Наверное, уже тогда зарождались во мне истоки моего будущего «славянофильства». Много позже я прочел у Хайдеггера о роковом забвении европейской философией бытия (Бога) ради сущего (мира).

Конечно, главной темой историко-философских занятий явился для меня (как и для многих) германский трансцендентальный идеализм. Как я подозреваю теперь, гегельянство — это своего рода умственная болезнь, поражающая нередко русских юношей, начиная с первой половины XIX века и до сего дня. Недаром поэт Жемчужников писал:

В тарантасе, в телеге ли
Еду ночью из Брянска я —
Все о нем, все о Гегеле
Моя дума дворянская...

Я читал в переводах Фихте, Шеллинга, Гегеля. Гегелевская диалектика, безусловно, завораживает, но чем больше вчитываешься в нее, тем больше начинаешь ощущать ее сугубо логическое (головное) и в этом смысле спекулятивное происхождение. Вещи там подменены понятиями и словами, с которыми, естественно, можно делать что угодно. Самое ужасное в Гегеле — это сатанинская гордыня мысли. Он прямо пишет в «Науке логики», что в его книгах «изображены мысли Бога еще до сотворения мира». Это конечно, грандиозно, но немного смешно. Не случайно Бертольд Брехт устами персонажа одной из своих пьес назвал «большую логику» Гегеля одним из главных произведений мировой юмористической литературы, где повествуется о жизни понятий, «этих неустойчивых существах, каждое из которых женато на своей противоположности, они целый день бранятся, а вечером, как ни в чем не бывало, ложатся спать в одну постель». Гораздо больше мне нравился Кант с его поразительной последовательностью (я бы сказал, порядочностью) мысли и отсутствием всяких спекуляций, типа гегелевских. Собственно, Кант является великим немецким писателем именно как «рыцарь мысли». Конечно, тогда я еще не догадывался, что философия является одним из родов литературы, подобно роману, лирике или драме. Зато теперь я это ясно вижу и понимаю, почему чернокудрый романтический поэт Ленский в Германии туманной стал именно поклонником Канта. Впрочем, я в этом плане не отставал от него, сделав на одном из семинаров у Комаровой доклад по книге Канта «Пролегомены ко всякой будущей философии», после чего она смотрела на меня с большим уважением, да и мои однокашники тоже.

Однокашники и однокашницы

Первое знакомство с однокашниками состоялось у меня в сентябре 1963 года, когда нас сразу по зачислении в студенты отправили в колхоз на картошку. Впрочем, я оказался в знакомых местах, не так далеко от Зеленогорска, в поселке Цвелодубово по той же выборгской дороге. Ехать туда надо было на автобусе от станции Каннельярви, куда мы впоследствии ходили с Эльмаром Соколовым за грибами. Поселили нас в большом деревянном строении — то ли бывшей школе, то ли клубе. Спали мы прямо на полу, на матрасах, набитых сеном, хотя были и простыни, и подушки. Впрочем, особых неудобств никто не испытывал — ребята в основном были опытные, что называется, тертые. Я с удивлением обнаружил, что я — почти единственный ленинградец на курсе: все остальные были глубокие провинциалы. Кроме того, почти все, в отличие от меня, служили в армии. Среди них было несколько настоящих здоровяков-матросов, прошедших неплохую школу жизни. Помню, я чем-то разозлил одного из них, он схватил меня за грудки, подержал некоторое время на воздухе, но потом отпустил. Зато с другим бывшим солдатом — Сашей Ф. — у меня сложились вполне дружеские отношения. Как-то мы ехали по проселочной дороге в кузове машины с поля, орали песни («За семь лет трудовых лагерей мы в подарок рабочему классу, там, где были тропинки зверей, проложили таежную трассу»), Саша снял ремень со своей гимнастерки и повесил его на борт грузовика. Ремень угодил между кузовом и кабиной, его можно было считать навсегда утерянным, но я случайно обнаружил его и протянул хозяину.

С тех пор мы как-то выделяли с ним друг друга, потом Саша на время попал в заключение за драку, но через годик вернулся на факультет. Почему-то он звал меня Левой, а не Леней — наверное, ослышался. Последний раз я видел его у себя дома 22 июня 1973 года на «банкете» по поводу моей кандидатской защиты. Прогуляли мы до утра, часов в пять белой ночью я проводил его на такси. «А куда я поеду?» — спросил он то ли меня, то ли шофера, садясь в машину.

В общем и целом, ребята были неплохие, хотя какими-то специальными «философскими» качествами не отличались. Помню, как следует выпив, тот же Саша жаловался вслух: «Вот я думал, когда поступал, куда я лезу, там великие умы, мыслители — а встретил вот этого!» И показал на такого же служивого, как он. Впоследствии многие из них стали, тем не менее, профессионалами в своем деле, хотя не обязательно в философии. Руководил всей нашей группой аспирант Валера Вершинин — лет через десять судьба свела меня с ним на паркете Большого дворца Петергофа, где я какое-то время подвизался в экскурсоводах. Был там еще Витя Кречетов — ныне прозаик и поэт, член Союза писателей России. Самую успешную карьеру во всех планах сделал Саша Корольков — теперь он доктор философских наук, академик РАО, заведующий кафедрой философской и психологической антропологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, писатель, православный мыслитель. Тогда он был уже на четвертом курсе, мы, салаги, смотрели на них (четверокурсников послали с нами группой из четырех человек) как на небожителей. Помню, я робко спросил его, какая у него тема курсовой работы? Он посмотрел на меня и сказал: «Да чего спрашиваешь, все равно не поймешь». Наверное, он был прав — тем более, что писал он что-то по философским вопросам биологии.

Второй мой «колхоз» (осень 64 года) — на втором курсе соответственно — отличался тем, что здесь мне скорее запомнились девушки, чем парни. Были там две подружки, одну звали Катя Д. другую — Аня Ш. Приехали они в Ленинград, кажется, из Оренбургской области. Мы весь картофельный месяц держались вместе, сидели на одной борозде, часто просто на ведрах, почти ничего не делая, но — пели песни. У них получался замечательный дуэт, так что пели они все — от «Из-за острова на стрежень» до «Бесаме мучо» (по-русски это звучало: «Гордый мой, люди несмело мне говорят, что созвал ты на свадьбу гостей»). После, уже по приезде в город, у нас состоялись несколько прогулок по парку с одной и с другой (причем каждая просила, чтобы я не сообщал о сем невинном факте подруге), но потом мы как-то разошлись и я потерял их из виду. Слышал только, что обе успешно вышли замуж.

Каково было мое удивление, когда я узнал, что из скромной оренбургской девчушки Аня Ш. превратилась в доктора философских наук, профессора, заведующую кафедрой философского факультета СПбГУ, известного специалиста по зарубежной религиозной мысли. Сама она, правда, осталась неверующей — это выяснилось, когда мы оба с ней уже стали членами докторского диссертационного совета, сидели на заседаниях этого совета рядом и вспоминали юные годы. Между нами возникло даже что-то вроде «ретросимпатии». Как-то она позвонила мне и пригласила вступить в Ассоциацию выпускников университета с коллективным выездом в Петергоф

для первого раза — я согласился. Но тут случилась трагедия. Аня, переходя улицу, попала под машину и скончалась на месте. Ее муж — Коля, тоже из наших студентов, позвонил дочери, сообщил, что мама погибла, и выстрелил себе в висок из наградного пистолета, который когда-то подарил ему отец-офицер. Я был на похоронах. Похоронены они в одной могиле на старом Волковом кладбище. Проезжая мимо их могилы чуть ли не каждый день по Камчатской улице, я мысленно молюсь за них обоих и вспоминаю песню «Гордый мой…», которую пела мне Аня на колхозной грядке.

Разгуляй

Классикой студенческой жизни со времен средневековых буршей является разгул во всех видах. Приходится признаться, что я отдал солидную дань этому не совсем почтенному делу — иначе картина «шестидесятничества» XX века будет не полной. Конечно, я продолжал читать книги, на экзаменах получал пятерки по всем предметам (за исключением педагогики, преподаватель которой с треском выгнал меня с экзамена, заметив: «Вы умный человек, но педагогики вы не знаете»), писал стихи — но главным моим занятием на втором, и особенно третьем курсе в свободное время стало пьянство. Я уже писал о Вале П., ставшем моим неизменным другом-собутыльником. Время вообще было пьяное, водка стоила рубль сорок семь копеек «маленькая», два восемьдесят семь — «большая», а что касается «бормотухи» — дешевого крепленого вина, то его было море разливанное, в любом магазине чуть больше рубля за бутылку. «Бормотуху» («Агдам», «Три семерки» и т. п.) мы в основном и пили, совсем как у Высоцкого: «И пьют с утра в такую рань такую дрянь». Особенно памятны мне три месяца весны 1965 года, когда маму увезли с инфарктом в больницу, и я жил один с «бабой черной», к тому времени почти совсем оглохшей и плохо соображавшей. Валька заявлялся ко мне чуть ли не каждый день, поджидая иногда моего возвращения из университета прямо в парке рядом с остановкой трамвая, «Гастроном» был на первом этаже моего дома — чего еще надо? Когда нужно было перед возвращением мамы приводить комнату в порядок, мы собрали в мешок и сдали в приемный пункт буквально гору пустых бутылок (еле донесли) на 10 рублей: это был рекорд. На десятку можно было купить тогда три бутылки коньяка или сходить с девушкой в ресторан. Примерно столько же платили за «разовую» лекцию где-нибудь в библиотеке или ЖЭКе по линии общества «Знание», и я впоследствии нередко этим пользовался, когда начал «подхалтуривать» по лекционной части.

С Валькой мы пили везде — на улице, в парке, на зеленогорском пляже или на озерах, в городских подъездах или на имперских гранитных набережных. Помню как сейчас 9 мая 1965 года — Двадцатилетие Победы — когда мы обошли, пошатываясь, весь город и распевая во все горло «Темная ночь, только пули свистят по степи…». Мы вообще с ним много пели, бродя по улицам, особенно ночью. Милиции мы как-то не боялись; попав туда один раз с двумя девушками, мы и там продолжали петь. Одно их сильнейших «пьяных» переживаний связано у меня, тем не менее, с собственной комнатой. Мы сидим с Валькой, уже приняв для начала по бутылке дешевого портвейна (на дорогой денег не было), и слушаем по радио: «Есть

на Волге утес, диким мохом оброс он в вершины до самого края». Поет мощный баритон Марк Рейзен. Меня охватывает такой поток вдохновения, счастья, силы, который я ощущаю до сего дня. Уже тогда я определял для себя (и для Вальки) пьянство как иллюзорный прообраз рая, и говорил ему: «Ты, Валька, вульгарный максималист, тебе хочется надраться вдрызг и сразу, а я максималист диалектический, мне еще чего-то надо». Потом мы с ним, начитавшись Блока, называли это музыкой.

К сожалению, Валька утонул в этой черной музыке. Поступив в институт авиационного приборостроения (ЛИАП) и проучившись курса два, он увлекся там преферансом, они играли на деньги прямо в аудиториях, потом его из института выгнали, он работал сначала каким-то чертежником, потом рабочим на Октябрьском вагоноремонтном заводе (где мы заливали в себя водку из двухсотграммовых граненых советских стаканов, выполненных, кажется, по эскизам знаменитой Веры Мухиной), потом сантехником, потом подсобным рабочим в магазине — и пил, пил, пил. К тридцати годам он стал законченным алкоголиком, сильно похудел, по лицу и шее у него пошли какие-то нарывы. Последний раз он позвонил мне по телефону в начале 90-х годов, увидев меня в какой-то передаче по телевизору: «Ленька, это ты там был?» — «Я»? — ответил я. Не знаю, что с ним сейчас.

Конечно, кроме пьянок, бывали у нас с ним и светлые минуты. Иногда мы ходили в кино, в том числе на замечательные советские фильмы типа «Родная кровь» или «До свидания, мальчики!», и потом пели песни из этих фильмов. Очень любили «Утомленное солнце» (я даже сочинил собственные слова на эту музыку) и печальные напевы Окуджавы (которые теперь кажутся мне интеллигентским нытьем). Уже позднее я оказался — довольно случайно, впрочем — крестным отцом его дочери. Крещение происходило в Никольском соборе, и потом все отправились, как водится, отмечать это событие застольем. Одно время у нас даже были с ним общие девушки. С одной из них мы чуть не утонули на большом пруду Елагина острова, катаясь на лодке (разумеется, выпивши) и вздумав поменяться на ходу местами. Выплывали втроем.

Первая любовь

С Валей была связана и моя первая настоящая любовь. Звали ее Вера, и познакомился я с ней на новогоднем вечере у того самого Толи Б., который входил в нашу зеленогорскую компанию. Как я уже говорил, он трагически рано умер, но в 64-м году он был, что называется, первый парень на деревне, собирая у себя друзей и подруг. Поначалу у меня возникли легкие отношения с Вериной подругой Светой, а у Вальки — с Верой, но мы довольно быстро совершили «обмен судеб». Я говорю об этом без всякого преувеличения, ибо первая любовь для человека, способного на это чувство — дело поистине роковое. При этом я тогда впервые испытал, что любовь и секс суть разные вещи. Сейчас я не помню даже имени той «легкой на передок» барышни, с которой я «стал мужчиной» прямо в ночь нашего знакомства, но образ Веры до сих пор хранится в моем сердце. Мы с ней, разумеется, обнимались и целовались, ходили в театры и кино, купались и загорали, пели песни и пили вино, и, конечно, стремились друг к другу, но так это и не осуществили. Она училась в одиннадцатом классе, я был

зеленый первокурсник, но дело даже не в этом: для меня с ней это было *не главное*. Я любил именно ее всю, ее как личность, а не только ее тело. Говоря языком советской философии, душа тут была первична, а тело вторично. В это время мне стали совершенно неинтересны — и я с некоторым удивлением это заметил — другие девушки: я их *не любил.* Подлинная любовь раскрывает замысел Божий о человеке — вот в чем тайна. В кино я смотрел не столько на экран, сколько на свою любимую, ее поцелуй представлялся мне не столько эротическим актом, сколько вселенским чудом, и даже когда она болела, мне хотелось заразиться от нее гриппом, потому что это был *ее* грипп. Я писал стихи перед ее фотографией:

Девочка в школьном фартучке,
Волосы, падающие на бровь.
Эта скромная фотокарточка
Для меня сегодня — любовь.

Эта черная бровь вороная —
Воплощение каждой строки.
Ты послушай меня, дорогая,
Я тебе посвящаю стихи.

Я смотрю, как зачесан строго
Ряд волос твоих — черных струй,
На губах твоих, сжатых немного,
Вижу каждый мой поцелуй…

Мы встречались всю весну 64 года, летом ее родители сняли дачу в Зеленогорске, я был наверху блаженства и подумывал чуть ли не о женитьбе (это в восемнадцать лет-то!) — а потом она меня бросила. Ей, видите ли, стало со мной скучно. «Казин, обеспечь меня компанией», — повторяла она неоднократно. Наша с Валькой компания ее перестала устраивать. Конечно, она меня не любила так, как я ее. Известна пушкинская мудрость: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». В нашем случае оказалось как раз наоборот. Мне и самому впоследствии приходилось бросать девушек, именно влюбленных в меня (до сих пор не могу простить себе горючих слез одной из них, Ларисы Е.), и испытывать подобные экзистенциальные удары от женщин, со стороны которых мне меньше всего этого хотелось. Как и всюду, здесь дает себя знать извечный дуализм (двойственность) земного существования, в котором кто-то мощный постоянно норовит ударить в самое больное место. Последний раз я встретил Веру К. спустя лет семь в курительной комнате Публичной библиотеки, когда я уже заканчивал кандидатскую диссертацию. «Ты знаешь, что ты была моей первой любовью?» — спросил я ее. Она только пожала плечами, совсем как в есенинском стихотворении, которое мы с ней и с Валькой тихонько напевали на кухне ее маленькой квартиры (в комнатах сидели родители) на улице Зайцева:

И ничто души не потревожит,
И ничто ее не бросит в дрожь…

Эстетика

Первые месяца два после разрыва с Верой я страдал так, что почти не мог оставаться один, мне надо было постоянно быть на людях, и я стал ходить в университет почти на все лекции и семинары, тогда как раньше почем зря пропускал.

В это время случились бурные политические события. В октябре 64-го сняли старого «сталинского сокола» Хрущева, к власти пришел сравнительно молодой и красивый Брежнев, было о чем поговорить с однокашниками. Кончилась пресловутая хрущевская «оттепель», многих веселившая и радовавшая, но по сути исчерпавшая псевдоморфозу русской религиозной энергетики, которая создала сверхдержаву СССР, победившую оккультный нордический рейх и взлетевшую в космос. Превзойти американцев под лозунгом «Перегоним США по производству мяса-молока!» оказалось невозможно. Началась игра по правилам противника. «Десталинизация» обернулась словесными декорациями «ленинских норм партийной жизни», а впоследствии шизофренической горбачевской «перестройкой» под лозунгом «больше демократии, больше социализма». В обоих случаях метили в коммунизм, а били в Россию.

В 1964 году мы, разумеется, об этом не догадывались, искренне полагая, что теперь-то как раз и начнется настоящая свободная и созидательная жизнь. Хрущев со своими «бульдозерными» выставками и «антипастернаковской» истерикой интеллигенции порядочно надоел. Кроме того, студенческие интересы — во всяком случае, у меня и моего окружения — были вовсе не «политоцентрическими». В эту пору у меня прибавилось друзей вне университета. Мы как-то случайно в парке встретились с Сашей Боруховичем, выяснилась наша общая преданность поэзии. Саша познакомил меня со своим однокурсником Борей Шерманом, о котором я писал уже на этих страницах и который до сих пор остался моим другом — единственным свидетелем и участником «ближнего круга» тех лет. Тогда же в нашем кругу снова, после школьных времен, появился Володя Михайлов — «поэт, математик, программист, оптимист», как он сам о себе заявил. И Саша, и Володя играли на гитаре, Саша сочинял неплохие песни. Одну их них мы особенно любили:

Осенний дождик по панели, по панели,
По темным улицам, по площади ночной…
Осенний дождик, ты не падай, ты помедли,
А ты помедли между тучами и мной.

Ты задержись на этих зонтиках и шляпах,
Своих дорожных впечатлений не пролей.
Ты подари мне той пустыни горький запах,
Где гривы львов как парики у королей.

Рыжеволосая, отчаянная бредит
Пустыня древняя и ждет к себе грозы.
Ей нагадали, будто кто-то к ней приедет,
В суровых кактусах крестовые тузы.

Но только я туда приду, приду и лягу,
У края вечности, у солнечных часов.
Легко и радостно, как буква на бумагу,
И незаметно, как песчинка на песок.

С изменениями в моей личной судьбе — и некоторым образом в судьбе России — совпало преобразование моего студенческого статуса. С третьего курса на философском факультете начиналась специализация, и мы с Рокпелнисом однозначно решили идти на кафедру этики и эстетики. Искусство мне в любом случае было ближе, чем, например, теория познания или логика, хотя я кое-что понимал и в том, и в другом. Во всяком случае, наш преподаватель логики И. Н. Бродский и наш главный «гносеолог» М. С. Козлова меня ценили и приглашали на свои кафедры, но я предпочел иное.

Кафедра этики и эстетики производила в 1965–1966 годах хорошее впечатление — во всяком случае, на меня-студента. Возглавлял ее профессор Владимир Георгиевич Иванов, улыбчивый человек с золотым зубом, служивший во время войны на флоте. На доске ветеранов висела лихая его фотография военных лет в тельняшке. Был он специалистом по этическим учениям античности. Помню, как меня поразил приведенный им на одной из лекций афоризм Эпикура: «Пока мы живы, смерти нет. А когда есть смерть, то нас уже нет». У нас с ним были ровные отношения все шесть лет моего пребывания на кафедре (включая аспирантуру). Я считался там восходящей звездой, получил по окончании университета диплом «с особым отличием», но на кафедре В. Г. меня не оставил под предлогом отсутствия вакансий. До сего дня не знаю, правда ли это, или имелись какие-то другие причины.

Трудились на кафедре, среди прочих менее значительных лиц, еще две дамы, сыгравшие немалую роль в моей жизни, да и не только в моей. Современную этику (в том числе «буржуазную», что особенно всех интриговало) нам читала упомянутая выше Светлана Николаевна Иконникова, из бывших комсомольских деятелей, ставшая потом одним из первых «культурологов» Ленинграда и до сих пор заведующая кафедрой теории культуры в Университете культуры и искусств (тогда Институт культуры им. Крупской, «кулек», как его иронически называли). Именно она пригласила меня в 1971 году на эту кафедру после отказа Иванова принять меня на работу. Нынче я думаю, что это было к лучшему, учитывая либерально-атеистические (и даже отчасти русофобские) нравы, царившие на философском факультете и тогда, и сейчас. С. Н. была и осталась для меня внутренне далеким человеком, наши отношения с ней всегда являлись сугубо функциональными. В 1976 году, отработав четыре года в «кульке», я ушел оттуда навсегда, но эти события относятся уже к взрослой жизни, о чем речь впереди.

Вторая дама — доцент Лариса Ивановна Новожилова — вызывала у меня значительно больший интерес как ученый и как личность. Она читала нам историю эстетики, слушать ее было крайне увлекательно. Помню, как она вдохновлялась — особенно на лекциях по эстетике Канта — так, что лицо ее покрывалось красными пятнами. Она искренне мыслила перед нами — вот что важно. С самого начала третьего курса, когда надо было выбирать тему курсового сочинения, она стала моим научным руководителем и оставалась ею вплоть до моей кандидатской защиты в июне 1973 года.

Ее профессиональная жизнь сложилась весьма затейливо. Прямо из университета ее забрали на партийную работу, она стала третьим (по идеологии), а затем и первым секретарем Дзержинского райкома партии. Тогда это были предложения, от которых невозможно было отказаться члену КПСС, а преподаватели философии все были членами: таковы были условия игры. Сама Л. И. придерживалась всегда весьма либеральных (в каком-то смысле даже несоветских) взглядов, так что мы много спорили с ней, когда встречались уже по времена «перестройки», когда страна рушилась на глазах. Впоследствии она стала директором Русского музея, и даже предлагала мне там «придумать себе отдел», но я как-то туда не стремился. Одно лето я, правда, водил там экскурсии, но не более того. Позднее в музее произошла некая темная истории с картинами Филонова, я ко всему этому отношения не имел, и мы никогда с ней на эту тему не говорили. По сию пору я благодарен ей за поддержку в течение всей нашей «общей» жизни. На протяжении трех лет она слушала мои трактаты в прямом смысле слова, так как машинки у меня не было, я писал свои курсовые от руки и зачитывал потом ей где-нибудь в кабинете или у нее дома. Она говорила «Прекрасно!», и на этом ее руководство заканчивалось. Я тоже был доволен, потому что считал свои работы вполне законченными, и мне вовсе не хотелось что-нибудь там переделывать.

Главным авторитетом и теоретиком, что называется, мэтром кафедры этики и эстетики являлся тогда — и оставался таковым вплоть до своей смерти в 2006 году — профессор Моисей Самойлович Каган. Это был действительно незаурядный человек. Был он статным, элегантным мужчиной среднего роста, носил тонкие усы и золотое обручальное кольцо на пальце (что сильно раздражало некоторых партийных товарищей), хорошо одевался, красиво курил папиросы «Казбек (потом курить бросил). Было в нем что-то от светского льва, небольшое ранение руки, полученное на войне, только прибавляло ему шарма, многие женщины (в том числе студентки) были от него без ума. Среди многих его светских достоинств следует назвать также удивительное мастерство произносить застольные речи-тосты. Помнится, у меня дома на «банкете» по случаею моей кандидатской защиты он сказал примерно так: «За Леню, за его успех — если он берет тему диссертации, то самую трудную, если девушку, то самую красивую!» (это о моей жене Лене). Ходили легенды о том, как на каком-то пышном всесоюзном застолье в Тбилиси (кажется, это был симпозиум по проблеме ценности в 1965 году) он за огромным грузинским столом произнес следующий тост: «Если один грузин 30 лет правил всей Россией, то позвольте одному русскому еврею три часа править одним грузинским столом!» Успех был оглушительный. Он действительно правил общественными застольями, утверждая, что надо открыть на факультете «кафедру научного тамадизма». Выпить он мог неограниченное количество водки, почти не пьянея, а уже утром следующего дня читать лекцию или выступать на любой конференции с ясной головой и абсолютно правильной (даже слишком) речью. Любил он также лыжи, плаванье, красивых женщин…

Наши с ним отношения начались взаимной симпатией, потом перешли, можно сказать, в дружбу (учитывая разницу в возрасте и положении) и закончились фактически полным разрывом. Он заметил во мне способного студента и сам предложил мне свое научное руководство, но я предпочел

остаться у Л. И., интуитивно ощущая, что при всем его великолепии и несомненной научной талантливости мы с ним люди разных пород. Он был, как я это теперь понимаю, совершенный рационалист — даже «крупнейший философ-рационалист современности», как сказал кто-то на его гражданской панихиде в переполненном актовом зале университета. Наверное, это было преувеличение, но он действительно теоретически разделил человека на 4 (четыре) основных вида деятельности — труд, общение, познание и оценивание, а их единство находил только в искусстве. Мне же, наоборот, всегда (и даже еще в студенчестве) думалось, что любая рациональность — техническая, математическая, логическая, социальная — непреложно имеет под (и над) собой нечто несравненно более существенное, некую изначальную ценностную установку, миф, веру, а само рацио (причина, условие, рефлексия) есть только вторичное осознание и реализация этой установки. М. С. это категорически отрицал, разделяя в данном вопросе все предрассудки европейского позитивизма Нового времени, о чем исчерпывающе написал в свое время Мартин Хайдеггер. Я, разумеется, Хайдеггера тогда еще не читал, да и Каган на него не ссылался.

Вторая, более важная причина наших расхождений была собственно духовного порядка. Как было сказано выше, я уже с ранних лет чувствовал в себе некое мистическое «звучание», некую таинственную искру, которая с годами, вопреки всей грязи и пьянству, с которыми сталкивается почти всякий юноша соответствующего возраста, не только не погасла, но постепенно разгоралась, приведя в 1984 году к Крещению.

Что касается М. С., то ему это было совершенно чуждо. Подобно большинству евреев, которых я знаю, христианство оказывалось для него пустым звуком. И этому есть метафизически точное объяснение. Еврейская религиозность, по верному выражению Владимира Соловьева, предстает как религиозный материализм. Еврейский бог — это бог Ветхого Завета, бог Бытия, подобно солнцу, посылающий свои лучи равно небу и земле. Если традиционная вера евреев в трансцендентного Творца неба и земли рушится, у них не остается духовной вертикали, соединяющей и одновременно разделяющей — через личность и жертву Христа — царство небесное и царство земное. В еврейской душе господствует религиозная (или атеистическая) горизонталь, любовь и уважение к миру сему, а не к миру иному.

У Кагана это проявлялось во всем, начиная с его абсолютного жизнелюбия (во всех отношениях) и кончая его столь же абсолютным безбожием. Спустя немало лет на одном из бесчисленных банкетов — на этот раз по поводу защиты моего православного аспиранта Кирилла в герценовском университете (было это, кажется, в 1997 году) — он в шутку заявил, что если бы пришлось выбирать, он принял бы мусульманство: можно несколько жен иметь, да и рай приятный. По этому поводу кто-то из пирующих, кажется, Алексей Грякалов, заметил, что придется делать обрезание. А я на том же застолье в виде тоста произнес в адрес М. С. недвусмысленные слова о том, что атеизм — это и есть его вера. Я действительно полагаю, что безбожие есть ущербная разновидность веры, только с отрицательным знаком. Он как-то весь напрягся и стал возражать.

С тех пор наши отношения с Каганом испортились. Собственно, они ухудшались уже давно, хотя внешне незаметно, однако докторскую диссер-

тацию в 1991 году я предпочел защищать в Московском университете, а не в Ленинградском. Помнится, потом он меня упрекал за это, говоря: «Неужели ты думал, что я стану заваливать твою работу на совете?» Наверное, не стал бы. Однако позднее он стал регулярно публично выступать против меня на разного рода конференциях и защитах, сначала — в дружеском тоне, а потом непримиримо резко. Я тоже не оставался в долгу. Месяц назад одна из коллег передала мне давние слова М. С., что «в Ленинграде есть две эстетические школы — моя и Казина». Мне это кажется полемическим преувеличением, но отражает наше идейное противостояние в его последние годы. Незадолго до смерти он опубликовал в одном петербургском журнале вызывающую статью, названную, в подражание еретику Льву Толстому, «Не могу молчать!» — против введения «Основ православной культуры» в школах. Это переполнило мое терпение, и я не пошел на его восьмидесятилетний юбилей. Я многим ему обязан в жизни, но разговаривать с ним мне стало не о чем. Побывавшая на юбилее жена, сохранившая с М. С. самые теплые отношения, рассказывала потом, что он всех приглашал на свое столетие. Через пять лет он умер.

Поэзия

Для полноты картины следует сказать еще о поэтической жизни тех лет. Шестидесятые годы были, как известно, временем «физиков и лириков» в разных смыслах слова — от покорения космоса до целых стадионов, на которых собирались ценители и любители стихов. Гремели имена Ахмадулиной, Евтушенко, Рождественского, начался творческий расцвет Высоцкого, в Ленинграде и в Вологде писал свои «негромкие» стихи лучший русский национальный поэт тех лет Николай Рубцов. Помню, как-то к нам в университет пришел Андрей Вознесенский. Выступал он в переполненной большой аудитории истфака, читал свое знаменитое «Бьют женщину…». Талантливые строки, ничего не скажешь, но чего-то главного не хватает. Потом у Солженицына я прочел верное определение поэзии Вознесенского: «деревянное сердце, деревянное ухо».

Мы и сами устраивали на факультете поэтические вечера. Ян Рокпелнис сочинял свои стихи тогда по-русски — теперь, наверное, «незалежному» латышскому поэту такое и в голову не придет. Был еще стихотворец у нас — Коля Ляпин — огромный, как медведь, хрипящий парень. Рождал он свои шедевры преимущественно в подпитии, но выходило неплохо, хотя грубовато, под «Москву кабацкую». Я тоже сотворил тогда немало рифмованных и нерифмованных строк, привожу некоторые из них в неизменном виде:

Убили поэта.
Под простуженный лай собачий
на снегу, под дощатым забором
убили поэта.

Не плачьте!
Там всем казалось,
что песенка спета.

Где длинным забором
кончался квартал,
чернел головой он,
как падаль лежал.
После какой-то ссоры
мертвый лежал
под забором.

А потом положили поэта
в кое-как заколоченный гроб,
и на кладбище, водкой согретый,
помолился с запинками поп.

Говорили печальные речи,
в вечной памяти долго клялись,
зажигали церковные свечи,
напились и с поминок плелись…

Ну, а дальше все пошло,
как и быть оно должно.
Ведь недаром испокон:
с глаз долой — из сердца вон…

И только пополнилась свита,
и место — у самого трона —
раскритикованного божества
Аполлона.

И еще одно:

Я пленник.
Я скован цепями.
Зубами железными схвачен
и на кол посажен.
Оставлен один на один со зверями.
Я пленник.
Я скован цепями.

Вокруг холодные стены
взбираются выше и выше.
Почти разрушают кусочек
далекого чистого неба.
И еще иногда — так редко —
мне кажется, небо слышу,
когда звери молчат.
И тогда я молюсь тебе,
чистое небо.

Тогда исчезают звери,
теплеют холодные стены,
как ставни, распахнуты в небо,
расколоты ржавые двери —
Ты ли, Мария моя?

И опять холодные стены.
Светлая, где ты, Мария моя?
Ты видишь — я снова повержен на камни...
Ты простишь, всеблагая?
Ты любишь меня?

Оба этих отрывка относятся к 1964—1965 годам. Автору 19 лет.

Прощай, молодость!

Как-то — вероятно, это было в начале третьего курса — я зашел в гости к Саше Ф. в общагу на Мытнинской набережной, и увидел у него на кровати огромную старую книгу в 1000 страниц. Это был «Символизм» Андрея Белого 1910 года издания. Не знаю почему, но я сразу решил, что я буду заниматься Белым. Так и случилось. Я посвятил Белому шесть студенческих и аспирантских лет. На третьем курсе я написал (в перерывах между эротическими путешествиями с моей тогдашней подругой Лизой И., теперь она колдунья) работу под названием «Гносеологическое обоснование символа Андреем Белым», за которую получил грамоту студенческого научного общества, а М. С. на защите публично высказался в том стиле, что «новый Гоголь родился». На четвертом курсе я продолжил эту работу, и на ее обсуждении М. С. отметил, что к автору уже в этом нежном возрасте приходит некая «маститость». Прошу понять меня правильно — я только цитирую. На пятом курсе — уже будучи женат — я сочинил диплом под названием, если не ошибаюсь, «Философские основы символизма Андрея Белого». Часть этой работы плавно перешла затем в кандидатскую диссертацию. Закончилась моя символистская эпопея в 1994 году, когда в московском издательстве «Искусство» вышел двухтомник теоретических трудов А. Белого «Критика. Эстетика. Теория символизма» с моими комментариями и большой вступительной статьей. Вот так случай (?) играет нами. А если бы я не зашел тогда к Саше Ф.? Не могу сказать, что Белый был когда-либо моим любимым писателем или мыслителем. Так уж сложилось.

В июне 1969 года я получил из рук декана философского факультета ЛГУ красную корочку и перешел из студентов в аспиранты той же кафедры. На заключительной «вечеринке» с однокашниками в общежитии на Московском проспекте один из них, Эдик Д., признался мне, что еще на втором курсе собирался набить мне морду за мои выступления на семинарах по диамату — вроде того, что слишком красиво выступал. Я удивился, как долго он собирался. Другая сокурсница с верхнего пролета лестницы крикнула мне на прощанье: «Ты еще пожалеешь»! Но было уже поздно.

Жизнь моя к этому времени круто повернулась. 5 ноября 1968 года в последний раз я взглянул со своего «летящего» балкона на Кронверкском сверху на Санкт-Петербург и Александровский сад. Прощай, простор меж

небом и Невой! В этот день при помощи своих друзей Вали, Саши, Бори, Володи (им, бедным, пришлось таскать мою мебель) я переехал в Купчино в отдельную трехкомнатную (!) кооперативную квартиру, купленную мамой, где и проживаю до сих пор. В январе следующего года я сочетался законным браком с однокурсницей Леной Добринской. Но это уже другая история.

Мораль

В завершение подобных произведений, вопреки либеральным прописям, так и просится мораль. Что ж, скажу по этому поводу, что все мы — верующие и неверующие, святые и святоши, разбойники, бражники, блудницы и даже колдуны — только и делаем, что комментируем своей жизнью Священное Писание. И некоторые из «малых сих» становятся даже первыми у Креста. Возможно, это немного обидно для самоуверенных господ, привыкших считать себя уникальными авторами и исполнителями собственных жизненных/художественных/философских/магических историй. Однако недаром сказано: «Я есмь Лоза, а вы ветви; без меня не можете делать ничего» (Ин. 15:5). Единственной альтернативой этому непреложному духовному закону может служить то обстоятельство, что через все бытие — и земное, и небесное — проходит глубинный раскол, некая фундаментальная трещина. Бытие двойственно, дуально, и это проявляется везде, сверху вниз и справа налево. Как пишет в своей замечательной книге «Непостижимое» С. Л. Франк, раскол этот действительно превышает силы человеческого понимания. Еще лучше сказано у святителя Григория Богослова: «Остальное да почтено будет молчанием».

Декабрь 2011 — январь 2012.
Зеленогорск — Санкт-Петербург

Учредители:
Андрей РЕБРОВ
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (*В. В. Ефимовская)*

Московское представительство:
119146, Москва, Комсомольский пр., 13.
Тел./Факс: +7 (499) 246-58-44

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. *В. В. Ефимовской*

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
http://www.rodnaya-ladoga.ru

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
196158, Санкт-Петербург, ул. Ленсовета, д. 81, кв. 70.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.

Цена свободная

Корректор *Г. А. Ильина*
Компьютерная верстка *Т. Б. Макаровой*

Подписано в печать 20.06.2012 г. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ.л. 28,0.
Тираж 1000 экз. Заказ 1206044.
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.